

ПУТЬ К СОЛНЦУ

Корбан Эддисон

Этот роман прекрасен трогательной историей
и важен нравственным посланием.
Он заслуживает самой широкой аудитории.

Джон Гришем

После разбушевавшегося цунами на Коромандельском берегу Индии сестры Ахалья и Зита остались бездомными сиротами. По дороге в монастырь, где они думали найти убежище, их обманом похищает торговец из подпольного мира сексуального насилия, где наиболее ценный приз — невинность девушки. Адвокат Томас Кларк из Вашингтона, в состоянии аффекта от потери дочери согласившийся провести расследование совместно с Коалицией по борьбе с сексуальной эксплуатацией стран третьего мира в Мумбай, сталкивается там с ужасами секс-бизнеса и возлагает на себя миссию не только по спасению сестер Гхай, но и подготовки почвы для смертельной схватки с международной сетью безжалостных преступников современного рабства. (Для возрастной категории 16+)

- [Корбан Эддисон](#)
 -
 - [Путь к солнцу](#)
 -
 - [Часть первая](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Часть третья](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)

- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Часть четвертая](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
- [Эпилог](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)

- [38](#)
 - [39](#)
 - [40](#)
 - [41](#)
 - [42](#)
 - [43](#)
 - [44](#)
-

Этот роман — сундук с сокровищами прозы, культуры, отчаяния и надежды. Это та литература, которая должна быть признана и удостоена наград.

New York Journal of Books

Захватывающий, пугающий и яркий роман. История убедительная, но послание, которое она несет в себе, еще более убедительно. Эта книга никого не оставит равнодушным.

The Library Journal

Это более чем увлекательное чтение. Роман изменит ваш взгляд на мир. Его обязательно стоит читать.

Awaaz news

Ошеломляющая трансконтинентальная история о силе убеждения, семейных узах и любви.

Publishers Weekly

Путь к солнцу (Роман)

...Ибо наполнились все мрачные места земли жилищами насилия.

Псалмы, 73: 20

Если между нами нет мира, то это оттого, что мы забыли, что принадлежим друг другу.

Мать Тереза

Дети играют на морском берегу миров.

Рабиндранат Тагор

Тамилуад, Индия.

В то утро, когда их мир распался на части, море было спокойно. Они были сестрами — Ахалья, старшая, семнадцати лет, и Зита, на два года младше. Истинные дети своей матери, они обе принадлежали морю. Когда отец, сотрудник компании, занимавшейся программным обеспечением, перевез всю семью из Дели сюда, на Коромандельский берег, и Ахалья, и Зита почувствовали, что будто вернулись домой. Море стало их другом, пеликаны и рыбы — товарищами по играм. Они даже представить себе не могли, что море когда-нибудь причинит им вред. Но Зита и Ахалья были слишком юны и еще не знали, что такое страдание.

Когда на рассвете раздались первые толчки, Ахалья их почувствовала. Она взглянула на спящую рядом Зиту и немного удивилась, что та не проснулась. Толчки были довольно сильными, но вскоре утихли, и Ахалья решила, что, должно быть, ей все приснилось. В доме не было слышно ни звука. Был день после Рождества, воскресенье, и вся Индия спокойно спала.

Она закуталась в одеяло, вдохнула такой знакомый, сладкий запах волос сестры — запах сандала — и в который раз подумала о переливчато-синем сальвар камизе^[1], который ей подарил отец специально к сегодняшнему концерту в консерватории Милапура. Шел декабрь, и Мадрасский фестиваль музыки и танца был в самом разгаре. Отец купил билеты на концерт скрипичной музыки, который должен был состояться в восемь вечера. И Ахалья, и Зита учились играть на скрипке.

Дом просыпался постепенно. В четверть восьмого Джайя, много лет служившая в семействе экономкой, завернулась в сари, достала из комода, стоявшего возле ее кровати, маленький горшочек с рисовой мукой и вышла на крыльцо. Она подмела землю перед ним жесткой щеткой, насыпала несколько щепоток муки и соединила их линиями — получился изящный звездообразный цветок жасмина. Удовлетворенная результатом, Джайя сложила ладони и прочитала молитву Лакшми, индуистской богине удачи, прося у нее хорошего дня. Завершив таким образом обряд колам, она отправилась на кухню готовить завтрак.

Когда Ахалья снова открыла глаза, в окна уже лился солнечный свет. Зита, которая всегда вставала рано, была уже почти одета. Ее темные блестящие волосы были влажными после недавнего душа. Ахалья взглянула, как сестра тщательно накладывает макияж перед маленьким зеркалом, и улыбнулась. У Зиты были точеные, изящные черты лица и огромные, выразительные глаза, точь-в-точь как у Амбини, их матери. Она была очень тоненькой для своих лет; ей еще только предстояло пережить ряд волшебных перемен, превращающих фигуру девочки в женскую. Зита очень переживала насчет своей внешности, хотя и Ахалья, и Амбини уверяли ее, что нужно всего лишь подождать, со временем ее формы обязательно округлятся.

Стараясь не отставать от Зиты и не опоздать к завтраку, Ахалья быстро натянула желтый чуридар^[2] и взяла подходящий по цвету шарф. Надела на ноги и на руки браслеты, застегнула на шее ожерелье и налепила на лоб крошечную блестящую бинди.

— Ты готова, моя дорогая? — по-английски спросила она у Зиты.

В семье Гхаи было принято строгое правило: девочки могли разговаривать на хинди или

тамильском, только если к ним так обращались взрослые. Как и все индийцы, сумевшие подняться до верхушки среднего класса, родители мечтали отправить Зиту и Ахалью в университет в Англию и твердо верили, что хорошее знание языка — это практически билет в Кембридж или Оксфорд. В монастырской школе, где учились девочки, преподавали и хинди — государственный язык Индии, и тамильский — местное наречие Тамилнада, но все же монахини предпочитали говорить по-английски, и девочки никогда не нарушали правило.

— Да, — ответила Зита и бросила последний грустный взгляд на свое отражение. — Думаю, да.

— О, Зита, — поддела ее Ахалья. — Вряд ли нахмуренные брови сделают тебя привлекательнее для Викрама Пиллаи.

Замечание достигло цели — лицо Зиты прояснилось. Пиллаи был ее самым любимым скрипачом.

— Как ты думаешь, мы сможем встретиться с ним лично? — спросила она. — Очередь за автографами после выступления всегда такая длинная.

— Спроси баба^[3], — сказала Ахалья и подумала о сюрпризе, который ожидает Зиту. Отец попросил ее ничего не рассказывать сестре, и она с удовольствием сохранила секрет. — Все может быть, у него ведь такие связи...

— Спрошу за завтраком, — решила Зита и вышла из комнаты.

Усмехаясь про себя, Ахалья последовала за ней. Они прошли в гостиную и вместе совершили пуджу, утреннюю молитву, перед изваяниями Ганеши, божеством удачи с головой слона, и Рамы, воплощением Вишну, стоявшими на возвышении в углу комнаты. Как и большинство принадлежащих к касте торговцев, члены семьи Гхаи вели в основном светский образ жизни и посещали храм лишь изредка, в случае если требовалось попросить помощи в каком-либо деле. Но когда в гости приезжала бабушка, все менялось. В доме ежедневно курились благовония, совершалась пуджа, и все, и взрослые и дети, участвовали в обряде.

Бабушка, мать и отец, Нареш, уже собрались к завтраку в столовой. Пред тем как сесть за стол, Зита и Ахалья коснулись ладонями ног отца — традиционный знак уважения. Нареш улыбнулся и поцеловал дочерей в щеки.

— Доброе утро, баба, — поздоровались они.

— Доброе утро, мои красавицы.

— Баба, вы знаете кого-нибудь, кто знаком с Викрамом Пиллаи? — спросила Зита.

Нареш взглянул на Ахалью и подмигнул младшей дочери:

— После сегодняшнего вечера буду знать.

Зита подняла брови:

— Как это?

Нареш сунул руку в карман.

— Я хотел подождать до концерта, но раз уж ты спросила... — Он вытащил ВИП-пропуск и положил его на стол. — Мы встретимся с Пиллаи перед выступлением.

Зита посмотрела на пропуск, и лицо ее расцвело улыбкой. Она медленно опустилась на колени и коснулась ног отца еще раз.

— Спасибо, баба. А Ахалья сможет пройти?

— Конечно сможет. — Нареш вынул еще три пропуска. — И ваша мать, и бабушка тоже.

— Мы сможем спросить его о чем угодно, ты представляешь? — не выдержала Ахалья.

Зита посмотрела на отца и сестру. В ее глазах светилось безграничное счастье.

Девочки сели за стол. Джайя сновала по комнате, расставляя миски с рисом, кокосовым чатни, масала доса — хрустящими блинчиками с начинкой из пряного картофеля — и лепешками чапати. Столовых приборов не было, ели руками, и к концу трапезы пальцы у всех замаслились.

На десерт Джайя подала свежие чику — фрукты, похожие на киви, и майсор пак, сладость из нутовой муки и гхи, топленого масла. Разрезая чику, Ахалья вспомнила об утренних подземных толчках.

— Баба, вы чувствовали сегодня утром землетрясение? — спросила она.

— Какое землетрясение? — поинтересовалась бабушка.

Нареш усмехнулся.

— Вам повезло, что у вас такой крепкий сон, Наани. — Он повернулся к дочери и ободряюще улыбнулся. — Оно было сильным, но разрушений не вызвало.

— Землетрясение — это дурной знак, — проворчала бабушка и взяла салфетку.

— Это природное явление, — мягко поправил Нареш. — А сегодняшнее землетрясение оказалось вполне безобидным. Нам не о чем беспокоиться. — Он снова обратился к Ахалье: — Расскажи нам о сестре Наоми. Когда я видел ее в последний раз, она не очень хорошо себя чувствовала.

Пока Ахалья рассказывала о директрисе школы Святой Марии, семья закончила с десертом. В открытые окна дул свежий бриз. Зите явно не сиделось на месте, и она попросила позволения выйти из-за стола. Получив разрешение Нареша, она взяла кусочек майсор пак, положила в карман и вышла из дома. В окно было видно, что она направилась к пляжу. Ахалья улыбнулась.

— Можно я тоже пойду? — спросила она отца.

Он кивнул.

— Я думаю, наш рождественский сюрприз удался, как ты считаешь?

— Согласна. — Ахалья поднялась, надела сандалии и вслед за сестрой выбежала на залитый солнцем двор.

В двадцать минут девятого вся семья, кроме бабушки и Джайи, была уже на пляже. Скромное бунгало семейства Гхай было расположено на небольшом куске земли, граничащем с пляжем, в пятнадцати милях к югу от Ченнаи и в миле от одной из многочисленных прибрежных рыбацких деревушек Тамилнада. По индийским меркам местность считалась сельской и казалась Амбини, выросшей в окрестностях шумного Милапура, уединенной. Но она решила, что удаленность от города — небольшая цена за то, чтобы ее дети росли в тех же краях, что росла и она сама.

Ахалья неторопливо прогуливалась по пляжу. Зита бегала вдоль берега, собирая ракушки. Нареш и Амбини шли немного позади. Семья направлялась на север, в сторону рыбацкой деревни. Они миновали пожилую супружескую пару, сидящую на песке, потом двоих мальчишек, швырявших камни в птиц. Больше на пляже не было ни души.

Без нескольких минут девять Ахалья заметила, что с морем творится что-то странное. Волны, накатывавшие на берег, почему-то перестали достигать того места, где они были всего несколько минут назад. Линия прибоя как будто отодвинулась. Вода отступила почти на пятьдесят футов; открылась полоса мокрого, ноздреватого песка. Мальчишки с восхищенными криками принялись гоняться друг за другом, увязая в нем ногами. Ахалья слегка встревожилась, но Зита, кажется, совсем не испугалась.

— *Idhar kya ho raha hai?* — с любопытством спросила она, переходя на родной хинди. — Что происходит?

— Пока не знаю, — по-английски ответила Ахалья.

Ахалья увидела волну первой. Она показала на тонкую белую линию, появившуюся у горизонта. Меньше чем за десять секунд линия расширилась, и стало видно, что это гигантская стена мутной воды. Волна приближалась так быстро, что они не успели отреагировать. Нареш закричал и замахал руками, но его слова утонули в нарастающем грохоте.

Ахалья схватила Зиту за руку, и они кинулись к пальмовой роще. Бежать по мягкому песку было практически невозможно. Через мгновение вода достигла ног Ахальи, волна накрыла ее с головой, перевернула и потащила за собой. Нос, уши, рот наполнились соленой водой, глаза невероятно жгло. Она захлебнулась, отчаянно забилась, стремясь вверх, к свету, вынырнула на поверхность и глотнула наконец воздуха.

Сбоку мелькнуло цветное пятно — бирюзовый чуридар Зиты. Ахалья сумела ухватить ее руку, но тут же выпустила снова — вода растащила их в стороны. Ее пальцы наткнулись на гладкий ствол пальмы. Она метнулась к нему, бешено работая руками и ногами, но пальцы снова соскользнули. Чувствуя, что ее увлекает дальше, Ахалья из последних сил крикнула:

— Плыви! Зита! Хватайся за пальму!

За доли секунды до того, как удариться о него, Ахалья успела увидеть перед собой еще один ствол. Боль расколола ее лоб пополам. Она обхватила пальму руками и ногами, приказала себе ни за что не отпускать ствол и в тот же миг потеряла сознание.

Когда Ахалья снова открыла глаза, первым, что она увидела, было голубое небо, проглядывающее сквозь истрепанные пальмовые листья. Вокруг стояла пугающая тишина. Сердце стучало как молот, голова невыносимо болела. Спустя несколько минут вода как будто бы начала отступать. Море уходило назад.

— Ахалья! Помоги! — услышала она крик Зиты.

Она попыталась ответить, но во рту было полно соленой воды.

— Подожди, — просипела Ахалья. Потом откашлялась и попробовала еще раз: — Подожди, Зита! Жди, пока сойдет вода!

И в конце концов вода действительно опустилась.

Ахалья сползла вниз по стволу. Ее ноги коснулись раскисшей земли. Ее чуридар был изорван в клочья, лицо заливала кровь. Шатаясь, она подошла к Зите и отцепила ее руки и ноги от пальмы, которая спасла ей жизнь. Прижав младшую сестру к себе, Ахалья взглянула в сторону пляжа. Ужасное зрелище не сразу дошло до ее сознания. Сквозь пальмы виднелся берег. Волна сорвала все листья с колючих кустов, отделявших пляж от рощи. Возле них в мутной воде плавало что-то темное. Какие-то... фигуры.

Ахалья уставилась на них. И вдруг все поняла.

— *Idhar aawo*, — скомандовала она Зите на хинди. — Пошли.

Взявшись за руки, сестры стали пробираться сквозь рощу. Вода достигала колен. Первой, кого они обнаружили, была их мать, Амбини. Она была вся в грязи; лицо и все открытые части тела были утыканы колючками., Широко раскрытые глаза смотрели в небо. На ее лице застыло выражение ужаса.

Глядя на то, что случилось с их любимой мамой, Зита буквально окаменела. Она с такой силой сжала руку Ахальи, что та вскрикнула. Ахалья упала на колени и зарыдала, но Зита просто стояла и смотрела. Лишь через несколько долгих минут ее губы задрожали и она всхлипнула. Потом еще раз и еще. Наконец она закрыла лицо руками, ее тело сотрясала дрожь.

Ахалья обняла сестру и крепко прижала к себе. Потом взяла за руку, и они побрели прочь. И, уже сделав несколько шагов, увидели другое тело — одного из местных мальчишек. Зита едва держалась на ногах, и Ахалье приходилось чуть ли не нести ее, тем более что пляж превратился в топкое болото. Она знала, что нужно во что бы то ни стало найти отца. Это была их единственная надежда.

Если бы Зита не споткнулась, они бы, наверное, так и не заметили останков Нареша. Наклонившись, чтобы помочь сестре встать, Ахалья случайно взглянула в другую сторону. Возле пальмовой рощи, в образовавшейся лагуне с соленой морской водой плавало еще одно тело. Волна протащила Нареша сквозь рощу, и его тело застряло между двумя большими валунами.

Ахалья потянула сестру к нему. Не в силах полностью осознать произошедшее, первые несколько секунд она только молча смотрела на отца, но тут невыносимое чувство утраты вдруг стиснуло сердце, и Ахалья безудержно разрыдалась. Она была любимицей отца, в то время как Зита считалась «маминой дочкой». Нет, он не мог умереть! Никак не мог! Он обещал найти ей хорошего мужа и устроить пышную свадьбу. Он обещал так много...

— Смотри, — прошептала Зита и показала на юг.

Ахалья вытерла слезы. Пейзаж вокруг казался совершенно другим, настолько изменило его цунами. Совсем рядом стояло их бунгало, и его знакомые очертания почему-то изумили Ахалью до глубины души. Зита тоже застыла на месте. Она уже не плакала — просто стояла, обхватив себя руками, словно пытаясь согреться. Ее глаза, полные боли и отчаяния, вдруг придали Ахалье сил. Может быть, Джайя жива. Или бабушка. Мысль о том, что они с Зитой остались одни во всем мире, была невыносима.

Ахалья глубоко вздохнула и сжала руку сестры. Увязая в песке, они поплелись к дому. Дому, в котором жили уже больше десяти лет. Который стал им родным. До того, как пришла волна, бунгало окружали цветы и фруктовые деревья. Вскоре после того, как семья переехала сюда из Дели, Нареш посадил во дворе вечнозеленое дерево ашоки в честь Зиты. В детстве она любила играть под ним и представлять себя героиней Рамаяны, прекрасной Зитой, которую Хануман, благородный обезьяний бог, освобождает из плена на острове Ланка. Сейчас и ашока, и все его зеленые собратья напоминали скелеты — волна ободрала с них листья и цветы, поломала ветки.

Зита задержалась перед останками своего любимого дерева, но Ахалья потянула ее вперед. Все окна на первом этаже были выбиты; ковры, шторы и отдельные предметы мебели плавали во дворе. И тем не менее дом, казалось, пострадал не слишком сильно. Они подошли к парадному входу. Двери были распахнуты настежь. Ахалья с надеждой прислушалась, но в доме было тихо как в склепе.

Они вошли внутрь, и Ахалья невольно поморщилась — в прихожей неприятно пахло сыростью. Заглянув в гостиную, сестры увидели бабушку. Лицом вниз она лежала в мутной жиже возле дивана, покрытого слоем грязи. На глазах Ахальи снова выступили слезы, но плакать она уже не могла. Не было сил. То, что бабушка тоже умерла, не стало для нее потрясением. После того как она увидела мертвого отца, Ахалья в глубине души была почти уверена, что и бабушке выжить не удалось.

Собрав остатки решимости, она стала пробираться из гостиной в кухню, молясь, чтобы Джайя оказалась жива. Зита, прихрамывая, ковыляла за ней. Джайя начала работать у Гхаи еще до рождения Ахальи. Она давно стала для них членом семьи, единственной и незаменимой.

В кухне царил хаос. В воде плавали перевернутые корзины, размокшие коробки с моющими средствами, банки с конфетами, манго, кокосы и папайи. Под водой, словно останки кораблекрушения, валялись кастрюли, сковороды, миски и серебряная посуда. Джайи нигде не было.

Ахалья уже собиралась пойти поискать ее в столовой, как вдруг заметила, что деревянная дверь в кладовую приоткрыта. Она отодвинула Зиту в сторону и рванула дверь на себя. У порога, втиснутая потоком между разоренных полок с провизией, лежала Джайя. В отличие от всех остальных погибших родных у нее было странно умиротворенное выражение лица. Глаза ее были закрыты, и казалось, что она просто спит. Но ее кожа была холодной и липкой на ощупь.

Внезапно Ахалью накрыла волна дурноты — она едва не потеряла сознание. До нее вдруг дошел весь ужас их положения. Они с Зитой сироты. Из родных у них остались только тетки и двоюродные братья и сестры где-то в Дели, с которыми они не виделись уже много лет.

Именно в эту секунду, когда надежда совсем оставила Ахалью, Зита протянула руку и сжала ее ладонь. Прикосновение как будто разбудило ее. Ахалья вспомнила, что она старшая, что

ответственность теперь лежит на ней, и потащила Зиту вверх по лестнице, в спальню.

Вода выломала ступеньки и нанесла внутрь грязи, но окна на втором этаже остались целыми, и мебель сохранилась. Единственное, что занимало сейчас мысли Ахальи, было найти свою сумку и мобильный. Если она сумеет дозвониться сестре Наоми и придумать, как им с Зитой добраться до школы Святой Марии в Тируваллуре, они будут в безопасности.

Сумка лежала на столике возле кровати. Ахалья вытащила телефон и набрала номер сестры Наоми. В трубке раздались гудки, и в то же время снаружи послышался странный шум, как будто далекий гул, идущий с востока. Она подошла к окну, взглянула на покрытое илом побережье Бенгальского залива и не поверила своим глазам. Со стороны пляжа приближалась еще одна гигантская волна. За считанные секунды отдаленный рокот превратился в страшный рев, который совсем заглушил голос на том конце телефонного провода.

— Алло? Алло? Ахалья? Зита?

Ахалья уже не помнила, что позвонила сестре Наоми. Весь мир в это мгновение сузился до размеров булавочной головки. В нем осталась только младшая сестра и вторая смертельная волна.

Бурлящий поток достиг бунгало и затопил первый этаж. Дом содрогнулся и, казалось, застонал, когда в него ударила волна. Ахалья захлопнула дверь в спальню и толкнула Зиту на кровать. Обнимая трясущуюся сестру, она мельком подумала, уж не избрал ли бог Шива воду вместо огня, чтобы окончить дни этого мира.

Ужас ожидания длился целую вечность. Соленая вода просочилась в щель под дверью и залила пол спальни. Ахалья и Зита, прижавшись друг к другу, скорчились на смятом покрывале кровати. Уровень воды быстро поднимался. Дом вдруг шевельнулся, как живой, пол поднялся под углом, дверь распахнулась, и в комнату хлынул мутный коричневый поток. Ахалья вскрикнула. Зита уткнулась в ее насквозь промокший чуридар. Ахалья принялась читать молитву Лакшми, чтобы та отпустила сестрам их грехи и помогла быстро и безболезненно перейти в следующую жизнь.

Она даже не заметила, что шум стал постепенно стихать и наконец совсем прекратился. Дом по-прежнему стоял на своем месте. Поток повернул в другую сторону, и волна ушла обратно в море. Ахалья и Зита не двигаясь сидели на кровати. Мир вокруг казался странно, неестественно тихим, как будто все звуки вдруг умерли.

— Ахалья? — наконец прошептала Зита. — Что нам теперь делать?

Ахалья моргнула и снова вернулась в реальность. Она отпустила сестру и почувствовала, что сжимает что-то в ладони. Телефон. Она машинально набрала знакомые цифры.

— Нам нужно добраться до школы, — сказала она. — Сестра Наоми что-нибудь придумает. Она скажет, что нам делать.

— Но как? — Зита обхватила себя руками. — Нас некому отвезти.

Ахалья закрыла глаза и принялась считать гудки в телефоне. В конце концов сестра Наоми взяла трубку. Она засыпала Ахалью вопросами. Что случилось? Они в опасности? Где они? Спокойно и отстраненно, словно робот, Ахалья рассказала, что произошло. Пришла волна. Вся семья погибла, им с Зитой удалось выжить, но дом разрушен. У них нет денег, только мобильный.

Связь прервалась, и ей пришлось подождать несколько бесконечных секунд, прежде чем в трубке снова послышался голос сестры Наоми. Она велела Ахалье выйти на шоссе, дожидаться попутной машины до Ченнаи и попросить подвезти их, если это будет кто-то знакомый.

— Садитесь только к тому, кому доверяете, — сказала сестра Наоми. — Мы будем вас ждать.

Ахалья нажала отбой и повернулась к сестре, стараясь выглядеть как можно более уверенно.

— Мы поймаем попутную машину. Давай, вставай. Нужно переодеться в сухое.

Она подошла к комоду, достала сухой чуридар и помогла Зите стащить с себя ее промокшую насквозь одежду. Потом переделалась сама. Она открыла кран в раковине, надеясь умыться, но воды конечно же не было. Придется потерпеть до школы Святой Марии.

Зита двинулась к двери, готовая отправиться в путь, но Ахалья на секунду задержалась у туалетного столика, чтобы взять фотографию. На снимке, сделанном в прошлое Рождество, была изображена вся семья Гхаи. Ахалья вынула фото из рамки и сунула его за пояс чуридара. Потом взяла со столика шкатулку и вместе с мобильным положила ее в полотняную сумку. В шкатулке лежали золотые украшения, подарки родителей за все эти годы, — их общее богатство. Затем обвела комнату взглядом и кивнула, прощаясь с ней. Все остальное она оставит здесь.

Ахалья и Зита спустились по лестнице и через холл выбрались во двор. Солнце припекало довольно сильно, и застоявшаяся вода, оставленная второй волной, уже начинала пахнуть тухлой рыбой. Они обошли разрушенное бунгало — Ахалья вела Зиту за руку — и вышли на подъездную дорожку. Обе машины, принадлежащие семье, отсутствовали. До цунами они стояли возле дома. Ахалья хотела бросить еще один, последний взгляд на дом, но сдержалась. *Это* не их дом. Того мира, того дома, той семьи, в которой они жили, больше не существовало. Теперь они будут жить только в их памяти.

Шоссе было завалено ветками и листьями, сорванными волной с пальмовой рощи. Сердце Ахалье упало. Кто осмелится проехать по дороге в таких условиях? Но тут же в голову пришла другая мысль. Возможно, им удастся найти машину до Ченнаи в рыбацкой деревне. Шансы были, конечно, мизерные. Большинство рыбаков жило на берегу в хижинах, которые, скорее всего, смыло волной. Но если кто-то сумел выжить, то им понадобится помощь, пропитание и все такое. Значит, кто-нибудь из деревни рано или поздно должен будет отправиться в Ченнаи.

Молча, держась за руки, сестры пошли вдоль шоссе по направлению к деревне. Они прошли почти милю и не заметили никаких признаков жизни. Вся растительность была ободрана, и земля по обеим сторонам дороги выглядела голой и мертвой. К тому времени, как они добрались до окраины деревни, и с Ахальи, и с Зиты уже градом валил пот; горло у обеих пересохло от жажды. Даже зимой солнце в Южной Индии палило немилосердно.

Они вошли в деревню. Вдоль береговой линии шел мужчина в запачканном белом лунги^[4] с ребенком на руках. Он двигался в их сторону. За ним, в некотором отдалении, тянулась вереница рыбаков с плетеными корзинами на головах и холщовыми мешками.

Поравнявшись с Ахальей, мужчина остановился.

— *Vanakkam*, — поздоровалась она. — Куда вы идете?

Мужчина был так возбужден, что, кажется, даже не услышал ее вопроса. Размахивая руками и почти крича, он рассказал ей про волну.

— Я был в лодке. Ничего не заметил. Потом вернулся, вышел на берег — и ничего. Ничего нет. Моя жена, дети — я не знаю, что с ними случилось. — Он оглянулся и поправил полоску ткани, на которой держался ребенок. — Мы — единственные, кто остались.

Ахалья почувствовала его горе, как свое собственное, но раскиснуть себе не разрешила. Вместо этого она сосредоточилась на практических вещах.

— У вашего старосты был фургон, — сказала она. — Где он?

Мужчина покачал головой:

— Он разбит.

— А питьевая вода? Вы же наполнили баллоны во время муссонов?

— Их смыло волной.

— Куда вы идете? — снова спросила Ахалья.

— В Махабалипурам, — ответил он. — У нас там родня.

Ахалья постаралась скрыть разочарование. Махабалипурам был в пяти милях отсюда, в противоположном направлении.

— Нам нужно в Ченнаи.

Мужчина уставился на нее как на безумную:

— Вам туда не добраться. Ни за что.

Ахалья сжала руку Зиты.

— Нет, мы доберемся, — возразила она. — Обязательно доберемся.

Вместе с рыбаками они опять выбрались на шоссе и разошлись в разные стороны.

— Надо дойти до Коваллама, — подала голос Зита. До этого она все время молчала. — Может быть, там еще ходит автобус.

Ахалья кивнула. Коваллам тоже был рыбацким поселком, более крупным, в двух милях к северу. Даже если автобус не ходит, им наверняка удастся раздобыть на рынке питьевую воду, подумала она. Сейчас вода — это проблема номер один. Дальше можно будет решить, как попасть в Ченнаи.

Путь тянулся бесконечно долго. Тропическое солнце изнуряло. Легкий бриз, налетавший с океана, слегка облегчал нестерпимую жару, но Ахалья и Зита уже начинали выбиваться из сил. В размокшие сандалии набился песок; вытряхнуть его было невозможно, и очень скоро ноги обеих покрылись волдырями.

Когда они добрались наконец до Коваллама, с лица Зиты уже не сходила гримаса боли, а у Ахальи заплетались ноги. Судя по солнцу, было уже почти одиннадцать часов дня. Теперь они вряд ли сумеют попасть в монастырь до полуночи, подумала Ахалья. Ну разве что им очень-очень повезет.

В Ковалламе кипела бурная деятельность. Узкие, раскисшие от воды улицы были запружены повозками, запряженными быками, фургонами, машинами и пешеходами. Ахалья остановила какую-то женщину в заляпанном грязью сари и попыталась узнать у нее, ходит ли еще автобус до Ченнаи. Но та была вне себя от горя и, кажется, едва соображала.

— Мой сын, — зарыдала она. — Он был на пляже. Вы его не видели?

Ахалья грустно покачала головой и отвернулась. Потом она решила обратиться к мужчине, который нес на голове корзину со спелыми бананами. Он только молча посмотрел на нее, будто не понял ни слова. Еще один мужчина, с тележкой, груженной виноградом, в ответ на ее вопрос помотал головой.

— Вы разве не знаете, что случилось? — спросил он. — Никто понятия не имеет, ходят автобусы или нет.

Ахалья поборола очередной приступ отчаяния. Во что бы то ни стало надо сохранять спокойствие. Иначе она совершит какой-нибудь опрометчивый поступок и подвергнет их опасности.

Она повела Зиту на рынок. Как и ожидала Ахалья, было открыто всего несколько лавочек. Они подошли к торговцу тростниковым соком. Ахалья, нацепив на лицо свою самую обаятельную улыбку, объяснила, что волна унесла ее сумку, и у нее нет денег, и спросила, не мог бы он дать им бутылку воды. Торговец недружелюбно взглянул на нее.

— Надо платить, — мрачно буркнул он. — Здесь нет ничего бесплатного.

Ахалья взяла Зиту за руку и двинулась дальше. Поборов робость, она обратилась к мужчине, торговавшему овощами. Он отнесся к ее рассказу с сочувствием, дал сестрам две бутылки воды и предложил им посидеть немного в тени, под навесом.

— *Nandri*, — поблагодарила Ахалья, передавая одну бутылку Зите. — Спасибо.

Они спрятались под навесом и жадно осушили бутылки. Напившись, Зита опустила голову на плечо Ахальи и задремала. Ахалья же, борясь с желанием уснуть, принялась обводить глазами рынок в поисках знакомых. Отец знал многих в Коваллане, но она не могла вспомнить ни одного имени.

Так никого знакомого и не приметив, она стала мысленно прикидывать, сколько могут дать за украшения, лежавшие в ее сумке. Сколько будет стоить нанять машину, чтобы доехать до Ченнаи? Интуиция подсказывала Ахалье, что к таксистам лучше не обращаться, но за все время, пока они здесь сидели, через рынок не проехал ни один автобус. И вряд ли они появятся сегодня днем, решила Ахалья. Пешком они с Зитой идти не смогут, по крайней мере сегодня. А безопасного места, где можно переночевать, она тоже не знала.

Девочки просидели под зонтиком больше часа. Зита не шевелилась, и Ахалью в конце концов тоже сморил сон. Когда она проснулась, солнце уже миновало зенит. Пора принимать решение, что делать дальше.

Ахалья повернулась к торговцу, чтобы расспросить его насчет водителя с машиной, но тут в толпе вдруг мелькнуло знакомое лицо. Она напрягла память. Прием в Милапуре, в этом году. Этот человек еще поздоровался с отцом, очень тепло, и отец ему ответил, так же сердечно. Ахалья не могла вспомнить имя мужчины, но лицо она помнила прекрасно.

Она разбудила Зиту, велела ей сидеть на месте и никуда не уходить и бросилась к знакомому отца, огляывая коров, автомобили и повозки рикш.

— Сэр. — Ахалья обратилась к нему по-английски. — Я Ахалья Гхаи. Моего отца зовут Нареш Гхаи. Вы меня помните?

Мужчина обернулся, и лицо его расплылось в улыбке.

— Конечно. — По-английски он говорил очень хорошо, почти без акцента. — Я Рамеш Нараянан. Мы встречались прошлой весной, на обеде, который устраивало Тамильское историческое общество. — Он посмотрел на нее слегка удивленно. — Что вы здесь делаете? Вы с отцом?

Ахалья отвернулась, собираясь с духом. Вопрос отозвался в ней острой болью. Спотыкаясь и то и дело останавливаясь, она рассказала о том, что случилось с семьей.

Рамеш сильно побледнел. Было видно, что он пытается подыскать какие-то слова утешения и не находит их.

— Где ваша сестра? — наконец выговорил он.

Ахалья кивнула в сторону овощной лавки.

— Нам нужно попасть в нашу школу при монастыре, в Тируваллуре, — сказала она. — Сестры о нас позаботятся.

Рамеш бросил взгляд на Зиту, потом снова посмотрел на Ахалью.

— В Тируваллур пешком не добраться. Кто-то должен вас отвезти.

Ахалья снова кивнула:

— Да. Сюда мы дойти сумели, но Зита очень устала.

Рамеш нахмурился:

— Мы с вами в одинаковом положении. Я приехал сюда на автобусе, но он больше не ходит. Я как раз пытался найти машину, чтобы попасть в Ченнаи. — Он помолчал и слегка улыбнулся. — Не волнуйтесь. Я позабочусь о том, чтобы до ночи вы добрались до Тируваллур. Это самое меньшее, что я могу сделать для дочерей Нареша Гхаи.

От облегчения Ахалья едва не потеряла сознание.

— Идите к сестре и немного подождите, — сказал Рамеш. — Я вернусь за вами, как только смогу.

Через некоторое время Рамеш действительно вернулся в сопровождении худощавого, жилистого мужчины, одетого в куртку^[5] и штаны цвета хаки. У него были острые скулы, неприятные холодные глаза и шрам на подбородке. Ахалья сразу почувствовала к нему неприязнь, какое-то инстинктивное недоверие, но у нее не было иного выхода, кроме как принять помощь Рамеша.

— Куда мы едем? — дрожащим голосом поинтересовалась Зита.

— У этого человека — его зовут Канан — есть грузовик, — объяснил Рамеш. — С полным приводом. Он единственный из всего Коваллама может рискнуть выехать на шоссе после потопа. И он запросил вполне справедливую цену. Нам очень повезло, что мы его нашли.

Ахалья взяла сестру за руку.

— Все в порядке, — сказала она.

Держась поближе к Рамешу, они двинулись вслед за Кананом через рынок, к узкому проходу между домами, увешанному яркими тканями. Грузовик — пыльная голубая «тойота», стоявшая рядом с аптекой, — явно знал лучшие времена. Он был сильно помят и кое-где покрыт ржавчиной. Ахалья, которой вдруг овладел приступ клаустрофобии, вежливо отклонила предложение Рамеша сесть вместе с Зитой в кабину, и махнула сестре, чтобы та лезла в кузов. Ее *пугала* мысль провести несколько часов бок о бок с мужчиной со шрамом.

Канан завел мотор и дернул рычаг переключения скоростей. Грузовичок вздрогнул и рванулся вперед. Попетляв немного по извилистым улицам Коваллама, они выбрались на шоссе и направились к Ченнаи.

Волна превратила живописный пейзаж в топкое илистое болото. Дорога была покрыта коркой грязи и песка. Грузовик двигался очень медленно. Хотя других машин на шоссе не было, путь до Ниланкараи, самой южной окраины Ченнаи, занял больше часа. Еще час ушел на то, чтобы добраться до Тируванмиюра, в двух милях от реки Адьяр. Цунами разрушило большинство домов на берегу, затопило дороги, перевернуло сотни машин и вынесло на берег множество рыбацких лодок. Шоссе вдоль Восточного побережья было забито людьми, идущими пешком, и машины продвигались с черепашьей скоростью.

Примерно в полумиле к югу от дельты реки транспорт замер вообще. Водители яростно гудели и сыпали проклятиями, но невидимое препятствие, из-за которого образовался затор, никак не исчезало. Простояв в полной неподвижности минут десять, Канан развернулся и направился в противоположную сторону, к горе Святого Фомы. Когда они пересекали реку по мосту в Сайдапете, солнце было уже совсем низко. Вода, похоже, не повредила улицы к северу от реки. Во всяком случае, никаких видимых признаков не было.

Водитель повернул на восток, к Милапуру и побережью. На шоссе царил хаос. Машины, грузовики, автобусы, велосипедисты и рикши... Зрелище не добавляло Ахалье спокойствия. Она сжала руку Зиты.

— Скоро мы будем на месте, — уверенно прошептала она и улыбнулась.

Но глаза Зиты остались серьезными.

— И что с нами будет дальше? — спросила она.

— Я не знаю, — призналась Ахалья.

Все это время она мужественно сражалась с печалью, не давая горю овладеть собой, но в эту минуту боль показалась ей совершенно невыносимой. Глаза обожгло слезами, они покатались по щекам, щекоча подбородок. Ахалья обняла Зиту и поклялась Лакшми могилой своего отца, что никогда, ни за что не допустит, чтобы с Зитой случилось что-нибудь плохое. Она заменит сестре мать. Она пойдет на любые жертвы, чтобы Зита была счастлива. Чтобы ужасы этого дня остались в прошлом. Она в ответе за младшую.

И она не подведет.

Около шести часов грузовик Канана остановился возле высокого многоквартирного дома. На тротуаре лежали длинные тени; солнце уже почти закатилось. Рамеш выбрался из кабины, пригладил измятую рубашку и улыбнулся девочкам.

— Мне жаль, что я не могу проводить вас до Тируваллур сам, — сказал он. — Но сегодня вечером мне обязательно нужно быть в Ченнаи. Я заплатил Канану, чтобы он довез вас.

Он достал из кармана свою визитку и протянул ее Ахалье.

— Я вам очень сочувствую. Очень. Если вам что-нибудь понадобится, звоните в любое время.

Рамеш слегка поклонился и попрощался.

После того как он ушел, Канан не обменялся с девочками ни словом. Он быстро поговорил с кем-то по мобильному, развернул грузовик и направился на северо-запад, к центру города. Они пересекли реку Кувам, свернули налево, на одну из больших оживленных улиц. Канан ловко лавировал в потоке машин, двигаясь к западным окраинам.

Все было хорошо, пока на перекрестке шоссе имени Джавахарлала Неру машина неожиданно не повернула налево, в промышленную зону.

— *Neegal enna seigirirgal?* — Ахалья забарабанила в стекло, отделяющее кузов от кабины. — Что вы делаете?

В ответ Канан лишь увеличил скорость. Они въехали в бедный, убогий квартал. По улицам слонялись оборванные, грязные дети и шелудивые собаки. Мрачного вида мужчины курили, стоя в дверях. На покосившихся ступеньках молча сидели старики. Этот район был Ахалье незнаком, но в городе были десятки других, похожих на него как две капли воды. Здесь люди влачили самое жалкое существование. Здесь всегда смотрели в сторону и не задавали вопросов. Ахалья знала, что, даже если она сейчас закричит, никто не бросится ей на помощь. Интуиция ее не подвела. Нельзя было доверять Канану.

Она нашарила в сумке телефон. В этот момент Канан нажал на тормоз и грузовик остановился. Ахалья быстро спрятала телефон в складках чуридара и огляделась. Они стояли возле высокой стены, вдоль которой тянулся длинный ряд маленьких грязных домишек. Улица была плохо освещена и совершенно безлюдна, за исключением трех мужчин, которые тут же подошли к грузовику. Самый молодой вскарабкался в кузов.

— Вам нечего бояться, — заявил он, склонившись над девочками. — Если будете делать, что вам скажут, то вам не причинят вреда. — Он заметил сумку Ахальи и протянул руку. — Ну-ка, что тут у нас?

Ахалья прижала сумку к груди. Ни секунды не колеблясь, парень ударил ее по лицу. Боль обожгла Ахалье щеку, и во рту появился соленый вкус крови. Зита заплакала. Насилие было таким грубым и неожиданным, что Ахалья, в полном шоке, отдала ему сумку.

Парень вывалил ее содержимое на пол кузова, подобрал деревянную шкатулку и открыл замок. В свете фонаря блеснули драгоценности.

— Канан, старый хорек! Посмотри-ка, что ты нам принес! — возбужденно проговорил он, вытянув из кучи одно из ожерелий Зиты. — Тебе покровительствует сам Ганеша, не иначе.

— Очень хорошо. — Канан повернулся к толстяку с рябым лицом. — Тогда можешь удвоить мою плату. — Толстяк угрожающе нахмурился, и Канан сразу же сбавил обороты. — Ну ладно, ладно. Удвоить — это слишком. Пусть будет пятьдесят процентов.

— Договорились. — Толстяк отсчитал купюры. — Теперь убирайся отсюда.

Молодой вытащил девочек из кузова. Канан запрыгнул в кабину, завел двигатель и в мгновение ока скрылся из вида, подняв облако пыли.

Молодой взял за руку Зиту, а толстяк ухватил за плечо Ахалью. Третий, мужчина в очках и с серебряными часами, пристроился сзади. Сердце Ахальи билось так сильно, что готово было вырваться из груди. Похитители втолкнули их в темный коридор и повели вверх по лестнице. Дверь в квартиру была открыта. Над входом висел амулет хамса^[6], защищающий от дурного глаза.

Девочек впахнули в гостиную. На диване сидела полная женщина в сари и смотрела телевизор. Она мельком взглянула на них и снова прилипла к экрану. Молодой парень и толстяк обменялись рукопожатиями с мужчиной в очках, которого они называли Чако. Толстяк что-то тихо сказал ему, Чако ответил. Ахалья сумела разобрать только, что толстяк обещал вернуться завтра утром.

Чако попрощался со своими напарниками, закрыл дверь на две задвижки и повернулся к девочкам. Лицо его было непроницаемо.

— Хотите есть? — спросил он.

В желудке у Ахальи заурчало. На протяжении всего дня ей не приходила в голову даже мысль о еде. Она посмотрела на Зиту и неуверенно кивнула. Чако коротко приказал что-то толстухе на тамильском, она бросила на Зиту и Ахалью еще один взгляд, на сей раз яростный, и неохотно потащила на кухню.

Через несколько минут она появилась, держа на подносе две тарелки с дымящимся рисом, нутом и картофельным чатни и кувшин с водой. Девочки жадно набросились на еду. Все было слишком острым, а вода противно теплой и нефilterованной, но Ахалье было уже все равно. Нужно было как-то протянуть время до тех пор, пока они не останутся одни. Тогда она сможет позвонить сестре Наоми.

После ужина Чако приказал Ахалье и Зите сесть на диван рядом с его женой. Толстуха была поглощена каким-то ток-шоу. Мама никогда не разрешала им смотреть такие программы. Гостем передачи была тамильская кинозвезда, а главной темой — ее последний фильм, слащавая мелодрама, действие которой разворачивалось на фоне гражданской войны в Шри-Ланке.

Ахалья сидела на диване возле Зиты и невидящим взглядом смотрела на экран. Она просто отказывалась верить в происходящее. За один день вся ее семья погибла, а их с Зитой похитили. Чего хотят от них Чако и его жена? Здесь есть и другие пленницы или они первые? Ахалья припомнила, что Канан получил от толстяка плату. Значит, они уже проделывали это раньше. Но для чего? Какова их цель?

Ток-шоу длилось час. После него Чако переключил телевизор на новости. Ахалья и Зита замерли. На экране появились кадры разрушений, причиненных гигантскими волнами на всем побережье Индийского океана. На руках у сотрудников гуманитарных организаций плакали дети, которых цунами сделало сиротами. Причитали и завывали женщины. Целые поселения лежали в развалинах — волна, появившаяся словно из ниоткуда, сровняла их с землей.

По словам ведущего, цунами возникло в результате мощного землетрясения, которое произошло у берегов Индонезии. Черда огромных волн, спровоцированных им, устремилась от эпицентра к берегу со скоростью реактивного самолета. Меньше чем за три часа цунами унесло жизни тысяч людей в Индонезии, Таиланде, Малайзии, Шри-Ланке, Индии, на Андаманских и Никобарских островах. Были названы приблизительные цифры потерь. По некоторым данным, погибло около пятидесяти тысяч человек. По другим — едва ли не в пять раз больше. Масштабы катастрофы были поистине немыслимыми.

Они смотрели телевизор до десяти часов. В конце концов Чако выключил его и провел Ахалью и Зиту в маленькую комнатку, где стояли две кровати и прикроватная тумбочка. Он сказал, что девочки будут спать на одной кровати, а его жена на другой. В дальнем конце

комнаты было окно со ржавыми жалюзи, забранное железной решеткой.

Через пару минут в спальню вошла жена Чако в ночной рубашке. В руках она держала стакан с водой и две маленькие круглые таблетки. Чако сказал, что таблетки помогут им уснуть. Ахалья, сообразив, сунула таблетку под язык и проглотила только воду. Телефон был по-прежнему спрятан в складках чуридара, и она собиралась воспользоваться им, как только все уснут. Но жена Чако заставила ее открыть рот, ощупала его пальцем и обнаружила обман.

— Глупая девчонка, — прошипела она и несильно стукнула Ахалью по затылку. — Не понимаешь, что тебе же делают хорошо. — Она снова сунула таблетку ей в рот и заставила проглотить.

Чако вытащил свои блестящие часы и пожелал девочкам спокойной ночи. Потом он закрыл за собой дверь спальни и повернул в замке ключ. Его жена уселась на ту кровать, что была ближе к окну, и пронзила Ахалью злобным взглядом.

— Выхода отсюда нет, — сказала она. — Не пытайтесь сбежать, или Чако возьмет свой нож. Другим пришлось поучиться на своей собственной шкуре. И не смейте меня будить.

Ахалья и Зита легли на кровать. Зита тихонько заплакала и плакала до тех пор, пока ее не сморил сон. Ахалья обвила сестру руками, прикрывая собой, словно щитом. Она будто пыталась заслониться от неведомых злых сил, в мгновение ока превративших их жизнь в кошмар. Таблетка начала действовать. Ахалья старалась не поддаваться, но снотворное туманило мозг, веки стали тяжелыми как свинец.

Сделав над собой последнее усилие, она затолкала телефон еще глубже в чуридар. Потом закрыла глаза и провалилась в сон.

Глава 2

Признайте это открыто — зло ходит по земле, и его тайные законы нам неведомы.

Вольтер

Киава-Айленд, Южная Каролина.

Наутро после Рождества, перед самым рассветом, когда еще было почти совсем темно, Томас Кларк решил прогуляться по пляжу Вандерхорст. Из всех друзей, снявших бунгало на берегу, он был первым, кто поднялся. Вчерашняя вечеринка выдалась особенно бурной, вино и бренди лились рекой, и большинство ребят напились до ступора. Томас старался сдерживаться, но только потому, что его мысли были заняты другим.

Он уже пожалел, что согласился на эту поездку. В любом случае идея была не его. Лучший друг Томаса, с которым они вместе учились на юридическом, узнал о Прийе. И пригласил его провести Рождество с ним и его приятелями. Томас понимал, что Джереми хотел помочь ему отвлечься от тягостных мыслей, но эффект получился противоположный. Томас чувствовал себя одиноко, как никогда.

Он перебрался через дюны и направился к пляжу. Пейзаж, открывавшийся перед ним, был невероятно красивым — чистое, ясное небо, розовое от лучей восходящего солнца, белые гребешки на стального цвета волнах и нанесенные ветром песчаные холмы. Томас засунул руки в карманы и подошел к самой кромке воды. Потом повернулся и пошел на восток, так, чтобы ветер дул ему в лицо. Рост Томаса был шесть футов два дюйма, и весил он при этом сто восемьдесят фунтов — настоящий атлет, словно созданный для спорта. При других обстоятельствах он непременно отправился бы на долгую пробежку, но сегодня на уме у него было совсем другое.

Размеренным шагом Томас шел по берегу и будто бы играл в некую игру, тасуя мысли и воспоминания, словно колоду карт, выбирая наименее болезненные. Но в конце концов мозг взбунтовался. Перед глазами Томаса вдруг возникла картинка: его жена возле такси. Произносит какие-то прощальные слова.

Ее звали Прийя. В переводе с санскрита это означало «любимая». В первые дни их знакомства он бесконечно повторял про себя ее имя. Прийя. Сейчас это уже казалось нереальным — то невинное, простое счастье. С тех пор так много всего произошло. Много изменилось. Они все разрушили. Бесповоротно и окончательно. Не осталось буквально ничего. Глаза Прийи в тот день, когда она уходила, сказали ему все. Этот взгляд... в нем не было ни ненависти, ни горечи, ни отчаяния — вообще никаких эмоций. Никаких чувств. Она смотрела не на Томаса, а словно сквозь него.

В их истории было много страниц. Много этапов. Иные можно было понять и объяснить. Иные нет — это была какая-то невероятная смесь боли и вины. Трагические обстоятельства, предательство, друзья, не уверенные, чью сторону принять, желания и претензии, вовремя не высказанные вслух, культурный барьер, который они так и не сумели до конца преодолеть. Но так часто бывает в жизни. Твердая почва под ногами внезапно превращается в зыбучие пески. Разумный, рациональный мир вокруг вдруг впадает в безумие, хорошие, добрые люди теряют рассудок.

Томас дошел до конца пляжа и огляделся. Холод был пронзительный, но восходящее солнце золотило волны и создавало иллюзию тепла. Он развернулся и, ускоряя шаг, направился обратно, к снятому ими домику. Отец Томаса в свое время был легкоатлетом-чемпионом и служил в морской пехоте. Теперь он являлся главным судьей Федерального окружного суда США в Виргинии. Его честь Рэндольф Трумэн Кларк, несгибаемый законник и приверженец быстрых судебных разбирательств, обожал подниматься спозаранку и сумел привить своим сыновьям, Томасу и его младшему брату Теду, любовь к ледяному утреннему ветру и далеким рассветам. Подойдя к дощатому настилу, проложенному над дюнами, Томас на минуту остановился и снова посмотрел на океан, пытаясь вобрать в себя умиротворяющий шум прибоя. Ему предстоял длинный день. При мысли об этом Томас готов был съежиться, но откладывать неизбежное дальше было уже нельзя.

Все то время, что Томас с Прией прожили в Вашингтоне, они проводили Рождество с семьей Томаса в Александрии. Это была многолетняя традиция, и в этом году Томас нарушил ее, так ничего толком и не объяснив родителям. Отец, как обычно, выказал сдержанное неудовольствие, но мать расстроилась. Она принялась расспрашивать, что у них за планы, но Томас отделался отговорками. Он так и не смог заставить себя признаться матери, что Прия ушла.

Однако в конце концов родители все-таки загнали его в угол. Мать настояла — *настояла* — на том, чтобы они все же приехали на обед. До Рождества или после, не важно. Томас промямлил что-то о загруженности на работе, но тут трубку взял Судья.

— Следующий после Рождества день — воскресенье, — заявил он. — На работу, естественно, никто не собирается. Я уверен, ты можешь позволить себе немного передохнуть.

— Но вечером в офисе будет вечеринка, — возразил Томас.

Ему показалось, что гамбит сработал, но Судья спросил, во сколько начало.

— В восемь тридцать, — признался Томас.

— Значит, сможешь заехать до нее, — подытожил Судья.

Томас вернулся в домик и сложил сумку. Почти все еще спали. По бунгалу будто пронесся ураган. Повсюду валялись грязные тарелки и стаканы, а в воздухе все еще стоял слабый запах алкоголя. Он от души посочувствовал Джереми, которому придется устранять весь этот

беспорядок.

Джереми встретил его в прихожей. Он был одет в серую футболку и шорты-боксеры.

— Уже уезжаешь? — спросил он. — Я собираюсь испечь блинчики, чуть попозже.

Заправишься на дорогу.

Томас взъерошил свои темные волосы.

— Звучит заманчиво, но мне нужно возвращаться. Сегодня в «Клэйтон» вечеринка, а мне еще надо заехать к родителям на обед.

— Да, праздник никогда не кончается, — ухмыльнулся Джереми. — Он всегда с тобой.

— Спасибо, что позвал меня, — сказал Томас.

Джереми сжал его плечо.

— Я знаю, это не то же самое, что провести Рождество вдвоем с Прией, но был рад тебя видеть. Если тебе что-нибудь понадобится...

— Спасибо. — Томас слегка улыбнулся, подхватил свою сумку и вышел.

К воротам он подъехал словно во сне. Перспектива десятичасовой поездки в Вашингтон не радовала его совершенно. Он выехал за пределы территории курорта и устремился к Чарльстону. Машин на шоссе почти не было, и он добрался до города за сорок минут. Спешить Томасу было особенно некуда, но отсутствие на дороге патрульных машин невольно заставляло увеличить скорость. Он старался не думать ни о пустом таунхаусе из коричневого кирпича в Джорджтауне, ни о простынях на кровати, все еще хранящих жасминово-сиреневый аромат духов Прии.

Выехав на автостраду I-95, Томас настроил приемник на радиостанцию, передававшую классическую музыку, и с удовольствием вдавил педаль газа в пол. На скорости восемьдесят пять миль в час «ауди» вела себя так же тихо, как и при пятидесяти пяти милях. Около двенадцати он остановился, чтобы подзаправиться, и вспомнил, что так и не позавтракал. По рекомендации служащего заправки он купил сэндвич со свининой в местной забегаловке и решил проехать еще полмили, до Ботанического сада на Кейп-Фир. К полудню достаточно потеплело, чтобы можно было пообедать на свежем воздухе.

Томас оставил машину на стоянке и вошел в сад пешком. Деревья были покрыты пышной зеленой листвой; вокруг царила настоящая идиллия. Несколько парочек прогуливались, прижимаясь друг к другу, старик бросал рис семейству голубей, светловолосая женщина в шляпе фотографировала своего спутника в солнечных очках на фоне раскидистого дуба. Молодая женщина с девочкой лет десяти направлялись в сторону детской площадки. Девочка обогнала мать и побежала вперед по тропинке. Томас проводил их взглядом и почувствовал знакомую боль в сердце. Когда Прия была беременна, он часто мечтал о том, как будет учить Мохини ходить в парке Рок-Крик. Но этому так и не суждено было осуществиться. Смерть Мохини разрушила все его мечты.

Он подошел к павильону, возвышавшемуся посреди поляны, и присел на ступеньки. Мама с дочкой скрылись в роще из хвойных деревьев. Вскоре женщина с фотоаппаратом потеряла интерес к мужчине и переключила свое внимание на окружающую природу. Бесперывно щелкая затвором, она медленно двинулась по тропинке, ведущей к детской площадке. Мужчина шел за ней.

Томас развернул свой сэндвич и принялся за еду. Мир, тишина и спокойствие. Он посмотрел на небо, на белый след, оставленный самолетом, потом снова перевел взгляд на лужайку. Старик решил посидеть на скамейке под деревьями. Все остальные куда-то разошлись. Безмятежность, разлитая в воздухе, в эту минуту казалась почти нереальной. Ни одно дуновение ветра не касалось листвы, декабрьское солнце висело в небе, словно фонарь.

Через мгновение тишину пронзил крик.

Томас отложил сэндвич и встал. Еще один крик. Женский голос, откуда-то с той стороны, где детская площадка. Решение он принял инстинктивно. Уже через секунду Томас мчался по тропинке, ведущей в рощу. Он был уверен — крик как-то связан с девочкой.

Он вбежал в лес. Деревья сплетались над головой; было довольно темно, и сначала Томасу показалось, что здесь никого нет. Но, выскочив на небольшую полянку, он увидел мать девочки. Странно скрючившись, прижимая одну руку к животу, а другую к лицу, она повторяла имя, снова и снова:

— Эбби.

Томас огляделся.

Девочки нигде не было.

Он подбежал к женщине и склонился над ней. Ее щека была багровой — там наливался огромный кровоподтек. Она посмотрела на него совершенно безумными глазами.

— *Пожалуйста!* — прохрипела она. — Они ее украли! Они украли Эбби! *Помогите мне!*

Сердце Томаса сделало кульбит.

— *Кто?* — Он снова обвел взглядом деревья.

— Женщина с фотоаппаратом, — выдохнула она, пытаясь подняться. — И двое мужчин. Один из них подкрался ко мне сзади. — Она махнула рукой в направлении парковки. — Они побежали туда. Сделайте что-нибудь! Пожалуйста!

В эту же секунду раздался шум мотора. Томас услышал, как зашуршали шины по гравию. Он колебался всего мгновение, прежде чем броситься в ту сторону, откуда шел звук. Ветки хлестали его по лицу, в какой-то момент Томас споткнулся о поваленный ствол и чуть не упал, но темпа не сбросил. Он мог думать только об одном — девочка.

Он вылетел из леса как раз в ту секунду, когда черный внедорожник на полной скорости выруливал со стоянки. Томас вытащил из кармана мобильный и набрал 911. Диспетчер соединил его мгновенно.

— Совершенно похищение, — задыхаясь, выговорил Томас, пытаясь свободной рукой нашарить в кармане ключи от машины. — В Ботаническом саду. Похищена девочка десяти лет. Ее мать находится здесь же, и ей требуется медицинская помощь. Я видел черный джип, но не успел разглядеть номера.

Он отключил телефон, не дожидаясь ответа оператора, рванул на себя дверцу машины и запрыгнул внутрь. Внедорожник направился на север. Томас выжал сцепление и резко вывернул на дорогу. Взвизгнув шинами, он выскочил на Восточный бульвар и погнал к Миддл-Ривер-Луп. Он проехал примерно пол мил и по шоссе, в два раза превышая допустимую скорость, надеясь заметить джип прежде, чем тот свернет на боковую дорогу. Шоссе было почти пустынным, но машины Томас так и не обнаружил.

Он проехал еще милю, двигаясь к I-95, но безуспешно — джип словно провалился сквозь землю. Отчаявшись, он прижался к обочине и без особой надежды посмотрел по сторонам. С каждой секундой шансы догнать похитителей уменьшались. Местность к востоку от Миддл-Ривер-Луп была холмистая, поросшая лесом. Некоторое время Томас напряженно вглядывался в даль, пытаясь разглядеть, не мелькнет ли среди зелени черное пятно, может быть, справа от шоссе или слева. Мимо пролетели несколько машин, но никаких следов черного внедорожника не было.

Томас с силой сжал руль. Наглость преступления, совершенного среди бела дня, приводила его в ярость. У похитителей была фора не более чем в минуту, и по всем законам физики они просто не могли уехать далеко. Но он не знал местность, а они, несомненно, знали.

В конце концов он развернулся и той же дорогой поехал обратно. За то время, пока его не было, к входу в Ботанический сад подъехали четыре патрульные машины и «скорая». На всех

сияли мигалки. Двое полицейских стояли возле «скорой», наблюдая за медсестрой, оказывающей медицинскую помощь пострадавшей. Еще один говорил по рации. Четвертый полицейский фотографировал место происшествия.

Томас подошел к тому офицеру, что говорил по рации. Занятый разговором, полицейский поначалу не заметил его. Томас уже собрался назвать свое имя, но почувствовал, что его локоть сжала чья-то рука. Он обернулся. Мать похищенной девочки умоляюще уставилась на него огромными карими глазами.

— Пожалуйста, скажите мне, что вы их видели, — почти простонала она, не обращая внимания на медсестру, которая пыталась вернуть ее обратно в «скорую». — Пожалуйста — вы ведь видели, куда они ее увезли?

Он покачал головой. Расписываться в собственной беспомощности было нелегко.

— О господи. — Она заплакала, словно от боли. — О господи боже мой. Сегодня ей исполнилось одиннадцать. Мы ехали в кино, но она захотела остановиться здесь, прогуляться по саду. — Внезапно женщина кинулась к Томасу и замолотила кулаками по его груди. — Надо было сказать нет! — Она захлебнулась слезами. — Как же это случилось?

Не зная, как вести себя в этой ситуации, Томас бросил растерянный взгляд на полицейского. Тот сделал вялую попытку вмешаться, но было видно, что он и сам не находит нужных слов.

Наконец женщина немного утихла и отпустила Томаса.

— Простите, — пробормотала она, отступая назад. — Я просто... — Она обхватила себя руками. — Эбби — это все, что у меня есть. Я не могу ее потерять. Не знаю, что мне теперь делать. Как жить.

Медсестра снова мягко взяла ее за руку.

— Пойдемте со мной, миссис Дэвис. Полиция сделает все возможное. Давайте-ка позаботимся о вас.

На этот раз женщина подчинилась и дала себя увести.

Томас застыл на месте. Сцена сильно взволновала его. Полицейский задавал ему вопросы о том, что произошло, и Томас машинально отвечал на них, но мысленно он был совсем в другом месте. Возле маленького холмика на кладбище Гленвуд. Перед его внутренним взором стояла картина — он кладет цветы на могилу своей дочери.

Он давал показания минут пятнадцать. Когда он почти закончил, на стоянку въехала еще одна полицейская машина, и из нее вышел высокий мужчина в штатском. Переговорив с одним из полицейских, стоявших возле «скорой», мужчина приблизился к ним.

— Я детектив Морган из департамента полиции Фейетвилла. Я так понимаю, это вы позвонили в 911?

— Да, я, — подтвердил Томас.

— Могу я вас спросить, зачем вы стали преследовать тот автомобиль?

Томас пожал плечами:

— Я не знаю. Хотел помочь.

— Офицер Веласкес сообщил мне, что вы видели преступников?

— Только издалека. Они выглядели совершенно обычно. Таковую пару можно встретить в любом торговом центре. Я не обратил на них внимания — сложно было в чем-то их заподозрить.

— Вы могли бы опознать их по фотографии?

— Сомневаюсь. Мужчину — может быть, но женщину вряд ли.

Детектив взглянул на него с любопытством.

— Чем вы занимаетесь — если это не секрет, конечно?

— Я адвокат, работаю в Вашингтоне. А что?

Морган криво усмехнулся:

— Адвокат-альтруист... Редкое явление, ничего не скажешь.

Реплика была глупой и бессмысленно язвительной, и Томас почувствовал прилив раздражения. Он взглянул в сторону «скорой». Медсестра обрабатывала раны на руках матери исчезнувшей девочки. Во всем этом происшествии было нечто непонятное. Не сходились концы с концами, и это не давало Томасу покоя.

— Что здесь все-таки произошло? — спросил он. — Похитителей было несколько, и действовали они среди бела дня. Чем больше я об этом думаю, тем больше мне кажется, что все было спланировано заранее.

Детектив скрестил руки на груди.

— У меня нет ответа на этот вопрос.

— Вы хотите сказать, что такие преступления совершаются сплошь и рядом? Это Северная Каролина, а не Мексика.

Морган нахмурился:

— Я ничего такого не говорил. Но и утверждать обратное я тоже не стану. — Его тон немного смягчился. — Послушайте... если это может хоть немного утешить, конечно. Над этим будут работать множество людей. Может быть, подключатся федералы. Мы сделаем все от нас зависящее.

— Не сомневаюсь. Но... девочку найдут?

Морган отвернулся и бросил взгляд на рощу. На мгновение профессиональная выдержка изменила ему.

— Не буду вам врать. Раскрываемость таких преступлений паршивая.

Томас глубоко вздохнул. Его вдруг пронзила острая боль, словно кто-то воткнул нож ему под ребра. Он поблагодарил Моргана и пожал ему руку. Детектив протянул ему свою визитку.

— Позвоните, если что-нибудь вспомните. И проверяйте электронную почту — возможно, у нас еще будут к вам вопросы.

Томас кивнул и пошел обратно к машине. В голове у него продолжал звучать голос матери девочки. *Эбби — это все, что у меня есть. Я не могу ее потерять.* Он попытался как-то стряхнуть с себя ее отчаяние, вырваться из его облака, но чужое горе не отпускало его.

Всю оставшуюся дорогу до Вашингтона Томас проехал словно в тумане. Его мысли снова и снова возвращались к похищению. Если бы только он мог предвидеть опасность и предупредить мать Эбби, чтобы они не сворачивали на ту тропинку. Если бы он догадался, что женщина с фотоаппаратом и ее спутник замыслили недоброе. Если бы он бежал чуть быстрее и набрал 911 уже из машины, не теряя драгоценных секунд на звонок. Что похитители собираются сделать с девочкой? Потребуют выкуп? Или ее ожидает куда более страшная судьба?

Томас добрался до округа Колумбия около шести. Некоторое время он ехал вдоль реки Потомак, потом пересек ее по мосту и въехал в Джорджтаун. Отыскав на стоянке перед домом свободное место, припарковался, вытащил из багажника сумку и вошел в дом. Прошло уже три недели с тех пор, как ушла Прийя, но он так и не привык к тишине, которая встречала его теперь. Он включил свет, поднялся на второй этаж, в спальню, и переоделся. Натянув брюки и свитер, Томас машинально глянул на себя в зеркало. Под глазами красовались темные круги. Мама, наверное, скажет, что он совсем о себе не заботится. И будет права.

Старый город Александрии был залит огнями. Томас подъехал к дому родителей, небольшому скромному особнячку в тюдоровском стиле, выключил мотор и некоторое время посидел в тишине. Потом поднялся по ступенькам, вошел на крыльцо и замер перед парадной дверью. Внутри слышалась музыка. Джин Отри. Старый сладкопевец ворковал что-то про Санта-Клауса. На мгновение Томасу показалось, что он спит и видит сон. Год назад он и Прийя стояли

здесь, на этом самом крыльце, и держались за руки. Не то чтобы они были безоблачно счастливы, но Прийя была беременна и мечтала стать матерью, и он тоже был вполне удовлетворен своей жизнью. Он был восходящей звездой «Клэйтон-Свифт», работал над делом «Уортон Коул», которое могло обеспечить ему карьеру. С деньгами тоже все было в порядке. Как же это вышло, что все вдруг пошло не так?

Прежде чем открыть дверь, Томас пару раз постучал. Элена Кларк вышла ему навстречу. На ней был фартук, лицо покраснелось от жара духовки. Увидев, что он один, она чуть заметно нахмурилась. Пару секунд они стояли молча — никто не решался заговорить первым. В конце концов Томас слегка откашлялся.

— Прийя не приедет. Она ушла от меня три недели назад.

Ну вот. Теперь он все сказал. Наконец-то.

Мать широко распахнула глаза от удивления, но быстро овладела собой.

— Ты нам не говорил, — мягко укорила она.

— Я не знал, как об этом сказать.

— Где она теперь?

Томас вздохнул.

— Она уехала домой.

Элена шагнула вперед и обняла его — сначала нерешительно, потом крепче. Он не стал сопротивляться.

— Мы знали, что вам придется непросто, но все же не думали, что дойдет до такого. — Мать чуть отстранилась и заглянула ему в лицо. — Как ты?

Томас пожал плечами:

— Ну... бывало и получше.

Элена кивнула.

— Отец в кабинете. — Она картинно закатила глаза. — Штудировет очередной фолиант о Пелопоннесских войнах.

Томас сумел выдавить из себя улыбку.

— Что еще у вас новенького?

По коридору — на стенах висели фотографии из его школьной жизни — он прошел в кабинет отца. Комната служила скорее библиотекой, чем кабинетом. Судья сидел в кожаном кресле. На коленях его покоилась подушка, а в руке он держал чернильную ручку. Книга, лежавшая перед ним, была действительно толстенной и большого формата, почти как словарь. Страницы пестрели заметками — Судья вставлял критические замечания и оценки в любой труд, который читал. Настоящий вершитель судеб. Авторы были его легкой добычей.

Он оторвался от книги и взглянул на сына.

— С Рождеством, Томас.

— С Рождеством, папа. — Томас замолчал, не зная, что еще сказать. Он чувствовал себя неловко.

Судья заговорил сам:

— Я слышал твой разговор с матерью. Почему она решила уйти? Из-за Мохини или из-за дела «Уортон»?

Томас поморщился. Все-таки иногда отец бывал слишком прямолинейным.

— И то и другое, я думаю, — ответил он. В истории их взаимоотношений с Прийей все было не так однозначно. Виноваты были не только обстоятельства — сами они тоже приложили руку к тому, чтобы все сломалось. Но говорить этого вслух Томас не стал.

— Ей никогда не нравилось это чертово дело, — продолжил Судья.

— Неудивительно. Сложно испытывать симпатию к компании, из-за которой погибла чуть

не целая школа ребятишек.

Судья кивнул и поднялся со стула.

— Проклятие адвоката, — заметил он, направляясь в столовую. — Ты не можешь выбирать тех клиентов, которые тебе нравятся.

— Прийя бы с тобой не согласилась.

— Да. Она всегда была идеалисткой. — Судья повернулся и положил руку Томасу на плечо. Где-то в глубине дома пробили часы. Семь. — Мне очень жаль, сынок. Правда очень жаль. Тебе пришлось нелегко в последние шесть месяцев.

— Спасибо, папа. — Такое редкое для отца проявление эмоций по-настоящему тронуло Томаса.

Элена встретила их в столовой с корзинкой горячих булочек в руках.

— Фаршированная индейка, картофельное пюре, клюква, брокколи, — провозгласила она. — Тед и Эми накануне Рождества съели всю начинку, но я приготовила новую порцию.

По дому расплывался восхитительный запах, и Томас позволил себе улыбнуться. Его младший брат Тед работал в нью-йоркской финансовой компании, а его жена Эми была моделью и снималась в глянцевах журналах. Несмотря на свою невероятную успешность, и Тед, и Эми были людьми простыми и приятными в общении.

— Уверен, Тед участвовал в этом побольше, чем Эми, — усмехнулся Томас.

Судья усмехнулся в ответ:

— Эта девчонка, по-моему, никогда не ест.

— Мне очень жаль, что меня не было с вами. — Томас улыбнулся и с удивлением почувствовал, что нисколько не покривил душой.

— Ничего, ты прощен, — сказала мать. — А теперь налетай.

За обедом они старались говорить на отвлеченные темы, но настроение, вызванное тяжелыми событиями последнего времени, все же дало о себе знать, когда они заканчивали главное блюдо. Мать спросила Томаса, слышал ли он о разрушительном цунами на побережье Индийского океана.

— Об этом говорили по радио, — ответил он.

— Мать целый день провела у телевизора — следила за новостями, — вставил Судья.

— Уму непостижимо. — Элена покачала головой. — Все эти люди... — Ее голос дрогнул. — Как, ну как подобное вообще может происходить?

— Я не знаю, — заметил Томас. Этот вопрос пришел ему в голову уже во второй раз за день. Он снова подумал о матери Эбби, рыдающей у него на руках, и повернулся к отцу: — Раз уж мы перешли к грустному, папа, я бы хотел узнать твое мнение. Сегодня, когда я ехал к вам, со мной случилась такая история...

Он рассказал Судье о похищении и о своем разговоре с детективом Морганом. Точка зрения отца была ему действительно интересна. Рэндольф Кларк стоял во главе одного из самых влиятельных органов судебной власти США и, несомненно, представлял себе общую картину совершаемых в стране преступлений.

Внимательно выслушав Томаса, Судья потер подбородок.

— Хмм... Около Фейетвилла расположен Форт-Брэгт^[7]. — Он секунду помолчал. — Вполне может быть, что это не обычное похищение. За последний год наблюдается резкий скачок преступлений, связанных с торговлей детьми.

Томас нахмурился:

— И как это связано с фортом?

— Очень просто. Форт предоставляет сутенерам постоянную клиентскую базу.

Элена вдруг перекрестилась, порывисто встала и принялась убирать со стола. Переглянувшись с отцом, Томас тоже поднялся, чтобы помочь ей. После того как уборка была закончена, они перешли в гостиную. Томас прихлебывал эггног, а Судья ворошил кочергой угли в камине.

Потом все переместились к елке. Элена взяла с журнального столика старую Библию в кожаном переплете. Она открыла ее на Евангелии от Луки, как обычно в это время года, но казалось, что она смотрит на страницу и не видит, что там написано. В конце концов Элена все же закрыла Библию и отложила ее в сторону.

— Не уверена, что я смогу сейчас читать, — призналась она.

— Я прочитаю, — предложил Судья и взял Библию.

Как и каждый год, Томас вслушивался в древние, давно знакомые слова, но теперь они значили для него совсем немного. Как и любой мальчик из католической семьи, он был крещен и прошел конфирмацию, но идеи христианства изрядно поблекли за годы его пребывания в Йеле. В реальном мире сомнение являлось единственной истиной.

Когда Судья закончил чтение, Элена достала из-под елки маленький сверток, нарядно упакованный в золотую бумагу, и протянула его Томасу. Судя по всему, Священное Писание немного успокоило ее. Она улыбнулась сыну и бросила взгляд на Судью.

— Отец выбирал, — заметила она.

Томас развернул бумагу. Под ней оказалась маленькая коробочка. Он открыл ее. Внутри лежали серебряные запонки с его инициалами: ТРК. «Р» означало «Рэндольф» — его второе имя.

— Прийя всегда пыталась заставить тебя носить эти пижонские рубашки с французскими манжетами, — усмехнулся отец. — Я подумал, что с ними ты быстрее привыкнешь.

— Да. Она много чего старалась заставить меня делать, — сказал Томас.

Элена вытащила еще один сверток.

— Я купила это для нее. — Она вздохнула. — Нашла в букинистическом. Наверное, я могла бы его не доставать, но все же я бы хотела, чтобы ты взял это с собой.

Томас покачал головой:

— Она не вернется, мам. Так что не вижу в этом смысла. — Ему не хотелось быть резким, но и не хотелось, чтобы у родителей оставалась ложная надежда.

Элена снова вздохнула:

— Даже если так. Все равно. Возьми с собой.

Томас неохотно принял сверток.

— Мне развернуть?

Мать кивнула.

На сей раз это оказался сборник стихов Сароджини Найду.

— Прекрасный подарок, — сказал Томас. — Она любила Найду.

— Может быть, прочитаешь нам что-нибудь?

Томас хотел отказаться, но ему стало жаль расстраивать мать. Он открыл книгу на стихотворении, называвшемся «Мимолетность», и прочел его вслух. Стихи были мелодичными и завораживающе красивыми, но не вызвали в его душе никакого отклика.

Нет, не печалься; новые надежды, и лица, и мечты,

И нерастроченная радость тех лет, что не успел еще

прожить,

Твое же сердце обвинят в измене за то, что горю отдается

нынче,

И предадут глаза твои их слезы.

Он закрыл книгу. В комнате воцарилась тишина. Никто не знал, что сказать. Положение спасли часы, пробившие восемь. Томас встал, с трудом скрывая облегчение.

— Я прошу прощения за то, что побыл так мало, но мне еще нужно успеть переодеться перед тем, как я поеду на вечеринку.

— Конечно, конечно, — согласилась Элена. Глаза у нее были грустные.

Родители проводили его до дверей. До начала обеда они старались вести себя как можно жизнерадостнее, теперь же лица обоих, по контрасту, казались ужасно печальными.

— Если что — звони. В любое время, днем или ночью, — сказала Элена.

— Со мной все будет хорошо, — заверил Томас, поцеловал мать в щеку и пожал руку отцу. — Не волнуйтесь за меня.

Но он знал, что не убедил их.

Томас вернулся в город и на минутку заскочил домой, чтобы переодеться в смокинг. Он чувствовал себя абсолютно разбитым. Глупая была идея — отпраздновать Рождество в Южной Каролине. Конечно, праздники — это хорошо, но даже и в лучшие времена Томас жутко уставал от всего этого общения, гостей и вечеринок. Сейчас ему просто необходимо было выпить. Единственное, что в данный момент привлекало его в клэйтоновской корпоративной вечеринке, — это то, что спиртное там всегда лилось рекой.

Он поймал такси до отеля «Мэйфлауэр». Машина остановилась у входа в девять часов. Томас знал, что на его опоздание никто не обратит внимания. Корпоративы в «Клэйтон» обычно продолжались до самого утра.

Старинное здание было построено в стиле боз-ар. Томас вошел в великолепно отделанное лобби, и его сразу же окружил многоголосый гул. В вашингтонском отделении «Клэйтон» — всего их было двадцать, в разных частях света — работало около двухсот адвокатов и человек четыреста прочего персонала. Когда все собирались вместе, шум стоял такой, что приходилось почти кричать, чтобы тебя услышали.

Он прошел дальше, в огромный зал для приемов, и поздоровался с группой знакомых. Они обменялись шутками и традиционными офисными сплетнями, и Томас, извинившись, направился к бару. Он заказал «Манхэттен», постоял минуту, наблюдая за тем, как бармен смешивает виски, вермут и биттер, взял бокал и сделал глоток, глядя на море лиц вокруг, покрасневших от возбуждения и алкоголя.

В этой толпе он всегда ощущал прилив какого-то радостного волнения. «Клэйтон» считалась одной из самых престижных юридических фирм в мире. За последнее десятилетие благодаря все более расширяющемуся внутреннему рынку, ряду слияний с международными компаниями и росту мирового энергетического сектора партнеры фирмы превратились в миллионеров, а рядовые адвокаты и юристы, такие как Томас, почувствовали вкус к деньгам и хорошей жизни.

Прийя ненавидела все, связанное с «Клэйтон». Она была против того, чтобы Томас посылал туда резюме, и до хрипоты доказывала ему, что только работа в какой-нибудь общественной, благотворительной организации может считаться настоящим, правильным делом. Он внимательно слушал ее — Томасу всегда была важна точка зрения Прийи. Но не соглашался. Возможно, труд за копейки в организации по защите прав человека и способен принести моральное удовлетворение, но с точки зрения карьеры это путь в никуда. В один прекрасный день Томас мечтал оказаться там же, где и его отец, — в одном из федеральных судов. Чтобы достичь этого, он должен был играть по-крупному.

— Привет, незнакомец.

Знакомый голос заставил его вздрогнуть. Томас обернулся и утонул в зеленовато-голубых глазах Теры Атвуд.

— Я звонила тебе все выходные, — продолжила Тера, — но ты не отвечал. — Она придвинулась на шаг ближе и положила руку ему на плечо. — Веселился?

Тера закончила Чикагскую юридическую школу и появилась в фирме на год позже, чем Томас. Она была умна, полна жизни и очень хороша собой. Сегодня на ней было расшитое серебряными пайетками платье, которое делало ее похожей скорее на звезду варьете, чем на подающего надежды адвоката в крупной юридической фирме.

— Я ездил к морю с друзьями, — сказал Томас и огляделся по сторонам — вдруг на них кто-нибудь смотрит. — Забыл Black-Berry дома.

Он постарался расслабиться, но получилось плохо. Эффект, который производило на него присутствие Теры, можно было описать двумя словами: желание и вина.

Она игриво улыбнулась:

— Мы могли бы сбежать отсюда и отправиться туда, где никого нет.

Чувство вины усилилось.

— Не думаю, что это хорошая идея.

Тера посмотрела на него слегка обиженно:

— Мой дорогой Томас. Ты, кажется, забыл, что Прийя ушла от тебя. От кого тебе прятаться?

— Они этого не знают. — Он обвел взглядом толпу.

— И как долго ты собираешься держать этот факт в секрете?

— Не знаю. — Разговор выходил неловкий, и Томас от всей души желал быстрее его закончить.

— Ты что, стесняешься меня? — Тон Теры был легким, но вопрос не становился от этого менее колким.

— Конечно нет, — быстро возразил Томас. И почему только он стремится ее успокоить?

Она снова коснулась его плеча:

— Как насчет завтра?

Томас заметил, что один из партнеров смотрит в их сторону, и быстро отвел глаза.

— Да, завтра будет лучше, — сказал он, надеясь, что Тера поймет намек и оставит его в покое.

— Жду не дождусь, — промурлыкала она и отошла, чтобы поприветствовать знакомую.

Томас проводил ее взглядом. Больше всего на свете ему хотелось бы оказаться не здесь, а где-нибудь еще. Связь с Терой являлась как раз одним из необъяснимых этапов в его жизни. Он всегда презирал стиль отношений, царивший в фирме, — все эти офисные интрижки, любовницы на стороне. И был верен Прийе. В течение трех лет Тера работала вместе с ним над делом «Уортон», но Томас считал ее не более чем приятельницей. Потом случилось несчастье с Мохини, и все вдруг изменилось. Она потянулась к нему в тот момент, когда он был наиболее уязвим, — когда горе Прийи трансформировалось в обиду и озлобленность.

Их роман начинался вполне невинно — шуточки, подколы, похлопывания по плечу. Но как-то незаметно, в водовороте подготовки к судебным слушаниям по делу Уортон, на фоне депрессии Прийи, Томас переступил грань, отделявшую симпатию от неодолимого влечения. Он уходил с работы все позже и позже, не желая возвращаться домой, боясь скандалов, которые Прийя устраивала по любому поводу, настоящему или надуманному. Он совсем не мог разговаривать с ней о Мохини — Прийя была не в состоянии даже произносить ее имя. Томас чувствовал себя несчастным и одиноким, а Тера была рядом. Не просто рядом — она завораживала и завлекала.

До того как ушла Прийя, они ни разу не были вместе, но за последние три недели Томас два

раза побывал в квартире Теры на Капитолийском холме. На ночь он не оставался — чувство вины было слишком сильным. Но он поддался искушению переспать с ней. Тера была молодой и красивой, а его жена ушла.

Томас взглянул на часы — было уже десять. Он собрался с духом, прошелся по залу, поговорил с парой знакомых, сказал что-то остроумное одному из старших партнеров, заставил рассмеяться другого. Что ж, время, положенное приличиями, он отбыл. Теперь можно уходить. Томас вышел из «Мэйфлауэр» и пошел пешком вниз по Восемнадцатой улице к Кей-стрит. Ночь была холодной и ясной. Сквозь дымку смога виднелись звезды. Томас плотнее закутался в пальто. Он хотел остановить такси, но передумал. Лучше он прогуляется.

Через двадцать пять минут, чувствуя себя немного лучше, Томас добрался до дома. Он отправился прямо на кухню и налил себе стакан скотча. Прихватив бутылку, уселся на диване в гостиной и попытался отключиться от неприятных мыслей. Но чувство вины из-за романа с Терой не проходило.

Он снова вспомнил о похищении в Фейетвилле. Неужели отец прав и дело связано с торговлей детьми? Неужели Эбби Дэвис находится в руках сутенеров? Он представил себе Мохини, как она могла бы выглядеть в одиннадцать лет, и внутренне содрогнулся. Что бы он стал делать, если бы это случилось с его дочерью?

Он огляделся в поисках сборника стихов, который Елена купила для Прийи, и заметил его на журнальном столике, рядом с телефоном. Сам не зная зачем, Томас взял его и вернулся на диван. Он открыл книгу и еще раз перечитал стихотворение «Мимолетность». На сей раз слова достигли прямо его сердца.

О нет, не жалуйся, что жизнь полна невзгод,
Ведь время не замедлит хода, не остановится ни на секунду,
нет,
И день сегодняшний, что кажется так долог, так горек, пуст
и темен, словно ночь,
Далеким прошлым станет очень скоро.

Томас откинулся на спинку дивана и закрыл глаза. Он понимал, насколько темна и глубока та расщелина, в которой он вдруг оказался. И так же ясно он понимал, что есть единственный способ выбраться на свет. Что-то должно измениться. Пока еще Томас не знал, что именно. Ему нужны новые горизонты. Нынешнее положение вещей его больше не устраивало.

Ничего не делать — это просто медленно, день за днем, умирать.

Глава 3

Каждое существо содержит в себе весь мыслимый мир.

Плотин

Ченнаи, Индия.

Ахалья проснулась будто в тумане. От снотворного ее сильно мутило, и она не сразу сообразила, где находится. На какую-то секунду — о, чудесное мгновение — ей показалось, что они с Зитой лежат в своей кровати, в родном доме, а родители ждут внизу. Сейчас они спустятся, мама с папой расцелуют их и расскажут, что нового произошло за утро. Ужасная реальность

доходила до нее постепенно.

Зита спала в ее объятиях, повернувшись к ней спиной, как обычно, — в прежней жизни они всегда спали именно так. Но кровать была какой-то странной, жесткой и бугристой, а стены голыми. Куда же подевались коврики, которые они развесили вместе с мамой? Потом в поле ее зрения возникла женщина — и сердце Ахальи упало. Ее лицо скрывалось в тени, но фигура — фигура точно не принадлежала Амбини.

— Пора вставать, — бросила жена Чако. — Поезд ждать не будет.

Зита пошевелилась, просыпаясь. Девочки сели на кровати. Электронный будильник на тумбочке показывал 5.40 утра. Ахалья взяла Зиту за руку.

— Какой поезд? — спросила она.

— Скоро узнаешь.

Жена Чако направилась к двери, но у порога обернулась.

— Кстати, я обнаружила твой маленький секрет. Мобильный телефон. Не пытайся от нас что-нибудь скрыть, или твоей сестре придется за это ответить.

Ахалья машинально ощупала чуридар и похолодела от ужаса. Телефона не было.

— Куда вы хотите нас отвезти? — спросила она как можно более решительно.

— Никаких вопросов, — отрезала толстуха. — Завтрак на столе. У вас есть пятнадцать минут на еду. Пракаш и Ветри будут здесь в шесть часов. Они отвезут вас на вокзал.

Зита и Ахалья подошли к столу. На тарелке лежали два липких пирожка идли^[8] и два масала доса. Рядом стояли две чашки с водой. Завтраком это можно было назвать только с большой натяжкой. Они уселись рядом. Ахалья отказалась от еды, сказав, что у нее совсем нет аппетита, и предложила Зите свою порцию, но Зита внимательно посмотрела на сестру и не стала есть второй идли. Ахалья с благодарностью проглотила пирожок.

Пракаш и Ветри появились ровно в шесть. В дверь постучали, и Чако пошел открывать. Вчерашний молодой человек — это его звали Ветри — вошел в комнату и слегка махнул рукой в знак приветствия. Когда Зита и Ахалья выходили из квартиры, ни Чако, ни его жена не сказали им ни слова.

Ветри вывел их на улицу. Небо было еще темным, и квартал казался еще более обшарпанным и грязным, чем накануне. Было совсем тихо и безлюдно, только бродячие собаки спали у дверей. Толстяк, Пракаш, сложив на груди руки, ждал их снаружи, возле серебристого джипа, резко контрастирующего с окружающей нищетой. Он обвел девочек взглядом и коротко скомандовал:

— *Caril utkarungal*. Залезайте.

Зита забралась в машину первой. Ахалья последовала за ней. Внутри пахло «новым автомобилем», и она тут же вспомнила отцовский «лендровер». Ахалья тряхнула головой и сжала руку Зиты.

— Ты в порядке? — спросила она по-английски, в надежде, что Пракаш и Ветри их не поймут.

— Говори на тамильском! — немедленно рявкнул Пракаш, усаживаясь на водительское место.

— Я в порядке, — тихонько прошептала Зита и склонила голову на плечо Ахальи.

Ветри запрыгнул на пассажирское сиденье, и машина сорвалась с места. Переулок был совершенно пуст. Они выбрались из района и двинулись по направлению к океану. В этот ранний час ни людей, ни машин на улицах не было, и уже через несколько минут они добрались до центрального вокзала Ченнаи. Ветри вылез из джипа и исчез в толпе ожидавших прибытия раннего поезда. Пракаш бросил недобрый взгляд на девочек в зеркало заднего вида и заблокировал двери.

— Куда вы нас везете? — спросила Ахалья.

— Никаких вопросов, — отрезал он.

Ветри вскоре вернулся с какими-то бумагами в руках. Он передал их Пракашу, тот быстро все просмотрел и молча кивнул. Потом обернулся и посмотрел сначала на Ахалью, потом на Зиту.

— Билеты в порядке. Ветри поедет с вами, и Амар тоже. Скоро вы с ним познакомитесь. Вы будете делать все, что вам скажут, не задавая вопросов. Не смейте ни с кем разговаривать, или вам придется плохо. Не пытайтесь обратиться к полицейским — помощник комиссара мой друг.

Девочки вылезли из машины и вслед за двумя мужчинами стали пробираться сквозь толпу. Войдя в здание вокзала, они поднялись по лестнице на мост, пролежавший над рельсами, перешли на четвертый путь и спустились на платформу. Поезд был уже там, длинный, похожий на голубую змею. Вагонов было так много, что последние из них терялись в сумерках. Ахалья не смогла их сосчитать. Она попыталась найти название поезда. «Ченнаи-экспресс» — было написано на табличке. Такого поезда она не знала.

Пракаш велел девочкам встать рядом с Ветри в нишу у подножия лестницы и куда-то ушел. Вернулся он вместе с каким-то невысокого роста мужчиной. У незнакомца были черные волосы, большой подбородок и светлая кожа уроженца Северной Индии. Он с ног до головы осмотрел девочек и улыбнулся Пракашу.

— Хорошая работа, мой друг. — Судя по акценту, он был действительно не из Ченнаи.

— Я так и думал, что они тебе понравятся.

Мужчина передал Пракашу черную сумку.

— Двенадцать тысяч рупий, по шесть за каждую. На две тысячи больше, чем обычно.

Пракаш скривил губы.

— Я просил пятнадцать.

— Тринадцать, не больше, — возразил мужчина. Он полез в карман брюк, достал две купюры по пятьсот рупий и протянул их Пракашу.

Пракаш кивнул, взял деньги и молча ушел.

— Меня зовут Амар, — представился незнакомец. — Ветри — мой помощник. Он поедет с вами. Ехать мы будем долго, а народу в поезде много. Ведите себя естественно, но разговоры старайтесь не поощрять. Если одна из вас не послушается, наказана будет другая.

— Куда вы нас везете? — в который раз спросила Ахалья и сжала ладонь Зиты, чтобы подбодрить сестру. Ей приходилось слышать истории о мужчинах, которые соблазняли женщин, деревенских жительниц, оставить семьи и перебраться в город, а потом заставляли их работать за копейки, а то и вообще бесплатно. При мысли о том, что они будут день и ночь заниматься черной работой в какой-нибудь дыре, Ахалья вздрогнула.

Амар сузил глаза.

— Скоро узнаете, — пообещал он. Они с Ветри переглянулись, потом Амар показал на платформу: — Отведи их на места.

Ветри кивнул и повел девочек в конец поезда. Они забрались в вагон. Большинство мест было уже занято, но Ветри удалось найти свободные в центре вагона. На скамейке напротив сидела пожилая женщина. Она улыбнулась Ахалье, но ничего не сказала. Рядом с ней расположился полный мужчина средних лет. Он дремал. Скамейка прогибалась от его веса; между ног мужчины стоял чемодан.

Хотя на улице было по-утреннему свежо, в вагоне уже начинало становиться жарко от множества разгоряченных тел. В воздухе стоял крепкий запах пота. Где-то в начале вагона плакал ребенок, а в соседнем купе двое мужчин вели громкий спор о тамильской политике. Их голоса

буквально заполняли пространство. Ахалья подумала, что им предстоит крайне неприятное путешествие.

Она подтолкнула Зиту на место возле окна и уселась напротив нее.

— Как ты думаешь, куда мы едем? — шепотом спросила Зита по-английски.

Ахалья взглянула на Ветри, но он был поглощен глянцевым журналом о кинозвездах и не обращал на девочек внимания. Она глубоко вздохнула.

— Я не знаю. Я никогда не слышала о таком поезде.

— Я так боюсь, — еле слышно прошептала Зита. Гул вокруг почти заглушал ее голос.

— Ты должна быть сильной, Цветочек, — сказала Ахалья. Цветочек — так называли Зиту домашние. — Если бы мама была тут, она сказала бы тебе то же самое.

К тому времени, когда взошло солнце, поезд уже покинул Ченнаи и теперь пробирался сквозь сельскую местность, мимо деревень, рисовых полей и возделанных пашен, потрескавшихся от жары. Чтобы отвлечься и занять время, Ахалья и Зита затеяли игру в стихи, в которую они часто играли в школе Святой Марии.

— Назови поэта, — сказала Ахалья. — «Свет рассыпается золотом на каждом облаке, любовь моя, и роняет алмазы в изобилии».

— Тагор, — тут же ответила Зита. — Это просто.

— Хорошо. Тогда как насчет этого? «Полнокровной жизнью живет лишь человек, уверенно идущий стезей любви к людям; тело же, лишённое способности любить, есть не более чем кости, обтянутые кожей».

— Тируваллувар, — без запинки выпалила Зита.

Ахалья решила загадать загадку потруднее:

— «Рассветный ветер, что бутоны раскрывает, несет тебе свой теплый поцелуй».

Зита задумалась.

— Не знаю, — наконец призналась она.

— Хафиз, — сказала Ахалья.

— Но это же персидский поэт, а не индийский.

— Для поэзии это не имеет значения, — заявила Ахалья.

Время шло, и народу в вагоне становилось все больше. Было невыносимо жарко и душно. Ахалья видела, что на лбу у Зиты выступили капли пота; ее собственный чуридар был влажным и липким. Вдобавок ко всему они были голодны. На каждой станции к поезду подходили торговцы, предлагавшие еду и напитки, Ветри успел и позавтракать, и пообедать, но девочкам при этом давал только бананы.

Солнце зашло в семь часов, стало немного прохладнее и легче дышать. Зита зевнула и посмотрела на сестру. Ахалья поняла ее немой вопрос. Она думала о том же самом. Поезд был забит под завязку. Люди сидели на скамьях и на полу, некоторые стояли, покачиваясь в такт движению, и Ахалья не понимала, как же все будут спать.

Но каким-то непостижимым образом всем нашлось место. Дети растянулись под скамьями, между мешками и чемоданами. Женщины сбились в кучки — так они чувствовали себя в большей безопасности. А мужчины улеглись где придется, сгибаясь под немыслимыми углами, поджимая под себя руки и ноги.

Ахалья обняла Зиту и прочитала про себя молитву, которой их научила Амбини. Она попросила Лакшми послать им здоровья, удачи и храбрости. Ахалья знала, что им понадобится и то, и другое, и третье — куда бы они ни направлялись.

Ночь была беспокойной. Люди ворочались, дети хныкали и кричали, но и Зите, и Ахалье

удалось немного поспать. Под утро усталость все же сморила и их.

Когда Ахалья открыла глаза, она заметила, что поезд замедлил ход. Народу в вагоне стало меньше. Многие из тех, кого она запомнила, уже вышли. Поначалу огней за окнами было совсем мало, но вскоре стали появляться какие-то здания. Страх, который Ахалье удавалось подавлять в течение путешествия, возник с новой силой. Большинство из оставшихся пассажиров еще спали, но некоторые уже потягивались, разминали затекшие ноги, прохаживались по вагону. Было очевидно, что поезд скоро прибудет к месту назначения.

Ахалья обернулась и увидела, что Зита тоже проснулась и вглядывается в проплывающий за окнами пейзаж.

— Это город больше, чем Ченнаи, — тихо заметила она.

— Да, — согласилась Ахалья и прижала сестру к себе.

Поезд замедлил ход, и спустя несколько минут показалась платформа. Над скамьями девочки увидели таблички с названием станции. «Дадар», было написано на них. К сердцу Ахалье подступил холодок. Она знала, где находится станция Дадар.

Они были в Бомбее.

Поезд остановился. Пассажиры подхватили свои чемоданы и принялись протискиваться к выходу, толкая перед собой детей. Амар вошел в вагон и, распихивая людей, приблизился к ним.

— За мной, — скомандовал он, ничего не объясняя.

Станция Дадар в предрассветной дымке напоминала сумасшедший дом. Лампы дневного света над платформой бросали мертвенный голубоватый отблеск на лица людей. Десятки таксистов призывно тянули к ним руки, предлагая Амару воспользоваться их услугами. Все говорили на чужом, незнакомом языке. Ахалья огляделась в поисках полицейского, но не заметила ни одного. Если бы сейчас она кинулась бежать, то, наверное, сумела бы затеряться в толпе. Но она не могла дать знак Зите и не могла оставить ее одну.

Амар полез в карман куртки и вытащил оттуда другие билеты.

— Надо поторопиться, — сказал он и показал на другую платформу. — Местный поезд прибудет с минуты на минуту.

По мосту они перешли на другую платформу. Через несколько секунд с севера подъехала пригородная электричка. Она была набита людьми до отказа. Мужчины висели в открытых дверях, держась за поручни. Казалось, для толпы, собравшейся на платформе, в электричке нет ни единого свободного сантиметра.

— Держитесь ближе к Ветри, — быстро проговорил Амар. — Придется потолкаться, чтобы попасть в вагон.

Поезд остановился, и пассажиры ринулись к дверям. Ахалья крепко взяла Зиту за руку, толпа подхватила их и потащила вперед, так что приходилось почти бежать. Возле дверей напор усилился — войти внутрь было невозможно. В толпе вдруг возник проход, и девочек буквально внесло в вагон. Вслед за Ветри они протиснулись в центр вагона и ухватились за металлические поручни над головой. Тела стиснули их со всех сторон.

Электричка шла довольно быстро, минуя множество станций. Минут через десять Ветри, работая локтями, пробрался ближе к девочкам и сообщил, что они выходят на Мумбаи-Сентрал.

Мумбаи-Сентрал сверкал огнями. Вместе с Ветри они выбрались на платформу. Там их встретил Амар и сквозь двойные двери провел к уже ожидающему такси. Он сказал что-то неразборчивое водителю, и все сели в машину. Путешествие продолжалось.

Город постепенно просыпался под лучами восходящего солнца. Они находились в каком-то густонаселенном районе. Мимо проносились черно-желтые такси, напоминавшие огромных

шмелей; пешеходы то и дело норовили броситься под колеса, лавируя в оживленном транспортном потоке. Некоторое время такси ехало по основной магистрали, потом свернуло на небольшую запыленную дорогу, которую пересекали несколько еще более узких улиц. Здесь народу было гораздо меньше. Им встретилась пара-тройка женщин, переругивавшихся с уличными торговцами, но в общем район оказался на удивление тихим.

Такси притормозило у обочины, и Ахалья увидела, что к нему тут же двинулся мужчина в серой рубашке и черных джинсах. Ему было примерно столько же лет, сколько их отцу, но волосы у него были почти совсем седыми. Амар вылез из машины и пожал мужчине руку. Ветри велел девочкам выйти. Седовласый внимательно осмотрел их.

— Неструганая древесина? — непонятно спросил он.

— Да, — ответил Амар.

— Сорок тысяч, — авторитетно заявил седовласый.

— Семьдесят пять, — возразил Амар.

Мужчина нахмурился.

— Шестьдесят тысяч, и не больше.

— Хорошо, — согласился Амар. — Вы быстро их возместите.

Мужчина еще раз взглянул на девочек.

— Пошли, — бросил он.

Ветри и Амар остались стоять возле такси, а Ахалья и Зита вслед за седовласым вошли в дом. За дверью оказалась узкая и крутая лестница. Дверь на верхней площадке была открыта. Рядом с ней стоял молодой человек в темной рубашке и джинсах.

— Отведи их в верхнюю комнату, — сказал седовласый.

Молодой человек кивнул.

— Сюда, — показал он.

Комната, нечто вроде прихожей, но с окном, занавешенным шторой, была выкрашена в желтый цвет. В ней не было ничего, кроме углового дивана и зеркала на противоположной от входа стене. Там же находилась еще одна дверь. Молодой человек повел их туда. Они очутились в коридоре футов двадцати длиной, с множеством дверей. Все они были закрыты. Ахалья слышала, как за ними ходят и переговариваются вполголоса люди, но никто не вышел поздороваться.

В конце коридора стоял большой деревянный книжный шкаф. Их провожатый нащупал что-то на его левой стенке и потянул на себя. Шкаф неслышно отодвинулся в сторону — петли были щедро смазаны маслом; за ним была еще одна лестница. Молодой человек скользнул внутрь и махнул девочкам, чтобы они следовали за ним.

Ахалья вцепилась в дрожащую руку Зиты и не сдвинулась с места.

— Я никуда не пойду до тех пор, пока вы не скажете, где мы находимся, — сказала она на хинди, стараясь, чтобы ее слова прозвучали как можно более твердо.

Молодой человек нахмурился:

— Ты не в том положении, чтобы выдвигать требования.

Сердце Ахальи бешено заколотилось, но она взяла себя в руки и язвительно произнесла:

— Вы не можете делать с нами все, что вам заблагорассудится. Мы ваши гости. Как вы себя ведете?

— *Kutti!* Сука! — прошипел он.

Грубое слово шокировало Ахалью. Молодой человек сделал шаг назад, в коридор, размахнулся и ударил ее по лицу. Ахалья отлетела к стене; из разбитой губы потекла кровь.

— Будете выступать — мало не покажется, — пообещал он. — Вы теперь наши. Сухир заплатил за вас шестьдесят тысяч рупий. Вы будете делать то, что вам скажут, и отрабатывать

свой долг.

Зита умоляюще посмотрела на Ахалью:

— Пожалуйста, не спорь с ним. Делай, что он скажет.

Ахалья прижала ладонь к пылающей щеке. Потом взяла Зиту за руку и ступила на лестницу. Стены здесь были почти черными от сажи и плесени. Молодой человек проводил их в маленькую комнатку, где стояли кровать, комод с зеркалом, туалет и раковина. Он покрутил лампочку, свисавшую с деревянного потолка. Загорелся свет.

— Будете жить здесь, если только Сухир не решит перевести вас в другое место. Еду будут приносить сюда. Если что-то срочно понадобится, постучите в пол. Кто-нибудь вас услышит.

— Как мы будем выплачивать наш долг? — тихо спросила Ахалья.

Молодой человек ухмыльнулся.

— *Bajaana*. Будете спать с мужчинами, конечно. — Он расхохотался. — Ты же не думала, что это отель, а? Это Каматипура^[9].

Он еще раз рассмеялся, вышел и запер за собой дверь.

Зита упала на пол и тихо разрыдалась. Ахалья опустилась на колени рядом и обняла сестру. Голова у нее кружилась. Неужели после всего, что им пришлось пережить, человек с седыми волосами, Сухир, собирается ими торговать? Заставлять заниматься сексом за деньги? Это просто не укладывалось у нее в голове. Зита была еще совсем девочкой. Да и она никогда не была с мужчиной. Одна мысль об этом наполняла Ахалью нестерпимым ужасом.

В дверь постучали. Ахалья подняла голову. В комнату вошла женщина средних лет в фиолетовом сари. Ее волосы были убраны в аккуратный узел. В одной руке женщина держала кувшин с водой, а в другой гирлянды нежно пахнущих цветов малати.

— Вы говорите на хинди? — спросила женщина.

Ахалья кивнула.

— Хорошо. Меня зовут Сумира, но другие девочки называют меня бади-ма.

Сумира села напротив и вынула из кувшина мокрую полотняную салфетку. Выжав ее, она протянула салфетку Ахалье.

— Наверное, вы устали в пути.

Ахалья, недоверчиво глядя на женщину, взяла салфетку и передала ее Зите. Зита вытерла лицо и приложила салфетку ко лбу.

— Я принесла гирлянды для волос, — продолжила Сумира — Заплести вас?

Ахалья ничего не ответила. Целое море разных чувств вдруг нахлынуло на нее. Каждый год, в день ее рождения, мама вплетала ей в волосы гирлянды цветов жасмина и бархатцев. То же самое она делала в день рождения Зиты. Цветы в волосах — символ радости и праздника. Здесь дом греха. Как эта странная женщина может предлагать им сделать такое?

Сумира кивнула и посмотрела на нее понимающе.

— Когда-то я была такой же, как и ты, — сказала она. — Незнакомые люди увезли меня из дома, и я оказалась здесь. Жизнь в *adda* тяжела, но вы должны научиться принимать ее. Нет смысла бороться с кармой. Подчинитесь воле Бога, и, может быть, в следующей раз вы родитесь в лучшем месте.

Положив гирлянды на край кувшина, Сумира тяжело поднялась и вышла из комнаты.

Зита еще раз намочила салфетку и дала ее Ахалье.

— Как ты думаешь, это правда? — шепотом спросила она. — Это наша карма?

Ахалья взяла салфетку и уставилась в пол. На глазах у нее закипали слезы.

— Я не знаю, — сказала она.

И она действительно не знала.

Главный нравственный закон состоит в том, чтобы неустанно трудиться во благо человечества.

Махатма Ганди

Вашингтон, округ Колумбия.

Томас Кларк сидел в конференц-зале на десятом этаже «Клэйтон-Свифт» и смотрел в окно, на здание расположенной прямо напротив юридической фирмы «Маркиз и Леклер». Черный деревянный стол был рассчитан на двадцать четыре человека. На совещании присутствовало шестнадцать — двенадцать адвокатов, два помощника юриста и два интерна. Для дела «Уортон групп» была созвана самая большая в истории фирмы команда.

Темой сегодняшнего собрания была апелляция «Уортон». Из двенадцати адвокатов говорили в основном пятеро. Остальные, включая Томаса, молчали. Часы отсчитывали секунду за секундой. Каждая минута будет учтена хитрой компьютерной программой, которую фирма использовала для выставления счетов. Встреча была решающей. Руководство угольной компании, возмущенное вердиктом жюри, рвало и метало.

Никто не хотел верить, что это все-таки случилось. Три года юристы «Клэйтон» вели игры с судебной системой, пытаясь не допустить, чтобы дело о преступной небрежности, повлекшей за собой смерть людей, дошло до слушания, сражаясь за каждое пенни, — обвинитель требовал взыскать с «Уортон групп» миллиард долларов. Все доказательства были не в пользу «Уортон». Активисты экологической организации не раз старались привлечь внимание общественности к состоянию одной из угольных шахт в Западной Виргинии, принадлежавшей компании, предсказывая взрыв. Против подрядчика, объявившего, что трубопровод вполне надежен и с гидросмесью ничего не случится, было возбуждено уголовное дело. Кроме того, пострадавшими были дети. Погиб девяносто один ребенок. Их затопило прямо во время обеда, когда пятьдесят миллионов галлонов грязной воды, смешанной с частицами горной породы, из прорвавшегося трубопровода хлынули в столовую начальной школы, расположенной поблизости. Единственным способом одержать победу над семьями погибших для «Уортон групп» было не дать им изложить свои истории перед жюри.

И эта стратегия едва не сработала. Угольная компания с практически неисчерпаемыми средствами и «Клэйтон» так сильно давили на истцов, что те оказались на грани гражданской войны, едва не перессорившись между собой, и почти согласились на мировую с «Уортон». Но потом все же отказались от примирения, и дело было передано в суд. Таким образом, вопрос теперь заключался в том, насколько суровым будет приговор.

После трех жутких недель слушаний жюри удалось для принятия решения. Они вернулись спустя час с вердиктом, который поразил даже самых толстокожих, выдавших виды адвокатов-ветеранов: 300 миллионов долларов в качестве компенсации ущерба и 600 миллионов штрафа. Девять десятых миллиарда долларов. Это был не просто прецедент. Это была разорвавшаяся бомба.

Эффект оказался немедленным и ужасным. За одну ночь акции «Уортон групп» упали наполовину. Но в «Клэйтон» считали, что последнее слово еще не сказано. Давая интервью у входа в здание суда, глава корпорации «Уортон» заявил, что его компания отрицает свою вину и готова оспаривать дело дальше в Верховном суде США. В действительности он собирался просто потянуть время. Даже если вердикт будет признан окончательным, истцам придется ждать своих денег пять лет, и никто не знал, что еще может произойти до этого.

Несмотря на то что обсуждались важные вопросы, Томас с трудом заставлял себя сосредоточиться на предмете совещания. Его мысли возвращались то к похищению в Фейетвилле, то к Тере Атвуд, сидящей напротив, то к школьным фотографиям, которые адвокаты истцов предъявили жюри. То, что он сказал вчера отцу, являлось чистой правдой: трудно испытывать симпатию к компании, из-за которой погибла целая школа ребятишек. С другой стороны, личная симпатия или антипатия к «Уортон» не имела никакого значения для дела. Задачей адвоката было защищать своего клиента, и пусть другие решают, прав он или не прав.

Томас внутренне встряхнулся и вернулся к обсуждению. Слово взял Максимилиан Юнгер, управляющий партнер «Клэйтон-Свифт», глава группы по делу «Уортон» и по совместительству старый приятель отца Томаса.

— Над апелляцией будет работать команда под началом Марка Блейка, — заявил Юнгер. У него был глубокий, красивого тона голос — в течение тридцати лет Юнгер очаровывал с его помощью членов жюри. — Помощником назначается Ханс Кристоф.

Он нажал кнопку на пульте, и на жидкокристаллическом экране, укрепленном между двумя раздвижными деревянными панелями, появились фамилии адвокатов, задействованных в вопросе апелляции. Томас немного расстроился — его имени в списке не было. Он взглянул на Теру, которую, в отличие от него, отобрали в команду. Она улыбнулась в ответ, но глаза у нее были грустные. Больше им не придется работать бок о бок.

Он перевел взгляд на Юнгера.

— Всех остальных хочу от лица фирмы поблагодарить за отличную работу в течение последних сорока месяцев, — продолжил тот. — Несмотря на то что жюри вынесло вердикт не в нашу пользу, у нас есть немало поводов для подачи апелляции. Если вас нет в списке, обратитесь к партнеру, который вас курирует, — у нас множество дел, требующих вашего неотложного участия.

Юнгер посмотрел на часы на стене. Тридцать минут, отведенных на встречу, истекли.

— Спасибо за внимание, — завершил он. — Совещание окончено.

Томас быстро встал и устремился к двери, надеясь избежать разговоров с коллегами, и особенно с Терой. Однако в коридоре его догнал Макс Юнгер, и они пошли к лифту вместе. В кабине Макс нажал на кнопку двенадцатого этажа; Томас потянулся к седьмой, но Юнгер остановил его.

— Давно ты ко мне не заглядывал. Может, пойдем поговорим у меня в кабинете?

Томас кивнул, но сердце его учащенно забилося. Разговор с Юнгером наедине не сулил ему ничего хорошего. Хорошие новости, как правило, объявляются прилюдно.

— Как там отец? — начал Юнгер.

— Прекрасно. — Томас постарался успокоить нервы. — Все время вас вспоминает.

— И использует меня в качестве мишени для своих шуточек, я полагаю, — сокрушенно улыбнулся Макс. — Он еще в университете так делал.

До того как получить судейскую мантию, отец Томаса являлся одним из самых успешных адвокатов «Клэйтон» и коллегой Юнгера, а еще раньше они вместе изучали юриспруденцию в университете Виргинии.

Двери лифта открылись. Вслед за Юнгером Томас прошел через элегантный холл двенадцатого этажа в его кабинет. В комнате могло спокойно уместиться не меньше пятнадцати кабинок, таких, как те, где сидели рядовые адвокаты и помощники вроде Томаса. Стены кабинета были обшиты панелями из вишневого дерева и увешаны книжными полками и дорогими картинами. Даже в лучшие времена Томас находил обстановку кабинета слегка устрашающей. Теперь же ему казалось, что он вот-вот задохнется.

— Устраивайся поудобнее. — Юнгер показал на мягкий, слишком пухлый диван и несколько

кресел.

Томас уселся в кресло; сам Макс сел на диван, закинул ногу на ногу, сложил пальцы домиком и бросил на Томаса пронизывающий взгляд. Глаза у него были карие, орехового оттенка.

— Как твои дела? — спросил Юнгер. — Как ты вообще? Вы ведь потеряли дочку в сентябре, так?

Томас глубоко вздохнул и кивнул.

— По-разному. Бывают хорошие дни, бывают плохие. Все примерно так, как обычно при таких обстоятельствах.

— Хмм... — Юнгер помолчал. — Когда мы с Марджи потеряли Морган, я чувствовал себя так, будто нахожусь под водой. И понятия не имею, в какой стороне воздух и как мне вынырнуть.

Томас слышал эту историю от своего отца. Шестнадцатилетняя дочка Юнгера, Морган, десять лет назад погибла в автокатастрофе — столкнулась лоб в лоб с грузовиком, который вез бревна.

— Подходящее сравнение, — согласился Томас.

— И знаешь, что вернуло меня к жизни? Что открыло мне новые горизонты?

Томас покачал головой.

— Это была идея Марджи. Она сказала, что мне нужен перерыв. Что я должен отдохнуть от фирмы. Помню, я еще засмеялся. Когда сам станешь партнером, ты поймешь — подходящего времени для отдыха не бывает никогда. Но она продолжала настаивать на своем, и в конце концов я согласился. Она просто не оставила мне выбора. Я позвонил Бобби Паттерсону — он тогда был деканом в Виргинском университете — и спросил, не пригодится ли ему старый боевой конь в качестве преподавателя. И это оказалось самым лучшим решением из всех возможных. Преподавательская деятельность действительно подарила мне новую жизнь.

Юнгер замолчал. Томас ждал, когда же наконец босс опустит топор. Тикали часы на стене. Это был единственный звук в кабинете, если не считать грохота его собственного сердца.

— Я разговаривал с Марком Блейком, — снова заговорил Макс.

Томас напрягся. Его подозрения подтверждались.

— Он рассказал мне о деле Сэмюэлсона.

Томас чуть скривил губы, но промолчал. Нападение в данном случае вряд ли будет являться лучшей защитой.

— Мне кажется, что Марк отреагировал слишком остро. Но ты ведь понимаешь, под каким адским давлением он находится, возглавляя группу по делу «Уортон» в суде. «Уортон Коул» заплатила фирме двадцать миллионов — огромные деньги. Джек Бэрроуз, глава компании, очень надеялся, что мы не допустим, чтобы жюри показали эту воспроизведенную на компьютере модель взрыва. Ужас. Дети пытаются спастись, мечутся, сталкиваются друг с другом. Поток настигает их. Маленькие отметки на тех местах, где лежали тела, — красные для мальчиков, синие для девочек. В высшей степени провокационное, подстрекательское видео, к тому же основанное на недоказуемых предположениях. Ну, кому, как не тебе, знать суть дела. Ведь это ты писал бриф.

Томас кивнул.

— От дела Сэмюэлсона зависело практически все. Марк возлагал на твой бриф большие надежды. Как можно его винить? Судья, который написал мнение, — друг судьи Хиршела. В брифе все было изложено очень красиво. Что доказательство не имеет под собой научной базы, что это способ манипулировать жюри, сыграть на их лучших чувствах. Можешь себе представить, как оскорблен был Марк, когда судья Хиршел сообщил ему, что апелляционный суд отменил свое решение. Джека Бэрроуза чуть удар не хватил. Мне кажется, он тоже отреагировал

слишком остро. По-моему, судья в любом случае разрешил бы истцу продемонстрировать жюри компьютерную модель. Но Бэрроуз обвинил в неудаче именно Марка.

Юнгер пристально посмотрел на Томаса:

— Полагаю, я не сказал тебе ничего нового, верно?

Томас покачал головой.

— Но есть кое-что еще, и эта информация конфиденциальна. После того как был вынесен вердикт, Бэрроуз пригрозил возбудить против нас иск о ненадлежащем исполнении договора по предоставлению услуг. Жалоба у нас на столе. В фирме мало кто об этом знает. Мы надеемся, что апелляция сможет как-то исправить положение.

Томас побледнел. Он не знал, что угольная компания поставила вопрос подобным образом.

— Как бы там ни было, насколько я понимаю, твой взгляд на то, что произошло, отличается от взгляда Марка. Но все это уже не имеет значения. Марку досталась роль мальчика для битья, а клиента нужно каким-то образом успокоить. Некоторые предлагали принять кардинальные меры, но я решил вмешаться. Я сказал, что это не твоя вина. Это вина фирмы. Мы вместе совершили ошибку. — Юнгер развел руками. — И вместе должны нести за нее ответственность.

Он снова замолчал, а потом резко сменил тему разговора:

— Томас, знаешь, за что я так люблю твоего отца?

— Нет, сэр.

— Он прекрасный человек, да, и верный друг, и великолепный адвокат и судья. Но что восхищает меня в нем больше всего, так это то, что он никогда не останавливается. Не успокаивается до тех пор, пока не выполнит свою работу идеально. В тебе я вижу то же качество. Я знаю, как много ты отдал делу «Уортон». Я восхищаюсь твоим упорством и трудолюбием. Но будем честны: твои личные обстоятельства отразились на результатах не лучшим образом. Ты со мной согласен?

Томас был с этим категорически не согласен. Он говорил Марку Блейку, что по делу Сэмюэлсона была подана апелляция. Что апелляционный суд скоро вынесет решение. Он советовал Марку сообщить об этом судье Хиршелу. В конце концов, Марк сам себя посадил в лужу, потому что был слишком упрям, чтобы прислушиваться к чужому мнению. Но ничего этого Томас сказать не мог. Во всяком случае, не управляющему партнеру, когда жюри вынесло вердикт выплатить девятьсот миллионов, а над фирмой висит иск о недобросовестной практике.

Он постарался проглотить горечь и раздражение.

— Полагаю, вы правы.

Юнгер кивнул.

— Я не виню тебя в этом. Но итог таков: тебе необходимо сделать паузу. Поэтому предлагаю два возможных варианта. Первый — это отпуск. Я проверил, у тебя накопилось восемь недель неиспользованных выходных. Поезжай на Бермуды или на Бали. Проведи время с Прией в спальне. Вернись к самому себе.

Внутри у Томаса все кипело, но он придержал язык.

— А второй вариант? — спросил он. Пусть наказание, но не исчезновение же с лица земли!

Юнгер улыбнулся:

— Второй вариант может подойти тебе больше. Невозможно полностью оправиться от потери ребенка. Но можно продолжать жить дальше. Есть такой способ. Нужно переключиться на что-нибудь стоящее.

Юнгер сцепил руки на колене.

— Как тебе известно, каждый год «Клэйтон» предоставляет одному из адвокатов возможность потрудиться на благо общества. Мы полностью оплачиваем расходы на поездку и проживание в любой точке мира. Наши сотрудники взаимодействуют с ООН, с Евросоюзом и

другими крупнейшими общественными организациями. Кандидат на этот год уже выбран, но мы обсудили это с другими партнерами, и они согласились выделить грант для тебя. Если ты хочешь, разумеется.

Томас был поражен. Он почти воочию увидел язвительную улыбку Прийи. Годовое благотворительное сотрудничество с общественной организацией? Он почувствовал себя прокаженным.

— Я ценю вашу искренность, сэр, — выговорил наконец Томас, — но все это напоминает мне ссылку в Сибирь.

Юнгер пожал плечами:

— Называй как хочешь. Выбор за тобой.

Томас сделал глубокий вздох.

— Ну хорошо, — решил он. — Предположим, я последую вашему совету и на время куда-нибудь уеду. Как воспримут это в фирме? Люди будут задавать вопросы.

Еще только произнося эти слова, Томас заранее знал ответ.

— Мы скажем всем, что ты взял отпуск по причинам личного характера, — заявил Юнгер. — Все знают о несчастье с твоей дочкой.

Все было спланировано заранее. Шах и мат.

— Что будет, когда я вернусь? — устало спросил Томас.

— Я лично прослежу за тем, чтобы тебя тут же включили в работу над лучшим текущим делом. Очень скоро никто и не вспомнит, что ты отсутствовал.

Томас посмотрел в окно, пытаясь успокоить свое уязвленное самолюбие.

— Я все обдумаю и сообщу вам свое решение.

Выражение лица Юнгера не изменилось, но его поза стала гораздо более расслабленной.

— Именно об этом я тебя и прошу.

В шесть часов вечера Томас покинул офис «Клэйтон-Свифт», зная, что вернется туда очень не скоро. С неба сыпался мелкий, страшно холодный дождик, и тротуары были покрыты ледяной коркой. Он быстро обогнул группу адвокатов, спешивших в «Хадсон» на счастливые часы, и спустился в метро на «Макферсон-сквер». На «Фогги-Боттом» Томас вынырнул наружу и поймал такси до Джорджтауна. Когда он вышел из такси у порога собственного дома, в воздухе закружились первые снежинки.

В прихожей Томас стащил с ног промокшие ботинки и поднялся наверх, чтобы переодеться. Он уже собирался спуститься в кухню и приготовить себе поесть, когда пискнул Black-Berry, сообщая о том, что пришел новый имейл. Письмо было от Эндрю Портера, с которым Томас учился в юридической школе. Теперь Эндрю работал в Министерстве юстиции.

«Эй, друг, как насчет тенниса сегодня? Ничего не отменяется? В семь в теннисном центре?»

Томас чертыхнулся. Они договаривались о матче почти месяц назад, и запись об этом была в ежедневнике, но тем не менее он умудрился забыть. В голове мелькнула соблазнительная мысль все отменить, но Томас быстро отбросил ее прочь. Куда полезнее будет поиграть в теннис, чем киснуть в одиночестве.

Быстро захихнув в себя сэндвич с тунцом и яблоко, он выскочил из дома, запер парадную дверь и пошел к своей «ауди», припаркованной на тротуаре напротив.

Благодаря непогоде путь до парка «Ист-Потомак» занял больше времени, чем предполагалось. Портер уже ждал его в раздевалке. Он был меньше ростом и плотнее, чем Томас,

но при этом его тело было словно выточено из куска мрамора — Паркер являлся фанатом спортзала.

Они пожали друг другу руки.

— Готовь саван, — дружелюбно предложил Паркер. — Сейчас тебе придет конец. Я отработал новую подачу.

— Я тоже рад тебя видеть, — заметил Томас. — Но до того, как ты размажешь меня по стенке, дай мне хотя бы стряхнуть с себя плесень. Сколько мы уже не играли? Два месяца?

— Ты — два месяца. А я неделю. «Клэйтон» не дает тебе жить, дружище.

— Даже не представляешь себе, насколько ты прав.

Томас переоделся в форму, и, прихватив снаряжение, они вышли на корт. В теннисном центре «Ист-Потомак» было девятнадцать уличных кортов и пять крытых. Последние помещались в огромной надувной палатке, которую завсегдатаи любовно называли «пузырь». Хотя снаружи шел снег, температура внутри «пузыря» была вполне комфортной.

Томас и Эндрю немного попрыгали, разминаясь, и сделали пару упражнений на растяжку.

— Итак, как поживают наследники Ларри Флинта? — поинтересовался Томас.

Портер усмехнулся.

— Флинт — это просто мальчик из церковного хора. По сравнению с низшими формами жизни, с которыми мне приходится иметь дело.

Паркер начал свою карьеру в министерстве юстиции как государственный обвинитель по делам о мошенничестве с ценными бумагами. Работа, однако, вскоре показалась ему невероятно скучной и отупляющей, и наверху быстро поняли, что, если они хотят удержать ценного сотрудника в структуре, ему нужно предоставить дела поинтереснее. Эндрю перевели в СЕОС^[10] — Отдел борьбы с эксплуатацией и надругательством над детьми — и доверили ему самые мрачные дела — о детской порнографии. Большинство «благородных» юристов к такому даже не притронулись бы, но Портер, напротив, взялся за работу с большим энтузиазмом.

— Начали! — Подхватив ракетку, Портер двинулся к задней линии. Чтобы разогреться, он сделал несколько легких подач, а потом мощно послал мяч прямо в угол.

Томас одобрительно присвистнул:

— Неплохо.

Он тоже сделал несколько пробных ударов и подошел к задней линии.

— Ну давай, покажи мне, на что ты способен.

Сейчас, когда он стоял на корте с ракеткой в руках, можно было представить себе, что жизнь снова нормальна. Почти.

Почти.

Они сыграли два сета, и Портеру удалось взять всего несколько геймов. Томас знал наверняка, что проигрыш невероятно разозлил его, но Портер ничем не выдал своего раздражения. Он вообще обладал прекрасным характером. Закончив игру, они подошли к сетке, чтобы пожать друг другу руки.

— А ты хорош. — Эндрю стиснул ладонь Томаса. — Ты уверен, что дело не в стероидах?

Томас засмеялся:

— Мне просто нужно было сбросить напряжение. Агрессии поднакопилось.

Лицо Портера посерьезнело.

— Как Прийя? Справляется?

Томас решил, что проще будет сказать правду. Он рассказал, что Прийя ушла, и передал Эндрю краткое содержание своей беседы с Максом Юнгером.

Портер покачал головой.

— Мне очень жаль, что все так получилось с Прийей. Мне всегда казалось, что между вами

есть что-то особенное. Что-то настоящее. Может, вы еще помиритесь?

— Вряд ли, — честно ответил Томас.

— А от всей этой истории с «Клэйтон» меня просто тошнит. — Портер сменил тему. — Поверить не могу, что они взяли и вот так тебя выставили. Вердикт по делу «Уортон» был вполне заслуженным. По-моему, так еще и недостаточно жестким. И при этом они обвиняют фирму в недобросовестной практике! Дурная шутка.

— Может быть. Но того, что они нам заплатили, хватило, чтобы выплатить годовые зарплаты половине адвокатов.

— Так что ты собираешься делать?

Томас пожал плечами:

— Понятия не имею. А ты что посоветуешь?

— На твоём месте я бы свалил отсюда. Округ Колумбия — жуткое место в это время года. И я бы подумал о годичном отпуске. «Клэйтон» выжал из тебя все соки. По глазам видно.

Портер был прав на сто процентов, и возразить на это было абсолютно нечего. Они зачехлили ракетки и направились в раздевалку.

— Ты когда-нибудь слышал об объединении под названием CASE?^[11] — спросил Томас. — Думаю, они имеют отношение к министерству юстиции.

Паркер кивнул:

— Конечно. Они занимаются делами о торговле людьми и сексуальном насилии в странах третьего мира. Парень, который основал объединение, раньше был большой шишкой в Организации по защите прав человека. А что?

— Они были в списке организаций, с которыми «Клэйтон» сотрудничает на благотворительной основе.

Паркер поднял бровь.

— Хочешь поработать там?

Томас пожал плечами:

— А это тебя удивляет?

Портер открыл дверь в раздевалку.

— Ну, скажем так... бордели Камбоджи находятся далековато от Кей-стрит.

Томас прекрасно понимал, что Эндрю имеет в виду. Еще неделю назад он не обратил бы внимания на существование CASE. Торговля людьми являлась страшным злом, с этим никто не спорил, но, как и эпидемия СПИДа, и, скажем, детский труд, находилась где-то очень далеко от его мира. Случай в Фейетвилле все изменил. Дело Эбби Дэвис коснулось лично Томаса.

Он присел на скамейку.

— Вчера со мной кое-что случилось, — объяснил он. — На моих глазах украли девочку.

Портер бросил расшнуровывать туфли и поднял голову:

— Ты не шутишь?

Томас покачал головой.

— Ей было одиннадцать лет.

Он вкратце описал Портеру похищение и свой разговор с Судьей за обедом.

Портер немного помолчал.

— Наверное, твой отец прав насчет организованной торговли детьми. Это самое вероятное. И я почти уверен, что ее продадут.

— Детектив в Фейетвилле говорил, что к делу могут привлечь федералов, — сказал Томас.

Портер прищурился:

— Вполне возможно.

— Твой отдел будет иметь к этому отношение?

Портер немного помялся:

— Может быть. У нас в разработке находится сеть, покрывающая юго-восток. — Он остановился. — И это конфиденциальная информация.

Томас кивнул. Позиция Портера была ему совершенно ясна, и он был полностью с ней согласен.

— Не надо деталей. Но пожалуйста, окажи мне услугу. Если девочка выплывет, дай мне знать, хорошо?

— Конечно, — согласился Портер. — Но не хочу тебя обнадеживать. Как правило, в тех делах, которыми я занимаюсь, счастливых концовок не бывает.

Томас попрощался с Паркером на стоянке у теннисного центра, сел в машину и поехал обратно в Джорджтаун. Припарковавшись на тротуаре, он заметил, что в доме горит свет. Он уезжал в такой спешке, что забыл его погасить. Теперь снег падал крупными хлопьями. За то время, пока Томаса не было, выпало не меньше дюйма.

Он закрыл машину и двинулся к крыльцу. Он не слышал, как она подошла, — заметил ее только тогда, когда она дотронулась до его локтя.

— Эй.

Тера застала его врасплох. Не зная, как реагировать, он довольно долго просто смотрел на нее. Слова не шли с языка. На ней были черные кожаные сапоги и приталенное пальто до колен в черно-белую клетку. Шею закрывал малиновый шелковый шарф. В ушах сверкали маленькие бриллиантовые сережки. Тера, без сомнения, была самой элегантной женщиной из всех, кого он знал.

— Что ты тут делаешь? — наконец выговорил Томас.

— Я тебе звонила, но никто не брал трубку. Я хотела тебя видеть. — Ее голос был мягким и обволакивающим. Не сводя с Томаса глаз, Тера взяла его за руку. — Я соскучилась.

Томас вспомнил о гостеприимстве:

— Ты конечно, зайдешь? Выпьем чего-нибудь.

Они вошли в прихожую. Тера сняла пальто. Под ним оказалась облегающая красная водолазка и темно-серая юбка. Она была в темных колготках; на шее красовалась нитка крупного жемчуга.

Она прошла на кухню и осмотрелась. Раньше ей не приходилось бывать у Томаса дома.

— Мне нравятся такие старые дома, из коричневого кирпича, — заметила она. — Все очень красиво. Здорово получилось.

Томас вытащил из холодильника для вина бутылку бургундского, достал из ящика штопор и откупорил ее. Он действовал механически, думая при этом совсем о другом. Несмотря на то что он не хотел этого, его неодолимо влекло к Тере.

Он налил вино в два бокала и передал один ей. Они уселись на диване у окна в гостиной. На улице неслышно сыпал снег.

— Ты как будто далеко, — сказала Тера. — С тобой все в порядке?

Томас сделал глоток вина. Вкус был глубокий, терпкий, насыщенный, и он немедленно ощутил приятное тепло внутри.

— Да, в порядке.

— Мне жаль, что тебя не назначили в группу по работе над апелляцией.

Томас подумал, не сказать ли ей про Юнгера, решил, что не стоит, и пожал плечами:

— Партнеры вольны поступать так, как считают нужным. *C'est la vie.*

Она бросила на него острый взгляд:

— Что-то случилось. Я чувствую.

«Что-то — это мягко сказано», — подумал Томас.

— Да все нормально, — ответил он. Лучше уж грубо соврать, чем пускаться в объяснения.

— Не хочешь поговорить об этом?

— Не особенно.

Она замолчала, прихлебывая вино. Разговор не клеился. Ее сережки поблескивали в свете уличного фонаря.

— Зачем ты это делаешь? — вдруг спросила Тера.

— Делаю что?

— Почему ты здесь со мной?

Ответ был очевиден: потому что она пришла сама и дожидалась его возле крыльца. Но Томас понял, что на самом деле вопрос гораздо глубже.

— Не знаю, — ответил он. — Мне нравится твоё общество.

Ее глаза сверкнули, но он не понял, от гнева или от слез.

— Хочешь, чтобы я ушла? — тихо проговорила она.

Ну вот. Наконец. Главный вопрос этого часа. Вопрос, ответа на который Томас не знал. Да, он хотел бы, чтобы она ушла. Нет, он не хотел, чтобы она уходила. Он хотел, чтобы его жизнь вернулась обратно, но это было невозможно. Он хотел бы, чтобы его перестали преследовать призраки прошлого. Ему просто необходимо было тепло, прикосновение тела к телу, единение, близость, которая рождает страсть. Но перед его мысленным взором стояло совсем другое лицо. Не Теры, а Прийи — то, каким оно было раньше. Лицо девочки, навсегда покорившей его сердце в аудитории в Кембридже, в то время как ее отец, профессор, читал студентам лекцию о квантовой физике. Лицо женщины, зачавшей и родившей от него дитя.

Тера поставила бокал на стол и придвинулась ближе. Потом села к нему на колени. Ее губы оказались в паре дюймов от него.

— Я не хочу уходить, — прошептала она.

Она поцеловала его, и он не мог не откликнуться. Он забыл об ультиматуме Юнгера. О своей бывшей жене и умершем ребенке. В голове не осталось ни единой мысли. Боль перестала терзать сердце, отступив под натиском отчаянного желания. Сейчас могло действовать только тело.

Но в данную секунду этого было достаточно.

Он проснулся. Вокруг было темно. Тера спала рядом. Под потолком лениво крутился вентилятор. Лопасты едва шевелились. Он вспомнил, что случайно нажал на выключатель, когда Тера втолкнула его в спальню. Тут же явились воспоминания обо всем, что последовало за этим, необыкновенно яркие и отчетливые, но Томас не мог думать об этом сейчас. Сознание вновь вернулось к нему, чувство вины подняло голову.

Обзывая себя вполне заслуженными словами, он выскользнул из-под одеяла, натянул свитер и брюки и спустился вниз. В гостиной и в кухне по-прежнему горел свет. Одну за другой он выключил все лампы. Теперь дом освещал только горевший за окном фонарь. Голубоватый отблеск его света лежал на полированном деревянном полу. Снег прекратился; земля была совершенно белой, и Томас подумал, что выпало, должно быть, не меньше трех дюймов. Он взглянул на часы. Светящиеся стрелки показывали за полночь.

Он немного постоял у окна не двигаясь, прислушиваясь к уличным звукам. Потом подошел к двери, ведущей в подвал, и спустился по лестнице. Он знал, где искать коробку. После того как Прийя ушла, Томас сам убрал ее. Взяв ее, он снова вернулся в гостиную и сел в кресло у окна. В воздухе еще витал аромат духов Теры. Томас поставил коробку на колени и открыл крышку. Фотографии лежали как попало, в беспорядке — он просто хотел засунуть их подальше, а не

сохранить воспоминания.

Сверху оказалась фотография Прийи в свадебном платье. Она стояла в саду рядом со скамьей, со всех сторон окруженная цветами. Ее поза была непринужденной и какой-то очень свободной, как будто Прийе нравилось быть собой, как будто она чувствовала себя идеально в собственном теле — Томас находил это совершенно неотразимым. Ее огромные карие глаза смотрели куда-то вдаль, кожа казалась особенно смуглой на фоне белоснежного наряда. Она улыбалась. На лужайке неподалеку играли дети, вспомнил Томас. Прийя всегда обожала детей.

Они поженились в Ривер-Фарм, большом поместье, раскинувшемся на берегу Потомака к югу от Александрии. Свадебная церемония получилась смешанной, межэтнической, и не удовлетворила никого, кроме жениха и невесты. После традиционной христианской церемонии они скрепили свой союз ритуалом саптапади, Семи Шагов, семь раз обойдя вокруг священного огня. Прийя прочитала молитвы на хинди и вступила в свою новую жизнь. Она вышла замуж за Томаса, невзирая на неодобрение своего отца. Томас вдруг подумал, уж не навлекло ли это несчастье на их брак.

Он отложил фотографию в сторону и взял следующую. Горе нахлынуло на него снова, так, будто все произошло только вчера. На снимке была изображена Прийя, держащая на руках трехмесячную Мохини, в парке Рок-Крик. Мать и дочь улыбались друг другу. Эта фотография девочки нравилась Томасу и Прийе больше остальных. Личико, покрытое сыпью первые два месяца, очистилось, кожа напоминала шелк. Огромные шоколадные глаза были широко распахнуты. Мохини выглядела такой живой, такой радостной...

По щекам Томаса потекли слезы, но он не стал вытирать их. В который раз он вспомнил то ужасное сентябрьское утро, когда они обнаружили девочку мертвой. Вспомнил ледянящий душу крик Прийи, вспомнил, как он бежал вверх по лестнице, как пытался вырвать Мохини из рук обезумевшей Прийи. Кожа Мохини была холодной и влажной. Он попытался сделать ей искусственное дыхание, но это было бесполезно. В ушах Томаса еще были сирены «скорой помощи», подъезжающей к дому; он словно наяву чувствовал запах отделения экстренной медицинской помощи — неживой и стерильный. Врачей, которые с профессиональной невозмутимостью ощупывали и осматривали маленькое тельце его дочери, Томас просто возненавидел. Объяснение так и не было найдено. Отчет coronera гласил: СВДС — синдром внезапной детской смерти. Мохини по неизвестной причине умерла, пока они спали.

Дежурный врач разрешил им провести наедине с дочерью пятнадцать минут — перед тем, как ее тело будет отправлено в морг. Комната была абсолютно голой. Прийя взяла Мохини на руки, прижала ее к груди и принялась петь мантры на хинди. Слушая ее голос, Томас ощутил потерю еще острее, если только это было возможно. В конце концов Прийя положила Мохини на белую простыню и в последний раз поцеловала ее. После этого она отвернулась и больше дочь не видела.

Томас закрыл коробку. Посидев немного, он встал и поднялся вверх, в детскую. Колыбелька по-прежнему стояла возле стены, над ней чуть шевелились яркие мобили. Все выглядело в точности так же, как в тот вечер, когда они в последний раз уложили Мохини спать.

Томас подошел к колыбели и потрогал полированные деревянные прутья. Он сделал кроватку сам. Не потому, что хотел сэкономить деньги, конечно. Ради Прийи. Он хотел доказать ей, что может сделать это, что — еще важнее — *хочет* сделать это, что, несмотря на постоянную занятость и долгие часы, проводимые на работе, будущий ребенок важен для него. Он помнил, как улыбнулась Прийя, когда показал ей готовую колыбель. В ту ночь, впервые за долгое время, они занялись любовью. Ее огромный живот очень мешал им, но они справились. Разрядка оказалась ошеломляющей — настоящее высвобождение. С Терой все было совсем по-другому. Каждый раз, когда Томас прикасался к ней, он словно чувствовал, как вокруг его шеи

затягивается петля.

Он опустился перед кроватью на колени, уткнулся лицом в ее прутья, как будто хотел помолиться, и тихонько пропел припев из «Ты мое солнышко». Каждый вечер перед сном он пел это Мохини. Только теперь, повторяя знакомые слова, Томас осознал, что это и была молитва, молитва божеству, охраняющему детей, просьба защитить и оградить от всего дурного. Наверное, в случае с Мохини молитва не была услышана. На его глаза опять навернулись слезы.

— Прости меня, малышка. Прости. Я не сумел прийти к тебе на помощь. Я не знал, — прошептал он. Эта мысль не оставляла его со дня смерти Мохини.

Томас вышел из детской и прошел в свой кабинет. Он разбудил спящий лэптоп, открыл веб-браузер и снова подумал о двух опциях, предложенных Юнгером. Найдя в Google информацию об одном из Багамских островов, о котором он прочитал в каком-то журнале, Томас принялся разглядывать фотографии. Картинка была действительно потрясающей. Пляж, окруженный пальмами, белоснежный песок, лазурная вода. Он представил, как сидит на этом пляже вечером, любуется закатом и потягивает пинаколаду. Но что же делать в остальное время? Он будет один. Провести весь день за чтением он не сможет. Томас знал, что быстро устанет от курортного безделья. Как бы это ни было ему неприятно, но приходилось признать, что Юнгер, пожалуй, прав. Отпуск может оказаться сплошной пыткой. Ему нужен повод, чтобы вставать с постели каждое утро.

Томас закрыл сайт и заметил, что на почту пришли два новых сообщения. Первое было от матери. Строка «тема» была пустой, но он не удивился — Елена так до конца и не освоилась с электронной почтой.

«Томас, я весь день думала про тебя и твою ситуацию. И вот что пришло мне в голову. Ты сказал, что Прийя не вернется, но я заметила, что ты не упомянул о разводе. Если это вышло случайно, тогда не обращай на мое письмо внимания. Но если нет, тогда подумай вот о чем: почему бы тебе не поехать за ней в Индию? Может, стоит дать вашему браку последний шанс? Я знаю, это безумная идея. Она может тебя отвергнуть. И ты вернешься домой ни с чем. Но тогда все будет действительно кончено — как хочешь, а такой уверенности в твоём голосе я все же не слышала. Возможно, станет легче. У тебя еще будет время, чтобы сделать карьеру. Любовь — это гораздо более редкая вещь. Твой отец со мной, скорее всего, не согласился бы, но все равно. Рада была повидаться с тобой вчера».

Томас поразился. Мысль о том, чтобы последовать за Прийей, ни разу не пришла ему в голову. Подумав немного, он решил, что это обернулось бы катастрофой. Иначе и быть не может. Действительно, Прийя не говорила о разводе, но то, как она ушла, ее взгляд, холодный, полностью лишенный каких бы то ни было чувств, не оставлял ни малейших сомнений в ее дальнейших намерениях. Именно это ощущение окончательности и привело его в объятия Теры. И в этом заключалась другая проблема. Даже если Прийя на самом деле намеренно не подняла вопрос о разводе, невозможно было отменить то, что произошло после ее ухода. Он изменил ей. Тера спала сейчас в их общей кровати. Томас нарушил супружескую верность, и против этого обвинения возразить ему было нечего.

Он закрыл письмо от матери и открыл следующее сообщение. Оно оказалось от Эндрю Портера.

«Эй, приятель, я до сих пор не могу забыть, как ты сровнял меня с землей, но ладно, я это заслужил. Я каждый раз знаю, что ты выиграешь, но все равно предлагаю

тебе поиграть. Слушай, надеюсь, ты не будешь против — я позвонил одной знакомой, которая работает в CASE (она заместитель директора), и спросил, нет ли у них вакансии для адвоката. И знаешь, что она ответила? Только что открылась одна, и угадай где? В их представительстве в Бомбее^[12]. Вот совпадение, да? Не знаю, как ты к этому отнесешься, в конце концов, в Бомбее же Прийя, но я решил, что на всякий случай скажу тебе. Дай мне знать, если предложение тебе интересно».

Томас откинулся на спинку кресла и уставился в окно. Несмотря на ночь, небо было почти светлым от множества огней. *Бомбей!* Сама идея показалась ему абсурдной. В программе «Клэйтон» по благотворительному сотрудничеству участвовали страны всего мира. Европа, Южная Америка, Китай, Африка — его выбор был практически неограниченным. И даже если ему захочется поработать именно с CASE, у них есть представительства в четырнадцати странах. Может быть, интересных предложений придется немного подождать, но рано или поздно подходящая вакансия обязательно появится. *Бомбей!* Если он ищет успокоения, то это последнее место на земле, где его можно найти.

Не закрыв лэптопа, Томас встал и принялся бесцельно бродить по дому. Он порылся в холодильнике — без особой причины, ничего интересного там все равно не было; по-другому разложил бутылки в холодильнике для вина, организовав их по странам и регионам; немного посмотрел телевизор — показывали какой-то старый фильм с Джоном Уэйном. Так и не найдя себе места, он в конце концов рухнул в кресло возле окна и снова взял в руки коробку с фотографиями.

Он быстро просмотрел их. Та, которую он искал, оказалась на самом дне. В свое время он обрезал ее, чтобы она влезла в бумажник. Снимок изображал Прийю у входа в парк Феллоуз-Гарден. Они встречались там много раз в то лето, что он провел в Кембридже. Всегда тайно, так, чтобы не узнал ее отец. Через все эти годы Прийя вдруг снова улыбнулась ему. Ее озорные глаза блестели от восторга. Они влюбились друг в друга как-то сразу, неожиданно, и сила этого чувства поразила обоих. Неужели правда есть шанс вернуть ту любовь, что владела ими когда-то?

Ближе к утру Томас наконец сдался. Он перестал расхаживать по дому и решительно направился к лестнице, все еще не понимая, что за наваждение овладело им. Он снова сел за компьютер и написал два письма.

Первое он отправил Портеру:

«Организуй встречу. Я свободен в любое время».

Второй имейл предназначался Максу Юнгеру:

«Я решил последовать вашему совету. Подумываю о том, чтобы отправиться в Индию и поработать с CASE. Надеюсь, Марк Блейк и „Уортон“ будут удовлетворены таким исходом».

Он вошел в спальню и посмотрел на Теру, спавшую на той половине кровати, которую обычно занимала Прийя. Она лежала на боку, спиной к нему; волосы падали ей на лицо. Это был последний раз, подумал Томас. Дело не в Тере; она не сделала ему ничего плохого и вела себя правильно. Но вся эта путаница продолжалась слишком долго. Утром он скажет ей все напрямую. Она, конечно, разозлится, но ничего — Тера совершенно точно это переживет. А вот он, похоже, как раз приносит себя в жертву. Индия? Крестовый поход против рабства в

современном мире? Встреча с Прией?

И как, ради всего святого, он собирается объяснить все это отцу?

Глава 5

*Ко мне подступил разукрашенный
Мрак, черный, сверкающий (звездами).
О Ушас, искупи (его), как (искупают) долги!*

Ригведа

Мумбай, Индия.

После нескольких дней, проведенных в борделе Сухира, Ахалья и Зита начали терять чувство времени. Каждые сутки были похожи на другие; они четко разделялись на две части — светлую и темную. День был добрым, его наполняли знакомые, не сулящие опасности звуки: болтовня девушек внизу, крики торговцев, доносящиеся с улицы. Ночь же, напротив, таила в себе зло и угрозу: тяжелый топот ног, пьяные вопли, стоны, крики наслаждения и протеста.

В эти дни в комнату почти никто не заходил. Сумира приходила их проводить и приносила еду. Ахалья старалась ненавидеть ее, но ей было трудно поддерживать в себе враждебные чувства. Сумира говорила тихо и ласково, в ее тоне не было ничего приказного, и она обращалась с девочками, словно со своими дочерьми.

Однажды утром она привела врача-гинеколога, чтобы он осмотрел их. Ахалья попыталась воспротивиться, но Сумира сказала, что осмотр — дело обычное. Все девушки в Бомбее проходят его регулярно. Ахалья подумала о Сухире и решила согласиться, чтобы лишний раз не навлечь на себя его гнев. Зита, видя, что сестра подчинилась, тоже не стала сопротивляться, хотя было видно, что ей и больно, и стыдно.

После того как врач ощупал девочек и потыкал в них своими инструментами, он тихо переговорил о чем-то с Сумирой.

— Вы обе здоровы, — сообщила Сумира и сцепила пальцы. — Мы хотим, чтобы вы и дальше были здоровы. Доктор будет осматривать вас каждый месяц. Будьте с ним вежливы.

Когда Сумира ушла, девочки в миллионный раз облазили комнату в поисках выхода. Комната была расположена на чердаке, под самой крышей, и имела размеры примерно тринадцать на четырнадцать футов. Окон в комнате не было, только два крошечных вентиляционных отверстия. Единственная дверь запиралась снаружи. За дверью располагалась лестница, с которой можно было выйти только к той самой потайной двери, скрытой за книжным шкафом. Ахалья не сомневалась, что и ее можно было открыть лишь снаружи.

После очередной неудачи Ахалья опустилась на пол рядом с Зитой и погладила сестру по волосам.

— Должен быть какой-то выход отсюда, — уверенно сказала она.

— Но куда мы пойдем? — прошептала Зита. — Мы никого не знаем в Бомбее.

На это у Ахальи ответа не было. Каждую ночь она лежала без сна, прислушиваясь к звукам внизу. Воображение рисовало ей до того ужасные картинки, что она совсем не могла спать. Она думала о девушках и о мужчинах, что к ним приходили. Ахалья была девственницей, но вполне представляла себе, чего хотят мужчины от женщин, что происходит между ними во время секса. Чего она не могла понять, так это почему мужчины платят за это проституткам, вещь? [\[13\]](#)

Часы текли удивительно медленно. Ахалья задумалась, почему Сухир не посылает за ними. Была пятница, прошло уже три дня с тех пор, как их тут поселили, но ни один мужчина, не

считая врача, не заходил в эту комнату. Единственным возможным объяснением было то, что у Сухира на них особые планы, и одна мысль об этом наполняла Ахалью удушливым ужасом. Иногда, когда она слышала его голос внизу, на нее нападал приступ тошноты и головокружения. Она ложилась на спину, и тогда становилось немного легче. Зита переживала за нее, но Ахалья успокаивала сестру, говоря, что все дело в жаре. При этом сердце ее сжималось от страха.

Момент, которого она так боялась, настал, когда она меньше всего ожидала. Это случилось в разгар новогодней ночи. Ахалья то проваливалась в сон, то снова просыпалась. На улице шумно праздновали, а стоны внизу казались громче, чем обычно. Неслышно повернулась дверная ручка, скрипнули петли, и этот звук разбудил Ахалью. С бьющимся сердцем она села в постели. Внезапно зажегся свет. В изножье кровати стояла Сумира; в руках у нее был мешок.

— Вставайте, девочки, — немного нервно сказала она. — Пора одеваться.

Сердце Ахальи заколотилось еще сильнее, но она знала, что вопросов лучше не задавать. Ее лицо еще горело от пощечины, которую влепил ей молодой человек, их сопровождающий, в то утро, когда их привезли в бордель. Сумира вытащила из мешка великолепный малиново-золотой чуридар и велела Ахалье надеть его. Зите она дала роскошное сари цвета павлиньих перьев. За одеждой последовали ручные и ножные браслеты. Сумира расчесала им обеим волосы и вплела в них цветочные гирлянды. Потом нанесла на лица девочек тонкий слой тонального крема и подвела глаза черной подводкой. Закончив, она отступила на шаг, оценивая свою работу.

Через несколько секунд в дверях появился Сухир. Взглянув на Зиту и Ахалью, он одобрительно хмыкнул.

— Пошли. Шанкар ждет.

Вслед за Сумирой и Сухиром девочки спустились по лестнице и вышли в коридор. На этот раз он был заполнен девушками — их было не меньше двадцати. Некоторые стояли, прислонившись к стенам; другие сидели на полу возле открытых дверей в комнаты. Увидев Зиту и Ахалью, пара-тройка из них хихикнули, но большинство молча провожали их глазами. К удивлению Ахальи, почти все вещи оказались некрасивыми. Только двух или трех можно было назвать хорошенькими, и лишь одна была действительно красавицей.

— Пятьдесят тысяч, — сказала высокая девушка, когда они проходили мимо.

— Больше, — возразила та, что стояла рядом.

Сухир бросил на них яростный взгляд, и они тут же замолчали.

Перед дверью, ведущей в холл борделя, Сухир приказал Зите ждать снаружи, а Ахалью и Сумиру подтолкнул внутрь. На одном из диванов, стоявших напротив зеркала, сидел мужчина лет сорока пяти с кудрявыми черными волосами. На запястье у него болтались золотые часы. Он оценивающе оглядел Ахалью с ног до головы. Сухир опустил жалюзи; Сумира села на другой диван и склонила голову.

Сухир щелкнул выключателем. Вспыхнули яркие лампочки, обрамлявшие зеркало. Ласковым голосом Сухир велел Ахалье встать перед зеркалом так, чтобы на нее падал свет, и посмотреть мужчине в лицо. Она на секунду подняла глаза, но тут же снова уставилась в пол.

— Шанкар, друг мой, — заявил хозяин борделя. — Сегодня я приготовил тебе нечто восхитительное. Две девочки. Обе — девственницы. Это старшая.

Шанкар что-то пробормотал, поднялся с дивана и подошел к Ахалье. Он погладил ее по щеке, по волосам и тыльной стороной ладони коснулся груди.

— *Ravas*, — вздохнул он. — Изумительно. Вторую смотреть не обязательно. Прибережем ее на другой раз. Сколько за эту? Без презерватива.

— Презервативы обязательны, — возразил Сухир. — Ты знаешь правила.

Шанкар пожал плечами:

— Правила ничего не стоят. Сколько ты хочешь?

Сухир секунду поколебался.

— За такую девочку, как эта... Шестьдесят тысяч. И только на этот раз.

— Да... сурово. Ты много просишь, Сухир, — заметил Шанкар. — У меня в кармане всего пятьдесят тысяч наличными.

— Можешь сходить к банкомату, — предложил Сухир. — Эта девочка стоит каждой рупии, поверь мне.

Шанкар сделал шаг назад.

— Хорошо. Шестьдесят тысяч. Остальное заплачу позже. — Он протянул Сухиру пачку банкнот в тысячу рупий.

Сухир посмотрел на Сумиру.

— Отведи их наверх, — скомандовал он. — И пусть вторая подождет на лестнице. Послушает. Это будет для нее хорошим уроком.

Пока происходили эти переговоры, Ахалья находилась в состоянии, близком к параличу. Она едва держалась на ногах. Сердце бухало в груди, словно тяжелый молот; по спине бежали мурашки. В ярком свете огней все казалось нереальным. Ей почудилось, что Шанкар — не человек, а дух, привидение, пришелец из мира теней. Привидение не может лишить ее девственности. И в то же время она знала, что воображение просто играет с ней в глупые игры. Он человек. Такой же мужчина, как все остальные.

Услышав распоряжение Сухира насчет Зиты, она похолодела и вскинула на него взгляд, но ничего не сказала. Страх испарился вместе с остатками сопротивления. Она позволит Шанкару овладеть ею, чтобы показать Зите, что сопротивляться бессмысленно. Любое противодействие, как она поняла теперь, означает боль, а боль сделает это жалкое существование невыносимым. После сегодняшней ночи она станет *awara*, падшей женщиной. И у этой дороги есть только один конец.

— *Bolo na, turn taylor ho?* — спросила Сумира. — Скажи мне, ты готова?

Ахалья кивнула. Она безропотно подала Шанкару руку, и тот вывел ее в коридор. На Зиту она даже не взглянула — не смогла. Поднимаясь вслед за Шанкаром по ступенькам, Ахалья вдруг подумала об отце. Он всегда говорил ей, что она сильная, что может все, что талантам ее нет числа и она станет тем, кем пожелает. Прекрасная мечта, которой не суждено осуществиться. Сумира взбила подушки и зажгла свечу. Ахалья вспомнила мать. Амбини была нежной и гордой, настоящий образец для подражания. Теперь они оба мертвы, и отец, и мать. Их тела валяются на некогда прекрасном пляже, словно обломки дерева, вынесенного волнами на берег. Ничего не осталось. Только мир лжи и обмана.

Сумира оставила их с Шанкаром наедине и закрыла за собой дверь. Ахалья молча смотрела на какое-то пятнышко на полу, не в силах поднять глаза на мужчину, который купил ее. Ее била сильная дрожь. Шанкар подошел ближе и взял ее за подбородок. Расстегивая одной рукой штаны, он улыбнулся.

— Сегодня твоя первая брачная ночь, — сказал он и толкнул ее на кровать.

Зита стояла в темном коридоре и тихонько всхлипывала, слушая, как незнакомец за дверью насилует ее сестру. За пятнадцать лет своей жизни она мало что успела узнать о плотском желании, но что такое изнасилование, вполне понимала. Когда Шанкар закончил кряхтеть и стонать, Ахалья заплакала. Через минуту он распахнул дверь и прошмыгнул мимо Зиты. Его одежда была в беспорядке, глаза казались остекленевшими. Он не сказал ни слова, просто исчез, словно тень.

Зита скользнула внутрь. Ахалья лежала на кровати, среди сбившихся простыней; ее чуридар

валялся на полу. Пламя свечи отбрасывало на стены колеблющиеся тени. Глаза Ахальи были закрыты, ее лоб оказался горячим на ощупь. Зита поцеловала ее в щеку и опустилась на колени рядом с изголовьем. Вскоре появилась Сумира. Она подняла Ахалью, вымыла ее и одела в свободную ночную рубашку. Потом снова уложила в постель.

— То, через что ты прошла, — трудно, — мягко сказала она. — Стыд — это естественно. В первый раз все его испытывают. Но ничего, ты переживешь это. Привыкнешь со временем.

Она вышла. Девочки остались вдвоем.

Зита разделась, улеглась в кровать рядом с Ахальей и крепко обняла ее. Старшая сестра всегда была ее защитой и опорой. Даже в самые одинокие, грустные ночи в школе Святой Марии Ахалье удавалось утешить и развеселить ее. Во время цунами она своим телом заслонила Зиту от волн. Теперь пришла очередь Зиты защищать и успокаивать. Тихо, вполголоса она стала напевать песню, которую всегда пела им мать. Зита знала ее наизусть, и слова песни казались ей словами молитвы.

В новогоднее утро Ахалья проснулась поздно. Она напоминала птицу с перебитым крылом. Она разговаривала, отвечала на вопросы, но в ее голосе не было обычной жизнерадостности. Она съела завтрак, никак не высказав свое мнение о нем. Визиты Сумиры Ахалья словно не замечала. Вокруг продолжалась обычная дневная жизнь; кричали торговцы на улице, предлагая свой товар, болтали девушки-вешья внизу. Ахалья молча лежала на кровати, уставившись в никуда. Иногда она переворачивалась на другой бок, но почти не вставала.

Все звуки и образы как будто отделились, потеряли четкость. Одна только Зита оставалась в фокусе. Ахалья удивлялась ее выдержке — казалось, за пару дней Зита повзрослела сразу на несколько лет. Она смачивала водой полотенце и клала его на пылающий лоб Ахалье, пела песни, которым научили их Амбини и Джайя, и читала наизусть любимые стихи сестры. Когда она начала читать стихотворение Сароджини Найду, Ахалья стала неслышно повторять слова вместе с ней.

Сожжем, о сердце, мертвые мечты,
Костер в лесу разложим погребальный,
Из белых лепестков и красных листьев,
Дневного света факел поднесем к ним.

Остаток выходных прошел более или менее спокойно. Сухир наверх не поднимался. Сумира смазала кожу Ахальи в тех местах, где Шанкар ободрал ее, целебной мазью. Снова и снова она повторяла свою обычное заклинание — Ахалья должна принять то, что с ней случилось. Иначе из этого туннеля стыда никак не выбраться. С каждым днем Ахалья становилась немного живее, но глаза ее были по-прежнему очень печальны.

В начале следующей недели Сухир опять явился за ней. Сумира принесла тот же самый малиново-золотой чуридар, но Зите одеваться не велела. Ахалья закрыла глаза и молча вытерпела все необходимые процедуры. Другие девушки, как и в новогоднюю ночь, слонялись по коридору, но на сей раз они вели себя менее тихо. Ахалья слышала, как они обсуждают, за сколько Сухир продаст ее сегодня.

— Двадцать тысяч, — предположила одна.

— Десять, — сказала другая. — Ее уже использовали. Дхор^[14] не увидит крови.

Стараясь не обращать внимания на их слова, Ахалья прошла мимо. Она не отрывала взгляда от пола. Сухир открыл перед ней дверь, подтолкнул внутрь, и она снова встала под яркими

огнями у зеркала, словно уродец, которого показывают в цирке. На диване, соседнем с тем, где устроилась Сумира, сидели двое клиентов. Один средних лет мужчина, а другой — мальчик примерно тех же лет, что и сама Ахалья. Они оживленно беседовали между собой, и она поняла, что юноша — сын пожилого. Сегодня был день его рождения. Ахалья являлась подарком.

Юноша встал и нерешительно приблизился к Ахалье. Отец ободряюще кивнул ему. Юноша кончиками пальцев дотронулся до ее губ, провел по подбородку и коснулся груди. Ахалья вздрогнула. Что сделает с ней этот мальчик?

Отец немного поторговался с Сухиром, и в конце концов они сошлись на пятнадцати тысячах. Юноша взял Ахалью за руку и вслед за Сухиром прошел в самую первую комнату для сексуальных утех, расположенную чуть дальше по коридору. Толстая девушка, старше, чем Ахалья, отошла в сторону и злобно посмотрела на нее. Комната была совсем крошечной; в ней умещались только кровать, раковина и туалет. Обстановка была чисто функциональной. Такова доля всех блудниц, подумала Ахалья. Ее судьба — жить в постоянном позоре.

Сухир закрыл дверь. Юноша стоял неподвижно, явно не зная, что делать дальше. В его глазах читалась смесь суеверного ужаса и восхищения. Он сделал шаг к ней и поцеловал в губы. Увидев, что Ахалья не сопротивляется, он заметно осмелел и потянул ее к кровати. Лежа на спине, Ахалья подчинилась всем его желаниям. Он оказался не таким грубым, как Шанкар, но ей все равно было больно.

Когда он ушел, Ахалья еще немного полежала на тощем матрасе, глядя в потолок. Она чувствовала себя невероятно грязной. Потом она встала, подошла к раковине и вымылась. Потом присела на унитаз. Ее вдруг, словно молния, пронзило осознание: отныне ее существование будет мало чем отличаться от животного. Чего может ожидать от жизни вещь? Воздуха в легких, пищи и воды в животе, крыши над головой и, если повезет, симпатии себе подобных. Чтобы выжить в этом мире, нужно отделить душу от тела. Другого выбора нет. Ахалья подумала о Зите, которая ждет ее сейчас наверху. Напуганной, несчастной, но даже после полутора недель, проведенных в борделе Сухира, каким-то чудом не тронутой Зите. Ей понадобится крепкое плечо, на которое можно будет опереться во всем этом кошмаре.

Ахалья не могла себе позволить предаваться отчаянию.

Глава 6

Битва за Бомбей — это битва индивидуальности с толпой.

Сукету Мехта

Где-то над Южной Азией.

Проснувшись, Томас не сразу понял, где находится. Он взглянул на часы и осознал, что они по-прежнему показывают вашингтонское время. В салоне «Боинга-777» было темно; большинство пассажиров бизнес-класса спали. Ему хотелось в туалет, но сосед справа спал как убитый, его сиденье было разложено и полностью блокировало доступ к проходу.

Томас поднял штору на иллюминаторе. Солнце садилось за белоснежные горные вершины, окрашивая их в терракотовые и охряные тона. Афганистан, подумал он. Расстилавшаяся внизу, в тридцати пяти тысячах футах земля, истерзанная войной, напомнила ему пейзажи Колорадо. Ее красота, суровая и в то же время безмятежная, поражала.

В сотый раз Томас спросил себя, зачем он делает это. Очевидный ответ — то, что его привели сюда чувство вины и обстоятельства, — уже не казался ему удовлетворительным. Сейчас он мог бы лететь на Бора-Бора, в Амстердам или в Шанхай. Но он находился в двух часах

полета от Бомбея, и его дипломат был набит статьями, данными статистических исследований, официальными отчетами, газетными вырезками — всем, что он смог найти по вопросу торговли людьми и принуждению к проституции.

К отъезду Томас подготовился молниеносно; не в его натуре было тянуть время. Ланч на Капитолийском холме с Эшли Тальяферро, одним из директоров CASE, время на который она сумела выкроить между встречами с конгрессменами. Получение визы — с невероятной быстротой, благодаря Максу Юнгеру. Торговый центр, где Томас приобрел все нужное для поездки. Необходимые прививки. Звонок в «Клэйтон» с просьбой переводить его стипендию на банковский счет. Электронное послание Динешу, его соседу по комнате в Йеле, — ответ на давнее приглашение друга посетить Бомбей. И чтение, чтение, чтение, бесконечное чтение — в метро, в очереди, дома, между поисками информации в Интернете.

Новый мир, темный и мрачный, словно подземное царство, открывался ему. Мир, где обитали сутенеры, торговцы живым товаром, коррумпированные чиновники и адвокаты-крестonosцы. Мир, населенный женщинами и детьми, похищенными, изнасилованными, сломленными, превращенными в рабов. Томас не раз за это время подумал, как Портеру удастся справляться со всем этим, — перед ним вставала бесконечная череда лиц, имен, историй, отличавшихся друг от друга лишь степенью жестокости. И теперь он собирался войти в этот мир. Из всех городов, где процветала торговля людьми, Бомбей пользовался едва ли не самой дурной славой.

— *Что?* Повтори еще раз, что ты собираешься делать? — воскликнула мать, когда Томас наконец нашел в своем графике время, чтобы позвонить домой. — Но, Томас, это же *опасно!* Тебя могут ранить. Я думала, ты отправишься в Индию за *Приией*, а не затем, чтобы сражаться с криминальным миром.

Отец поднял трубку параллельного телефона и спросил, из-за чего весь шум и гам. Томас стал объяснять, но, как только он упомянул об ультиматуме Макса Юнгера, отец перебил его.

— Почему ты не позвонил мне, сын? — спросил Судья. — Я бы все уладил.

— «Клэйтон» нужно было свалить на кого-нибудь вину. — Томас снова почувствовал себя мальчиком. Похоже, отец так до конца и не научился воспринимать его как взрослого человека. — «Уортон» требовал агнца на заклание, а Марк Блейк не горел желанием залезать на алтарь.

— Марк Блейк — эгоманьяк и дурак, — отрезал Судья. — Он и пятилетнего ребенка переубедить не сможет, куда уж там жюри. — Поворчав еще немного, он все же вернулся к предмету разговора: — Я правильно понял маму? Ты собираешься отправиться в Индию и поработать с CASE?

— Именно.

Отец помолчал.

— Многое упустишь. Когда вернешься, придется наверстывать.

— Я знаю, — ответил Томас. В таких вопросах Судья всегда оказывался прав.

Мимо прошла стюардесса, и Томас очнулся от раздумий. Заметив, что он не спит, она шепотом спросила, не захочет ли он перекусить до того, как они приземлятся. От еды Томас отказался, но попросил принести бутылку воды.

Он снова посмотрел в иллюминатор. Темнота накрыла землю, но края облаков еще золотились от последних лучей заходящего солнца. И снова задал себе тот же вопрос: зачем он это делает?

Тера первой спросила его об этом. Наутро после того, как она без предупреждения явилась к нему домой, Томас проснулся на диване в гостиной со страшной головной болью и чувством глубокого раскаяния. Приняв горячий душ, он вышел на кухню. Тера была уже там; она

спросила, не приготовить ли ему завтрак. Он странно посмотрел на нее. Раньше они ни разу не оставались вместе до утра. Но вот теперь она стоит как ни в чем не бывало возле плиты, держа в руках венчик для взбивания и коробку с яйцами.

— Я уезжаю, — вдруг сказал Томас.

— Что? — переспросила Тера. Ее рука замерла. — Куда?

— Пока не знаю, — соврал он. Проще сказать неправду, чем отвечать на новые вопросы.

Кажется, его слова задела ее.

— А как же «Клэйтон»?

— Я взял отпуск.

— Надолго?

— Думаю, надолго.

— Это из-за меня? Что я сделала не так? — Она положила венчик на стол.

— Конечно нет! — горячо возразил Томас. Только теперь до него дошло, каким бесчувственным он, должно быть, выглядел в глазах Теры. — Слушай... извини, я знаю, что все это выглядит странно, и мое решение несколько... поспешно, но честное слово, ты не имеешь к этому никакого отношения.

Именно тогда она задала ему тот самый, главный вопрос:

— Зачем ты все это делаешь?

Сразу несколько вариантов ответов пришли ему в голову, но Томас решил остановиться на самом простом:

— Я не знаю.

Несколько секунд она молча смотрела на него. Обида и непонимание явно читались в ее глазах. Потом ее губы чуть дрогнули, как будто она хотела сказать что-то, но раздумала. Так же молча Тера взяла свои вещи и вышла из дома.

— Леди и джентльмены, — произнес невидимый голос, — мы начинаем заходить на посадку в Бомбее. Пожалуйста, приведите ваши кресла в вертикальное положение...

Год ос продолжал вещать, но Томас уже не слушал его. Отвернувшись к окну, он смотрел на большой, блистающий огнями город внизу, возникший словно из ниоткуда. Бомбей немного напомнил ему Лос-Анджелес, но в действительности сравнение было неудачным. В этом городе было в три раза больше жителей, в то время как размером он был в три раза меньше.

Когда шасси самолета коснулись посадочной полосы аэропорта Чхатрапати Шиваджи, нервы Томаса были почти на пределе. За те годы, что они прожили вместе, Прийя много рассказывала ему о менталитете индийцев и их особенностях и даже пыталась без особого успеха научить его хинди. Но они были на Западе. Теперь же перед ним была настоящая Индия, чужой, незнакомый мир, с совершенно иными культурными ценностями. Колониализм и глобализация немного сблизили Запад и Восток, но все равно между ними лежала глубокая пропасть.

Самолет мягко коснулся земли и побежал по полосе. Настоящую Индию Томас увидел еще до того, как сошел с борта «боинга». Практически за стеклом иллюминатора начинались трущобы. Длинная цепь жалких сараюшек, освещенных лишь лампочками, протянутыми от одного дома к другому наподобие елочных гирлянд. На улицах играли дети; в темноте то и дело мелькали тени людей. Томас не мог оторвать взгляда от этих нищих детишек. На западе были и гетто, и баррио, однако ничего похожего ему встречать не приходилось.

Получив багаж, он отправился на стоянку такси, где его ждал Динеш.

— Томас! — воскликнул Динеш и крепко обнял друга. По-английски он говорил с легким акцентом. — Добро пожаловать в Бомбей!

Динеш подхватил второй чемодан Томаса и сквозь густую толпу *taxi-walla* и размахивающих плакатами шоферов из отелей повел его к своей машине, черному спортивному купе.

— Придется потесниться. Надеюсь, не возражаешь?

— Не проблема. — Томас забросил чемоданы в багажник и забрался внутрь.

Ночной воздух был сухим и прохладным, и Динеш опустил стекло.

— Два месяца в году мы можем прожить без кондиционера, — заметил он. — Остальное время потеем.

Динеш вывел машину со стоянки, влился в плотный транспортный поток и тут же застрял в пробке на повороте. Несколько долгих минут они практически простояли на месте, продвигаясь вперед буквально по дюйму. Со всех сторон их окружали большие и маленькие автомобили; из-за выхлопных газов трудно было дышать. Наконец Динеш, которому все это явно надоело, кое-как перестроился в крайний ряд и, отчаянно сигналив, вывернул на встречную полосу. Увернувшись от авторикши, он каким-то чудом умудрился не столкнуться с автобусом. Томас вцепился в ручку двери — маневр его здорово напугал.

— Привыкнешь, — засмеялся Динеш. — Это в Америке вы управляете машиной с помощью руля. Здесь управляют с помощью гудка.

Следуя развязке, они выехали на широкую автостраду, где движение было более свободным.

— Это Западное шоссе, — пояснил Динеш. Ему приходилось почти кричать. — На улицах было совсем не развернуться, просто безумие какое-то, и город решил построить автостраду над ними.

Через десять минут шоссе завернуло налево. Теперь они ехали параллельно широкому заливу. В ноздри Томасу ударил запах мочи и соленой морской воды.

— Залив Махим, — прокомментировал Динеш. — К воню ты тоже скоро привыкнешь.

— Тут всегда так? — спросил Томас, с трудом сдерживая тошноту.

— Ночью хуже. Утром будет немножко легче. В океан сбрасывают нечистоты, так что в окрестностях Бомбея плавать тебе вряд ли захочется.

Шоссе повернуло на сто восемьдесят градусов, и они оказались в жилом квартале. Здесь асфальт заканчивался. По наклонному въезду, вымощенному камнем, Динеш взобрался наверх по холму; по обеим сторонам улицы возвышались многоквартирные дома. Вокруг было много зелени.

— Это Маунт-Мэри, — сказал Динеш. — Океан в квартале отсюда.

Он резко свернул на стоянку, расположенную возле десятиэтажного дома, отделанного венецианской штукатуркой. По обеим сторонам ворот восседали два сторожа и курили сигареты.

Они оставили машину в подземном гараже и поднялись на самый верхний этаж. Лифт был старинный, его двери складывались наподобие гармошки. Судя по слою глубоко въевшейся грязи, дом не ремонтировался и не чистился с тех самых пор, как его построили, то есть лет сорок.

По контрасту квартира Динеша представляла собой чудо вкуса и современного стиля. Начищенные до блеска медные дверные ручки и краны, кожаные диваны, темное дерево. На полу, вымощенном плиткой, лежали мягкие ковры; стены были украшены гобеленами. Но главным украшением квартиры был вид из окна. Окна выходили на Аравийское море; огромное, от пола до потолка французское окно вело на балкон, окружавший по периметру все здание.

Динеш показал Томасу его спальню и предложил выпить пива на балконе. Они уселись на деревянные шезлонги. Перед ними простиралось поблескивающее в лунном свете море. Цепь огней тянулась вдоль побережья далеко на север и терялась где-то далеко в океане.

— Санта-Круз-Вест, а за ним Джун-Бич, — сказал Динеш, проследив за направлением взгляда Томаса. — Там живут многие индийские знаменитости. — Он сделал многозначительную

паузу. — Итак, скажи мне, что привело тебя в Бомбей? Я узнал от знакомого, что Прийя вернулась, а потом получил твой имейл, где ты писал, что тебе нужна квартира.

— Это длинная история, — неохотно заметил Томас.

— Все настоящие истории, как правило, длинные.

Томас немного помедлил. Он понимал, что без объяснений здесь не обойтись, к тому же Динеш был его другом, но сил рассказывать о своей семейной ситуации у него не было.

— У бабушки Прийи случился инсульт, — наконец проговорил он. — Она приехала, чтобы побыть с ней.

— Я не знал, — сказал Динеш. — Пару месяцев назад я встретил ее брата в Колабе. Он ничего об этом не говорил.

— Это случилось недавно. Никто не ожидал.

Он мысленно вернулся в тот день, когда Прийе сообщили о болезни бабушки. Они были на кухне; Прийя рассказала о звонке брата. Она выглядела грустной и измученной. Это случилось на третий день судебных заседаний по делу «Уортон», и нервы Томаса были напряжены до предела. Когда она показала ему билет «Эйр Индия» в один конец, он дико разозлился и обвинил Прийю в том, что она бросает его в самый трудный момент. Он помнил, какой яростью полыхнули ее глаза при этих словах.

— Как ты можешь это говорить? — бросила Прийя. — Это ты меня бросил.

Динеш отхлебнул пива.

— Ага. Насчет Прийи все понятно. А как насчет тебя?

Томас вздохнул.

— Мне нужен был перерыв. Фирма позволила мне взять что-то вроде отпуска.

Динеш прищурился. Томас практически читал его мысли в данную минуту: «Почему тогда ты не остановился у Прийи?» Он решил разбавить ложь небольшой порцией правды:

— У нас с Прийей сейчас небольшие трудности. Все не очень хорошо. Поэтому я связался с тобой.

Динеш пристально посмотрел на него и пожал плечами:

— Очень жаль. Но я рад тебе — можешь оставаться у меня столько, сколько понадобится. В письме ты упоминал некую группу — CASE. — Динеш решил сменить тему. — Я никогда раньше не слышал о такой.

Томас выдохнул. Кажется, с объяснениями покончено.

— Эта организация предоставляет правовую помощь. Они борются с принуждением к проституции в странах третьего мира.

Динеш допил пиво.

— Да, в Бомбее им есть чем заняться, без сомнения.

Они поболтали еще немного, вспоминая годы, проведенные в Йеле, старых подружек и бесконечные розыгрыши, которые они — обычно с подачи Динеша — устраивали приятелям по университету. Динеш был приятным собеседником, веселым и легким, как всегда, и настроение Томаса заметно поднялось. Он почувствовал, что не зря приехал в Бомбей. В конце концов, встреча со старым другом уже пошла ему на пользу.

Через некоторое время Динеш зевнул и потянулся.

— Думаю, мне пора закругляться, — заметил он и взял пустую бутылку из-под пива. — Здорово все-таки, что ты здесь.

Томас тоже встал.

— Если ты не возражаешь, я еще немного посижу. Мой организм считает, что еще день.

Динеш засмеялся:

— Конечно. Увидимся утром.

Томас достал свой Black-Berry и написал два письма — матери и Эндрю Портеру, сообщая о своем благополучном прибытии. Потом подошел к перилам и облокотился на них, задумчиво глядя на север, в сторону Джуу-Бич. Он подумал о Прийе — интересно, спит ли она сейчас? Или тоже стоит где-нибудь на балконе, глядя на море?

Он вдохнул густой, насыщенный солью воздух и попытался представить себе ее детство. Семья Прийи была очень богата — это всегда казалось Томасу чем-то нереальным. Они обосновались в городе еще в те времена, когда англичане пытались отвоевать свою землю у моря. Деду Прийи принадлежала примерно четверть всей недвижимости в южной части Бомбея, не считая многочисленных владений по всему миру.

Если бы не родители, Прийя могла бы вырасти надменной и заносчивой. Но ее отец предпочел аскетическую жизнь в Кембридже той роскоши, которая принадлежала ему от рождения. Профессор Пател перевез свою семью в Англию, когда Прийя была еще подростком. Самые важные для формирования личности годы она провела среди увитых плющом каменных стен университета.

Она поступила в Кембридж, чтобы изучать историю искусств. Именно там, через три года после экзамена для получения отличия, она и познакомилась с Томасом. Он учился в Йеле и приехал в университет по обмену, на один год. Томас до сих пор помнил лекцию, которую читал профессор Пател в Королевском колледже в тот день, и забытый Прийей зонтик так ясно, словно это было вчера. Зонтик и послужил поводом для знакомства. Разговор они продолжили в кофейне, и он навсегда изменил жизнь обоих.

Томас вытащил фотографию Прийи, ту самую, снятую в парке Феллоуз-Гарден. В самый последний момент перед тем, как отправиться в аэропорт, он сунул ее в бумажник. Он вдруг вспомнил, как она поцеловала его в тот день, под древним, кривым от старости дубом — застенчиво и неумело. Несмотря на моральное табу и возможный гнев отца, она все же сделала это — и поцелуй сказал о ее чувствах больше, чем любые слова.

Он положил фотографию обратно в бумажник и одним глотком осушил оставшееся пиво.

— Намасте, Бомбей, — негромко произнес Томас. Потом он повернулся и пошел обратно в гостиную.

На следующее утро он проснулся по звонку Black-Berry — вчера он заранее выставил будильник. Часы показывали семь тридцать; небо над городом было уже темно-желтым от смога. Томас проверил почту и обнаружил два новых письма. Одно было от Эшли из CASE — там было сказано, что Томас должен представиться Джеффу Грийеру, директору отделения CASE в Мумбай. Второе было от самого Грийера; он предлагал Томасу встретиться в кафе «Леопольд» в десять часов.

Динеш был на кухне; он заваривал чай по-индийски, с молоком и специями. Они решили позавтракать на веранде. За едой Томас рассказал приятелю о встрече с Грийером.

— Отлично, — с энтузиазмом отозвался Динеш. — Мы можем вместе доехать до моей работы, а там ты поймаешь такси. Все *taxi-walla* знают, как добраться до кафе «Леопольд».

В восемь они вышли из дома. Динеш подозвал авторикшу, и они отправились на вокзал Бандра. Мотоцикл с кабиной напоминал толстого желтого жука на колесах. Мотор был без глушителя и ревел, как бензопила. Когда водитель выехал с Хилл-роуд и присоединился к потоку таких же авторикш, Томас с трудом удержался от желания заткнуть уши.

Дорога до вокзала оказалась сплошным ужасом. Их водитель был либо самым смелым человеком на земле, либо настоящим сумасшедшим. Он бешено нажимал на клаксон, словно гудок мог выставить перед ним стену и защитить от столкновения с другими безумцами.

— Этот человек не в себе! — завопил Томас, пытаясь перекрычать мотор.

Динеш засмеялся:

— Если уж на то пошло, как и любой другой авторикша в Бомбее.

На вокзале они купили билеты в первый класс и вслед за толпой пассажиров выбрались на платформу. Подошел поезд. Он был настолько переполнен, что люди висели в дверях, умудряясь цепляться за них самыми кончиками пальцев. Тем не менее толпа смело ринулась на его штурм.

Динеш обхватил Томаса и пропихнул его вперед.

— Давай-давай-давай! — подбодрил он. Его голос потонул в стоявшем вокруг гомоне.

Приблизиться к вагону было практически невозможно; еще менее возможным казалось попасть в него. Сам не зная как, Томас вдруг обнаружил, что он уже внутри и пол под его ногами движется. Люди побежали вдоль платформы, и, попирая все законы физики, еще несколько человек умудрились втиснуться в поезд уже на ходу.

Динеш был в полном восторге.

— Спорим, ты думал, что в первом классе будет удобнее! — крикнул он.

Томас попытался засмеяться, но его так сдавило со всех сторон, что из груди вырвался звук, больше напоминающий стон.

— Единственная разница между первым и вторым классом — это то, что во втором классе пассажиры ругаются на мараathi. В первом классе все оскорбляют друг друга на английском.

Гроыхая, поезд двинулся к югу. Черчгейт-стейшн, нужная им остановка, была последней. Через пятнадцать минут они подошли к терминалу, расположенному в самом сердце деловой части города. Еще до того, как поезд окончательно остановился, толпа вынесла Томаса и Динеша на платформу, словно мощный поток опавшие листья. Стараясь не отставать от Динеша, Томас протолкался к выходу. Оказавшись наконец на улице, он с наслаждением вздохнул.

— Как вы выдерживаете это каждое утро? — спросил он.

Динеш пожал плечами и покрутил головой — Томас уже понял, что в Индии этот жест может означать все, что угодно, в зависимости от смысла, который желает придать ему говорящий.

— В Бомбее есть только одно правило, — сказал он. — Ты должен уметь приспособливаться.

Динеш был финансовым аналитиком в главном отделении «Гонконг энд Шанхай бэнкинг корпорейшн», и его офис находился всего в нескольких минутах ходьбы от станции. Он купил у уличного торговца карту города, вручил ее Томасу, потом подождал такси и, быстро переговорив с водителем на мараathi, повернулся к Томасу и широко улыбнулся.

— Если вдруг заблудишься, скажи любому человеку на улице, что тебе нужно попасть в «Леопольд». Но ты точно не заблудишься.

Томас залез в машину, и такси медленно поехало вперед. Уже через несколько минут водитель притормозил у красного навеса над входом в кафе «Леопольд». Томас порылся в карманах, нащупал несколько рупий, взглянул на счетчик, расплатился и вышел.

В кафе было светло и просторно. Половина столиков была занята, в основном европейцами. Томас уселся ближе к выходу. Грийер появился через несколько минут — не худой и не толстый мужчина среднего роста, одетый в брюки цвета хаки, хлопковую рубашку с закатанными до локтей рукавами и кожаные туфли, которые он не потрудился начистить до блеска. У него были умные карие глаза и располагающая улыбка. Двигался Грийер легко и неторопливо.

— Томас? — Он протянул руку. — Джефф Грийер. Очень рад знакомству.

— Мне тоже очень приятно.

Грийер сел напротив. Подошел официант; он заказал чашку кофе.

— Что тут вкусно? — спросил Томас, изучая меню с напитками.

— Да практически все. Но если не хотите лишнего кофеина, возьмите ласси.

Томас решил последовать совету. Через несколько минут он уже знал, что Джеффу тридцать пять лет, что он не женат, окончил Гарвардскую школу бизнеса и работает в бомбейском отделении CASE уже два года. Джефф умел слушать, был приятным собеседником, и Томас почти сразу же почувствовал к нему искреннюю симпатию.

— Итак, Бомбей, — сказал Джефф. — Как вам нравится город?

— Напоминает не город, а скорее парк аттракционов.

Джефф засмеялся:

— Да, к нему надо привыкнуть.

Официант принес заказ. Томас сделал глоток ласси; по вкусу напиток напоминал заварной крем, но был гораздо легче.

— Вы прочитали досье, которое прислала вам Эшли?

Томас кивнул:

— Дважды.

— Соответственно, вы поняли, в чем будут заключаться ваши обязанности.

Томас снова кивнул:

— Настоящую работу делают люди, занимающиеся расследованиями. Юристы занимаются бумагами.

Джефф засмеялся:

— Ну, все примерно так и есть. Наши адвокаты не имеют права выступать в суде, но они собирают материалы по делу и подготавливают его к суду от лица потерпевших. Это и будет занимать большую часть вашего времени. Чтение материалов, письменное изложение дел для выступления в суде...

— Адвокаты когда-нибудь работают вне офиса?

— Что вы имеете в виду?

— Случается ли им воочию наблюдать то, чем занимаются следователи?

Грийер немного подумал.

— А какие у вас планы на сегодняшний день?

— Я думал, вы нагрузите меня работой, — улыбнулся Томас.

Грийер улыбнулся в ответ.

— Я думаю, с этим проблем не будет.

Уплатив по счету, Грийер подозвал такси и очень быстро сказал водителю несколько слов на маратхи. Водитель уставился на него, словно не веря своим ушам. Грийер повторил вопрос, на сей раз более нетерпеливо. Водитель удивленно покачал головой, но все же согласился.

— Так куда мы направляемся? — поинтересовался Томас.

— Я хочу дать вам некоторое представление о том, чем вам предстоит заниматься, — ответил Грийер.

Такси выехало из Колабы и двинулось на север, мимо вокзала Виктория Терминус, на Мохаммед-Али-роуд. Томас ожидал, что Грийер скажет еще что-нибудь о месте, куда они едут, но тот, похоже, решил продолжить путь в молчании. Чтобы хоть как-то спастись от жары, Томас опустил стекло. Воздух был насыщен выхлопными газами, пахло дымом и жженой резиной, но ветерок немного разгонял вонь.

Через двадцать минут машина свернула с большого шоссе на запад. Теперь они ехали вдоль какого-то бульвара. Таксист обернулся и оживленно заговорил на маратхи, пытаясь в чем-то убедить Грийера. В ответ тот поднял ладони вверх и очень спокойно и уверенно произнес несколько слов. Потом передал водителю купюру в сто рупий и четко сказал еще пару фраз, как

будто объяснял ему, что нужно сделать. Таксист молча сунул деньги в карман и опять отвернулся.

Они свернули на боковое шоссе, а потом еще и еще раз. Каждая дорога была уже и хуже, чем предыдущая. Современный город с огнями, яркими рекламными щитами и забитыми пешеходами улицами постепенно исчез, уступая место трущобам третьего мира с лабиринтами извилистых переулков, ветхими домишками, телегами, запряженными быками, коровами на улицах и нищими ребятишками.

Грийер снова сказал несколько слов водителю и протянул ему еще одну купюру. Такси замедлило ход и повернуло на разбитую грунтовую дорогу, по обеим сторонам которой тянулись бедные хижины и дома высотой в четыре-пять этажей с ненадежными на вид балконами. Здесь не было практически никакого движения, если не считать пары велосипедистов и нескольких торговцев, толкавших перед собой тележки с товаром. Казалось, пешеходы и автомобили избегали этой улицы, отчего она выглядела странно заброшенной и даже немного зловещей.

— Это Каматипура, — сказал Грийер. — Самый большой район красных фонарей в Бомбее.

Томас взглянул на улицу новыми глазами. Внезапно старики, прячущиеся в тени от солнца, оказались не просто стариками, а владельцами борделей, молодые люди, кутившие в дверях домов, не обыкновенными бродягами, а сутенерами, а женщины, шустро подметающие пол в кухнях, не домохозяйками, а *мадам*.

— Где же девушки? — спросил Томас. Действительно, молодых женщин было совсем не видно, и это казалось странным.

— Некоторые спят. Другие работают. Им не разрешается выходить из борделя без сопровождения *gharwali* — так здесь называют *мадам*.

Грийер показал на верхние этажи домов, мимо которых они проезжали.

— Несовершеннолетние девочки там. Их прячут на чердаках. Они практически невидимы. Если бы не наши агенты, которые знают все эти переулки вдоль и поперек, мы бы никогда в жизни их не нашли.

Таксист увеличил скорость, но Грийер дотронулся до его плеча и быстро сунул ему еще несколько купюр.

— Он нервничает, потому что мы белые, — объяснил Грийер. — Таксисты получают бакшиш — вознаграждение — от сутенеров, если привозят сюда покупателей. А сутенеры уже знакомы с CASE. Если таксиста заметят с нами, это повредит его бизнесу.

В конце улицы Томас заметил черноглазого юношу, который разговаривал с женщиной с совершенно седыми волосами. Мужчина стоял спиной к ним, но молодой человек бросил на таксиста такой недобрый взгляд, что тот всерьез перепугался. В мгновение ока он потерял всякий интерес к поездке, дотронулся до амулета хамса, подвешенного к зеркалу заднего вида, и быстро зашептал молитву. Грийер постарался его успокоить, но слова не возымели на мужчину никакого действия. Нажав на газ, он быстро выехал из Каматипуры и высадил Томаса и Джеффа через несколько кварталов.

— Ничего, мы поймем другое такси, — сказал Грийер и зашагал вперед, обходя торговцев с тележками и разносчиков.

Томас вдруг ощутил страшную неловкость. Они были единственными белыми среди целого моря коричневых лиц. Трое мальчишек-попрошайек совсем близко подошли к нему, показывая жестами, что они хотят есть. Томас никак не отреагировал. Тогда мальчишки принялись хватать его за руки, а один даже попытался залезть в карман. Томас отстранился от них и чуть не наступил на слепого нищего, который сидел на тротуаре рядом с костром, разожженным из мусора.

Грийер оглянулся, заметил смущение Томаса и посоветовал:

— Просто продолжайте идти вперед.

Он поймал еще одно такси и попросил водителя отвезти их на центральный вокзал, Мумбаи-Сентрал. Томас забрался на заднее сиденье и глубоко вздохнул. Он испытывал почти физическое облегчение.

— Итак, — сказал Грийер. — Теперь вы своими собственными глазами видели то, что видят наши агенты. Во всяком случае, видят днем.

— Трудно поверить, что за этими стенами спрятано столько девушек, — сказал Томас. Он снова вспомнил о двух мужчинах — кто они, владельцы борделя или сутенеры? — которые так напугали таксиста.

— Их тысячи, — подтвердил Грийер. — И некоторым не больше двенадцати — тринадцати лет.

На Мумбаи-Сентрал они сели в поезд, направлявшийся на север. Утренний поток пассажиров схлынул; Томас нашел свободное местечко возле двери, рядом с пожилым человеком, и высунул голову наружу, чтобы лицо обдувал ветерок. Поезд миновал Парель, потом спальные районы; после остановки на станции Дадар он обогнул окраины Дхарави — самого большого района трущоб в Бомбее, по словам Грийера, — и, пролетев сквозь заросли мангровых деревьев, наконец притормозил на станции Бандра.

Вслед за Грийером Томас вверх по лестнице поднялся на мост, с которого открывался вид тоже на трущобы, но не такие огромные, как Дхарави. На мосту было полно нищих; они сидели практически под ногами у прохожих и протягивали руки за подаванием. Тут были и старики, и совсем молодые люди с детьми на руках. Многие были калеками; они выставляли напоказ свои шрамы, закованные в гипс конечности, а то и просто культы вместо рук или ног. Никто из пассажиров не обращал на попрошаек ни малейшего внимания. Томас пожалел десятилетнюю девочку с младенцем и дал ей монетку в десять рупий. Потом быстро догнал Грийера, который уже успел спуститься вниз, на улицу.

У лестницы выстроилась целая вереница рикш; они ожидали клиентов. К ним тут же подскочил молодой человек:

— Куда? Бандра? Джуу? Санта-Круз?

— Пали-Хилл, — ответил Грийер и взглянул на Томаса. — Сегодня офис закрывается в полдень, но, полагаю, вы захотите заглянуть и познакомиться с коллегами.

Он забрался в кабину; Томас втиснулся на сиденье рядом. Взревел двигатель, и авторикша устремился вперед, прямо в гущу уличного движения.

Некоторое время они ехали молча, наслаждаясь теплым ветерком. Полуденное солнце здорово припекало, но влажность воздуха была по-зимнему невысокой, и температуру вполне можно было считать комфортной. Небо выглядело более голубым, чем утром; казалось, смог немного развеялся.

Минут через пятнадцать Грийер постучал водителя по плечу и произнес:

— *Bas. Bas.*

Рикша притормозил у обочины. Грийер заплатил на одну рупию меньше, чем следовало по счетчику. Так принято в Бомбее, загадочно объяснил он. Район оказался смешанным: тут были и жилые дома, и магазины, и офисы. Находился он в нескольких кварталах от большого торгового центра на Линкинг-роуд. Офис CASE располагался в обыкновенном, ничем не примечательном здании; никаких вывесок на двери не было.

Они поднялись по лестнице и остановились у двери — тоже без каких бы то ни было опознавательных знаков, но с кодовым замком. Грийер набрал несколько цифр. За дверью оказался современный, удобно обставленный офис с кондиционером. Грийер сообщил, что в бомбейском отделении CASE работают двадцать девять служащих. Примерно треть из них —

стажеры из Соединенных Штатов, Австралии и Британии. Из штатных сотрудников двое тоже были выходцами с Запада, остальные были индийцами и приехали из разных частей страны. Томаса очень впечатлил тот факт, что даже 31 декабря, в канун Нового года, в офисе кипела бурная деятельность.

Грийер представил Томаса Саманте Пендерхук, директору юридического отдела. Саманта, маленькая изящная блондинка родом из Чикаго, очень понравилась Томасу; она казалась воплощением деловитости и работоспособности. Они пожали друг другу руки, и Саманта жестом пригласила Томаса присесть.

— Я уверена, Джефф уже обрисовал вам картину того, чем нам приходится здесь заниматься, — начала она. — Но мои слова, пожалуй, прозвучат более резко. Бомбей — это не округ Колумбия. Здешняя судебная система способна свести с ума кого угодно. Суды забиты до отказа, и дела ведутся настолько странно, что это будет выводить вас из себя, даже когда вы привыкнете к индийской манере. В качестве компенсации мы предлагаем вам две вещи: первое — это возможность действительно изменить к лучшему судьбы реальных людей и второе — чай со специями, который готовит наша Сара. — Саманта сделала паузу и посмотрела на дверь. — Вот это точность!

В комнату вошла молодая индианка с подносом, нагруженным дымящимися чашками. Она улыбнулась и принялась передавать чашки всем присутствующим.

Томас взглянул на Саманту.

— Ну, чай мне нравится. А со всем остальным я справлюсь.

Она слегка улыбнулась.

— Если вы скажете мне то же самое через два месяца, тогда я вам поверю.

Потом Джефф представил Томаса Найджелу Макфи, заведующему отделом расследований. Телосложением Найджел походил на медведя. Он родился в Локерби, в Шотландии, служил в войсках особого назначения, потом был специальным агентом MI5, а потом, по собственному признанию, «прозрел» и начал работать на CASE.

— Бомбей находится далековато от Локерби, — заметил Томас.

— С таким же успехом он мог бы быть на луне, — парировал Найджел. — Большую часть года жить в этом городе так же приятно, как в малярийном болоте. Но я приехал сюда не в отпуск. В Бомбее полно плохих парней. Головорезов, сутенеров, гангстеров, торговцев наркотиками, владельцев борделей. Как раз таких я и люблю. А копы еще лучше. Тут самые некомпетентные и коррумпированные полицейские из всех, каких мне приходилось встречать. За исключением пары-тройки приличных. Так вот, за удовольствие иметь с ними со всеми дело я готов жизнь отдать.

— А почему офис расположен не в Южном Бомбее? — спросил Томас. — Как-то далеко от реального места действия.

— Я показал ему Каматипуру, — пояснил Грийер.

Найджел хохотнул:

— Мальчик мой, Каматипура — это только начало. Есть поэты, которые называют весь Бомбей одним большим борделем. Стоит немного поскрести — и обязательно наткнешься на гадость.

Томас нахмурился.

— Моя жена родилась в Малабар-Хилл. Она никогда не говорила мне ничего подобного.

— Богачи не очень-то любят говорить про такое. — Найджел посмотрел на часы. — Прошу прощения, но мне нужно успеть закончить доклад. Приходите поболтать, если вам нужно будет средство, чтобы не уснуть. Мои истории взбодрят вас лучше кофе.

Последней, с кем познакомился Томас, была Рэйчел Пандолькар, директор отдела

реабилитации, стройная, лет тридцати пяти индианка с тонкими чертами лица и большими глазами. Когда Джефф постучал к ней в дверь, Рэйчел беседовала с кем-то по телефону, и им пришлось подождать пару минут, пока она закончит разговор.

Наконец Рэйчел повесила трубку.

— Джефф! Рада тебя видеть.

— Я тоже рад, Рэйчел. Познакомься, это Томас, наш новый стажер.

— Добро пожаловать, — отозвалась она. — Что бы вы хотели узнать?

— Расскажи ему о наших текущих делах.

Рэйчел сложила руки на груди.

— Сейчас у нас под опекой находятся двадцать пять девушек. Десять проживают в официальных учреждениях, десять в семьях. Все несовершеннолетние. Наши люди навещают их каждую неделю. Мы тесно сотрудничаем с Комитетом по защите прав детей и заботимся о том, чтобы девочки получили образование, медицинскую помощь и внимание.

— Не хочу показаться циничным, — заметил Томас, — но в этом городе тысячи несовершеннолетних проституток. Разве две дюжины сделают погоду?

Рэйчел сверкнула глазами:

— Справедливо. А у вас есть идея получше?

— Я не это имел в виду, — поправился Томас. — Я хочу сказать, масштаб проблемы представляется мне невероятным.

Рэйчел кивнула.

— Кто-то однажды спросил мать Терезу, как она борется с проблемой нищеты в мире. Знаете, что она ответила? «Нужно просто брать и делать то, что находится перед тобой». Здесь работает тот же закон. Вести статистику — дело ученых. А у нас реальные истории. Как вы думаете, что убеждает больше?

Она посмотрела на часы, стоявшие у нее на столе:

— Уже почти полдень, Джефф. По-моему, пора закругляться?

— Уже? — воскликнул Грийер и встал. — Я совсем потерял счет времени.

Попрощавшись с Рэйчел, они вернулись в общую комнату.

— Ну, вот так мы и работаем, — подытожил Грийер. — То, что пишется в рекламных брошюрах, — только часть целого. — Он бросил на Томаса внимательный взгляд. — Я понимаю, на что вы рассчитывали. Но я должен знать одну вещь — тот ли вы человек, на которого мы сможем рассчитывать? Если есть вероятность, что вы передумаете, самое время сделать это сейчас.

Томас огляделся. Сотрудники приводили в порядок свои рабочие места перед выходными. То, что он увидел в CASE, привлекало и отталкивало его одновременно. Ему нравился царивший здесь дух товарищества и атмосфера настоящего, полезного дела, но в то же время ему не доставало того несколько привилегированного положения, к которому он успел привыкнуть в своей фирме. Большинство адвокатов из «Клэйтон», которых знал Томас, нашли бы предлог отказаться. Но он был тут; он приехал, и впереди у него был целый год, который следовало чем-нибудь занять. Дороги назад не было.

— Я с вами, — уверенно заявил он. — Я буду в офисе в понедельник.

Грийер кивнул:

— Добро пожаловать в команду.

Глава 7

Питают миллионы костер природы.

Мумбай, Индия.

Для Ахальи и Зиты комната на чердаке борделя Сухира стала тюрьмой скуки в не меньшей степени, чем тюрьмой страха. После долгих часов, проведенных в одиночестве, страх почти приносил облегчение, потому что означал хоть какой-то контакт с человеческими существами. Но облегчение длилось недолго. Каждый раз, когда за дверью раздавался скрип ступенек, на лицах девочек появлялось совершенно одинаковое выражение: что они захотят от нас сейчас?

Дни тянулись невероятно медленно. Палило солнце; вещь внизу, как обычно, спали, ели, болтали и переругивались. День за днем Ахалья пыталась поддерживать надежду в Зите. Она рассказывала сестре истории из прошлого — истории об их родителях или древние индийские легенды, воспетые в сагах. Истории были ее единственным оружием против отчаяния, которое грозило им обоим. Рассказы уносили их прочь из Каматипуры — по крайней мере, до тех пор, пока не начинали скрипеть ступеньки лестницы и не поворачивалась дверная ручка.

Больше всего Зита любила слушать про семью, жившую когда-то в бунгало на берегу моря. Они словно наяву слышали голос мамы — как она поправляет их ошибки в английском, напоминает, что пора прибраться в комнате, или просит помочь ей с обедом. Или отца — он рассказывал им о море, о приливах и отливах, о деревьях, что растут на берегу, или читал что-нибудь вслух из Рамаяны.

Каждое утро по просьбе Зиты Ахалья с помощью зерен риса, сэкономленных от ужина, тщательно воспроизводила на полу один из тех узоров колам, что обычно рисовала Джайя. Джайя изображала и цветы, и индуистские амулеты, каждый из которых имел для нее особое значение, но Зите больше нравились цветы, и Ахалья старательно выводила их в изножье кровати.

Каждый вечер Сумира приносила им обычный ужин — дал и чатни. Она конечно же замечала колам, но никогда не ругала девочек за то, что они зря расходуют еду, как наверняка сделали бы Сухир или его молодой помощник — теперь они знали, что его зовут Прасад. Сумира, наоборот, стала чаще задерживаться у Зиты и Ахальи и рассказывала им собственные истории.

Когда Сумира уходила, девочки принимались за еду, всегда оставляя немного риса для колам на следующий день. Ели они руками. Через полчаса Сумира возвращалась, чтобы забрать тарелки. К тому времени небо над Каматипурой уже темнело. Первые клиенты борделя появлялись вскоре после того, как Сумира, пожелав им спокойной ночи, удалялась. Зита и Ахалья узнавали это по звукам, раздававшимся внизу.

После ужина девочки садились на пол, напротив друг друга, и Ахалья начинала очередной рассказ. Когда глаза у Зиты начинали слипаться, Ахалья вела ее к раковине, умывала и умывалась сама. Потом они ложились в постель, прижимаясь друг к другу, как дома. Зита, несмотря на шум в борделе, засыпала легко, но Ахалью мучила бессонница.

Днем ее мысли были заняты Зитой; отвлекая сестру, она отвлекалась сама. Ночью отчаяние и невыносимый стыд возвращались. Она лежала на тонком матрасе, вспоминая Шанкара и юношу, у которого был день рождения, и спрашивала себя, сколько еще сможет вытерпеть. Ахалья была сильной и знала это, но любым силам есть предел. Она не могла сопротивляться бесконечно. Однажды запас ее историй иссякнет.

Почувствовав прикосновение, Ахалья открыла глаза. Вокруг была непроглядная темнота. Она посмотрела на дверь; глаза постепенно привыкали. Возле кровати кто-то стоял. Ахалья подавила готовый вырваться крик. Зита безмятежно спала рядом, появление ночного гостя не

разбудило ее.

Тень шевельнулась, и Ахалья почувствовала на своей шее горячее дыхание. Мужской голос прошептал ей в самое ухо на хинди:

— Делай, что я тебе говорю, и веди себя тихо.

Мужчина протянул руку и легко выдернул ее из кровати. Ахалья споткнулась, но он поймал ее и не дал упасть. Потом снова схватил за руку и потащил прочь из комнаты и дальше вниз, по лестнице. Все еще полусонная, Ахалья едва обратила внимание на то, что стоны прекратились и в борделе наконец наступила тишина. Смолкли даже звуки на улице. Казалось, весь город погрузился в сон.

Они прошли сквозь потайную дверь, и мужчина втолкнул ее в одну из комнат. Его рука была шершавой на ощупь, а прикосновения грубыми. Ахалья снова споткнулась и сильно ушибла большой палец ноги о кровать, но даже не вскрикнула — ее охватил ужас.

Он пихнул ее на матрас, запер дверь и быстро освободился от своей одежды. Через секунду он был уже сверху и шарил по ее телу нетерпеливыми руками. Ахалья извивалась под ним, пытаясь сбросить с себя, но он был сильным и сумел удержать ее до тех пор, пока не сделал свое дело. Когда она всхлипнула, он зажал ей рот ладонью. Он пыхтел и сопел точно так же, как все остальные, но Ахалья знала, что это не клиент. Клиенты не оставались в борделе на всю ночь и не имели доступа в комнаты на чердаке. Этот мужчина был молод и невысок. Значит, это не Сухир.

Должно быть, это Прасад.

Закончив, он откатился в сторону и затих, тяжело дыша. Ахалья натянула сари и беззвучно заплакала. Несмотря на то что все произошло крайне быстро и грубо, ей было очень стыдно.

Тогда он заговорил. О том, какая она красивая и как сильно он ее любит. Слова были явно украдены у какого-то поэта и в его устах звучали дико и страшно. Ахалье хотелось броситься на него, впиться ногтями в глаза, вырвать их, чтобы он навсегда остался калеккой, но она даже, не пошевелилась. Все равно это ничего не даст. И она, и Зита находились полностью во власти Сухира.

Наконец Прасад замолчал, повернулся к ней и поцеловал в щеку. Потом он снова взял ее за руку и отвел обратно на чердак. Прасад был влюблен в нее, это Ахалья поняла сразу. Но его представления о любви были сформированы Каматипурой. Здесь любовь означала секс, а секс означал насилие. Она подумала, что он не умел выражать свою привязанность иначе.

Она подошла к своей кровати. Зита по-прежнему спала. Невинность сестры была такой хрупкой. Пока ее еще никто не нарушил, но Ахалья знала, что это всего лишь вопрос времени.

Прасад наклонился к ее уху.

— Никому не говори, — прошептал он. — Это наша с тобой тайна.

Ахалья кивнула, не столько своему насильнику, сколько самой себе. Потом скользнула в постель и накрылась простыней. Прасад беззвучно вышел из комнаты и закрыл за собой дверь. Она прислушалась. Звуки на улице стали чуть громче. Бешено засигналил рикша, прошумел мимо автобус. Город понемногу просыпался. Начинался рассвет.

А вместе с ним еще один день.

Прасад пришел за ней на следующую ночь, а потом еще раз. Все вешья в это время уже спали. Днем Ахалья старалась вести себя так, словно ничего не произошло. У нее случилось небольшое кровотечение, но она сумела скрыть его, так что ни Зита, ни Сумира ничего не заметили. Но внутри она чувствовала необъяснимую пустоту. Рассказывая Зите истории, она вдруг умолкала на полуслове, не в силах продолжать, не в силах заставить себя улыбнуться. Колам она тоже рисовала без обычного воодушевления. И не засмеялась, когда Зита повторила

одну из маминых шуток.

Должно быть, Сумира обратила внимание на ее грусть, потому что в один из вечеров, принеся поднос с едой, она вдруг уселась на полу рядом с девочками и рассказала им, как однажды в детстве путешествующий брамин преподнес ей самый главный жизненный урок. Его слова помогли ей выжить в борделе.

— Главный враг — это желание, — сказала Сумира. — Нельзя хотеть. Не тосковать по прошлому, не мечтать о будущем, не хотеть любви или семьи. Нельзя хотеть чего бы то ни было. Это бессмысленно и приносит лишнюю боль. Вещья должны отделяться от любых привязанностей и эмоций и принять свою карму. Вы никогда не будете счастливы. Но грустить по этому поводу тоже не следует.

Когда Зита уснула, Ахалья почувствовала, что завидует ей. Мирно спящая сестра напомнила ей одного из ангелов, изображенных на витражах в монастырской школе. Она откинулась на подушку и уставилась в потолок. Ахалья знала, что принесет ей сегодняшняя ночь. Спать она не могла. Она была уверена, что сегодня он придет опять.

Ночь начинала переходить в утро; все звуки в борделе стихли, как это бывало обычно. Ахалья не спускала глаз с двери. Он появился в свое время, как всегда. Как она и ожидала. Во всем доме они были единственными, кто не спал. Он дотронулся до ее руки, и она послушно встала. Сопrotивляться и бороться смысла не было.

Комната ждала их. Кровать была узкой, так что они едва помещались там вдвоем. Ахалья делала все, о чем он просил. Это было стыдно и мерзко, но лишний раз доказывало правоту Сумиры. Спастиcь можно только одним способом. Отстраниться.

Насытившись любовью, Прасад, как обычно, откатился в сторону и заговорил. Ахалья удивилась — на сей раз он решил рассказать ей о своей семье.

— На самом деле Сухир мой отец. Ты это знала? Он наделал много детей, но я его первенец. Моя мать была вещь. Она умерла, когда я был еще маленьким. Я вырос в борделе.

Ахалья узнала, что Сухир решил посвятить Прасада в мужчины в день, когда ему исполнилось тринадцать лет. Девочку звали Манаси, и она была одной из самых юных рабынь Сухира. Прасад считал ее своей первой любовью. Он много раз приходил в ее комнату на чердаке. Манаси жила в борделе, пока ей не исполнилось девятнадцать. Потом выяснилось, что она заразилась какой-то венерической болезнью.

— Не помню, что это было, — сказал Прасад. — Но не ВИЧ.

Когда Сумира сообщила об этом Сухиру, он выгнал Манаси на улицу. Она несколько месяцев слонялась вокруг борделя, выпрашивая еду, пока в конце концов Сухир не заплатил полицейскому, чтобы тот посадил ее в тюрьму. Больше Прасад ее не видел.

Ахалья слушала его признания с изумлением и отвращением. Прасад казался ей демоном в теле мужчины, и его слова, слова живого человека, вызывали в ней смятение и чуть ли не страх. Хуже того — *гораздо* хуже! — когда Прасад сказал, что не знал иного дома, кроме борделя, в душе ее даже шевельнулось что-то, похожее на жалость. Это был момент слабости, и Ахалья постаралась заглушить в себе неприятное чувство. Боль между ног напомнила ей, что действия Прасада оправдать нельзя. Ужасное детство не уменьшало его вины.

Ничто не могло ее уменьшить.

Закончив свою речь, он некоторое время лежал молча. Потом нашарил в темноте руку Ахальи и сжал ее. От этого нежного прикосновения ее чуть не вырвало. С трудом проглотив подступивший к горлу ком, она вдруг подумала о Зите. Что, если она проснется и не обнаружит сестру рядом? Неожиданно Ахалье в голову пришла идея. Это было рискованно, но ей необходимо было знать. А Прасад мог ответить на ее вопрос. В первый раз за все время Ахалья обратилась к нему сама.

— Что Сухир собирается делать с моей сестрой? — спросила она.

— Зита — такая же, как ты, — сказал Прасад. — Она особенная. Но Сухир продаст и ее.

Ахалья подавила ярость.

— Когда?

— Скоро, — загадочно ответил он.

После этого он отвел ее обратно на чердак.

На следующий день было воскресенье, единственный день, когда Каматипура более или менее отдыхала. После завтрака Сумира принесла Ахалье и Зите коробку с цветными бусинами и моток лески, и сестры провели день, делая себе украшения. Несмотря на жару, Зита казалась веселой и почти счастливой; бусы поглощали ее целиком. Ахалья же, по совету Сумиры, пыталась «отстраниться». Она убеждала себя, что боль внизу живота — это просто часть ее существования, такая же, как окружающие ее стены и пол под ногами. Она могла проклинать свою карму и оплакивать себя или признать, что боль — это знак того, что жизнь все еще продолжается. Все зависело от угла восприятия.

Подошло время вечерней истории. Ахалья принялась было рассказывать легенду из Махабхараты, древнего эпоса, повествующего о любви и сражениях, но Зите захотелось услышать историю о своей тезке, Сите из Рамаяны. Ахалья вздохнула. Эта легенда была длинной, а ей за эти три ночи почти не удалось поспать.

— Ты точно не хочешь послушать про великую победу Арджуны? — спросила она.

Зита покачала головой:

— Ты рассказывала мне о ней прошлой ночью. Теперь я хочу послушать про принцессу из Митхилы.

Ахалья снова вздохнула. Она не могла устоять перед этим взглядом.

— Сита из Митхилы, — начала она, — обладала великими добродетелями. Но собственная доброта подвела ее. Она поверила Раване, господину подземного царства, и тот похитил ее и силой увез на остров Ланка. Там, в плену, она и жила, ожидая, когда ее освободят Рама и Хануман.

— Расскажи про Ханумана, — попросила Зита. Ее большие карие глаза блестели.

— Доблестный Хануман, обезьяний бог, получил особый дар при рождении, — продолжила Ахалья. — По своему желанию он мог принимать любой размер, становиться большим или маленьким. Когда он узнал, что Равана через море перенес Ситу на Ланку, вырос таким огромным, что перешагнул через море. С собой он принес кольцо Рамы, и когда он отдал его Сите...

Она вдруг замолчала. Заскрипели ступеньки. Кто-то поднимался на чердак. И Зита, и Ахалья уставились на дверную ручку. Ахалья успела подумать, что это, наверное, Сумира с каким-нибудь поручением, о котором она забыла, но тут дверь отворилась. На пороге стоял Сухир. Он молча осмотрел Зиту. Его морщинистое лицо ничего не выражало, но от холодного, оценивающего взгляда спина Ахальи покрылась мурашками. В ушах у нее прозвучали слова Прасада: «Зита особенная. Сухир продаст ее».

Наконец владелец борделя заговорил.

— Пошли, — скомандовал он Зите.

Ахалья встала.

— Возьмите меня! — в отчаянии почти крикнула она. — Не трогайте ее.

Сухир обернулся к ней и нахмурился.

— Ты останешься здесь, — бесстрастно сказал он. Потом взял Зиту за руку и вытащил ее из комнаты. Бросив на Ахалью испуганный взгляд, она скрылась в темном провале лестницы.

Дверь захлопнулась. Ахалья вздрогнула, словно от выстрела, закрыла лицо руками и зарыдала. Кровь бросилась ей в голову, и стены медленно закружились. При мысли о том, как ее младшая сестра будет лежать, распростертая, под мужчиной, бьющимся в судорогах страсти, ей стало плохо, как никогда. Все ее попытки отстраниться, абстрагироваться от действительности разлетелись вдребезги. Почти на грани обморока она подумала, как найти в себе силы, какими словами утешить Зиту после того, что произойдет.

Мимо группы болтающих вещь Зита вслед за Сухиром прошла в холл борделя. По воскресеньям бизнес шел вяло. Мужчины сидели дома, смотрели по телевизору футбол и крикет и ложились в кровать со своими женами.

Повинуясь Сухиру, Зита встала у зеркала, под яркими огнями. Руки она сложила вместе, чтобы унять дрожь. На диване сидел мужчина, молодой, не старше тридцати пяти. Он был одет в дорогой костюм, на запястье у него Зита заметила серебряные часы. Мужчина окинул ее взглядом, но с дивана при этом не встал.

— Сухир говорит, что ты сирота, — произнес он на хинди. — Это правда?

Зита, сбитая с толку, кивнула.

— Он говорит, что ты здорова и что ты не беременна.

Она снова кивнула.

Он обернулся к Сухиру и обменялся с ним несколькими словами; языка Зита не разобрала. В конце концов мужчина кивнул и пожал Сухиру руку. Потом он бросил еще один долгий взгляд на Зиту и вышел. За все это время он даже не сделал попытки подойти к ней ближе.

Зита почувствовала облегчение — такое, что едва могла стоять на ногах, но в то же время смутную тревогу. И Сухир, и мужчина вели себя загадочно. Она вспомнила Новый год, ночь, когда Шанкар лишил Ахалью невинности. В тот раз Сумира одела их в прекрасные, тонкой работы сари, украсила ожерельями и браслетами и вплела в волосы цветы. Все это было сделано для того, чтобы привлечь клиента, выманить из него как можно больше денег. Сегодня же Сухир просто вошел в комнату и привел ее к клиенту без всякой предварительной подготовки.

Они снова поднялись по сырым скрипучим ступенькам в комнату на чердаке. Еще за дверью Зита услышала, как рыдает Ахалья, и сердце ее сжалось. Она бросилась к сестре, вцепилась в ее сари и тоже заплакала, хотя ничего дурного с ней не произошло. Она плакала потому, что их родители умерли. Потому что плакала ее старшая сестра.

Нарыдавшись всласть, сестры чуть отстранились друг от друга. В глазах Ахальи Зита прочитала безмолвный вопрос.

— Ничего не случилось, — прошептала она. — Там был мужчина, но он до меня даже не дотронулся.

— Он тебе что-нибудь говорил?

— Спросил, правда ли я сирота и не беременна ли я.

— А Сухир? Что он сказал?

— Я не знаю. Я не поняла. Они говорили на каком-то другом языке, не на хинди.

Ахалья порывисто прижала ее к груди.

— Сам Рама хранил тебя, Цветочек, — сказала она. — Он не дал этим людям причинить тебе зло.

— Не Рама, — поправила Зита. — Это был баба. Он обещал всегда защищать меня.

Она закрыла глаза и представила себе лицо отца. Сильный, волевой подбородок, волосы с проседью, начинающие редеть на макушке, мудрые, добрые глаза, в которых всегда словно бы играли золотые искорки. Когда Зите было пять лет, он сказал, что всегда защитит ее. И с тех пор она ни разу не усомнилась в том, что так и будет.

— Ты права, — согласилась Ахалья и погладила сестру по волосам. — Конечно, это был баба.

Глава 8

Если ты не видал дьявола, посмотри на самого себя.

Джалаладдин Руми

Мумбай, Индия.

Первая неделя работы в CASE стала для Томаса своеобразным погружением в дело. Рабочий день начинался в восемь тридцать с общего собрания, которое проводил Джефф Грийер. Главы отделов отчитывались о текущих делах — готовящихся операциях, новых зацепках, сборе документов для передачи того или иного дела в суд, о том, как идут дела у тех девочек, которых удалось спасти. Никто не рисовал радужных перспектив и не представлял обстоятельства в черном свете. Независимо от того, шла речь об удачах или неудачах, все старались сохранять спокойствие и не терять головы.

В первый же день Томас понял, что работа в CASE не имеет ничего общего с тем, как представляли себе работу в общественных организациях он и его коллеги по «Клэйтон». Трудиться приходилось гораздо дольше, требовался гораздо более высокий уровень профессиональной подготовки, чем можно было бы ожидать, а дела были невероятно сложными и запутанными. Кроме того, это было опасно. У CASE было мало друзей в Бомбее, но зато полно врагов, и почти все они были могущественными. Большей части сотрудников уже приходилось сталкиваться с угрозами сутенеров или торговцев живым товаром, а некоторым даже не однажды.

В некоторых отношениях работа в юридическом отделе напоминала Томасу «Клэйтон», но любое сходство заканчивалось, когда начинался собственно закон. Особенности индийской юриспруденции поначалу показались Томасу темным лесом, а профессиональный язык изобилует странными фразами и давно устаревшими терминами, оставшимися, по всей видимости, еще со времен английского господства в Индии. Он не выпускал из рук карандаш и постоянно делал заметки, но они скорее сбивали его с толку, чем проливали свет.

Заметный прорыв произошел, когда Саманта Пендерхук попросила Томаса просмотреть бриф, написанный одним из индийских адвокатов CASE. В деле фигурировал сутенер, который организовал подпольный публичный дом в трущобах Джогешвари. У него был подельник, поставлявший в бордели девушек и девочек из отдаленных деревень на севере Индии. Он обещал им, что устроит их на работу официантками или нянями в Бомбее. На момент операции, проведенной полицией совместно с CASE, в публичном доме находилось пять девочек. Все пять были несовершеннолетними. Двум едва исполнилось тринадцать. Улик против сутенера было более чем достаточно, и все более чем солидные. Тем не менее дело висело в суде уже четыре года, а сутенер по-прежнему разгуливал на свободе.

Дело Джогешвари служило наглядной иллюстрацией кризиса бомбейской судебной системы. Находясь в полиции, сутенер признал выдвинутые против него обвинения, но признательные показания не были подшиты к делу, потому что полицейские оказались коррумпированными. Осмотр места происшествия был произведен невнимательно и противоречил показаниям одного из понятых, что дало основания адвокату сутенера поставить под сомнение достоверность осмотра и показания полицейских констеблей.

Вдобавок к этому непосредственно судебный процесс являлся просто образцом

неэффективности. Пострадавших вызвали для дачи показаний лишь спустя шесть месяцев после произведенного захвата, но государственный обвинитель был вынужден ждать целых два года, прежде чем смог вызвать в суд самого сутенера. К тому времени ни судья, ни обвинитель уже толком не помнили, что говорили потерпевшие. Единственные записи были сделаны судебным секретарем на ее древнем компьютере, причем она использовала свою собственную систему стенографии. К несчастью, «показания» категорически не совпадали с теми записями, что сделал во время слушания дела адвокат CASE.

Кроме всего прочего, возникла проблема языкового барьера. Все девочки были родом из штата Уттар-Прадеш, причем из района, расположенного на самой границе с Непалом, и говорили на диалекте авадхи. Поиски переводчика заняли у CASE два месяца. Когда в конце концов девочек привели к присяге, выяснилось, что переводчик плохо слышит. Несмотря на то что стоял почти вплотную, он постоянно перебивал девочек и заставлял их по нескольку раз повторять одно и то же, что сильно сбивало их с толку.

Дело Джогешвари оказалось сплошной катастрофой. Прочитав бриф, Томас направился напрямик в кабинет Саманты. Она разговаривала по телефону, но махнула ему, приглашая зайти.

Когда Саманта повесила трубку, Томас показал на бриф:

— Это что, шутка?

Она улыбнулась:

— Нет, не шутка. Я говорила, что полицейская и судебная система Бомбея может свести с ума кого угодно.

Томас постарался сдержать ярость.

— Четыре года назад этот сутенер торговал маленькими девочками, продавал их своим приятелям из трущоб, а сегодня его адвокат утверждает, что тот ни в чем не виноват, на основании того, что полицейские не смогли связно изложить на бумаге протокол осмотра места происшествия, секретарь не так расслышал показания потерпевших, а показания сутенера были выбиты из него полицией? И это при том, что в деле фигурируют еще пять свидетелей, а при операции присутствовали двое понятых, утверждающих, что он признался во всем совершенно добровольно! Что же это такое, суд для кенгуру?

— Да, это абсолютный цирк, — согласилась Саманта. — Поэтому нам так редко удается довести дело до обвинительного заключения. Даже если доказательства железные, злоумышленник пускается в бег, или потерпевший отказывается от показаний, или адвокат обвиняемого пудрит мозги судье и затягивает процесс до тех пор, пока папка с делом не начинает покрываться плесенью.

— Если вся система никуда не годится, зачем мы вообще это делаем?

Саманта показала на кресло напротив своего стола.

— Садитесь.

Томас сел.

— Разумеется, вам знакомы слова Бёрка. Единственное, что необходимо для торжества зла, — чтобы добрые люди не делали ничего. Это выражение уже стало штампом, одним из тех, что так любят употреблять политики или митингующие с плакатами. И несмотря на это, Бёрк был прав. Бомбей — настоящий воровской притон только потому, что люди сидят сложа руки и не делают ничего, чтобы изменить ситуацию к лучшему. Когда здесь появилось отделение CASE, все говорили, что мы закроемся максимум через год.

Она помолчала и развела руками:

— Что ж. Мы все еще тут. И, я надеюсь, с божьей помощью нам удалось кое-что сделать. Сутенеры нас боятся. Полицейские теперь думают дважды, прежде чем согласиться принять взятку. Девочки, которых держали едва ли не в клетках и насиловали по пятнадцать раз в день,

постепенно приходят в себя. Немного, но все же кое-что. И это только начало. Вам нужно ответить себе на один-единственный вопрос: хотите ли вы быть частью всего этого?

Она откинулась на спинку стула и положила руки на стол.

— Наверное, Джефф сказал вам, что, если уж вы приняли решение, назад пути нет. Он всем так говорит. Но это мой отдел. Как только вы захотите выйти из игры, в любой момент, я свяжусь со штаб-квартирой. Я прекрасно помню о том, что за работу вам не платят.

Саманта хотела всего лишь пошутить, но ее слова задели Томаса. Она не знала, что, если бы не трус Марк Блейк и не угрозы «Уортон Коул», он сидел бы сейчас в Вашингтоне и зарабатывал 325 долларов в час. Работа CASE была достойна всяческого уважения, но его привели сюда отнюдь не высокие моральные принципы. Этим он отличался от прочих сотрудников. Да, торговля людьми возмущала его до глубины души, но у Томаса был свой собственный карьерный план и четкая цель — Федеральный окружной суд. Разумеется, он останется. Но только потому, что это единственный способ заслужить, так сказать, прощение высших сил.

— Насчет меня не беспокойтесь, — сказал Томас и встал. — Я в деле.

— Я так и думала. — Саманта широко улыбнулась. — Тогда вот вам испытание. Доведите бриф по делу Джогешвари до ума. Пусть оно «запоеет». Пусть у судьи просто руки начнут чесаться от желания поскорее отправить этого подонка в тюрьму на Артур-роуд.

В субботу вечером Динеш пригласил Томаса поужинать с ним и парой его друзей где-то в Бандре. Все они оказались молодыми неженатыми «белыми воротничками», в свое время получившими образование в Британии. Они поели на террасе «Соул Фрай», популярного заведения, где готовили традиционные индийские блюда, но с некоторым нестандартным подходом.

Друзей Динеша совершенно не заинтересовал тот факт, что Томас работает в CASE. Большую часть ужина они расспрашивали его об американских девушках. Томас старался не упоминать о Прийе на тот случай, если один из молодых людей знает ее семью. Но они не задавали никаких неудобных вопросов, а Динеш обладал достаточным тактом, чтобы избегать щекотливых тем.

После ужина они поймали пару рикш, забрались в кабинки и отправились в любимый клуб Динеша — «Белую орхидею». Поездка заняла минут двадцать. Клуб располагался на третьем этаже офисного здания, где находились еще бутик модной одежды и турагентство.

Еще поднимаясь в лифте, Томас услышал, как грохочет музыка. В фойе их встретили трое охранников, одетых в белые рубашки и черные брюки. Приятель Динеша пожал одному из них руку и прошептал что-то на ухо. Охранник одобрительно кивнул и показал им на следующую дверь.

Как только Томас вошел в клуб, он понял, чем «Белая орхидея», довольно закрытое заведение, привлекала своих посетителей. Это был отнюдь не элитный алкоголь и не избранное общество. Помещение имело круглую форму; по периметру были расставлены мягкие диваны и маленькие квадратные столики. На диванах сидели мужчины всех возрастов и с удовольствием потягивали напитки. В центре располагался деревянный танцпол с двумя медными шестами. Между шестами стояли восемь молодых женщин в изысканных костюмах и сверкающих украшениях. Они напоминали прекрасных принцесс из сказки. В отличие от танцовщиц из американских стрип-клубов, эти девушки были полностью одеты. И тем не менее неприкрытая чувственность в их взглядах, позах и движениях производила потрясающее впечатление.

Одна за другой девушки выходили на помост; пока одна из них танцевала, остальные стояли в стороне, оглядывая посетителей. Если клиенту нравилась девушка, он предлагал ей чаевые. Танцующей походкой девушка подходила к мужчине, с улыбкой брала деньги и возвращалась на

место. Время от времени какой-нибудь посетитель брал в руки пачку потолще и подмигивал танцовщице. Тогда девушка, привлеченная щедрой суммой, танцевала лично для него. Однако ни танцовщица, ни ее поклонник не касались друг друга.

Для того чтобы эти правила выполнялись неукоснительно, неподалеку от помоста постоянно находились несколько мускулистых официантов и строго оглядывали зал. Официанты принимали заказы и разносили напитки, но их настоящая обязанность была очевидна. Томас сел рядом с Динешем, стараясь скрыть смущение. Девушки тут же впились в него глазами, ожидая, не выкажет ли новый клиент интерес. Выбора у Томаса практически не было. Он мог либо встать и выйти из клуба, проявив таким образом грубость по отношению к Динешу, либо остаться и смотреть на танцовщиц, как и все остальные.

Он посмотрел на Динеша. Тот выглядел веселым и довольным и нисколько не стеснялся. Он и его приятели уже заказали напитки и теперь грызли арахис. Томас махнул официанту и попросил принести пива. Динеш мог бы и предупредить его о том, в какой клуб они едут. Впрочем, если бы он это сделал, Томас, скорее всего, отказался бы.

На помост вышла девушка в изумрудно-зеленом сальвар камизе. Она была настоящей красавицей, с огромными миндалевидными глазами и чудесным смугло-матовым цветом лица. Девушка закрыла глаза и принялась извиваться в танце, в ее движениях было столько откровенной сексуальности, что внутри у него что-то дрогнуло. Несколько секунд он не мог отвести от танцовщицы взгляд, но все же овладел собой и отвернулся. Чувство вины накрыло его с головой. Он попытался придумать какой-нибудь вежливый предлог, чтобы уйти, но в голову не приходило ничего подходящего. Он был сердит на Динеша и еще больше — на самого себя.

Ближе к полуночи один из друзей Динеша вдруг встал. Весь вечер он осыпал банкнотами по пятьсот рупий одну из девушек. Теперь он посмотрел на нее и кивнул ближайшему официанту. Потом пожал руку Динешу и быстро направился к выходу. Девушка тем временем тоже покинула танцпол и скрылась где-то в глубине клуба.

— Куда он пошел? — крикнул Томас на ухо Динешу.

Тот развел руками, показывая, что понятия не имеет, но Томас догадался мгновенно. Он откинулся на спинку дивана и внимательно посмотрел на друга. Динеш был увлечен высокой девушкой с длинными ресницами. В течение вечера он уже потратил на нее не меньше трех тысяч рупий; несколько раз она исполняла для него приватный танец. Теперь она стояла среди прочих танцовщиц, ожидая своей очереди, и покачивалась под музыку, которая показалась Томасу смутно знакомой. Динеш полез в бумажник, вытащил восемь банкнотов по пятьсот рупий и показал их своей избраннице, словно охотник, приманивающий любимого сокола.

Глаза девушки загорелись. Она проплыла через зал и встала прямо перед Динешем. Не глядя ни на кого, кроме него, не спуская с него глаз, она медленно начала свой танец. Сначала пришли в движение пальцы. Потом руки. Потом плечи. И вот она уже извивается всем телом. Томас смотрел, как разворачивается действо, понимая то, чего он не видел раньше. Это был древнейший ритуал, корни которого уходили в незапамятные времена.

Динеш повернулся к нему.

— Ты знаешь, как добраться домой? — крикнул он.

Томас кивнул. Все было ясно.

— Тогда увидимся завтра утром.

Динеш поднялся. Официант проводил его до дверей, а девушка, как и предыдущая, скрылась в глубине клуба.

Томас проводил их взглядом. Он знал, что случится дальше. Динеш и девушка встретятся на улице, за клубом. Они возьмут такси и поедут в какой-нибудь отель. Там, за запертой дверью, Динеш будет заниматься с ней любовью до тех пор, пока его силы не иссякнут. Потом девушка

возьмет у него деньги и уйдет. Еще одна ночь, еще один безымянный мужчина. На эти деньги она купит еды своим детям или, может быть, новый наряд на Линкинг-роуд. Завтра она снова выйдет на помост. И послезавтра. И на следующий день. Ритуал повторится, и Динеш будет забыт.

Если только он снова не заплатит.

Томас допил свое пиво и оставил официанту сто рупий на чай. Потом попрощался с последним из друзей Динеша и вышел из «Белой орхидеи», чувствуя отвращение к самому себе. Интересно, что сказали бы его коллеги из CASE, если бы узнали, что он посещал подобное место? И что сказала бы Прийя? Возможно, теперь это было бы ей безразлично.

Он подозвал рикшу и попросил отвезти его в Банд-стэнд. Чтобы отвлечься от невозможного рева мотора, Томас стал думать об идее, которую подала ему мать. Два раза за прошедшую неделю он чуть не набрал номер Прийи, но в последний момент останавливался. Почему же от одной мысли о том, чтобы снова посмотреть ей в глаза, его сердце проваливается в желудок?

Он вытащил свой Black-Berry и проверил почту. Сегодня утром он послал матери сообщение, что он жив и здоров (она всегда умела найти повод для беспокойства), а также заверил Судью в том, что одна неделя, проведенная в Индии, не повлияла на его жизненные планы.

Элена прислала ответ:

«Томас, я рада слышать, что ты в безопасности и что у тебя все в порядке. У твоего отца появилась новая мания. С тех пор как ты уехал, он не переставая читает все подряд о торговле людьми. Только что почтальон притащил целый ящик книг, которые он заказал через Интернет. Мне бы, конечно, хотелось, чтобы разговоры за ужином были посвящены более мирной теме, но ничего, могло быть и хуже. По крайней мере, он не скучает. Пожалуйста, не пропадай и скорее возвращайся домой».

Томас улыбнулся и стал листать непрочитанную почту дальше. Среди множества спам-сообщений ему попалось сообщение от Эндрю Портера.

«Эй, Томас. Думаю, тебе будет интересно узнать, что мы получили некоторые сведения из полицейского управления Фейетвилла по поводу того дела, о котором ты говорил. Пока ничего конкретного, но мы движемся вперед. Здесь ужасно — слякоть и гололедица. Радуйся, что ты там, где тепло. Дико тебе завидую».

Томас быстро напечатал ответ.

«Спасибо за новости. В данный момент я как раз наслаждаюсь выхлопными газами. Не рай, конечно, но слякоть все-таки еще хуже».

Послав письмо, он прокрутил вниз еще несколько ненужных сообщений и увидел ее имя. Ну почему жизнь — такая сложная штука? Томас закрыл глаза. Он прямо сказал Тере, что между ними все кончено. Сначала он хотел удалить сообщение не читая, но любопытство все же пересилило.

«Томас, знаю, что я дура, но все равно скучаю по тебе. Где ты? Партнеры ничего не говорят — только что ты взял отпуск. Здесь так холодно. Скучаю по твоим теплым рукам».

Он выпрямился и рассеянно посмотрел на сиявший огнями город. Тера добрая и хорошая девушка. Получается, что он сам поощрил ее, а потом разорвал все без объяснений. Да, написав письмо, она поступила глупо. Но и сам он был не меньшим дураком.

Погрузившись в мысли, Томас не заметил, как рикша остановился возле дома Динеша. Водитель обернулся и послал ему красноречивый взгляд, показав на счетчик. Томас заплатил и медленно прошел через ворота. Лифт стоял на первом этаже. Добравшись до квартиры Динеша, Томас налил себе бренди и вышел на веранду. Некоторое время он постоял там, облокотившись на перила, вдыхая насыщенный солью воздух и пытаясь найти ответ на вопрос — в чем же заключается смысл его жизни.

Устав наконец от гнетущих размышлений, он вернулся в спальню и быстро разделся. В открытое окно проникали звуки ночного Бомбея. Томас растянулся на кровати и закрыл глаза. Сон принес ему долгожданное облегчение.

В понедельник после утреннего собрания Томас зашел к Найджелу Макфи. Все выходные, с того момента, как он вышел из «Белой орхидеи», его не покидала одна и та же мысль. К тому моменту, как Динеш, веселый и довольный, вернулся домой в воскресенье днем, этот вопрос уже занимал его не на шутку, и Томас решил, что он обязательно получит на него ответ.

Найджел пригласил его присесть.

— Что я могу для вас сделать?

Томас решил сразу перейти к сути.

— В субботу мой друг пригласил меня в «Белую орхидею».

— Ага, — кивнул Найджел. — А вы не знали, что это за заведение, так?

Томас покачал головой.

— Я уже говорил вам — весь город один большой бордель.

— Как раз об этом я и хотел вас спросить. «Белая орхидея» не показалась мне борделем. А девушки не были похожи на секс-рабынь.

Найджел с интересом взглянул на него.

— А как, по-вашему, выглядят секс-рабыни?

— Понятия не имею. Но похоже было, что эти девушки находились там по своей воле.

— Ну, внешность может быть обманчива.

— Вы хотите сказать, их похитили?

— Не совсем. Все не так просто. Многие из них находятся там чуть ли не с рождения.

— Что вы имеете в виду?

— Они из бедиа. Женщины из этого племени были проститутками на протяжении многих веков. Вы заметили, что все они потрясающе красивы?

Томас кивнул.

— Невероятные гены. Просто загадка. Но их истории одинаковы. Родители целенаправленно готовили их именно к такой жизни. Девочек приводят в клуб, когда они еще подростки, и ставят в очередь у помоста. Да, их не контролируют так, как девушек из публичных домов на юге города. Они живут самостоятельно. Сами тратят свои деньги. Но все же вряд ли их можно назвать свободными. Они просто не знают ничего другого.

— А клиенты — они это осознают? — Томас вспомнил Динеша.

Найджел расхохотался.

— Клиентам все равно. Девушка из клуба — это фантазия. Мечта. Мужчины убеждают себя, что девушки влюбляются в них. Они не покупают проститутку. Они как бы дарят подарок подружке.

Томас задумался. Логика была не совсем очевидной, но это объясняло поведение Динеша.

— Какова позиция CASE по отношению к ночным клубам?

Найджел покачал головой:

— Места типа «Белой орхидеи» нам недоступны. Полиция берет взятки от владельцев таких заведений и закрывает на все глаза, говоря, что девушки занимаются этим по доброй воле. Возможно, они и правы. Единственные клубы, которые мы берем на заметку, — это пивные бары на окраинах, где сутенеры держат девушек взаперти.

— Знаете, — сказал Томас, — моя жена однажды назвала Бомбей городом майя^[15]. Кажется, я начинаю понимать, что она имела в виду.

Найджел кивнул:

— Да. В этом городе все иллюзия.

Томас поблагодарил Найджела за разговор и вернулся на свое рабочее место. Прихватив лэптоп, он направился в библиотеку CASE и просмотрел информацию по всем делам по торговле людьми, доведенным до обвинительного заключения. Ему удалось найти несколько прецедентов, на которые можно было бы сослаться в суде по делу Джогешвари, но улов оказался небогатым.

Около полудня он снова уселся за свой рабочий стол, чтобы разработать план нового брифа. Он набросал общие идеи, потом выделил основные пункты и развил их. Через полчаса основа брифа была готова. Томас взглянул на часы и подумал, не пришло ли время пообедать.

Его внимание привлекли взволнованные голоса в отделе расследований. Хотя все три отдела — юридический, отдел расследований и отдел реабилитации — находились в разных концах одной большой общей комнаты, разделенной перегородками, большую часть разговоров разобрать было невозможно из-за шума трех огромных кондиционеров, не смолкавшего с утра до ночи.

Томас встал и увидел трех агентов-индийцев, которые как раз входили в кабинет Найджела.

— Что происходит? — спросил он у Элоизы, уроженки Бронкса.

Она отложила в сторону толстый справочник и заглянула за перегородку, отделявшую юридический отдел от отдела расследований.

— Что за шум, Джон?

Один из сотрудников поднял голову:

— У Рашида появилась наводка. Две несовершеннолетние девочки в Каматипуре. Одна еще девственница. Найджел хочет провести операцию как можно быстрее.

Сердце Томаса учащенно забилося.

— А кто имеет право участвовать в операциях?

Элоиза улыбнулась:

— Спроси Грийера. Может быть, он разрешит тебе поехать с ними.

Через пару минут Найджел со своими подручными вышли из кабинета и зашли к Саманте. Вскоре после этого она созвала команду юридического отдела.

— Прошлой ночью Рашид встретился с девушкой-осведомительницей, которая уже предоставляла ему информацию раньше. Она сообщила, что сутенер из борделя, где она работает, незадолго до Нового года привез двух новых девушек. Мы отправляемся туда сегодня вечером. Дипак сыграет роль подставного клиента; выяснилось, что он знает владельца.

После этого короткого совещания Томас зашел к Грийеру. Директор говорил по телефону.

— События разворачиваются, — заметил он, повесив трубку. — Рашид просто подпрыгивает от нетерпения; хочет проверить полученную информацию.

— Вы не будете возражать, если я тоже поучаствую? — спросил Томас.

Грийер думал не больше секунды.

— Почему бы и нет? Можно и сегодня. Случай подходящий.

В пять часов, после лихорадочных приготовлений, Грийер и Найджел собрали вместе команду тех, кто должен был участвовать в операции. Всего в ней было шесть человек. Дипак, Рашид и Рохит, детективы, знали план борделя. Рави, еще один агент, часто выступал в роли водителя принадлежащего CASE «лендровера». Дев Рамачандра занимался непосредственно расследованиями. Анита Чопра, психолог, специалист из отдела реабилитации, должна была предоставить девочкам моральную поддержку на месте.

Найджел попросил Рашида сообщить им последнюю информацию. Рашид чуть наклонился вперед.

— На улице говорят, что Сухир приобрел девочек примерно две недели назад. Никто не знает, откуда они родом, но мой агент сказал, что на первой он заработал шестьдесят тысяч рупий. Пока неизвестно, лишили невинности вторую девочку или нет.

— Дипак, — сказал Найджел. — Расскажи нам о плане дома.

— Типичный публичный дом, — отозвался агент. — Я знаю лишь про один вход, с фасада. Ходят слухи, что где-то там есть запасной выход, но я его никогда не видел. У Сухира примерно пятнадцать проституток. С ним работает его сын, Прасад. Я знаю, что в доме есть еще и верхнее помещение на чердаке, но не знаю, как туда попасть.

— Чего нам ожидать в плане сопротивления? — спросил Найджел.

Слово взял Рохит:

— Насколько мне известно, Сухир не носит оружие. Его мадам очень тихая и покорная женщина. А вот с Прасадом могут быть проблемы. У него взрывной характер.

Найджел повернулся к Грийеру:

— Дайте об этом знать полицейским.

— Непременно, — заверил тот и сделал пометку в блокноте. — Насколько мы можем доверять полицейским из Нагпады? — спросил он у Дева. — В последний раз мы работали с ними довольно давно.

— Инспектор Кхан — честный человек, — ответил Дев. — Остальные пойдут по пути наименьшего сопротивления. Все констебли получают бакшиш от сутенеров, но они боятся инспектора Кхана и будут следовать его приказам.

— Насколько подозрителен Сухир? — спросил Грийер. — Он будет искать микрофон?

Дипак покачал головой:

— До сих пор полиция его бордель не трогала. Говорят, он отстегивает деньги банде Чотта Райана. И думает, что непобедим.

Летучка продолжалась до шести часов. После этого вся команда отправилась на ужин. К семи они снова вернулись в офис, погрузились в два автомобиля и отправились в полицейский участок Нагпады. На прощание Найджел пожелал им успеха.

До полицейского участка было около сорока пяти минут езды. Уже из машины Грийер позвонил инспектору Кхану и узнал, что в рейде будут участвовать шесть констеблей. Кхан не стал говорить заранее, какой именно бордель они собираются накрыть, чтобы Сухир не смог их подкупить. Он решил сообщить им об этом уже в пути. Кхан сказал, что с ними будут также двое понятых, сотрудники другой общественной организации. Полиция прибудет в двух патрульных автомобилях и трех фургонах. Если девушек окажется много, их нужно будет на чем-то доставить в участок.

— Ну что ж, все вроде складывается, — сказал Грийер, закончив разговор. — Репутация инспектора Кхана себя оправдывает.

Они проехали сквозь сердце Южного Бомбея, трущобы Дхарави. Тут и там мелькали костры — бродяги жгли мусор; вместо фонарей трущобы освещались бесконечными гирляндами голых

лампочек. Затем миновали шумные, кишашие такси улицы района Дадар и Лоуэр-Парел и въехали в узкие переулки Нагпады.

Автомобили они припарковали в квартале от полицейского участка и дальше пошли пешком. Инспектор Кхан встретил их в холле и провел в тесную комнатку, заставленную металлическими письменными столами и книжными полками, тянувшимися от стены до стены. Он попросил Дипака показать ему оборудование. Агент открыл рюкзак и продемонстрировал крошечную видеокамеру, замаскированную под шариковую ручку, и аудиопровод, который нужно было приклеить к животу. Кхан одобритительно кивнул, достал из кармана конверт и вручил его Дипаку.

— Двадцать тысяч рупий, — объявил он. — Номера переписаны, информация у меня в ноутбуке.

Дипак передал конверт Джеффу, тот достал свой блокнот и пересчитал купюры.

— Понятые скоро будут здесь, — продолжал инспектор. — Мои люди все еще не знают деталей. Я запру дверь. Выходим без четверти десять.

Дипак прикрепил провод на место и сунул ручку в нагрудный карман. Томас подумал, что все выглядит совершенно естественно.

Понятые прибыли вскоре после девяти. Оба были индийцами, и обоим было около тридцати лет. На ломаном, но вполне внятном английском мужчина представился как Кави. Его спутницу звали Мира. Рашид затараторил на хинди, вводя их в курс дела.

Наконец Грийер взглянул на часы.

— Почти пора, — сказал он. — Обычно перед началом операции я читаю молитву. Вы не возражаете?

— Конечно нет, — заверил Томас. — Я вырос в католической семье.

Закрыв глаза, Грийер быстро помолился, прося удачного исхода операции. В дверях появился инспектор Кхан. Он позвал всех в фойе и представил своим людям. Как он и говорил, в группе захвата было шесть констеблей. Все были вооружены деревянными дубинками, лати; кроме того, у двоих имелись почти антикварные карабины.

— Мы будем ждать на Белласис-роуд, пока Дипак не подаст сигнал — пропущенный звонок, — громко сказал инспектор. — До этого никто не двинется с места. Я поеду в головной машине. Если кто-то сунется вперед меня, сдаст значок. Всем все понятно?

Невнятный ропот был ему ответом. Полицейские, одетые в форму цвета хаки, заметно нервничали. Двое из них то и дело поглядывали на Томаса и Джеффа, не особенно пытаясь скрыть презрение.

Кхан обвел глазами каждого из полицейских:

— Не важно, откуда вы родом, и не важно, как вы относитесь к вешья. Представьте, что девочки, которых вы собираетесь спасать, ваши собственные дочери. И делайте свою работу. Есть вопросы?

Вопросов ни у кого не было.

— Тогда пошли, — сказал инспектор.

Глава 9

*Мы переправились на ту сторону
этого мрака,
Зажигающаяся Ушас создает
(свои) знаки.*

Мумбай, Индия.

В десять часов вечера дверная ручка комнаты на чердаке снова повернулась. На этот раз Сумира пришла за ней. Ахалья села на кровати. Ее волосы были растрепаны, а лицо опухло от слез. Зиты не было всего двадцать минут, но Ахалье они показались вечностью.

Как и накануне, Сухир появился неожиданно и увел Зиту с собой. Ахалья не удивилась. Весь день сердце ее сжималось от ужаса — она знала, что страшный час скоро настанет. Обещания баба не могли спасти Зиту от борделя.

— Пошли, — сказала Сумира и взяла Ахалью за руку. — Ты нужна для клиента. Тебе не следует выглядеть такой грустной.

«Значит, сегодня меня тоже продадут», — подумала Ахалья. Ей вдруг стало холодно.

Она опять облачилась в свой прекрасный наряд, призванный соблазнять и завлекать, и вслед за Сумирой спустилась по лестнице. По дороге она пыталась как-то подготовить себя к тому, что сейчас ее коснутся руки незнакомого мужчины. Лишь одна вещь, самая старшая и самая некрасивая, стояла в коридоре. Она проводила Ахалью взглядом. Большая часть комнат для утех была занята. Ахалья замирала возле каждой двери, стараясь среди привычных похотливых звуков расслышать голос Зиты. Руки ее невольно сжимались в кулаки. *Как они могут делать с ней такое? Ведь она совсем еще ребенок!*

Мужчина, сидевший на диване в холле, был молод и бородат. Сухир встал возле противоположной стены и повернул выключатель. Как всегда, яркий свет ослепил Ахалью.

— Настоящее чудо. — Мужчина встал и подошел к ней. — Сухир, у тебя всегда есть чем удивить.

— Она твоя за десять тысяч.

— Так дорого, друг мой? Сколько раз она была с мужчиной?

— Только два раза. Она еще совсем свежая.

«Значит, Прасад сохранил все в секрете, — мрачно подумала Ахалья. — Сухир понятия не имеет, что его сын спал со мной каждую ночь на протяжении всей недели».

Мужчина обошел Ахалью кругом и снова остановился перед ней. Она старалась не смотреть ему в глаза.

— Беру, — наконец заявил он. — Но я хочу пойти в верхнюю комнату. Она удобнее.

— Конечно, — согласился Сухир. Он взглянул на Сумиру, и она неслышно выскользнула из комнаты.

Мужчина передал владельцу борделя пачку рупий и взял Ахалью за руку.

— Пойдем, принцесса, — шепнул он.

Ахалья вздрогнула и молча последовала за ним. Все двери в коридоре, кроме одной, были закрыты. Никаких следов Зиты не было.

Когда они вошли в комнату на чердаке, Сумира как раз поправляла простыни. Она взбила подушки и отошла от кровати. Сухир пожелал бородатому приятно провести время и закрыл дверь снаружи.

Мужчина жестом показал Ахалье, чтобы она села на кровать, и достал мобильный телефон.

— Минутку, — сказал он и нажал на кнопку. Потом поднес телефон к уху, немного послушал и нажал отбой. — Никого нет дома.

Ахалья присела на постель и уставилась на простыню. Сейчас он расстегнет штаны и погладит ее по лицу, как Шанкар. А потом скажет, чтобы она раздевалась. Но бородатый повел себя по-другому.

— Как тебя зовут? — ласково спросил он.

Вопрос пронзил Ахалью как нож. Ее имя. Дар отца. Оно означало «отсутствие несовершенства». Ее тетка была идеалом женской красоты, целомудренной женой великого мудреца, которую соблазнил бог Индра; муж проклял ее за неверность. Сходство между ее судьбой и судьбой Ахальи из Рамаяны было очевидным, но имелось одно существенное различие: обращенная в камень Ахалья в конце концов оказалась спасена.

— Меня зовут Дипак, — сказал он.

Ахалья снова промолчала.

— Я не причиню тебе вреда.

Он спокойно сидел рядом, не пытаясь даже дотронуться до нее. Ахалья, не выдержав, удивленно взглянула на него. Мужчина вел себя странно.

Через несколько секунд снизу донесся странный шум — визги, тяжелый топот и встревоженные голоса мужчин. Ахалья услышала, как Сумира раздает приказания. Кто-то взбежал вверх по лестнице. Дипак быстро встал, подскочил к двери и подпер ее спиной. В ту же секунду ручка повернулась. Когда дверь не поддавалась, мужчина снаружи — Ахалье показалось, что это Прасад, — выругался и бросился на нее, пытаясь выбить.

Лицо Дипака исказилось от усилия, но дверь он удержал.

Стоя рядом с Грийером возле дома напротив, Томас видел, как констебли ворвались в бордель. Инспектор Кхан застегнул наручники на Сухире — тот даже не сопротивлялся — и вместе с тремя людьми побегал вверх по лестнице. Усадив Сухира в фургон, остальные полицейские и двое понятых тоже вошли внутрь, чтобы записать имена и показания свидетелей.

Грийер и Дев перебросились парой слов с агентами CASE и велели Рашиду и Рохиту осмотреть близлежащие переулки на случай, если в борделе действительно есть запасной выход. Агенты разделились и смешались с толпой.

Движение на улице практически застопорилось — таксисты и прохожие глазели на захват. Сутенеры и владельцы других борделей держались в стороне, оценивая масштаб опасности. Постепенно в толпе зевак зазвучал недовольный ропот. Многие подозрительно посматривали на Томаса и Грийера. Взгляды становились все более враждебными. Толпа будто сдвинулась; назревал конфликт.

Дев посмотрел на Грийера.

— Нам лучше убраться отсюда, пока все не переросло в потасовку.

Грийер кивнул и сделал знак Томасу следовать за ним: Все направились в здание борделя, Анита замыкала шествие.

В холле было полно людей — полицейские, девушки, клиенты, понятые и Прасад, выкрикивавший ругательства. Увидев американцев, он совсем вышел из себя. Растолкав всех, протиснулся к Грийеру. Его одежда пахла табаком и дешевым одеколоном.

— *Bhenchod!* — крикнул он и выплюнул сок бетеля прямо Джеффу на рубашку.

Грийер сделал шаг назад. Один из констеблей тут же надел на Прасада наручники и силой усадил его на диван в углу комнаты.

Томас взглянул на него и покачал головой.

— Что такое? — спросил Грийер.

— Я его узнаю. Это его мы видели тогда на улице, когда проезжали мимо. Помните, пару дней назад.

— Вы правы, — согласился Грийер. — Это он. Какое интересное совпадение.

Вместе с Девом они прошли в коридор, куда выходили двери комнат. Инспектор Кхан снимал показания с одной из самых молодых вещей.

— Вы не видели Дипака? — спросил Дев.

Кхан покачал головой.

— Наверное, он где-то наверху. У меня не было времени, чтобы искать проход к лестнице.

— Может, мы поищем? — предложил Дев.

— На здоровье, — разрешил Кхан и снова повернулся к испуганной девушке.

— Я позову понятых, — сказал Грийер и посмотрел на Томаса. — Это очень важно. Ключевой момент. Если мы не сделаем все строго по правилам, Сухир уже завтра выйдет на свободу и снова займется своим бизнесом.

Он вернулся вместе с Мирой. Вслед за Девом они двинулись вперед по коридору, открывая каждую дверь. Все они были одинаковыми; вряд ли какая-либо из них могла вести в тайную комнату. В конце коридора стоял книжный шкаф. Дев попробовал его сдвинуть, но безуспешно. Грийер тоже подошел и ощупал правую стенку шкафа. Дев попробовал левую стенку и обнаружил странную неровность на гладкой деревянной поверхности. Он нажал на нее пальцами и услышал легкий щелчок.

— Есть! — воскликнул он.

Кхан присоединился к ним как раз в тот момент, когда Дев оттолкнул шкаф в сторону. Они заглянули в темный лестничный пролет. Откуда-то доносился приглушенный мужской голос. Дев стал подниматься по лестнице; Мира, Грийер и Томас последовали за ним.

Вверху лестницы находилась еще одна дверь. Дев постучал.

— Дипак? — позвал он.

Дипак отпустил дверь и посмотрел на Ахалью, неподвижно сидевшую на кровати.

— А вот и мои друзья, — сказал он. — Скоро ты будешь свободна.

В комнату вошли сразу несколько человек; некоторые из них были в форме, некоторые в обычной одежде. Ахалья, все еще не понимая, в чем дело, уставилась на них. Какая-то женщина-индианка присела рядом с ней, сообщила, что ее зовут Анита, и сказала, что будет с ней рядом до тех пор, пока ее не отвезут в безопасное место. Ахалья снова посмотрела на одетых в форму полицейских. В первый раз с тех пор, как Сухир увел Зиту, в душе ее затеплилась слабая надежда, что все будет хорошо.

Один из офицеров подошел к Дипаку и сказал ему что-то на незнакомом языке. Дипак покачал головой. Полицейский повернулся к Ахалье и на том же языке обратился к ней. Она непонимающе посмотрела на него, и он перешел на хинди:

— Я инспектор Кхан из полиции Нагпады. Мы получили информацию, что в этом публичном доме находятся две несовершеннолетние девочки. Где вторая?

Ахалья подумала, что полицейские, наверное, что-то перепутали.

— Вторая — это Зита, моя сестра, — сказала девушка. — Она внизу.

Кхан подошел к двери и что-то крикнул. Через пару секунд появился еще один полицейский. Они о чем-то переговаривали, и инспектор снова обернулся к Ахалье:

— Внизу пятнадцать девушек, но среди них нет ни одной по имени Зита.

У Ахальи затряслись руки. Несколько секунд она молча смотрела на Кхана, пытаясь осознать смысл его слов, потом резко встала и выбежала из комнаты. Инспектор удивился настолько, что даже не сделал попытки ее остановить. Ахалья сбежала вниз по лестнице и бросилась осматривать комнаты для сексуальных утех, теперь пустые. Зиты нигде не было.

Она кинулась в холл, распихивая людей, обводя лица полубезумным взглядом. Все вещья стайкой сидели в дальнем углу, но Зиты не было и там. Сумира стояла в стороне с отсутствующим видом. Ахалья подбежала к ней.

— Где Зита? — крикнула она. — Что вы с ней сделали?

Сумира посмотрела куда-то поверх ее головы, потом перевела взгляд на Ахалью.

— Ее нет, — просто сказала она. — Она ушла.

Ахалья замотала головой:

— Неправда! Час назад за ней пришел Сухир. Он отвел ее к клиенту.

Сумира молча уставилась в пол.

Неописуемый ужас овладел Ахальей. Она упала на колени и принялась раскачиваться из стороны в сторону. Слезы ручьем хлынули у нее из глаз. Рыдая и размазывая их по лицу, она ухватилась за край сари Сумиры.

— Где Зита? — взмолилась она. Сумира по-прежнему молчала. — Как вы могли? Неужели у вас нет сердца?

Сумира осторожно отцепила ее пальцы от своей одежды, опустилась на пол рядом и заглянула Ахалье в глаза.

— Так происходит в Каматипуре, — тихо сказала она.

В слепую тьму вступают те, кто чтят незнание.

Иша Упанишада

Мумбай, Индия.

За сорок минут до рейда Сухир ввел Зиту в холл борделя и поприветствовал мужчину, сидящего на диване. Зита тут же узнала его. Это был тот самый человек, который приходил вчера вечером. На нем была та же дорогая одежда и серебряные часы на руке. Рядом стояла спортивная сумка. Мужчина встал и передал сумку Сухиру.

— Один лакх^[16] сейчас, — сказал он. — Остальное после того, как девчонка выполнит свою работу. — Он сделал паузу. — Можешь пересчитать, если хочешь.

— Это не обязательно. Я верю тебе, Навин.

Навин кивнул и взял Зиту за руку.

— Идем, Зита. — Он сказал это так непринужденно, будто они были знакомы тысячу лет.

Не понимая, что происходит, Зита выдернула руку.

— Я не могу оставить сестру. Пожалуйста, не увозите меня от нее, — умоляюще сказала она.

Навин посмотрел на Сухира, потом опять на Зиту.

— Может быть, в следующий раз я возьму и твою сестру. Но сегодня я купил тебя. Если станешь подчиняться, твоя жизнь будет гораздо легче. Никаких сутенеров, никакой мадам, никакого секса с разными мужчинами. Но если вздумаешь сопротивляться, сильно пожалеешь.

Он снова взял ее за руку. Они вышли из холла, спустились по лестнице и оказались на улице. Стояла ночь; было совсем темно. У обочины был припаркован черный внедорожник. Навин открыл заднюю дверцу и кивнул Зите, чтобы она залезла внутрь. Она испуганно помотала головой. Навин вздохнул, взял ее за плечи и впихнул на заднее сиденье. Зита беззвучно заплакала, глотая слезы.

На водительском месте сидел какой-то огромных размеров мужчина. Он не обратил на Зиту никакого внимания. Навин забрался на сиденье рядом с ним.

— Нью-Бомбей, — бросил он. — Джордж сказал, в десять часов. Не опоздай.

Водитель хмыкнул и вдавил педаль газа в пол. Автомобиль рванул вперед. Она ехали довольно долго, потом по длинному мосту пересекли залив и оказались в другой части города. Поплутав по переулкам, водитель остановился возле какого-то неприметного дома. Навин, прихватив рюкзак, выскочил наружу. Зита увидела, как он подошел к долговязому негру, который старался держаться в тени. В руках у негра был сверток. Он и Навин обменялись несколькими словами, потом Навин отдал негру рюкзак и взял у него сверток. Затем он вернулся в машину, устроился на своем месте и обернулся к Зите.

— Почему ты плачешь? — раздраженно спросил Навин.

Ей было страшно встретиться с ним взглядом, и она закрыла глаза. Ей показалось, что вокруг нее словно сгущается тьма. Кто этот человек? Почему он увез ее от Ахальи? Слова вырвались у Зиты прежде, чем она сумела их остановить.

— Пожалуйста, отвезите меня обратно к моей сестре, — взмолилась она. — Пожалуйста.

Навин покачал головой и пробормотал ругательство.

— Вези домой, — коротко скомандовал он водителю.

Здоровяк снова хмыкнул, и джип тронулся с места.

Зита крепко обхватила себя руками, пытаясь сдержать рвущиеся наружу рыдания. От быстрой езды огни Мумбай сливались в одну непрерывную полосу. Она старалась не смотреть на сверток, лежавший на коленях у Навина, но, когда он развернул ткань, любопытство все же пересилило. Внутри оказался целлофановый пакет с каким-то коричневым порошком. Навин раскрыл его и принялся.

— Не иначе как Джордж в прошлой жизни был брамином, — восхищенно заметил он. — Его порошок лучше, чем сома, напиток богов.

«Наркотики», — подумала Зита и снова застыла от ужаса.

Они во второй раз проехали через мост и вернулись в центр Бомбея. Миновав аэропорт, джип свернул на грунтовую дорогу, по обеим сторонам которой стояли многоквартирные дома. Водитель остановился возле одного из них, и Навин помог Зите выбраться. Она повиновалась ему без единого слова. Мысль о коричневом порошке буквально парализовала ее.

Все вместе они погрузились в лифт и доехали до верхнего этажа. Водитель открыл дверь в скромную квартирку. Навин отвел Зиту в крошечную спальню, где не было ничего, кроме положенного на металлический каркас матраса. Зита села на кровать и уставилась в стену. Навин спросил, не нужно ли ей в туалет, но она ничего не ответила. Он раздраженно покачал головой, вышел из комнаты и запер дверь снаружи.

Зита изо всех сил стиснула зубы, борясь со страхом и горем, но на этот раз отчаяние все же овладело ею.

Она рухнула на кровать и зарыдала. Ее семья погибла. Ахальи нет. Она одна в незнакомой квартире, с чужим мужчиной, который занимается торговлей наркотиками.

Навин приносил ей еду и выводил в туалет; все остальное время Зита сидела в комнате. Она никогда не заговаривала с Навином, когда он появлялся, просто сидела на кровати, прислонившись к стене, и невидящим взглядом смотрела в окно.

Однообразие сводило ее с ума. Единственным развлечением были то и дело взлетающие или садившиеся самолеты. Зита заметила, что считает минуты между их появлением. Иногда она пыталась представить себе лица пассажиров и придумывала, куда и зачем они летят.

Через три дня Навин принес в комнату стул, поставил его напротив кровати и сел. В руках он держал гроздь винограда и банку с кокосовым маслом.

— Завтра вечером нам предстоит путешествие, — начал он. — Ты должна делать все в точности так, как я скажу. Если будешь слушаться, я отвезу тебя в хорошее место. Если нет — можешь умереть.

Смысл его слов дошел до Зиты не сразу. Долгие часы заключения действовали на нее так отупляюще, что она почти перестала чувствовать. Она взглянула на виноград, и тоска внезапно сменилась страхом. «Путешествие? Что он имеет в виду — я могу умереть?» Она наконец осмелилась посмотреть в глаза Навину и заметила, что он сердится.

— Твоя сестра осталась в прошлом, — раздраженно сказал он. — Она вещь. Ты — нет. Пора прекратить этот глупый траур.

Зита снова взглянула на виноград.

— Куда мы поедем? — прошептала она.

Навин овладел собой.

— Скоро узнаешь. — Он сделал паузу. — Ты когда-нибудь глотала виноград целиком?

Зита покачала головой.

— Тогда тебе нужно потренироваться. За двадцать четыре часа ты должна научиться делать

это с легкостью. Мы используем масло в качестве смазки. Это поможет.

Он отщипнул одну виноградину и окунул ее в кокосовое масло. Потом протянул виноградину Зите, но она только испуганно вытаращила глаза.

— Зачем мне это делать?

Не отвечая, Навин взял ее руку, разжал пальцы и положил виноградину ей на ладонь.

— Сначала тебе покажется, что ты задыхаешься, но ты должна преодолеть позыв выплюнуть ее обратно. Проглотить виноградину — всего лишь вопрос воли.

Ягода была скользкой и странно тяжелой. Зита подумала об Ахалье, о том, как бы поступила в этой ситуации сестра. Ахалья была бы сильной, решила она. Она бы сделала то, что от нее требовалось. И сумела бы выжить.

Зита положила виноградину в рот, чувствуя на языке вкус кокосового масла.

— Нет-нет, — вмешался Навин. — Надо запрокинуть голову и посмотреть в потолок. Это поможет твоему горлу раскрыться.

Она сделала так, как он сказал, и почувствовала, что виноградина скользнула глубже, но тут же поперхнулась. Горло как будто обожгло огнем. Навин подождал, пока она перестанет кашлять, и обмакнул в масло другую ягоду.

— Ты научишься, — сказал он. — Другие же научились.

Дрожащими руками Зита взяла виноградину. На этот раз ей почти удалось проглотить ее, но она все же не сумела удержать рвотный рефлекс. Ее тело содрогнулось в судороге. Зита сползла с кровати и опустилась на четвереньки, задыхаясь и ловя ртом воздух. Ее сильно тошнило.

— Я не могу, — простонала она.

— Можешь.

Она попробовала еще раз. Виноградина проскользнула в горло, и Зита смогла сдержаться. Тяжело дыша, чувствуя облегчение и отвращение одновременно, она закрыла глаза.

— Молодец, — похвалил Навин. — Ты быстро научилась. Я буду приходить каждые три часа и давать тебе по одной ягодке, пока ты не станешь делать это легко и свободно.

Зиту тошнило, горло саднило от усилий, но все же она научилась делать то, что велел Навин. О том, зачем это нужно, она больше не спрашивала. Навин купил ее и имел право делать с ней все, что захочет.

В четверг Навин принес Зите обед и объявил, что кормить ее сегодня больше не будет.

— Не волнуйся, — сказал он. — Ты сможешь съесть все, что угодно, когда мы доберемся до ресторана моего дяди.

Вечером, часа за два до захода солнца, он отвел Зиту в душ, а потом дал ей модный синий чуридар и сандалии. Когда Зита вымылась и оделась, он усадил ее перед зеркалом и поставил перед ней набор косметики.

— Представь себе, что ты актриса, — сказал он. — Сделай себе макияж поярче. Мне нужно, чтобы ты выглядела лет на восемнадцать. Сможешь?

Зита секунду подумала и кивнула. Она нанесла на лицо слой тонального крема, нарумянилась, подвела глаза и накрашила ресницы. Макияж сразу же прибавил ей пару лет.

Когда она закончила, Навин внимательно рассмотрел ее отражение в зеркале.

— Отличная работа, — оценил он. — Теперь пошли.

Они прошли в гостиную. Работал телевизор; шел матч по крикету между Англией и Индией. Навин велел Зите сесть на диван и сам сел рядом. На кофейном столике лежали три коробки презервативов, мешочек с коричневым порошком — кажется, тот самый, что был куплен тогда на улице, ножницы, маленькая ложечка, банка кокосового масла, небольшие клещи с

пластмассовыми ручками и катушка ниток.

Она с беспокойством оглядела странный набор. Навин достал презерватив и обрезал его, оставив приблизительно три дюйма от кончика. Верхнюю часть он выбросил. Потом с помощью ложки он аккуратно насыпал в презерватив порошок. Наполнив его примерно наполовину, Навин зажал его сначала пальцами, затем клещами и быстро перевязал ниткой. Потом он вывернул свободный конец наизнанку и завязал презерватив еще раз. Отрезав ножницами остаток, он положил готовый кулек на стол. Кулек имел форму цилиндрика длиной один дюйм и диаметром три четверти дюйма. Таким же образом Навин сделал тридцать цилиндриков. В мешочке осталось не более щепотки коричневого порошка.

После этого он вышел из комнаты и вернулся с большим стаканом воды и круглой таблеткой. Про лекарство Навин сказал, что это противодиарейный препарат, который поможет замедлить пищеварение. Он заставил ее выпить таблетку и всю воду. Затем взял один из цилиндриков и обмакнул его в кокосовое масло.

— Ты должна будешь проглотить их все, — сказал он. — Они поместятся у тебя в желудке.

Зита содрогнулась при мысли о том, что внутри нее будут наркотики.

— Это *khas-khas*? — испуганно спросила она. Почему-то ей на ум пришли маковые плантации в Афганистане.

— Нет, это не опиум, — возразил Навин. — Это героин. Лучший в Индии.

Ее руки задрожали.

— Что, если они разорвутся у меня в желудке?

— Если презерватив порвется, героин вызовет у тебя шок, и ты можешь умереть, — с грубой откровенностью ответил он. — Чтобы избежать этого, ты должна как можно меньше двигаться и ничего не есть до тех пор, пока мы не будем на месте. Не дергайся. Не напрягай живот. Делай в точности, как я говорю, и все будет нормально.

Зита с трудом овладела дыханием. Она посмотрела на ряд набитых героином презервативов и подумала об Ахалье, запертой в борделе Сухира. И приняла решение. Она пройдет через это. Ахалья ждет ее. Может быть, пройдут годы, прежде чем они встретятся, но она обязательно разыщет старшую сестру.

Зита взяла первый шарик и заставила себя проглотить его. Горлу было больно, но она смогла не подавиться. Один за другим она проглотила все шарики. В желудке появилось ощущение свинцовой тяжести, как будто она одна съела целиком праздничный обед, а потом еще попросила добавки.

Часы на стене показывали одиннадцать. Навин сделал быстрый звонок по мобильному и взял Зиту за руку.

— Пора идти, — сказал он. — Я еще кое-что объясню тебе по пути.

Водитель Навина встретил их в гараже. Зита шла медленно, чувствуя, как с каждым шагом в животе ворочается его содержимое. Она старалась не думать о том, что произойдет, если презерватив порвется. Прочитав короткую молитву Лакшми, она забралась в джип.

По дороге в аэропорт Навин обернулся к Зите.

— Пока ты делаешь все хорошо, — заметил он. — Я доволен. Следующий шаг будет труднее. Самолет в Париж вылетает в два ночи. Нам нужно пройти четыре ступени. Регистрация на рейс, досмотр в аэропорту, бортпроводники и французская таможня. Регистрация и досмотр — это легко. Машины не просвечивают содержимое желудка. Бортпроводники оставят тебя в покое, если ты притворишься, что спишь. А вот с французской таможней все не так просто.

Он достал папку с документами и показал Зите поддельные паспорта и свидетельство о браке.

— Тебя зовут Сундари Раи. Тебе восемнадцать лет. Мы поженились здесь, в Бомбее. Я работаю в страховом бизнесе. В Париж мы летим на медовый месяц. Все остальное — на твое усмотрение. Если будут задавать вопросы о твоей семье — скажи правду. Если заметят, что ты медленно двигаешься — говори, что беременна. Самое главное — это помнить, что у этих людей нет повода подозревать тебя. Документы у нас первосортные. Мы не похожи на преступников — значит, мы не преступники.

Зита молча смотрела на Навина, пытаясь осознать полученную информацию. Париж. Тысячи миль от Бомбея и Ахальи. Ее сердце сжалось от страха. Останется ли она жива, когда доставит наркотики куда требуется? Может быть, подойти к полицейскому в аэропорту и все ему рассказать? Но Зита тут же отвергла эту мысль. Разве кто-нибудь ей поверит?

Она снова вернулась к своей новой личности. Она станет Сундари Раи. Сможет притвориться ею. И для нее это будет даже легче, чем думает Навин. Всю жизнь Зита мечтала поменяться местами с Ахальей. Превратившись в Сундари, она станет такой же, как ее старшая сестра. Смелой, сильной и отважной. Не девочкой, как раньше, а женщиной. Замужней женщиной. Ради Ахальи она победит в этой игре.

Водитель притормозил у обочины. Они приехали в аэропорт. Навин дал Зите последние указания:

— Помни, ты не должна ничего пить до тех пор, пока я не разрешу. Если желудочный сок станет активно вырабатываться, он сможет повредить презервативы. И даже не думай о том, чтобы обратиться в полицию. Я скажу им, что ты моя сообщница. Поверь мне, в здешней тюрьме мало приятного.

— Я все поняла, — сказала Зита. Теперь она чувствовала себя увереннее.

Хотя было уже за полночь, в аэропорту кипела жизнь. Навин дал Зите черную кожаную сумку, а сам повез чемодан на колесиках. Они подошли к очереди, где выдавались билеты компании «Эйр Франс». Впереди было человек пятнадцать, но очередь двигалась довольно быстро. За стойкой сидела девушка-индианка не старше двадцати пяти. Она улыбнулась Зите и пропустила их без всяких подозрений.

Так же без проблем они прошли службу безопасности, и Навин повел Зиту к выходу на летное поле. Через окно она видела огромный лайнер, раскрашенный в красно-бело-синий, цвета «Эйр Франс». Навин уселся на скамью и погрузился в журнал. Зита то садилась, то снова вставала, пытаясь найти наиболее удобное положение.

Наконец объявили посадку. Миновав специальный коридор, они вошли в самолет. Их места были в самом хвосте, рядом с туалетами. Навин посадил Зиту у окна и попросил бортпроводника принести подушку и одеяло. Его жена беременна, объяснил он, и она очень устала.

Зита взяла плед и подушку с благодарностью. Навин частично сказал правду — она *на самом деле* очень устала. Было половина второго ночи. Зита положила подушку в угол между спинкой сиденья и иллюминатором, опустила голову и закрыла глаза.

Она снова открыла их, всего на минутку, когда самолет взлетел, и они оказались над черным Аравийским морем. Навин сказал, что полет до Парижа займет чуть больше девяти часов. Все это время Зита собиралась проспать.

Глава 11

Господь, дарящий жизнь, дай дождь моим корням.

Джерард Мэнли Хопкинс

Мумбай, Индия.

Ахалья подняла голову. В кабинет вернулась Анита; они находились в полицейском участке Нагпады. Кроме Ахальи, в комнате были другие вещи из борделя Сухира и один констебль, наблюдавший за порядком. Сотрудница CASE села рядом и взяла ее за руку, но Ахалья никак не отреагировала на пожатие. Она смотрела в пол. В голове у нее звенел голос Сумиры. *Ее нет... так происходит в Каматипуре.* Эти слова звучали как смертный приговор. Даже еще хуже. Если бы Ахалье грозила смерть, она страдала бы меньше.

Она склонила голову на плечо Аниты, но задремать не смогла. В конце концов в комнату вошел еще один констебль и пригласил Ахалью пройти в кабинет инспектора Кхана. Анита последовала за ней. Лица вокруг сливались в пестрый калейдоскоп. Краем глаза Ахалья заметила Прасада — он сверлил ее мрачным взглядом. Не поворачивая головы, она прошла мимо.

Кхан указал ей на стул напротив своего письменного стола и стал задавать вопросы. Ахалья пыталась вслушиваться в слова инспектора, но отвечала рассеянно. Она никак не могла сосредоточиться. Иногда ему приходилось повторять вопрос, и он даже стал слегка раздражаться. Анита снова взяла ее за руку. На этот раз прикосновение ее теплой руки возымело действие. Ахалья успокоилась и немного пришла в себя.

— Прошу прощения. — Она покачала головой. — Что вы спросили?

Допрос продолжался тридцать минут. Кхан был невероятно дотошен; Ахалье пришлось рассказать все в мельчайших подробностях. Ей было больно, но она понимала, что это нужно для дела. Записав ее показания, Кхан перечитал их вслух, чтобы удостовериться, что все зафиксировано абсолютно правильно. Потом он поставил на бумагах свою подпись и вызвал женщину-понятую.

Вместе с Анитой они вышли из кабинета и сели на скамейку в общей комнате. В противоположном углу сидел Сухир в наручниках. Рядом с ним стоял скупающий полицейский. Ахалья вдруг вспомнила то утро, когда Сухир купил их с Зитой у Амара, заплатив шестьдесят тысяч рупий. Теперь они поменялись местами. Глядя на него, Ахалья дала себе клятву. Она сделает все, чтобы правосудие свершилось. Даже если нужно будет ждать годы, даже если это отнимет у нее последние силы, она увидит Сухира за решеткой. Она сделает это ради Зиты. И ради себя самой.

Оставшаяся часть ночи прошла относительно спокойно. Ахалья все же заснула, но ее мучили кошмары. Рев цунами смешивался со стуком колес Ченнаи-экспресс и отвратительным пыхтением Шанкара.

Утром ее перевезли в государственный приют для сирот. Дежурная отнеслась к Ахалье без всякого интереса. Она привела ее в большую общую спальню, показала кровать и объяснила, когда дают завтрак, обед и ужин. Потом вышла из спальни, оставив ее одну.

Ахалья посмотрела на окна, забранные решетками, и подумала, как долго будет продолжаться это новое заключение. Анита уверяла, что CASE найдет для нее место в семье или другом приюте, получше, но Ахалья понятия не имела, что это означает и какие перемены в судьбе принесет. Ее единственным желанием было воссоединиться с Зитой.

Другого смысла в жизни не было.

Через три дня Анита вернулась с хорошими новостями. Комитет по защите прав ребенка одобрил перевод Ахальи в ашрам^{[\[17\]](#)} в Андхери, принадлежащий сестрам милосердия. В приют они отправились на рикше.

Пока они ехали, Ахалья спросила о Зите. Анита передала ей то, что инспектор рассказал Джеффу Грийеру. На допросе Сухир признался, что человека, который купил Зиту, зовут Навин.

Но владелец борделя уверял, что он не знает, куда тот увез девочку. Предполагалось, что Навин вернется, чтобы заплатить оставшуюся часть обещанной суммы, но это могло произойти лишь через месяц или два. Кхан держал ситуацию под контролем.

Сестра Руфь, управляющая, встретила их у ворот ашрама. Она была полной женщиной с круглым как луна лицом и в особом сари, какие обычно носят индийские монахини. Сестра Руфь весело поздоровалась с ними и совсем не смутилась, когда Ахалья не смогла выдавить из себя ни слова в ответ.

Монахиня провела их внутрь. Ашрам располагался на огромной, ухоженной территории с садами, извилистыми тропинками и аккуратными зданиями. Они пошли по одной из дорожек, мимо рощи с высокими деревьями и небольших домиков. По пути сестра Руфь рассказывала об ашраме, и ее энтузиазм был столь заразителен, что не прислушаться было невозможно.

При ашраме находилась дневная школа, сиротский приют, центр усыновления и реабилитационный центр для девочек, которых спасли от проституции. Девочки посещали занятия в школе и помогали с ежедневной работой. Они должны были закончить обязательные десять классов, но те, кто особенно преуспел, могли продолжить обучение в одиннадцатом и двенадцатом классах. Самым одаренным предоставлялась стипендия на учебу в Университете Мумбай. Сестры руководствовались двумя главными задачами: исцеление души и тела и возвращение девочек в общество, к нормальной жизни. Серьезное заявление, признала сестра Руфь, но ашрам добился значительных результатов. Только двадцать пять процентов девочек, прошедших программу реабилитации, снова принимались за проституцию.

Вместе с Анитой и сестрой Руфью они подошли к зданию центра, расположенному на небольшом холме, под сенью пышных деревьев. С северо-запада дул легкий бриз, слегка облегчая полуденный зной. Дом был окружен зарослями бугенвиллей. Ветер шелестел ветками и играл розовыми цветами. Стоя на крыльце, Ахалья вдруг осознала, что ее больше не тревожит городской шум. Здесь не было слышно ни резких автомобильных гудков, ни воплей уличных торговцев, ни оживленных разговоров прохожих. Только ветер шумел в ветвях баньяна, и где-то неподалеку раздавался детский смех.

Она поднялась по ступенькам и остановилась у прохода, по обеим сторонам которого располагались шпалеры. На земле стояли многочисленные ящики и горшки с цветами — фиалки, примулы, якобинии и бархатцы казались необычайно яркими.

— Каждой девочке выделяют растение по ее выбору, чтобы она могла ухаживать за ним, — пояснила сестра Руфь. — Какой цветок тебе нравится, Ахалья?

— Голубой лотос, — ответила Ахалья. Мама выращивала лотосы в маленьком прудике рядом с бунгалом; она холила и лелеяла их, как могла. Это были любимые цветы Зиты. В детстве она верила, что они волшебные.

Сестра Руфь взглянула на Аниту.

— Рядом с сиротским приютом есть пруд. Думаю, лотосу там понравится.

Ахалья обрадовалась и удивилась одновременно. Она посмотрела сначала на сестру Руфь, а потом на Аниту.

— Вы правда разрешите мне посадить голубой лотос? — спросила она. Семена голубого лотоса были редкостью и стоили дорого. Кроме того, даже в идеальных условиях вырастить его было трудно.

— У меня есть горшок, который как раз подойдет, — сказала сестра Руфь. — Вот этот. Как вы думаете, Анита?

Анита взяла Ахалью за руку:

— Дай мне несколько дней. Посмотрим, смогу ли я достать семена.

Да, сердце разобьется, но и разбитым будет жить.

Лорд Байрон

Париж, Франция.

Зита проснулась, когда самолет приземлился в аэропорту Шарля де Голля. Ее горло пересохло от жажды, но она знала, что не должна ничего пить до тех пор, пока Навин не скажет, что можно. Зита попыталась отвлечься, глядя в окно. Было половина восьмого утра по парижскому времени, и зимнее небо оставалось еще совсем темным.

Самолет остановился. Навин достал свой чемодан с верхней полки и дал Зите пуховик.

— Снаружи холодно. Надень это.

Зита осторожно встала и просунула руки в рукава, стараясь не обращать внимания на урчание в желудке. Шарики в животе как будто бы двигались. Пуховик поверх чуридара смотрелся странно, но он был теплым, и Зиту это вполне устроило.

— Мы уже почти на месте, — сказал Навин. — Еще два часа, самое большее.

Вслед за Навином она прошла к международному терминалу. Вместе с другими пассажирами они миновали несколько коридоров, которые выходили к ряду стеклянных будок. В каждой будке сидел сотрудник иммиграционной службы. Зита мысленно повторила все детали своей новой биографии. «Я Сундари Раи. Навин работает в страховом бизнесе. Мы хотим провести в Париже медовый месяц. Не веди себя как преступница, потому что ты не преступница».

Офицер устало посмотрел на Зиту, открыл ее паспорт, мельком глянул на фотографию, быстро шлепнул в паспорт визу и отложил его в сторону. Затем он взял в руки паспорт Навина, открыл и взглянул на фото. Лицо его заметно напряглось. Он поднес паспорт к лампе и посмотрел на фотографию пристальнее. Затем бросил острый взгляд на Навина. Вся его усталость как будто испарилась. Офицер набрал что-то на клавиатуре, нахмурился, взял рацию и сказал несколько слов. Через пару секунд к ним подошли двое полицейских. Сотрудник иммиграционной службы вышел из своей будки.

— Пожалуйста, пройдите с нами, — попросил он. — Мы бы хотели, чтобы вы ответили на несколько вопросов.

— Каких еще вопросов? — возмутился Навин. — В чем вообще проблема?

Сотрудник даже не дрогнул.

— Я гражданин Франции, — заявил Навин. — Вы не можете задерживать меня без серьезных оснований.

Офицер покачал головой:

— Мы поговорим об этом в более приватной обстановке. Я уверен, что все недоразумения разъяснятся.

— Это неслыханно! — воскликнул Навин, но осекся, встретив бесстрастный неподвижный взгляд.

Зита почувствовала острую боль в животе — забурлили газы. Сдерживаясь, чтобы не выдать себя, она посмотрела на сотрудника иммиграционной службы. Что, если он знает правду? Эта мысль привела ее в ужас. Вдруг ее поймут на транспортировке наркотиков?

Полицейские проводили их к незаметной двери в дальнем конце помещения. Навин сжал руку Зиты, словно хотел ее успокоить, но она поняла истинное значение жеста. Ее сердце забилося как сумасшедшее. В животе ощущалась ужасная тяжесть, и Зите страшно хотелось в

туалет. Она не знала, как долго сможет продержаться.

За дверь оказался коридор с камерами видеонаблюдения. Офицер иммиграционной службы подвел их к одной из дверей и жестом пригласил Зиту войти. Она испуганно взглянула на Навина, и ее сердце заколотилось еще сильнее. В его глазах читалась откровенная угроза.

Зита вошла в комнату. Один из полицейских вошел следом за ней. Помещение было совершенно безликим; из мебели в комнате были лишь стол и два стула. Полицейский отодвинул один из стульев, и Зита села. Она хотела заговорить с ним, спросить, что происходит, но побоялась, что дрожащий голос выдаст ее. Полицейский встал у двери и замер. Он явно чего-то ждал.

Пауза показалась Зите бесконечной. Тишина была полной и какой-то вязкой. Она представила себе французскую тюрьму. Ее посадят за железную решетку вместе с опасными закоренелыми преступниками. Зита сложила руки на коленях и уставилась в пол, стараясь дышать ровно и спокойно.

Наконец дверь открылась и вошла женщина-офицер, одетая в форму сотрудницы иммиграционной службы, худощавая, с короткими светлыми волосами. Она взглянула на полицейского, стоявшего у двери, и тот без единого слова удалился. Женщина села напротив Зиты и положила на стол ее паспорт и свой блокнот. Вертя ручку в пальцах, она неторопливо оглядела Зиту с головы до ног:

— Вас зовут Сундари Раи?

По-английски она говорила очень чисто и правильно, с чуть заметным галльским акцентом.

Зита робко кивнула, пытаясь овладеть сердцебиением.

— Вы выглядите моложе восемнадцати лет.

На долю секунды Зита почти поддалась искушению рассказать ей все и позволить карме привести ее туда, куда должно. Может быть, за чистосердечное признание судья назначит ей более мягкое наказание. Может быть, он поверит, что Зита действовала по принуждению Навина. Но потом в голову ей пришла новая мысль, еще более ужасная. Если ее депортируют, она попадет в руки бомбейской полиции. Скорее всего, за транспортировку наркотиков ее будут судить по индийским законам. Она снова услышала слова Навина: «Поверь мне, в бомбейской тюрьме мало приятного».

— Мне восемнадцать, — выговорила Зита. — Я всегда была слишком маленькой для своего возраста.

Женщина постучала ручкой по блокноту.

— Ваша семья — откуда они родом?

— Из Ченнаи, — ответила Зита.

— А где это?

— На побережье Бенгальского залива, на юго-востоке Индии. Раньше его называли Мадрас.

Она сделала какие-то пометки в блокноте.

— Мужчина, с которым вы путешествуете, — кто он?

— Он мой муж. — Зита сцепила руки, чтобы они не дрожали.

Женщина удивилась.

— Но вы слишком молоды, чтобы быть замужем.

Зита попыталась представить, как ответил бы на этот вопрос Навин.

— О свадьбе договаривались наши родители, — наконец сказала она.

Женщина немного подумала и задала неожиданный вопрос:

— Вы были когда-нибудь в Пакистане?

— Нет, — удивилась Зита.

— Ваш муж когда-нибудь говорил вам о своих частых поездках в Лахор? — Зите показалось,

что женщина впиалась в нее глазами. Она медленно покачала головой, не зная, к чему приведет этот резкий поворот в беседе.

— Он упоминал о своих связях с Лашкаре-Тайба?

Зита снова покачала головой. Ее отец рассказывал что-то о Лашкаре-Тайба. Это была радикальная исламистская организация, ответственная за множество террористических актов в Индии. Если то, о чем говорит сотрудница, правда, то Навин гораздо опаснее, чем кажется.

— Нет, — сказала Зита. — Все, что я знаю, — это то, что мой муж занимается страховым бизнесом.

Женщина заглянула в блокнот.

— С какой целью вы находитесь в Париже?

Зита хотела ответить, но вдруг почувствовала резкую боль внизу живота. Внутри у нее громко заурчало — газы рвались наружу.

Сотрудница заметила ее смятение.

— Может быть, вам нездоровится? — Она подалась вперед.

Кровь бросилась Зите в лицо. В голове у нее было совершенно пусто. Что ответить? Кроме того, в животе урчало все сильнее — ее организм явно жил своей собственной жизнью.

— Я просто... — начала она. Что там говорил Навин? Что нужно сказать? Внезапно ее осенило. — Я беременна. Уже три месяца. И иногда меня немного тошнит.

Женщина откинулась назад и снова внимательно оглядела Зиту. Постепенно выражение ее лица смягчилось. Раздался стук в дверь.

— Извините, я вернусь через минуту, — пообещала она и вышла. Через пару минут она действительно вернулась. Лицо ее совершенно изменилось, на губах появилась виноватая улыбка.

— Произошло недоразумение. Ваш муж похож на человека, который находится в розыске, но мы выяснили, что это не он. Вы можете идти.

Облегчение накрыло Зиту с головой. Она слишком резко встала и тут же скривилась от боли.

— Позвольте, я вам помогу, — предложила женщина и поддержала ее за локоть. — У меня у самой двое детей. Я помню, как это бывает.

Она проводила Зиту до конца коридора, где ее уже ждал Навин. Он улыбнулся Зите, а сотрудницу иммиграционной службы одарил сердитым взглядом.

— Если что-нибудь случится с моей женой или ребенком... — начал он.

Угроза возымела действие. В глазах женщины-сотрудницы появился испуг.

— Пожалуйста, примите наши извинения. — Она открыла дверь в контрольно-пропускной зал и протянула им паспорта. — Желаем вам приятного пребывания в Париже.

Навин взял Зиту за руку. По наклонному пандусу они спустились к багажной ленте и направились к выходу из аэропорта.

— Правильно сделала, что не стала им ничего рассказывать, — похвалил Навин. — Они бы все равно никогда тебе не поверили.

Зита отвернулась. Она сама не знала, что чувствует в данный момент. Она сумела избежать французской иммиграционной службы, но в кишечнике у нее находилось тридцать презервативов, набитых героином, и с каждой минутой боль в животе усиливалась.

— До города мы доберемся на такси, — сказал Навин. — Это быстрее, чем на метро.

Они вышли из терминала аэропорта и двинулись к стоянке такси. Парижская зима оказалась для Зиты настоящим шоком. Вдохнув ледяной воздух, она поперхнулась и плотнее укуталась в свой пуховик. Ее била крупная дрожь. Навин подозвал такси и заговорил с водителем по-французски. Зита сумела разобрать только два последних слова: пассаж Бради. Таксист кивнул, и

машина рванула с места.

Зита обхватила живот руками и сморщилась. За окнами пролетал Париж: сначала мрачные серо-белые окраины, затем железнодорожные депо и, наконец, непосредственно город, с широкими бульварами и красивыми зданиями.

Водитель остановился у входа в крытую торговую галерею и взял из рук Навина два банкнота по двадцать евро. Они прошли через арку к двойным дверям, покрашенным в синий цвет. Навин достал мобильный и набрал номер. К человеку, который взял трубку, он обратился «дядюшка». Говорили они на хинди.

— Мы здесь. Да, она со мной. — Навин послушал, хмыкнул и нажал отбой.

Через минуту дверь открылась. На пороге стоял невысокий мужчина с уже лысеющей головой и круглыми глазами. Он приветливо улыбнулся Навину и пожал ему руку. Потом обвел взглядом Зиту.

— Подойдет, — загадочно бросил он и жестом пригласил следовать за ним.

За дверью был небольшой частный внутренний дворик, в который выходили двери сразу нескольких квартир. Дядюшка провел их в темную прихожую.

— Идите в ту ванную, что в конце коридора, — велел он. — Я буду в ресторане.

Навин вошел первым и включил свет. В ванной были древний фаянсовый унитаз, замызганная раковина и старая ванна в пятнах ржавчины.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Навин.

— Я хочу пить, — сказала Зита. В горле у нее пересохло так, что язык, казалось, царапался.

— Сядь на унитаз. Я принесу тебе стакан воды.

Зита села и глубоко вздохнула. Навин вернулся, неся в руках большую кружку с водой. Зита взяла ее и осушила до дна почти залпом. Потом посмотрела на Навина, взглядом прося еще. Он снова наполнил кружку, но, прежде чем дать Зите напиться, протянул ей таблетку.

— Это слабительное, — сказал он. — Оно поможет тебе освободить кишечник. Иначе, возможно, придется ждать день или два, прежде чем выйдет последний презерватив.

Зита взяла таблетку, проглотила ее и выпила всю воду до последней капли. Навин повернул кран в ванне. Полилась горячая вода; комнату тут же заволочло паром.

— Ты ляжешь в ванну, чтобы расслабить мускулы. Шарики будут выходить и всплывать. Осторожно клади их на раковину. Если один из презервативов порвется сейчас, я буду очень недоволен.

Навин вышел из ванной, прикрыв за собой дверь, Зита еще немного посидела на унитазе, содрогаясь от отвращения при мысли о том, что ей сейчас придется сделать. Когда воды набралось столько, что она не доходила до краев дюйма на три, она разделась и скользнула в ванну. От горячей воды боль в животе тут же уменьшилась. Зита закрыла глаза и представила себе Ахалью, такой, какая она была до того, как началось все это безумие, до того, как пришло цунами. Она будто слышала голос сестры, поющей песни или читающей стихи. Увидятся ли они когда-нибудь?

Какую судьбу приготовили ей Навин и его дядя?

Шарики выходили один за другим. Зита старалась не напрягаться и не тужиться, чтобы они не порвались. Когда они всплывали на поверхность, она очищала их и клала в раковину. Ей было невероятно противно и очень неудобно, но она терпеливо продолжала до тех пор, пока ее кожа не сморщилась, как чернослив, и не появился последний шарик. Латекс и узлы, завязанные Навином, выдержали. Зита облегченно вздохнула и почувствовала, как напряжение начинает понемногу оставлять ее тело.

Она вытащила затычку из ванны, чтобы спустить грязную воду. Когда вся вода вылилась,

она повернула кран, ополоснула ванну и вымылась сама. Потом снова наполнила ванну и снова залезла в нее. Тепло проникало внутрь; Зита лежала в горячей воде и старалась расслабиться.

Так прошло довольно много времени. Наконец в дверь постучали. Зита вздрогнула и испуганно посмотрела на дверную ручку, ожидая, что Навин сейчас войдет.

— Зита, — позвал он. — Сколько презервативов вышло?

— Все, — ответила она.

— Отлично. Они все в раковине?

— Да.

— За дверью тарелка с едой. Одевайся и быстрее ешь. Я познакомлю тебя с тетушкой.

Через пять минут Зита, натянув чуридар, вышла из ванной. В тарелке оказались курица, рис и чатни. Зита сильно проголодалась и одним махом проглотила всю еду. Появился Навин. Пройдя через квартиру, они подошли к двери, которую Зита не заметила раньше. За ней был коридор, а за коридором оказалась тесная, заставленная мебелью кухня. В кухне находились полная женщина-индианка солидного вида, одетая в сари, и мальчик лет десяти, в джинсах и рубашке. Женщина бранила мальчика, но язык был Зите незнаком.

Они обернулись к вошедшим, и женщина перешла на хинди.

— Как там Бомбей? — спросила она.

— Жарко, полно народу, и повсюду трущобы, — ответил Навин. — Каждый раз, когда я туда возвращаюсь, он нравится мне все меньше.

— Не говори так, — строго заметила женщина. — Это наша родина, и всегда будет ею.

Они еще немного поговорили. Мальчик, не обращая внимания на Навина, не сводил глаз с Зиты. Лицо у него было совсем детское и совершенно бесхитростное. Зита взглянула на него и на секунду ощутила прилив ностальгии. Он напомнил ей одного мальчика в монастырской школе, который был в нее влюблен. Но приятное воспоминание тут же исчезло.

— Она умеет готовить? — спросила женщина.

Навин вопросительно посмотрел на Зиту. Она покачала головой.

— Девчонка, которая не умеет готовить! На что она годится? — резко бросила женщина.

— Она может убирать в ресторане, — вмешался дядя Навина. Он вошел в другую дверь, расположенную в противоположном углу. — Навин сделал нам огромное одолжение.

Женщина хмуро взглянула на мужа.

— То, что она здесь, — дурной знак. Святой отец говорит, звезды предсказывают беду.

— Глупая женщина, — отрезал дядя. — Прекрати болтать свою чепуху и принимайся за работу. — Он протянул Навину конверт. — Пять тысяч евро.

— Пять тысяч евро! — вскрикнула женщина. — Какое расточительство!

Дядя бросил на жену свирепый взгляд, и она отвернулась.

Зита посмотрела на конверт, и отчаяние снова овладело ею. Значит, совершилась очередная сделка.

Женщина вручила Зите швабру.

— Используй раковину, — прошипела она. — Начинай с кухни. Зарабатывай себе на хлеб.

Раньше Зите никогда не приходилось пользоваться шваброй. Дом в семействе Гхаи убирала Джайя, а в монастыре ее обязанности сводились к стирке и уходу за садом. Она взяла швабру и неловко смочила ее водой из-под крана.

— Дура! — шикнула женщина. — Наполни раковину, окуни туда швабру, выжми ее, а потом пользуйся. Где только Навин нашел такую тупицу?

Несмотря на грубые слова, Зите удалось не заплакать. Сдерживая слезы, она сделала так, как велела ей ее новая хозяйка. Инстинкт подсказывал ей, что слабость показывать нельзя — это приведет к еще худшим оскорблениям.

Весь день Зита подметала, мыла пол и отскребала жир со всех поверхностей кухни. Хозяйка не давала ей спуска — что бы Зита ни делала, все было сделано плохо и неправильно. Она так усердно оттирала плиту, что ее пальцы совсем онемели. Ногти обломались; руки покраснели от горячей воды и чистящих средств. К моменту открытия ресторана — к шести вечера — Зита устала так, что едва держалась на ногах. К тому же ее мучил сильнейший голод. Хозяйка отвела Зиту в квартиру и сунула ей в руки веник и совок.

— Чтоб на полу не было ни пылинки, слышишь? Или останешься без ужина.

Сама она с помощью другой девушки-индианки занялась готовкой. Ресторан предлагал посетителям блюда тандури. Была пятница, но посетителей в заведении было совсем немного. Маленькая выручка обозлила хозяйку еще больше. Когда дядя Навина закрыл ресторан, она привела Зиту обратно и опять дала ей швабру.

— Сделаешь так, чтобы пол сиял, — приказала она и показала на тарелку с рисом и чатни, стоявшую на столе. — Когда закончишь, можешь поесть.

Зита мыла пол до полуночи. Закончив, она рухнула на пол в углу, сжимая в руках тарелку с едой. Она съела все, что там было, но все равно чувствовала себя голодной — порция была скудной. Зита поставила тарелку обратно на стол и подумала, не прилечь ли ей на одной из скамей для посетителей в ресторане, но испугалась, что хозяйка побьет ее, если найдет там. Она вернулась в свой угол и снова села на пол.

Зита уже начинала дремать, когда в кухню вошел мальчик. Постояв некоторое время в дверях, он нерешительно подошел поближе.

— Как тебя зовут? — спросил он на хинди.

— Зита.

— А я Шиам. — Он присел на корточки рядом. — Давай дружить?

Она пожала плечами, но мальчик не отставал.

— Мне десять. А сколько тебе?

Зита не ответила. Ее глаза закрывались сами собой.

— Я принес тебе подарок, — сказал Шиам. Он сунул руку в карман, достал оттуда маленькую фигурку и положил Зите на ладонь. — Это Хануман. Он будет с тобой.

Вдруг он повернулся и испуганно посмотрел на дверь. Откуда-то слышался голос матери — она звала его спать.

— Мне надо идти, — прошептал Шиам.

Он встал и погасил свет. Через несколько секунд Зита услышала, как в двери повернулся ключ.

В темноте она погладила пальцем фигурку Ханумана, ощущая его высокую корону и скипетр. Зита прижала его к груди и вспомнила историю, которую рассказывала ей Ахалья в ту ночь, когда Навин пришел в первый раз. Потом она обхватила себя руками и попыталась уснуть.

Через некоторое время ее стало трясти от холода. Отопление в кухне было плохое, и без жара плиты помещение быстро остывало. Она кое-как поднялась на ноги и стала шарить в шкафчиках в поисках чего-нибудь, чем можно было бы накрыться. В одном из них Зита нашла мешок с грязными скатертями. Расстелив одну скатерть на дне шкафа, под полкой с чистящими средствами, она улеглась на нее, накрылась второй скатертью и закутала в нее ноги. Было по-прежнему холодно, но теперь холод был хотя бы терпимым.

Зита положила голову на мешок со скатертями и сунула Ханумана под подбородок, защищаясь от страха и одиночества.

В конце концов она уснула.

Мудрые изрекли: живая душа соединяется с телом благодаря любви.

Тируваллувар

Мумбай, Индия.

Томас позвонил ей на следующий день после рейда. Операция произвела на него глубокое впечатление, и он отчего-то решил, что медлить больше нельзя. Нужно принять решение. Либо он разговаривает с Приией, либо молча позволяет ей уйти. Когда в трубке раздалась длинные гудки, сердце его учащенно забилося. Включилась голосовая почта.

— Привет, это Приия. Пожалуйста, оставьте свой номер, и я вам скоро перезвоню. Чао.

Томас собрался с духом.

— Приия. Я в Бомбее. Я знаю, что это неожиданно, но я бы хотел с тобой увидеться. Пожалуйста, позвони мне: — Он оставил свой новый номер и дал отбой.

Было два часа дня, и он был на Линкинг-роуд в Бандре. После бессонной ночи Джефф Грийер разрешил Томасу взять выходной. Он провел утро в квартире Динеша, читая и глядя одним глазом в телевизор. После ланча решил побродить по окрестностям.

Томас повернул на север и медленно пошел мимо магазинов. Их было очень много, и по разнообразию они не уступали большому американскому торговому центру. На улице кишмя кишел народ. Продавцы, стоя на пороге своих лавочек, пытались заманить к себе покупателей: «Сэр, сэр, у нас есть джинсы! Как раз ваш размер!» Зазывалы настойчиво, почти агрессивно предлагали Томасу купить майки, лепешки бхел пури и пестро раскрашенные карты мира. Томасу приходилось буквально отмахиваться от них.

— Но, сэр, это же самые лучшие карты, — сказал один.

Томас пошел дальше, но зазывала не отставал:

— Вы похожи на актера. В каком кино вы снимались?

Томас захохотал:

— Я никогда не снимался в кино, и мне не нужна карта.

Торговец наконец оставил его в покое.

Томас немного поглазел на витрины, примерил несколько пар туфель в обувном магазинчике и снова вышел на улицу. Он ждал, когда же зазвонит его Black-Berry.

Минут через пятьдесят прибор действительно завибрировал. Томас вытащил его и увидел, что пришло новое сообщение по электронной почте. Оно было от Приии. Томас сошел с тротуара, нашел укромную нишу рядом с магазином, где продавались дорожные сумки и чемоданы, сделал глубокий вдох и открыл сообщение.

«Томас, ты меня просто шокировал. Не знаю, что и думать. Но я не могу игнорировать тот факт, что ты здесь. В Малабар-Хилл есть парк. Сядь в поезд до Черчгейт и скажи таксисту, чтобы он отвез тебя в Висячие сады. Встретимся там, на площадке с видом на море в 4.30».

Томас немедленно подозвал рикшу и попросил отвезти его на станцию Бандра. Следуя указаниям Приии, он сел в первый же поезд до Черчгейт, а там поймал такси до Малабар-Хилл. Все его внутренности как будто скрутило в тугой узел. Он понятия не имел, что скажет ей. Казалось, они не муж и жена, а снова студенты Кембриджа, мальчик и девочка из разных миров,

плохо знающие друг друга, ищущие точки соприкосновения. Но это было неправдой. У них было общее прошлое, годы близости, счастья и трагедии. Ничего нельзя было стереть, но Томас и не хотел этого. Он хотел... чего? Начать все сначала? Убедить ее вернуться в Вашингтон? Завоевать доверие и уважение ее отца? Он не знал ответа на эти сложные вопросы.

Такси миновало широкий пляж Чоупатти и въехало в роскошный район Малабар-Хилл. Холмистая местность и шикарные многоэтажные дома напомнили Томасу Сан-Франциско. Водитель свернул направо и по извилистой улице стал забираться на вершину самого высокого холма. Зданий здесь уже не было, только пышная растительность и ухоженные газоны.

Водитель высадил Томаса у входа в Висячие сады. Он поднялся по ступенькам и огляделся. Вокруг было очень красиво. Купы тенистых деревьев окружали зеленые лужайки с клумбами посередине; кусты были аккуратно подстрижены.

К нему подошел мальчик с целой охапкой вееров из павлиньих перьев.

— Хотите веер, сэр?

Томас покачал головой.

— Очень красиво, сэр. Для вашей жены или девушки. Всего пятьдесят рупий, сэр.

— Мне не нужен веер, но я заплачу тебе пятьдесят рупий, если ты скажешь, как добраться до площадки с видом на море.

Мальчик махнул рукой в ту сторону, откуда Томас пришел:

— Перейдите улицу и войдите в парк с другой стороны. Площадка там.

Томас вынул бумажник и дал мальчику деньги.

— Вот ваш веер, сэр. — Мальчик сунул веер ему в руку. — Дорогу я показал бесплатно.

Он улыбнулся и убежал. Томас раздраженно повертел веер в руках, не зная, куда его деть, но не выдержал и рассмеялся. Он пересек улицу; далеко за деревьями проглядывало ярко-голубое море. Томас пошел вперед по тропинке, которая вилась между живописных рокариев, и через несколько минут увидел площадку. На скамейках сидело несколько человек, но Прийи среди них не было. Он взглянул на часы и понял, что пришел на десять минут раньше. Прийя, скорее всего, опоздает. У нее всегда было свое собственное чувство времени.

Томас подошел к ограждению и окинул взглядом лазурный залив. Ему вспомнился бордель Сухира. Было трудно поверить, что грязь и насилие находятся всего в нескольких милях отсюда, от Малабар-Хилл.

Прийя подошла к нему незаметно.

— Томас, — просто окликнула она.

Он обернулся и понял, что не может произнести ни слова. Страх, который он испытывал с того самого момента, как ступил на индийскую землю, нахлынул с новой силой.

Прийя спасла его, заговорив первой:

— Я вижу, ты не сумел убежать от продавца вееров.

Томас взглянул на веер, словно это был спасательный круг.

— Парнишка оказался настойчивым, — наконец выговорил он. Чувство неловкости слегка отпустило его.

— Итак, ты здесь. Не могу поверить, — осторожно начала Прийя.

— Да, я здесь, — отозвался Томас.

— Ты приехал, чтобы увидаться со мной? — Она никогда не любила ходить вокруг да около.

— Нет, — признался Томас. — Я приехал, чтобы поработать в общественной организации.

— Ты ушел из «Клэйтон»? — поразила Прийя.

Томас кивнул.

— Я тебя не понимаю. — Она покачала головой.

Оба замолчали. Томас решил сказать полуправду:

— Мне нужны были перемены. Все было как-то... неправильно.

Прийя снова покачала головой. Объяснения Томаса ее явно не убедили.

— За четыре года ты не сдвинулся ни на миллиметр. Теперь ты вдруг совершаешь огромный скачок. Как же твои мечты о партнерстве? Твоя одержимость Федеральным окружным судом?

Мысли Томаса лихорадочно заметались. Он пытался придумать такой ответ, который предотвратил бы дальнейшие расспросы. В известном смысле Прийя умела вести перекрестные допросы куда лучше, чем он. У нее был настоящий дар.

— Тебе, наверное, приятно будет узнать, что мы проиграли дело «Уортон», — сказал он. — Суд вынес вердикт выплатить девятьсот миллионов.

Маневр не удался. Прийю было не так-то легко сбить с толку.

— Рада слышать. Но дело не в «Уортон». Дело в тебе. И ты не ответил на мой вопрос.

— Люди меняются, — сказал Томас. — Ты знаешь это так же хорошо, как и я.

Она пристально посмотрела на него.

— Интересно, почему это звучит как отговорка?

Томас почувствовал, что его загнали в угол.

— Каких слов ты от меня ждешь? Я должен извиниться, что ставил перед собой цели? Ты была в курсе моих планов, когда выходила за меня замуж. Но я прошу прощения за то, что сделал. Когда я был нужен тебе, меня не оказалось рядом.

Это частичное раскаяние, казалось, немного смягчило Прийю.

— Что сказал твой отец? — помолчав, спросила она.

Томас проглотил комок в горле.

— Он меня не понял.

— Но принял твоё решение?

— Что еще ему оставалось делать? Это ведь было не его решение. Если вспомнить, ты в свое время поставила своего отца в точно такое же положение.

Она немного подумала.

— В какой организации ты работаешь?

Томас постарался скрыть облегчение.

— В CASE. Они борются с принуждением к проституции.

Он вкратце обрисовал ей суть своей работы, делая акцент на тех деталях, которые, как он знал, произведут на нее наибольшее впечатление. Томас чуть-чуть поворачивал обстоятельства в свою пользу, но, в конце концов, это было его единственное оружие.

— Достойное начинание, — заметила Прийя. — Надо отдать тебе должное. А Тера? Что она обо всем этом сказала?

Вопрос был не в бровь, а в глаз. Томас затаил дыхание. Он надеялся, что Прийя не станет поднимать тему Теры, но конечно же это было глупо. Значит, еще одна полуправда.

— Не надо. — Он изобразил праведное негодование. — Давай не будем вмешивать сюда Теру. Я уже говорил тебе — между нами ничего не было. — Полуправда тем не менее звучала как откровенная ложь. — Мне просто нужен был кто-то, чтобы поговорить. Если я и позволил себе лишнее, по твоему мнению, то это лишь потому, что мне необходим был друг.

— А я была недостаточно хорошим другом?

— Мы ведь обсуждали это раньше. Мы были не в состоянии помочь друг другу. Если уж быть совсем честным, нам обоим надо было обратиться к психиатру. Минимум пять человек советовали нам сделать это. Но мы были слишком упрямы. Поэтому ты разговаривала со своей матерью, а я разговаривал с Терой.

Руки Прийи слегка задрожали. Она ухватила за ограду и стала смотреть на море, явно обдумывая слова Томаса.

— Ну хорошо. — Она вздохнула. — Предположим, я принимаю то, что ты сказал. Предположим, я поверю, что ты изменился. Почему ты считаешь, будто что-то может измениться в наших отношениях?

— Я здесь, разве нет? Это ведь что-нибудь значит. — Это был гамбит, и Томас понимал это, но он был уже не в состоянии придумывать умные ответы.

— Я не вернусь в Соединенные Штаты, — тихо сказала Прийя. — По крайней мере, в ближайшем будущем. Тебе следует это знать.

— Ладно.

— И это все, что ты можешь сказать?

Он пожал плечами.

— Кажется, ты не удивлен.

— Меня удивляет одна-единственная вещь — то, что ты стоишь здесь и разговариваешь со мной.

Прийя снова замолчала. Ветер слегка шевелил ее иссиня-черные волосы. Томасу нестерпимо захотелось протянуть руку и коснуться ее щеки, но он сдержался. Наконец Прийя снова заговорила:

— Когда я была маленькой, мой дед часто приводил меня сюда. Мы смотрели на город, и он показывал мне здания, которые ему принадлежат. Отец ненавидел, когда дед так делал. Он никогда не хотел того, чем владел дед. Единственным, что его всегда интересовало, был человеческий разум и его возможности. — Она сделала паузу.

Томас молчал. Он знал, что Прийя еще не выговорила.

— Ты никогда не поймешь, чего мне стоило поступить так, как я поступила. Оставить свою семью, нарушить волю отца, пересечь океан и выйти за тебя замуж. Я сама до конца не осознавала этого, пока не вернулась домой. Не уверена, что отец когда-нибудь простит меня.

Слушая ее, Томас невольно удивлялся тому, как трезво она рассуждает и ясно выражает свои мысли. В последний раз, когда они разговаривали, Прийя была на грани нервного истощения — испуганная, задерганная, раздражительная. Иногда у него складывалось впечатление, что она просто бредит. Казалось, Индия вернула ей расположение духа, хотя под внешним спокойствием Томас видел глубоко спрятанную печаль.

— Как твоя бабушка? — спросил он. Тема была более или менее безопасной.

— Она имеет лучший уход, какой только можно купить за деньги. Но ей уже много лет. Отец, видимо, жалеет, что мы так долго прожили в Англии. Столько времени потеряно.

— Я так понимаю, профессор невысокого мнения обо мне.

Прийя покачала головой.

— Я не знаю, какого он о тебе мнения. Он о тебе не говорит.

— Я никогда не буду индийцем, — заметил Томас. — Это невозможно изменить.

— Это не важно. В любом случае у него свое мнение, а у меня свое.

— Он заставит тебя развестись со мной?

Прийя замерла. Он видел, что вопрос причинил ей боль.

— В индуизме, если женщина выходит замуж за мужчину, она отдает себя ему на семь жизней. Мой отец во многих отношениях светский человек, но не в данном случае. В это он верит. Вряд ли он предложит мне развестись.

— Он не считает, что мы никогда не были женаты по-настоящему?

— Возможно, и считает. Но мы совершили саптапади и дали друг другу клятвы. Даже если церемония не была традиционной или полной, он не может этого отрицать.

— А для тебя? Для тебя она была полной?

Она секунду помолчала, и сердце Томаса замерло. Он мысленно обругал себя за то, что

действует слишком быстро. С Прией всегда было так. Без малейшего усилия или даже желания она вытягивала из него слова, о которых он жалел впоследствии.

— Да, — наконец сказала она. — В этом я никогда не сомневалась.

Томас выдохнул.

— И что это означает для нас?

— Что все сложно.

Он ждал, что она добавит что-нибудь, но Прия опять замолчала.

— Мы можем увидеться еще раз?

Она обернулась и посмотрела ему прямо в глаза.

— Мне нужно подумать об этом.

Томас кивнул. На большее надеяться было трудно.

— Можно я хотя бы провожу тебя до шоссе?

— Конечно. — Она чуть заметно улыбнулась.

Они медленно пошли по дорожке парка. Деревья отбрасывали на траву кружевную тень. Томас слушал, как шелестит ветер в ветвях, и думал об их бесконечных прогулках в Кембридже, вдоль берегов реки Кам, среди ив и дубов, и позже, по лесам Виргинии. Их любовь всегда казалась фантастичной, почти невозможной. Учитывая всю невероятность шага, который они попытались совершить, — соединение двух рас, двух культур, двух цивилизаций — было бы наивно думать, что судьба подарит им счастье, не подвергнув при этом испытаниям.

Они выбрались на шоссе. Томас поймал такси для Прии и еще одно для себя самого.

— Мне было очень приятно увидеться с тобой, — сказал он и сам удивился силе своих ощущений.

Прия улыбнулась уже шире, но ничего не ответила.

— Ты ведь подумаешь о том, что я сказал, да? — спросил Томас.

Прия забралась в машину.

— Подумаю, — ответила она.

Томас проводил взглядом удаляющееся такси, надеясь, что Прия оглянется. Она не оглянулась. Он постоял еще немного. Машина скрылась за поворотом. Томас обернулся к ожидавшему его таксисту.

— Черчгейт-стейшн, — сказал он.

В среду утром Джефф Грийер сообщил сотрудникам новость. Адвокат Сухира нажал на кнопки в суде сессионных судей, и заседание по вопросу освобождения Сухира под залог назначено на сегодня на одиннадцать часов. Адвокат был связан с бандой Раджана и являлся настоящим виртуозом по части игр с законом. Он хотел, чтобы слушание прошло как можно раньше, и без труда добился своего.

— Государственный обвинитель сказала Эдриену, что она будет выступать против освобождения обвиняемого под залог, — сказал Грийер, — но, по ее словам, шансы очень малы. Скорее всего, Сухир и его подельники выйдут на свободу.

— Они уедут из города? — спросил Томас.

— Вряд ли, — заметил Найджел. — Кроме проституции, они ничего не умеют. Девушки заплатят небольшой штраф, и очень скоро публичный дом откроется снова.

— Даже при том, что они всего пару дней назад принуждали к проституции несовершеннолетних?

Найджел усмехнулся:

— В это трудно поверить, да?

После общего собрания Томас подошел к Саманте Пендерхук и спросил, нельзя ли ему

присутствовать на слушании вместе с Эдриеном.

Она немного поколебалась.

— Не то чтобы я не хочу, чтобы вы там были. Просто... любое белое лицо в Бомбее может вызвать волнение. Эти люди крайне чувствительны ко всему, что можно расценить как вмешательство иностранцев в их дела.

— А если я сяду в заднем ряду? Я буду вести себя тише, чем муха на стене.

Саманта побарабанила пальцами по столу.

— Хорошо. Но делайте в точности то, что скажет вам Эдриен. И если адвокат противоположной стороны будет возражать против вашего присутствия, имейте терпение и здравый смысл подождать в коридоре.

Томас поблагодарил Саманту и пошел искать Эдриена. Молодой адвокат, как ему показалось, был не слишком доволен решением начальницы, но тем не менее согласно кивнул.

— Вы готовы? — спросил он. — Нам нужно выходить через десять минут.

— Я готов, — подтвердил Томас.

По дороге Томас засыпал Эдриена вопросами о том, как проходят судебные слушания в Бомбее. Он узнал, что государственный обвинитель по делу Сухира является одним из лучших в городе, но на исход дела, по всей видимости, это не повлияет. Тюрма на Артур-роуд переполнена, и большинство сессионных судей не склонны рассматривать дела по принуждению к проституции как серьезные. Если адвокат обвиняемого предоставлял более или менее убедительные доводы в пользу освобождения под залог, прошение чаще всего удовлетворялось.

— Сухир предложит судье взятку?

Артур пожал плечами:

— Не обязательно. Судьи не настолько коррумпирована, как полиция. Но организованные преступные группировки обладают достаточным авторитетом в Бомбее. Для того чтобы склонить суд на свою сторону, взятки может и не потребоваться.

Они вышли из поезда и направились к суду. Здание представляло собой величественную постройку в готическом стиле времен английского господства в Индии, но при этом было просто образцом запущенности. Помещение отчаянно нуждалось в ремонте; стены и лестницы буквально заросли грязью. Эдриен и Томас поднялись на третий этаж. Эдриен нашел нужный зал и кивнул.

— Сядьте сзади, — проинструктировал он. — Старайтесь быть как можно незаметнее. Адвокат в курсе, что CASE участвовало в рейде. Любое белое лицо будет ассоциироваться с нами.

Они вместе вошли в зал, и Томас тут же нашел себе место в углу. В дальнем конце комнаты располагалось возвышение, где находились места для судьи и секретаря. Напротив скамеек был длинный стол, где адвокаты и обвинители ожидали своего выхода на трибуну. В дальнем левом углу стола, рядом с группой полицейских, сидела средних лет женщина в черно-белом сари; Томас решил, что это и есть государственный обвинитель. Эдриен сел рядом с ней.

Зал суда, как и все здание в целом, знавал лучшие времена. Деревянная отделка залоснилась и поцарапалась, краска на стенах выцвела и местами облупилась. Окна были высокие, арочные, в готическом стиле, забранные решетками, чтобы внутрь не залетали птицы. К потолку были прикреплены восемь вентиляторов; они работали на самой высокой скорости, отчего в зале стоял несмолкаемый гул.

Наконец выступавший в данный момент адвокат закончил опрос свидетелей. Легким взмахом руки судья приказал им удалиться и повернулся к следующему из ожидающих своей очереди адвокатов. После еще двух слушаний Эдриен поймал взгляд Томаса и чуть заметно

кивнул. Он и государственный обвинитель поднялись; защита заняла свое место на возвышении.

Обвинитель начала свою речь. Она призвала суд отклонить прошение об освобождении под залог Сухира, Сумиры и Прасада. Она указала, что Ахалья является несовершеннолетней и что, кроме того, три девушки из борделя Сухира, уже достигшие совершеннолетия, попросили помощи у Комитета по защите прав ребенка. Эдриен время от времени подсказывал обвинителю кое-какие детали, и она озвучивала их судье.

Когда она закончила, судья обратился к адвокату обвиняемых. Это был низенький полноватый мужчина с густыми черными волосами. Он начал с того, что рейд был несправедливым и нечестным, упомянул вмешательство «империалистов из Соединенных Штатов, отстаивающих свои интересы», и некомпетентность полиции Нагпады. Затем обратил внимание суда на то, что возраст ни одной из девушек не был официально проверен и что Ахалья является несовершеннолетней только с ее слов. Также адвокат настаивал на том, что признание Сухира относительно продажи Зиты было сделано им под давлением. Ему удалось сплести настоящую сеть из сомнений, завуалированных обвинений и ядовитых намеков — язык у адвоката Сухира был подвешен действительно хорошо, так что к концу речи судья поглядывал на обвинителя с заметным недовольством.

Сердце Томаса упало. Было ясно, что Сухир выйдет на свободу.

Так и случилось. Судья назначил залог в десять тысяч рупий за Сухира и по пять тысяч рупий за Сумиру и Прасада.

Эдриен покачал головой и сделал Томасу знак выйти в коридор. Они встали у открытого окна.

— Залог будет выплачен сегодня днем, — сказал Эдриен и криво усмехнулся. — Этот судья — один из самых отвратительных. Он никогда не слушает государственных обвинителей.

— Что будет дальше? — спросил Томас.

Эдриен посмотрел в окно. Мимо пролетела стайка голубей.

— Мы будем настаивать на том, чтобы дело было рассмотрено как можно скорее. И постараемся, чтобы показания Ахальи были приняты в качестве доказательной базы.

— Сколько времени это продлится?

Эдриен пожал плечами:

— С таким адвокатом — возможно, месяцы.

В субботу утром Томас и Динеш завтракали на террасе, глядя на серо-синий океан. После встречи с Прией в Висячем саду Томас рассказал другу правду о смерти Мохини и о том, что жена уехала от него в Бомбей. Динеш выслушал его со своей обычной невозмутимостью, а потом тепло обнял. От извинений Томаса он просто отмахнулся.

— Теперь я понимаю, почему за всю осень ты ни разу не написал мне, — сказал Динеш.

— Я был как в тумане, — согласился Томас. На этом тема была закрыта.

На столе стояло блюдо с фруктами. Томас взял гроздь винограда, отщипнул одну ягодку, отправил в рот и задумчиво прожевал. Когда же Прия напишет ему? И напишет ли вообще? Прошло уже три с половиной дня, а она так и не дала о себе знать. Томас начинал беспокоиться. Прия обрисовала ситуацию максимально точно — все сложно. Нельзя было отменить прошлое, нельзя было стереть боль, и Прия хотела заслужить прощение отца. Кроме того, мешала еще и его ложь. Томас не собирался оставаться в Индии больше года и не собирался отказываться от своей карьерной мечты, но он заставил Прию поверить в обратное. И еще была Тера.

— Что ты собираешься делать сегодня? — спросил Динеш.

— Может быть, посижу немного на набережной, почитаю. А потом — не знаю.

Динеш внимательно посмотрел на него:

— Она так и не ответила, да?

Томас покачал головой.

— Не расстраивайся. Она же сказала, что ей нужно подумать. Я уверен, она просто занята.

Томас хотел что-то ответить, но услышал, как зазвонил Black-Berry. Телефон лежал в кухне, на барной стойке. Он быстро встал и бросился внутрь. На экране высветился номер Прийи. Томас почувствовал, как в груди у него мгновенно потеплело.

— Это Прийя, — сказал он.

Динеш поднял вверх большой палец.

Томас поднес телефон к уху:

— Алло?

— Томас, — сказала Прийя. Повисла пауза. Она заговорила снова, очень быстро, так, что слова сталкивались друг с другом: — Я подумала, как и обещала. Я хочу увидеться с тобой еще раз.

Он улыбнулся. Прийя волновалась, только когда речь шла о чем-либо действительно важном.

— Хорошо. Когда и где?

Она вздохнула.

— Моя вторая двоюродная сестра завтра выходит замуж. Церемония менди будет проводиться сегодня вечером, в доме деда. Отец будет в праздничном настроении. И вокруг будет много людей, так что ему придется быть с тобой вежливым.

Томас закрыл глаза.

— Ты уверена, что это хорошая идея?

Он был счастлив, что Прийя захотела встретиться с ним еще раз, но идея предстать перед глазами ее отца и, возможно, вступить с ним в конфликт, да еще в присутствии всей семьи, испугала его не на шутку.

— Ты что, передумал?

— Нет-нет. Просто... не важно. Расскажи мне, как туда добраться.

— Давай встретимся у входа в Прийядаршини-парк в пять тридцать. Таксисты у Черчгейт-стейшн знают, где это.

— Что мне надеть?

— Ты привез с собой костюм?

— Только один.

— Одного достаточно. И... Томас...

— Да?

— Захвати с собой свое чувство юмора. Оно тебе понадобится.

Он приехал в Прийядаршини-парк на пять минут раньше назначенного времени и тут же позвонил Прийе. Она взяла трубку после первого же гудка. По тону было слышно, что она все еще нервничает.

— Стой на месте. Я сейчас подойду.

Солнце уже начинало садиться, и небо на горизонте было окрашено розовым. Прийя появилась через минуту. Томас стоял у обочины. Она вылезла из кабинки рикши и направилась к нему. На ней был сальвар камиз цвета тропического моря. Вырез платья был довольно глубоким, но не открывал ничего лишнего, выгодно оттеняя ее кожу цвета миндаля. Косметики на ее лице почти не было; Прийя не нуждалась в макияже.

Не дойдя до него пяти футов, она остановилась и застенчиво, как школьница, улыбнулась. Точно так же она посмотрела на него в самый первый раз, когда они встретились.

— Тебе нравится мой наряд? — спросила она. — На Западе мне не приходилось носить такое.

— Мы много потеряли, — ответил Томас.

— Хорошо выглядишь, — заметила Прийя.

— В костюме я чувствую себя как покойник, — сказал он.

Прийя засмеялась.

— Не слишком формально?

— В самый раз. Будешь чувствовать себя как дома. В моей семье полно «слишком формальных» людей.

— У меня кое-что есть для тебя. — Томас полез в карман пиджака и достал книгу, которую дала ему мать. — Мама подарила ее тебе на Рождество.

Прийя удивленно посмотрела на него и взяла книгу.

— Но как она узнала, что я люблю Найду?

— Видимо, догадалась.

— Пожалуйста, передай ей большое спасибо. — Прийя прижала книгу к груди. — Это очень дорогой подарок. — Она неловко замолчала. — А ты...

Он кивнул:

— Я сказал им.

— Мне очень жаль. Должно быть, они расстроились.

Томас пожал плечами:

— Они взрослые люди.

Она отвернулась, пытаясь побороть волнение.

— Ну, где там твоя вечеринка? — бодро спросил Томас.

Они сели к рикше, и Прийя рассказала водителю дорогу. Через несколько минут они подъехали к деревянным воротам, осененным высокими платанами. Двое охранников в униформе пропустили их внутрь. За воротами раскинулся необычайной красоты сад. На фоне закатного неба четко выделялись силуэты деревьев. В центре сада находилась круглая лужайка; на ней был установлен освещенный свечами шатер. В шатре сидела молодая женщина — невеста, в желтом сари и желтом покрывале. Женщина постарше с тубиком пасты из хны наносила на ее руки и ноги особый рисунок — менди. В стороне расположился квартет музыкантов, наигрывавших индийские мелодии.

Томас на секунду замер. Вдалеке, в роще акациевых деревьев, виднелся дом. Его крыша была покрыта терракотовой плиткой; ставни были открыты, чтобы внутрь проникал легкий бриз. На примыкавшей к дому террасе веселились гости.

— Когда мы были маленькими, называли это место Вриндавана, — сказала Прийя, намекая на священный лес, в котором вырос Кришна.

Томас кивнул:

— Мне трудно представить, что твое детство прошло в этом мире.

— Теперь ты понимаешь, почему мы уехали? Отец хотел добиться всего сам, а здесь бы это никогда не получилось.

— Все эти люди — члены твоей семьи?

— Нет. Некоторые просто друзья. Но не волнуйся, я не стану знакомить тебя со всеми.

Томас улыбнулся:

— Пока всех мужчин зовут Рохан, а девушек Пуджа, я не запутаюсь.

Прийя снова засмеялась:

— Веди себя прилично. Первое впечатление — это все.

Он взглянул на нее:

— Знаешь, прошло уже лет сто с тех пор, как мы в последний раз флиртовали.

Прийя отвернулась и вдруг затихла. Томас чертыхнулся про себя. Он слишком торопится. Нужно быть осторожнее.

— Извини, — сказал он.

— Нет, — возразила Прийя. — Не извиняйся.

Почувствовав ее неловкость, он сменил тему:

— Твой брат тоже здесь?

Прийя улыбнулась; казалось, ее настроение снова улучшилось.

— Абишек действительно присутствует в списке гостей, но я сомневаюсь, что ты его увидишь. Он уже наверняка нашел какое-нибудь укромное местечко, чтобы уединиться со своей новой возлюбленной. Уже месяц их водой не разольешь. Мы все удивляемся. Ждем, когда же страсти спадают.

— А твой отец?

Прийя показала на террасу:

— Он там. Ведет интеллектуальные разговоры.

— В других обстоятельствах я бы к нему с удовольствием присоединился.

Она вздохнула.

— Тебе понравится беседовать с ним, я уверена. Когда он смягчится. — Она постаралась, чтобы это прозвучало оптимистично. — У вас много общего.

— Слишком много, я полагаю.

На это Прийя предпочла не отвечать.

— Пойдем. Мама хотела тебя видеть.

— Погоди-ка, — не понял Томас. — Ты что, сказала ей обо мне?

— Она сама спросила, когда я вернулась домой в среду. Я не могла ей солгать. Она никогда не была против тебя, Томас. Она просто хочет, чтобы я была счастлива.

— Значит, я должен убедить только твоего отца.

Она покачала головой и посмотрела ему прямо в глаза:

— Нет. Ты должен убедить только меня.

— Тогда почему мы здесь? — раздельно произнес Томас.

На мгновение в ее глазах мелькнула боль, и Томас понял, что переборщил. Он поднял ладони, собираясь попросить прощения, но Прийя опередила его:

— Моя семья — часть меня. Между нами ничего не изменится, если они не будут вовлечены с самого начала.

— Ты права. Конечно. Я не это имел в виду.

Несколько долгих секунд Прийя изучала его лицо.

Томас уже подумал, что сейчас она проводит его обратно до ворот, но Прийя вдруг улыбнулась. Опасный момент миновал.

По извилистой тропинке они прошли через сад, пересекли лужайку и пошли к шатру. Суреха Пател сидела на подушках и разговаривала с соседями. На ней было фиолетовое сари; волосы были собраны в элегантный узел. Увидев их, она извинилась и направилась к ним.

— Прийя, дорогая. — По-английски Суреха говорила с акцентом. Она взяла дочь за руку и отвела ее в сторону, к тамариндовому дереву у края лужайки. — Музыка просто чудесная, правда?

— Правда, мама, — послушно ответила Прийя. — И Лида тоже.

— Из нее получилась прекрасная невеста. — Суреха повернулась к Томасу. Ее лицо было непроницаемым. — Добро пожаловать в Бомбей. Как вам нравится город?

— Он потрясающий во всех отношениях, — ответил Томас, пытаясь скрыть волнение.

— Полагаю, это комплимент. — Суреха посмотрела на дочь и снова перевела взгляд на него:

— Я не виню вас за то, что вы увезли от меня Прийю. Это было ее собственное решение, и я всегда старалась проявлять понимание. И тем не менее мы очень рады, что она снова с нами.

Томас чувствовал себя и настоящим мужчиной, и трусом одновременно.

— Я понимаю, миссис Пател. Шесть лет назад я отправился в Англию, чтобы просить руки вашей дочери. Ваш супруг был очень любезен, но своего благословения он так и не дал. Мне следовало подождать до тех пор, пока он не согласился бы на брак.

— Вряд ли вы сумели бы этого дожидаться, — заметила Суреха. — Вы не тот человек, которого он хотел бы видеть мужем своей дочери. Тогда вам не удалось бы переубедить его.

— А сейчас?

Она посмотрела в сторону.

— Его мать умирает. Возможно, сейчас он изменился.

— Если он даст мне шанс, я смогу завоевать его уважение.

Суреха кивнула:

— Дстойная цель. Но вы должны понимать, насколько это трудно. Он всегда был идеалистом. Когда Прийя стала подрастать, он как-то сказал мне, что мужчина, за которого она выйдет замуж, должен обладать качествами Рама. В индуизме Рама считается безгрешным.

— Да, — ответил Томас. — Но и Рама небезупречен. Он подверг сомнению честь Ситы, не имея на то оснований.

— Это правда. — Слова Томаса, судя по всему, произвели на Суреху впечатление. — Прийя говорила, вы знаете наши легенды.

— Не так хорошо, как мне хотелось бы.

— Это только начало. — Суреха внимательно посмотрела на него. — Пойдемте. Я вас представляю.

Томас и Прийя обменялись взглядами. По ступенькам они поднялись на террасу. Там собралась целая группа мужчин всех возрастов, от двадцати до семидесяти. Некоторые были одеты в шервани — длинный вышитый сюртук с соответствующими штанами, — но на большинстве были традиционные европейские костюмы. Сурья стоял в самом центре. Его величественное лицо и серебряная грива выделяли его среди всех прочих. Он что-то рассказывал; все молчали, ловя каждое его слово.

Суреха встала поодаль, ожидая, когда муж посмотрит в ее сторону. Наконец он увидел ее и извинился перед гостями:

— Прошу прощения, друзья.

Он взглянул на Прийю и вдруг заметил Томаса. Лицо его окаменело. Сурья медленно подошел к каменным перилам и облокотился на них, глядя в сад, на шатер, где украшали Лилу. Постояв так пару секунд, он обернулся.

— Сурья, — начала Суреха. — У твоей дочери гость.

— Я помню его, — ответил он.

Суреха нахмурилась.

— Будь с ним поласковее. Они дали друг другу клятву.

— И никого из нас при этом не было, — бросил он.

На Томаса гнев профессора не произвел впечатления; он не ожидал ничего другого. Но Прийя всерьез расстроилась. Ее глаза тут же наполнились слезами, а губы задрожали.

— Зачем вы приехали в Бомбей? — спросил Сурья.

В голове у Томаса пронесся целый рой возможных ответов, но только один из них показался

ему правильным.

— Я надел вашей дочери на палец кольцо, — сказал он.

— Против моей воли, — отрезал Сурья.

— Она отдала мне свою руку. — Томасу вдруг стало жарко.

— Ваша мораль приводит меня в замешательство, — резко сказал профессор. — Вы предали мое доверие, оторвали мою дочь от ее семьи, и еще пытаетесь найти себе оправдание. Очень по-западному. У младших нет никакого уважения к старшим.

— Я пытался соблюсти традиции, — возразил Томас. — Я попросил вашего позволения. А вы мне отказали. Что еще мне оставалось делать?

Сурья сверкнул глазами, и рука его невольно сжалась в кулак.

— Что делать? Что за детский вопрос! Вам оставалось вернуться в Соединенные Штаты и оставить ее в покое!

— Баба, — прошептала Прийя. — *Пожалуйста*, не надо.

Сурья посмотрел на дочь и разжал кулак. Потом яростно взглянул на Томаса.

— Вы никогда не поймете, что это значит для меня и Сурехи — то, что у Прийи не было настоящей свадьбы. Вы не знаете, каково нам было знать, что она родила дочь, и не присутствовать при этом. И нам даже не удалось поддержать ее на руках, прежде чем она умерла. — Его голос дрогнул.

В первый раз за все время Томас ощутил всю глубину его горя. Сразу две мысли пришли ему в голову. Первая — *то, что его там не было*, — его собственная вина. И вторая — *он просто пытается справиться с болью и не знает как*. Он ничего не сказал.

Профессор оперся о перила и скрестил руки на груди.

— Вы приехали, чтобы забрать ее в Америку?

Томас покачал головой:

— Я приехал, чтобы работать в Бомбее.

— Вот как? И кем именно?

— Я работаю в общественной организации, которая борется с проституцией.

— А! — воскликнул профессор. — Еще один выходец с Запада, который считает, что он может взять и починить все, что сломано в Индии. Мой друг, вы не первый и не последний из тех, кого мучает комплекс белого человека.

Томас почувствовал, что закипает. Он еще мог смириться с обвинением в том, что он украл Прийю из семьи, но назвать его расистом? Это было уже настоящим оскорблением. Он подумал, не уйти ли ему прямо сейчас. Но это будет означать, что он признал поражение.

— Что сломано здесь — сломано везде, — наконец ответил он.

Сурья бросил на него острый взгляд из-под полуприкрытых век.

— И вы полагаете, что ваша работа действительно приносит пользу?

— В понедельник мы помогли полиции Нагпады накрыть один из борделей.

Сурья покачал головой:

— Бордели есть и будут всегда.

— Мы спасли от проституции несовершеннолетнюю девочку, — возразил Томас.

Профессор сделал многозначительную паузу.

— Ну что ж, поздравляю вас. — Он перевел взгляд на группу мужчин на террасе. — Прошу прощения, но я должен присоединиться к своим друзьям. — Намеренно избегая красноречивых взглядов жены, он поцеловал Прийю в лоб и вернулся к гостям.

С трудом сдерживая гнев, Томас взглянул на Прийю. Она смотрела в пол, обхватив себя руками. Суреха нежно коснулась ее щеки, потом посмотрела на Томаса, как будто бы говоря: «Я предупреждала, что это будет нелегко», и тоже пошла к гостям. Томас и Прийя остались вдвоем.

— Мне нужно идти, — сказал Томас.

Не отрывая глаз от пола, Прийя кивнула.

— Зря я позвала тебя сюда, — тихо сказала она.

Ее слова уязвили Томаса, но он сдержался.

— До свидания, — коротко бросил он и через сад зашагал к воротам. Минут через пять подъехало такси. Он забрался внутрь.

— Чергейт.

Он еще раз взглянул на ворота и вдруг увидел Прийю. Она стояла рядом с охранником и не спускала с него глаз. Они все еще смотрели друг на друга, когда такси отъехало от обочины. Если бы Прийя успела на пару секунд раньше, они попрощались бы по-настоящему.

Но сожаления, написанного у нее на лице, было более чем достаточно.

Глава 14

*Все небо затянули тучи, дождик
бесконечный.*

*Но почему волнует он меня? Что
значит это?*

Рабиндранат Тагор

Париж, Франция.

Для Зиты Париж означал только беспрестанный, изнуряющий труд. Мир сократился до размеров ресторана и примыкающей к нему квартиры. Мало того что работа была тяжелой, в течение дня ей не позволяли даже передохнуть. Тетя Навина, которая настаивала на том, чтобы Зита звала ее «тетушка», постоянно напоминала ей о долге и не проявляла никакой снисходительности, даже если видела, что Зита смертельно устала. Она раздавала приказы, как прирожденный диктатор. «Подмети!», «Вымой пол!», «Отскреби это пятно!», «Вычисти плитку!», «Убери в ванной!» — эти слова повторялись по сотне раз в день. Как бы Зита ни старалась, что бы она ни делала, все было сделано плохо и слишком медленно.

Спала она по-прежнему в кухне, на дне шкафа с посудой, под грязными скатертями. Неизвестно почему, но тепло из ресторана и квартиры не проходило в вентиляционное отверстие, и Зита постоянно мерзла. Время от времени ей приходили в голову мысли о побеге, но в течение дня ее никогда не оставляли одну, а на ночь тетюшка запирали обе кухонные двери. Ключ она носила на своем ожерелье. Кроме дверей, из кухни можно было выбраться только через воздуховод, но труба была слишком узкой даже для ее размеров.

Однажды ночью кухня так промерзла, что Зита не могла спать. С каждым часом она дрожала все больше и изо всех сил сжимала зубы, чтобы они не стучали. Она завернулась в скатерть поплотнее, поцеловала статуэтку Ханумана и прочитала молитву, прося тепла, но ничего не помогало — к утру Зита почувствовала, что пальцы на ногах совсем онемели от холода. Она с трудом выбралась из своего кокона и решила погреть ноги в раковине.

В кухне было темно, словно на дне колодца. Зита споткнулась о швабру, которую оставила возле холодильника, и та с грохотом обрушилась на пол. Она замерла в страхе, прислушиваясь, не раздадутся ли шаги на лестнице. Тетюшка ударила ее всего один раз — когда Зита перевернула ведро с раствором моющего средства в ванной, — но угрозы слетали с ее языка постоянно. Что-то скрипнуло, и ее сердце учащенно забилося, но звук, судя по всему, донесся сверху.

Как можно тише Зита забралась на рабочую поверхность и сунула ноги в раковину. Потом нащупала кран и медленно, очень осторожно повернула его. Полилась теплая вода — сначала тоненькой струйкой, потом чуть сильнее. Зите показалось, что вода журчит слишком громко; она буквально окаменела, ожидая, что в кухне вот-вот появится тетушка с веником в руках.

Она принялась осторожно растирать пальцы ног, чтобы восстановить кровообращение. На ней был все тот же чуридар, который еще в Бомбее дал ей Навин. Белье Зита не стирала с тех пор, как покинула Индию. Дядя Навина, которого она должна была звать «дядюшка», разрешал ей пользоваться туалетом в ресторане, но только рано утром и поздно вечером. Однажды, когда Зита набралась храбрости и попросила разрешения вымыться, тетушка язвительно рассмеялась и прошипела: «Ты не стоишь тех денег, которые мы платим за горячую воду».

Согрев немного руки и ноги, Зита слезла со стола и вернулась на свое место в шкафу. Заснуть ей удалось только за час до рассвета, и она с трудом разлепила глаза, только когда тетушка принялась тыкать ее ручкой упавшей накануне швабры. Зита моргнула. В глазах все расплывалось, голова сильно болела, а кожа была горячей. Она попыталась встать, но ощутила сильную дурноту и чуть не упала.

— Ты что это делаешь? — крикнула тетушка. — Этими скатертями мы застилаем столы! Как ты смеешь на них спать?

— Но я сильно замерзаю по ночам, — прошептала Зита.

Тетушка негодуя уставилась на нее.

— Неблагодарная! Мы тебя кормим, даем тебе кров, а ты еще и недовольна! Чем это так воняет? — Она принялась, потом наклонилась к Зите и сморщила нос. — От тебя несет, как от немытой свиньи! Иди за мной.

Вслед за тетушкой Зита прошла в квартиру. Тут было тепло. Все ее тело ломило, першило в горле. Она явно заболела. Тетушка распахнула дверь в ванную.

— Раздевайся!

Зита без раздумий повиновалась. Тетушка подхватила ее чуридар и скомкала его.

— Давай мойся. У тебя есть десять минут, не больше. Я постираю твои грязные лохмотья.

Зита забралась в ванну и с силой растирала свое тело, пока кожа не покраснела. Потом запустила пальцы в спутанные волосы и заплакала. Горячие, как лава, слезы стекали по ее щекам и капали в воду. Уезжая из Бомбея, Зита убеждала себя, что будет сильной, как сестра, но все равно оказалась не готова к такому страшному одиночеству и тяжелой жизни. Десять минут истекли. Она постаралась взять себя в руки, но слезы не останавливались.

Тетушка как вихрь ворвалась в ванную и бросила на пол полотенце и выцветшее фиолетовое сари.

— Вытирайся и одевайся. Тебя ждет работа.

К удивлению Зиты, тетушка позволила ей одеться в одиночестве. Она чихнула раз, потом другой и почувствовала, что простуда набирает обороты. Когда тянуть время было уже невозможно, Зита неохотно вышла из ванной и направилась в ресторан. Мальчик, Шиам, был на кухне. В руках он держал веник и совок.

— Мама ушла на рынок. — Он стеснительно улыбнулся. — Вроде бы я должен дать тебе это.

Зита нерешительно посмотрела на веник. Должна ли она подмести пол в ресторане? Это было одной из ее утренних обязанностей, но тетушка всегда маячила поблизости, наблюдая за работой.

Шиам бросил веник с совком на пол.

— Ты любишь крикет? — Он вытащил из кармана пачку потрепанных спортивных карточек и протянул их Зите. — Мне нравится Рики Понтинг и Сандип Патил. Только у меня нет Сачина

Тендулкара. Ты знаешь Сачина Тендулкара?

Зита кивнула.

— Держи. — Он сунул карточки ей в руку. — Можешь посмотреть.

Зита взяла их. Кроме глянцевой карточки с изображением Рики Понтинга, все они были очень простыми — фотография спортсмена, окруженная белой каймой.

— Красивые, — наконец сказала она и выдавила из себя улыбку.

Шиам просиял. Его так и распирало от гордости.

— Когда я достану Сачина Тендулкара, я тебе обязательно покажу.

Раздался мелодичный звон — над дверью ресторана были подвешены колокольчики. Зита быстро схватила веник и совок и выбежала в зал, куда как раз входила тетушка с большим бумажным пакетом в руках. Теплое чувство, которое наваял разговор с Шиамом, тут же испарилось. Тетушка метнула на нее яростный взгляд и поинтересовалась, почему пол до сих пор не подметен.

— Бесплезное создание! — пробурчала она. — Я позволила тебе вымыться, и ты тут же разленилась. Принимайся за работу!

Работа окончательно доконала Зиту. Она пыталась подавлять желание чихнуть, держаться прямо и не показывать, что заболела, но собственное тело подвело ее. Силы кончились внезапно. Вскоре после полудня Зита потеряла сознание. Она так и не узнала, кто обнаружил ее, и очнулась уже на диване в квартире. Кто-то подложил подушку ей под голову. Зита открыла глаза и увидела, что рядом сидит одна из девушек, которые помогали на кухне. Она держала в руках стакан воды.

— Выпей, — сказала девушка на хинди. — Тебе нужно попить.

Зита взяла стакан и залпом проглотила воду. Ей казалось, диван плывет куда-то вместе с ней.

— Я Карина, — сказала девушка. — Я работаю в ресторане.

— Я Зита, — ответила Зита. Ее начинала бить дрожь.

Карина накрыла ее шерстяным одеялом.

— Откуда ты?

— Из Ченнаи, — выговорила Зита и попыталась сесть.

— Тихо, тихо. Сегодня ты никуда не пойдешь.

Зита сморщилась и упала обратно на подушки. Она дрожала от холода, в то время как все тело ее было лихорадочно горячим.

— Тебе надо отдохнуть, — сказала Карина. — Дядя попросил меня присмотреть за тобой.

Зита закрыла глаза и провалилась в сон.

Когда она снова проснулась, за окном, выходящим на двор, было совсем темно. Карины рядом не было. На полу возле дивана стоял стакан с водой. Зита жадно выпила воду и прислушалась. Из ресторанной кухни за стеной доносились привычные звуки.

Она подумала о Карине. Девушка явно и понятия не имела о том, что Зита находится практически в заключении. Интересно, какую историю сочинила тетушка, чтобы объяснить ее присутствие? Может быть, в этом городе вечной зимы живут такие же девушки, как она, — несчастные, которых держат здесь против их воли и заставляют работать на износ, до тех пор, пока они не валятся с ног от усталости или болезни. Навин говорил, что до нее были и другие. Что с ними стало? И что стало с наркотиками, которые она привезла в своем желудке?

Через некоторое время Зита погрузилась в странное, похожее на полусон состояние. Она на минуту пришла в себя, когда семья закрыла ресторан и вернулась в квартиру. Тетушка к ней не лезла, и Шиам тоже держался на расстоянии. Удивительнее всего было то, что не кто иной, как дядюшка, принес ей еще воды и спросил, не голодна ли она. Зита слабо покачала головой. Он

накрыл ее еще одним одеялом.

— Выпись как следует, — сказал он. — Когда ты поправишься, мы будем заботиться о тебе лучше.

Когда болезнь Зиты пошла на убыль, зима была уже в самом разгаре. Как и обещал дядюшка, теперь ее заставляли работать чуть меньше и разрешали спать на диване в квартире. В течение дня она по-прежнему крутилась как белка в колесе, но утром ей позволялось принять десятиминутную ванну. Кроме того, теперь Зита могла есть сколько угодно из того, что оставалось после посетителей ресторана. Дядюшка велел жене купить два сари, и тетушка, ворча, согласилась стирать их вместе с вещами семьи.

Каждое утро после того, как тетушка уходила на рынок, Шиам пробирался в кухню и показывал Зите свои сокровища. Однажды он принес игровую приставку и научил ее играть в «Тетрис». В другой раз притащил журнал о кинозвездах с фотографией Амиабха Баччана на обложке и долго рассказывал о знаменитом киноактере.

На следующий после этого день Шиам вручил ей маленький желтый цветок. Он признался, что сорвал его в соседском цветочном ящике. Поддавшись порыву, Зита присела на пол рядом с ним и рассказала о том, какой чудесный сад был у ее семьи на Коромандельском побережье и какие красивые узоры колам рисовала Джайя. Шиам внимательно выслушал ее и задал вопрос, который поставил Зиту в тупик:

— Если у тебя такой хороший дом в Индии, то почему ты здесь?

Она растерянно посмотрела на него. Шиам даже не догадывался, как трудно было ответить на это.

— Ну и почему, как ты сам думаешь? — наконец вывернулась она.

Шиам удивленно приподнял брови.

— Мама сказала, потому что тебе нужна работа. Что у тебя нет семьи.

Зита глубоко вздохнула и скрестила руки.

— Насчет семьи — это правда, — тихо, почти шепотом сказала она. — В живых осталась только моя сестра.

— А где она? — спросил Шиам.

Зита подумала об Ахалье и о борделе Сухира.

— В Бомбее, — коротко ответила она.

— Я родился в Бомбее! — радостно заявил Шиам, но тут же глаза его погрустнели. — Мне не нравится Париж. Я скучаю по Индии.

Они проговорили еще с полчаса, пока, как обычно, не раздался звон колокольчиков и тяжелые шаги тетушки. Зита вскочила и спрятала цветок в складках сари. Шиам исчез где-то в глубине квартиры. Зита вышла в ресторан, навстречу тетушке, и с новыми силами принялась за работу.

Шиам был всего лишь ребенком, но дружба с ним стала для нее настоящим лучом света.

Глава 15

*Поистине, [человек] становится добрым от доброго деяния,
дурным — от дурного.*

Брихадараньяка-упанишада

Мумбай, Индия.

Из CASE прислали семена голубого лотоса. Когда они прибыли, сестра Руфь дала Ахалье глиняный горшок, чтобы посадить их. Лотос — капризное растение, и не было никакой гарантии, что семена прорастут, но Ахалья была настроена решительно. Она хотела вырастить цветок и подарить его Зите, когда они снова встретятся. Лотос олицетворял живой дух их семьи. Ахалья осторожно опустила семена в хорошо удобренную почву, залила горшок водой и поставила его в пруд, расположенный неподалеку от входа.

Жизнь в приюте Сестер Милосердия была расписана по минутам. Каждый час предназначался для определенного занятия. Ахалья быстро оценила это преимущество. Для того чтобы исцелиться, надо было постоянно двигаться, не стоять на месте, наполнять свою жизнь деятельностью — доказывать себе, что жить не только можно, но и нужно.

Она посещала занятия по программе двенадцатого класса, но по сравнению со школой Святой Марии в Ченнаи уроки казались элементарными. Сестра Руфь скоро поняла, что интеллект Ахальи требует большего, и поговорила об этом с Анитой. Через некоторое время CASE пригласило для Ахальи репетитора. Он приходил дважды в неделю и подготавливал ее к университетскому курсу. Ахалье всегда нравилось учиться, и она с удовольствием погрузилась в привычный ритм — чтение, обсуждения, ответы на вопросы. Все это наполняло ее новой жизненной энергией и давало некую надежду на будущее.

Раз в неделю они встречались с Анитой и разговаривали обо всем на свете. Каждый раз Ахалья задавала сотруднице CASE один и тот же вопрос — нет ли новостей о сестре. И каждый раз Анита отвечала, что CASE вместе с полицией работает над этим, пытается вычислить местонахождение Зиты. Анита сказала, что инспектор Кхан связался с Центральным бюро расследований и Зиту занесли в базу данных по розыску пропавших людей. На день или два Ахалья приободрилась, но потом грусть снова овладела ею.

Куда же исчезла ее сестра?

В один из дней, когда Анита собиралась навестить Ахалью, Томас спросил у Рэйчел Пандолькар, директора отдела реабилитации CASE, можно ли ему поехать с ней. Рэйчел разрешила при условии, что он ни словом не упомянет бордель Сухира. Томас без колебаний согласился.

С момента рейда прошло три недели. Вместе с Анитой они наняли рикшу до Адхери. Путь занял почти час, и они прибыли в ашрам около четырех дня. Ворота были открыты, и Анита провела Томаса внутрь. Они двинулись к маленькому пруду с рыбками, расположенному в роще розовых акаций.

— Наверное, после всего, через что прошли девочки, это место кажется им настоящим раем, — заметил Томас.

— Вы будете удивлены, но это не совсем так, — возразила Анита. — Большинство из них мечтает вернуться домой. Одна девочка сбежала на прошлой неделе.

— Правда?

— Сестры вернули ее обратно. Она из Харьяны, это на севере. В рабство ее продал собственный дядя — скорее всего, с согласия родителей. Естественно, мы не считаем, что дом — самое безопасное место для нее, и Комитет по правам ребенка с нами полностью согласен. Но попробуйте объяснить это ей.

Анита остановилась возле пруда и пригласила Томаса присесть на каменную скамью.

— Ахалья придет, когда закончится ее занятие с репетитором. Свое свободное время она обычно проводит тут.

— Почему?

Анита показала на глиняный горшок, видневшийся под водой.

— Здесь она посадила семена лотоса. Лотос — цветок, который ценится в Индии больше всего. Она хочет подарить его своей сестре.

— Она все еще надеется, что мы найдем Зиту?

— Конечно. А вы нет?

Томас ощутил неловкость.

— Наверное, это прозвучало цинично.

— Цинизм — настоящее проклятие западных людей. Здесь в Индии мы больше верим в хорошее. — Анита обернулась и улыбнулась. — А вот и она.

По дорожке шла Ахалья; в руках она держала целую охапку книг. Она посмотрела на Аниту и перевела взгляд на Томаса. По-прежнему не отрывая от него глаз, она села на скамью. От ее пристального взгляда Томас немного смутился. Он уставился на пруд, надеясь, что Анита что-нибудь скажет.

Ахалья заговорила первой:

— Вы еще не узнали, куда увезли Зиту?

— Пока никаких новостей, — ответила Анита. — Но полиция делает все от них зависящее.

Ахалья опять посмотрела на Томаса, и он заметил, что глаза у нее необычайно грустные.

— Вы ведь участвовали тогда в операции, — тихо сказала она. — Как вас зовут?

— Томас.

— Вы англичанин?

— Американец.

Она секунду подумала.

— А почему вы здесь, в Индии?

— Я адвокат. И моя жена родом из Бомбея.

— Вы занимаетесь здесь адвокатской практикой? — Ахалья немного удивилась.

— В каком-то смысле. Я прохожу стажировку в CASE.

— И ваша жена индианка?

Он кивнул.

— У вас есть дети?

Вопрос застал Томаса врасплох. Он мгновенно испытал целую бурю эмоций.

— Нет, — выговорил он.

— А почему? Вы не любите детей?

К такой прямоте Томас был не готов. Он подумал, как лучше ответить.

— Не совсем, — сказал он наконец. — У нас была девочка, но она умерла.

Ахалья потерела книги.

— Извините. — Она немного помолчала. — А вы знаете кого-нибудь из американского ФБР? — вдруг спросила она.

Томас улыбнулся.

— Нет. Но у меня есть друг в министерстве юстиции. А что?

— Может быть, ваш друг помог бы найти Зиту.

Томас покачал головой:

— Вряд ли это возможно. Сфера полномочий министерства юстиции не распространяется на Индию.

— Но ведь Америка и Индия друзья, — возразила Ахалья. — Мой отец всегда так говорил.

— Это правда. Но американское правительство не занимается розысками пропавших в Индии девушек. Разве что они оказываются потом в США.

Однако в голову ему тут же пришла свежая мысль. США входили в ряд стран, сотрудничающих с Интерполом. Изучая информацию по торговле людьми, Томас наткнулся на

статью, где упоминалась международная база данных по розыску детей, подвергшихся жестокому обращению и насилию. В ней содержались фотографии детей со всего мира, числившихся пропавшими. Если бы у Ахальи оказалось фото ее сестры, то Интерпол мог бы поместить его в базу.

— У тебя есть фотография Зиты? — спросил он.

Лицо Ахальи прояснилось.

— Сейчас, подождите. — Она бросила книжки на землю и побежала по дорожке к зданию реабилитационного центра.

— Полагаю, вы не были готовы к перекрестному допросу, — заметила Анита.

— Нет, но у нее есть полное право интересоваться. В этом месте я выгляжу странно.

Анита не успела ответить. Ахалья уже спешила обратно. В руках у нее была потрепанная по краям фотография размером четыре на шесть дюймов. Она сунула ее Томасу и отступила на шаг, наблюдая за его реакцией. На фотографии — сделанной явно в Рождество — была изображена индийская семья. В девочке, сидящей впереди, без труда угадывалась Ахалья.

— Это твоя сестра? — Он показал на другую девочку, сидящую рядом.

— Да, это Зита.

— Где ты взяла фотографию? — изумленно спросила Анита.

— Дома. Захватила с собой, после цунами.

— И умудрилась сохранить? — спросил Томас. Он был удивлен не меньше.

— Я прятала ее в одежде, — просто сказала Ахалья.

Томас взглянул на снимок еще раз. По лицу отца Ахальи было видно, что он не только умный, но и веселый человек; он выглядел на редкость обаятельно. У матери были огромные глаза и нежная улыбка. В этой семье все любили друг друга — это читалось в их позах, в том, как прильнули друг к другу отец и мать, как они обнимали своих девочек. Сестры держались за руки и над чем-то смеялись.

— Можно я возьму ее? — спросил Томас.

Ахалья кивнула:

— Если обещаете вернуть.

— Конечно.

— Это поможет вам найти Зиту?

Томас неопределенно покрутил головой и тут же рассмеялся.

— Вы уже научились нашим жестам, — улыбнулась Анита.

— Скоро стану совсем индусом. — Томас взглянул на Ахалью: — Я перешлю этот снимок моему другу в Вашингтоне. По электронной почте. Существует международная база данных по поиску пропавших детей. Я попрошу его, чтобы он внес туда фото Зиты и ее имя.

— Вы правда это сделаете? — слегка недоверчиво спросила Ахалья.

— Конечно. Это нетрудно.

Ахалья внимательно посмотрела на него. То, что она сделала потом, оказалось для Томаса полной неожиданностью. На руке у нее был браслет, сплетенный из разноцветных ниток. Ахалья развязала узелок и вдруг опустилась перед ним на колени.

— Зита сделала его для меня, — прошептала она и обернула браслет вокруг запястья Томаса. — Пожалуйста, отдайте его ей, когда найдете ее.

Томас замер. Он хотел покачать головой и отказаться — браслет налагал на него практически неисполнимые обязательства. Девочки, пропадавшие в странах третьего мира, почти никогда не находились. В тех редких случаях, когда это все же происходило, обычно оказывалось, что они уже не в состоянии вернуться к нормальной жизни. Но браслет был уже у него на руке. Томасу ничего не оставалось, кроме как принять его.

— Я сделаю все, что в моих силах, — сказал он. — Но не могу ничего обещать.

— Просто пообещайте, что вы попытаетесь, — попросила Ахалья.

Томас сделал глубокий вдох.

— Я попытаюсь, — твердо сказал он.

В первый раз за весь день на ее губах появилась слабая тень улыбки.

После окончания рабочего дня Томас поймал рикшу и вернулся в квартиру Динеша. Дома никого не было. Он поставил лэптоп на стол и вытащил из чемодана цифровую камеру. Томас положил фотографию, которую ему дала Ахалья, на стол, переснял ее и загрузил изображение в компьютер. Затем открыл фотошоп, увеличил фото и обрезал так, что осталась одна только Зита. Потом напечатал краткое послание Эндрю Портеру и приложил к нему снимок. Нажав на кнопку «отправить», Томас испытал ощутимое облегчение. Теперь он передал все в руки профессионалов. Больше он не мог сделать ничего.

Он проверил папку с входящими сообщениями, в надежде, что Прийя ответила хотя бы на одно из тех писем, что он послал ей после злополучного визита в день церемонии менди. Прошло уже две недели, но вестей от Прийи по-прежнему не было. Томас пролистал весь список, но имени Прийи не нашел. Он почувствовал гнев и бессилие одновременно. Профессор все же обошелся с ним возмутительно несправедливо.

Он просмотрел письма от друзей из Вашингтона. Томас уехал внезапно, и многие задавались вопросом, куда же он исчез. Он кратко ответил на сообщения, не вдаваясь в подробности о своем местонахождении. Позже он все объяснит, но не сейчас. Еще не время.

Томас уже собирался закрыть компьютер, когда заметил, что в углу экрана загорелся значок, уведомлявший о новом сообщении. Он открыл его и не поверил собственным глазам. Она явно не собиралась сдаваться.

«Томас, прошло уже больше месяца, но ни от кого в фирме невозможно добиться ни слова о тебе. Я начинаю беспокоиться. Я твержу себе, что пора уже тебя забыть, что ты просто один из тех типов, которые затаскивают девушек в постель, а потом бросают их. Но ты ведь не такой! Я знаю, что-то случилось. Пожалуйста, не держи меня в неизвестности».

Он вышел на террасу, задумчиво глядя в сторону Джуу-Бич. Почему жизнь так несправедлива? Женщина, которая ему нужна, парализована собственной нерешительностью, а женщина, которую он отверг, не желает его отпускать. Он не хотел воспользоваться Терой. Он не соблазнял ее, не заманивал в постель. Если уж на то пошло, все было как раз наоборот. Он уже собрался написать Тере резкий ответ, но решил, что лучше будет не делать этого. Незачем возобновлять общение.

Вместо этого он решил позвонить Прийе. Он набрал ее номер и дождался гудка. Томас понятия не имел, зачем он это делает и что ей сказать, но все равно, это было лучше, чем сидеть в бездействии и ждать, пока Прийя поймет, что ее отец не собирается менять свое мнение. Он ожидал, что сейчас включится голосовая почта, но из трубки вдруг послышался ее голос:

— Томас?

Слышались какие-то неясные голоса, словно Прийя была в общественном месте.

Он набрал в легкие воздуха.

— Прийя. Извини, что я тебя беспокою, но я просто не мог больше ждать.

— Я получила твои письма. — Она колебалась. — Хотела тебе позвонить...

— Могу я с тобой увидеться?

— Прямо сейчас?

— Когда угодно. Сейчас или позже.

Она секунду подумала.

— В Пали-Хилл есть одно место, называется «Тото». Давай встретимся там в девять часов. Если что, спроси у Динеша, где это. — Голоса в трубке стали громче. — Ну ладно. Мне надо бежать. Девять часов. «Тото».

— Я буду там, — сказал Томас, но Прийя уже повесила трубку.

В пять минут десятого Томас уже сидел возле барной стойки в «Тото», потягивая пиво. Заведение было действительно интересным. Оно располагалось в сердце одного из самых роскошных районов Бомбея, но при этом выглядело как настоящий бостонский паб. И настроение в нем было соответствующее. «Тото» был оформлен в стиле урбанистического ретро. Стены были украшены цепями и старыми автомобильными запчастями, а к потолку привешен кузов от «фольксвагена-жука». Все места в зале были заняты, в основном молодыми индийцами, одетыми на западный манер.

Прийя появилась через несколько минут. Лавируя среди людей, она пробралась к бару. На ней были джинсы, балетки и облегающая фигуру рубашка.

— Напоминает о доме? — Она уселась рядом. Ее лицо было невозмутимым, но в глазах все же читался некоторый дискомфорт.

— Просто удивительно, — ответил Томас. — Здесь даже можно послушать Бон Джови.

Прийя улыбнулась:

— Никогда не понимала твоего пристрастия к рок-музыке.

— Могу сказать то же самое о ситаре. Какой нормальный человек будет играть на двадцати трех струнах?

Она засмеялась и махнула бармену, чтобы он принес ей пива.

— Как твоя бабушка? — спросил Томас. Нужно было с чего-то начать разговор.

Прийя пожала плечами:

— Держится. Но врачи говорят, что худшее может произойти в любой день.

— Мне очень жаль.

Наступила неловкая пауза. Томас видел, что она явно хочет что-то сказать, но не знает как. Бармен поставил перед ней бутылку пива, и Прийя сделала глоток.

— Как твой отец? — Он решил опередить ее.

Прийя нахмурилась.

— Тебе действительно интересно?

Он отпил пива.

— Мне интересна ты. Не он.

— Во всяком случае, честно.

Томас пожал плечами.

— В этой ситуации можно быть только честным.

— Отец — не очень хорошо. Ты его расстроил.

— Я его расстроил? Мне кажется, он сам себя расстроил. Жизнь обернулась не так, как ему хотелось, и он быстро нашел виноватого.

Она покачала головой:

— Ты неправильно его понимаешь. У него есть право беспокоиться за меня. За мои решения.

— Это означает, что у него есть право контролировать твою жизнь?

Прийя сверкнула глазами и отодвинулась.

— Как ты можешь так говорить? Я выбрала тебя, ты помнишь? Я пошла против его воли. Я отдала тебе четыре года.

Томас глубоко вздохнул и постарался успокоиться.

— Значит, тебе это так представляется? — тихо спросил он. — Что, выйдя за меня замуж, ты принесла жертву?

На ее глаза набежали слезы.

— Это было самое трудное решение в моей жизни.

— Но ты не жалеешь о нем? Если да, то я уйду прямо сейчас.

Она отвернулась и сделала глоток пива. В профиль Прийя была красива необычайно. Ее черные волосы чудесно оттеняли смуглую кожу и глаза.

— Что это? — вдруг спросила она, показывая на его руку.

Томас проследил за ее взглядом. Из-под манжеты рубашки выглядывал край браслета, который дала ему Ахалья.

— Ты не ответила на мой вопрос, — сказал он.

Прийя взглянула на него чуть вызывающе.

— Я отвечу на него, если ты ответишь на мой вопрос.

Томас показал браслет.

— Мне дала его девочка, которую мы спасли из борделя.

— Расскажи мне, — попросила она с внезапным интересом.

Томас попытался сократить историю, но Прийя вцепилась в него как колючка. Ему пришлось изложить полную версию, со всеми подробностями, включая столкновение Ахальи с Сумирой в холле борделя, его визит в ашрам, фотографию Зиты и неожиданный подарок Ахальи.

Когда он закончил, Прийя внимательно посмотрела на него.

— Ты знаешь, что это означает?

— Что? — Томас уже начинал слегка выходить из себя. — Я сказал ей, что pošлю фото Эндрю Портеру из министерства юстиции, и сегодня вечером я так и сделал. Больше я ничего не могу. Я понятия не имею, как к этому вообще подступиться.

— Ты никогда не слышал о браслетах ракхи?

— О нет. Боже, как зловеще это звучит.

— Ты не мог бы перестать остроумничать? Я серьезно.

— Извини. — Он поднял ладони. — Привычка.

Прийя собрала с мыслями.

— В Индии есть традиция. Ей уже много тысяч лет. Женщина завязывает на руке мужчины браслет. Это означает, что отныне он ее брат и обязан защищать ее и действовать в ее интересах.

— Ты шутишь, да?

— Нисколько. — Казалось, Прийя наслаждается его смущением. — Существует легенда, что жена Александра Македонского спасла ему жизнь с помощью браслета ракхи. Она подарила его радже Пору в то время, когда Александр вторгся в Пенджаб. У Пору была возможность убить Александра в битве, но он не стал этого делать из-за браслета и заложенного в нем обещания.

Томас потрогал разноцветные нити.

— И что мне теперь делать? Я не Джеймс Бонд. Я всего лишь адвокат, который работает на общественную организацию. Ее не могут найти ни полиция, ни спецслужбы. Каковы же тогда мои шансы?

— Шансы так себе, — согласилась Прийя.

— Я бы сказал, их вообще нет.

— Не будь таким пессимистом. Может быть, тебе вдруг повезет.

Томас поморщился.

— Это бывает только в кино. Не в реальной жизни. Прийя вдруг посерьезнела:
— Но это же случилось со мной.
Томас понял, что она ответила на его вопрос.
— Означает ли это, что я могу увидеть тебя еще раз?
Она улыбнулась.
— Означает ли это, что ты собираешься исполнить свое обещание Ахалье?
— Quid pro quo^[18]. Думаю, я смогу с этим справиться. Прийя подняла свое пиво:
— Тост.
— За что пьем?
— За чудеса.
Томас коснулся ее кружки своей.
— За чудеса. Да поможет нам чудо найти Зиту Гхай.

Глава 16

Нет ничего опаснее, чем иллюзии.

Ральф Уолдо Эмерсон

Париж, Франция.

Однажды вечером в конце января, когда Зита расставляла в шкафчике бутылки и коробки с моющими средствами, в ресторан вошла хорошо одетая пара. Посетителей было совсем немного, и зал почти пустовал. Через полуприкрытую дверь Зита увидела, как дядюшка проводил клиентов к столику в углу. Мужчина был низким и коренастым, с грубоватым лицом и очень коротко стриженными волосами. Женщина, стройная блондинка с бледной кожей, выглядела довольно привлекательной. Зита проводила их безразличным взглядом и вернулась к работе.

Через некоторое время, когда большинство посетителей уже ушли, тетушка закрыла духовку и поставила на стол тарелку с едой.

— Вымой пол, отчисти плиту, и тогда можешь поесть, — буркнула она и ушла в квартиру.

Зита наполнила ведро мыльной водой и принялась мыть пол. Добравшись до двери, она снова случайно взглянула в щель и заметила, что дядюшка разговаривает с той самой парой. Он подозвал Варуни, сестру Карины, и кивнул в сторону кухни. Зита быстро пригнулась, в надежде, что дядюшка ее не увидел.

Через секунду в кухню вбежала Варуни и бросилась к полке с бутылками. Зита хотела предупредить ее, что пол мокрый, но было уже поздно. Варуни поскользнулась и рухнула на пол. Зита кинулась к ней.

— Извини, — прошептала она.

Варуни попыталась встать, поморщилась и потерла щиколотку.

— Отнеси это дядюшке. — Она показала на неполную бутылку водки «Смирнофф». — Клиент хочет еще.

Зита покачала головой:

— Тетушка велела мне держаться подальше от ресторана.

Варуни улыбнулась:

— Ее здесь нет. Давай, все будет нормально.

Зита взяла бутылку и нерешительно вышла в обеденный зал. Дядюшка и мужчина с квадратным лицом разговаривали по-французски. Увидев ее, дядюшка нахмурился, принял бутылку и махнул, чтобы она уходила. Мужчина посмотрел на нее немигающим взглядом;

женщина молча играла своим ожерельем.

Зита уже развернулась, чтобы уйти, но мужчина вдруг обратился к ней по-французски. Заметив, что она не понимает, перешел на английский:

— Как тебя зовут?

— Зита, — удивленно ответила она.

— Ты здесь новенькая.

Она нерешительно посмотрела на дядюшку, не зная, что сказать.

— Она приехала из Индии, — несколько нервно вмешался он. — Помогает в ресторане.

Мужчина кивнул, взглянул на дядюшку и протянул свою рюмку. Зита быстро ретировалась на кухню, чувствуя себя неловко. Варуни все еще сидела на полу, растирая ногу.

— Вот видишь. Ничего трудного, — заметила она.

— Кто эти люди? — спросила Зита.

— Я думаю, они русские. Дядюшка называет мужчину Василий. Они живут недалеко от моей бабушки.

Зита посмотрела на часы. Было почти одиннадцать.

— Почему они еще здесь?

— Дядюшка иногда разговаривает с Василием. Не знаю о чем.

Варуни медленно поднялась и попыталась наступить на ногу.

— Надо закончить с этими столиками, — пробормотала она и, прихрамывая, направилась в зал. У двери она вдруг замерла, наклонила голову и прислушалась. Потом прищурилась и удивленно взглянула на Зиту.

— Что? — не поняла та.

— По-моему, они говорят о тебе, — сказала Варуни.

— Что они говорят?

Варуни снова прислушалась.

— Что-то такое о соглашении. — Она покачала головой. — Не могу понять.

Всю ночь Зита беспокойно ворочалась с боку на бок. Ей отчаянно хотелось узнать, о чем говорили дядюшка и мужчина по имени Василий, но Варуни ушла домой раньше, и Зита не успела ее поймать. На следующее утро дядюшка разбудил ее раньше обычного и велел одеваться. На стуле лежало аккуратно сложенное пальто. Это был тот самый пуховик, который дал ей Навин, когда они только прибыли в Париж.

— Надень его, — сказал дядюшка, — и подожди меня в ресторане.

Зита натянула пальто и уселась за один из столиков возле окна. Ожидание было почти невыносимым. Дядюшка стоял возле двери, глядя на улицу. Около семи тридцати появился молодой мужчина; дядюшка поздоровался с ним по-французски. На мужчине были джинсы, туфли и кожаная куртка, и держался он уверенно и даже властно.

Молодой человек кивнул и без всякого выражения посмотрел на Зиту.

— Viens^[19], — скомандовал он и открыл дверь.

Этого слова Зита не знала, но поняла, чего от нее хотят. Она взглянула на дядюшку и задрожала.

— Иди, — сказал он на хинди. — У Дмитрия есть для тебя работа. Позже он привезет тебя обратно.

Зита помедлила еще секунду и вслед за Дмитрием вышла на мощенную булыжником улочку, а потом на примыкающий к ней бульвар. Небо было покрыто серыми тучами, и ее щеки обжигал ледяной ветер. В первый раз за целый месяц Зита выбралась на улицу, но она была слишком напугана, чтобы обрадоваться этому.

Черный «мерседес» стоял у обочины, мигая габаритными огнями. Дмитрий открыл заднюю дверь, и Зита залезла в шикарный, отделанный кожей салон. Дмитрий сел на водительское место, и автомобиль рванулся вперед. Всего через минуту или две они остановились напротив тяжелых ворот. Улица была совсем узкой, и крыши зданий почти смыкались над головой, практически не давая дневному свету проникать внутрь.

Дмитрий вышел из машины и подошел к воротам, снабженным кодовым замком. Он набрал несколько цифр, и двери раздвинулись. Автомобиль въехал в арку; за ней находился мощный внутренний дворик. Широкие ступени вели к каменному крыльцу; у их подножия были припаркованы серебристая «ауди»-купе и белый микроавтобус «фольксваген». Дмитрий поставил свою машину рядом и выпустил Зиту. Следом за ним она поднялась по лестнице к красной двери.

Дмитрий вбил очередной код. Замок щелкнул. Они очутились в роскошном холле, стены которого были увешаны картинами в тяжелых золоченых рамах. Налево была гостиная с толстыми пушистыми коврами и антикварной мебелью, направо — столовая с полированным обеденным столом и стульями с высокими спинками. В коридор выходила еще и кухня. За ним располагалась лестница на второй этаж.

Та самая женщина, которую Зита видела в ресторане, спустилась по ступенькам. Дмитрий сказал ей несколько слов на незнакомом отрывистом языке. Женщина без тени улыбки взглянула на Зиту и жестом велела следовать за ней. Они поднялись на второй этаж и вошли в библиотеку, стены которой были обшиты деревянными панелями. Женщина вручила Зите тряпку.

— Я Татьяна, — сказала она. — Ты должна вытереть полки.

Зита повиновалась. Библиотека была огромной, и книжных полок в ней было очень много. Все книги покрывал толстый слой пыли, как будто их не касались несколько лет. Зита снимала каждый том с полки и осторожно протирала корешок и края. Библиотека напомнила ей отца. В их домике у моря у него был отдельный кабинет и множество книг; и отец обращался со своим собранием крайне бережно. Почти каждый вечер после ужина он уходил в кабинет и, устроившись под абажуром, погружался в очередной фолиант. Зита часто спрашивал его, что он читает, просто для того, чтобы видеть, как оживляются его глаза. Обычно он отвечал чересчур пространно, но почти всегда Зита узнавала что-нибудь новое.

Работа заняла у нее много часов. Татьяна принесла ей сэндвич на ланч, осмотрела уже протертые полки и скупно улыбнулась.

— Работа хорошая, — сказала она. — Продолжай.

Зита поставила последнюю книгу на полку буквально за минуту до того, как Татьяна пришла во второй раз.

— Готово? — спросила она. Зита кивнула. — Хорошо. Дмитрий везти тебя домой сейчас.

Вместе с Татьяной они вернулись в холл. Дмитрий и Василий разговаривали в гостиной. Девушка со светлыми волосами, одетая в топ на бретельках и черные брюки, сидела на диване рядом с Дмитрием и смотрела в пол. Татьяна позвала сына, и девушка машинально подняла голову. Ее взгляд пронзил Зиту как стрела.

Девушка была смертельно напугана.

Зита быстро отвела глаза и вслед за Дмитрием вышла из дома. Что бы там ни произошло с девушкой, это не ее дело. Работать у Татьяны понравилось Зите гораздо больше, чем выслушивать бесконечные оскорбления тетушки. По ее мнению, эти перемены были только к лучшему.

Наконец-то Лакшми улыбнулась ей снова.

Зита приходила в дом и на следующий день, и еще через день. Каждый раз ее сопровождал Дмитрий. Татьяна встречала ее в холле и давала очередное задание. Зита протерла мебель в

гостиной и до блеска натерла стол и стулья в столовой. Она вычистила ваннные комнаты и навела порядок в шкафах наверху. Ей приходилось работать по восемь часов в день, с пятнадцатиминутным перерывом на обед. Хозяйка оказалась требовательной, но Зита трудилась усердно, делала все тщательно и аккуратно, и Татьяна была ею вполне довольна.

На четвертый день все неожиданно пошло по-другому. Припарковав «мерседес» там же, где обычно, Дмитрий направился не к крыльцу, а к двери из толстого стекла, которую Зита почему-то не заметила раньше, и снова набрал несколько цифр на кодовом замке. Замок тихо щелкнул. Они вошли в темноватый, пахнувший пылью вестибюль с винтовой лестницей. Дмитрий повернулся к ней.

— Не говори ни слова о том, что ты увидишь, — сурово произнес он по-английски. Говорил он так бегло, что Зита удивилась. — Будешь делать, что я скажу, и молчать. Если нет — будут последствия. Поняла?

Зита застыла. Ей вспомнилась блондинка в гостиной, которую она видела в самый первый день. Неужели сейчас она узнает, что так напугало ту девушку?

Зита молча кивнула и стала подниматься по лестнице. На площадку выходили две двери. Дмитрий открыл ту, что справа, и они оказались в коридоре, освещенном единственной голой лампочкой. Он вытащил из кармана связку ключей и одну за другой открыл шесть дверей. Потом проговорил что-то на своем странном, лающем языке и достал из шкафа в конце коридора бельевую корзину.

Из комнат, одна за одной, стали выходить молодые женщины. Их было шесть; все они были одеты в футболки и спортивные шорты. Последней появилась та самая блондинка. Зита подумала о комнатах в борделе у Сухира. Она не знала, что Дмитрий делает с девушками, но замки на дверях более чем наглядно подтверждали, что девушки не могли покидать комнаты по своей воле.

Дмитрий дал Зите корзину.

— Сними наволочки и простыни с кроватей и собери грязное белье, — сказал он по-английски.

Она зашла в первую спальню. Комната была крошечной и темной; там едва хватало места для кровати и комода. Окно в противоположной от входа стене закрывали жалюзи; их края были прибиты к раме гвоздями. Зита сняла с кровати постельное белье и нашла в углу маленькую кучку кружевных трусиков и лифчиков. То же самое она сделала во всех других спальнях. Все комнаты были одинаково ужасными — суровая аскетичная обстановка, тоскливые заколоченные окна, разлитая в воздухе смутная угроза.

Девушки воспользовались ванной и выстроились в коридоре. Зита закончила с последней комнатой и передала полную корзину Дмитрию. Она не могла заставить себя взглянуть на девушек. Их одиночество и беспомощность остро напомнили ей Ахалью. Дмитрий произнес несколько слов, и девушки вернулись в комнаты. За пятнадцать минут они не обменялись между собой ни единым словом.

Дмитрий снова запер двери и проводил Зиту в квартиру Василия. Татьяна встретила ее в холле и повела в прачечную, расположенную в подвале. Там она показала Зите, как включать стиральную машину, и оставила ее одну. Разбирая белье и сортируя его, Зита старалась не думать о том, что она увидела. Она не хотела ненавидеть этих людей, но мысль о том, что всего в пятидесяти футах отсюда шесть девушек заперты в домашней тюрьме, казалась ей совершенно невыносимой. Может ли быть, что Дмитрий сутенер, как Сухир?

Без малого три на лестнице, ведущей в подвал, раздались тяжелые шаги. Дверь в прачечную была чуть приоткрыта, и в щель просматривался маленький кусочек коридора. Зита увидела Дмитрия. Через секунду перед ней мелькнули светлые волосы и женский профиль. Зита была

почти уверена, что это та же самая девушка, что сидела тогда на диване.

Дмитрий протасил ее по коридору, распахнул дверь в конце, втолкнул туда девушку, и дверь захлопнулась. Через мгновение Зита услышала приглушенный женский голос. Слова искажало странное эхо, и поначалу ей показалось, что слышно через стену, но на самом деле звук исходил из вентиляционного отверстия под потолком.

До нее донесся звонкий шлепок и женский плач, потом шум борьбы и грубый мужской голос. Через секунду женщина вскрикнула, а мужчина застонал. Зита сжала наволочку, которую держала в руках, так сильно, что побелели костяшки пальцев, и затаила дыхание. Она точно знала, что происходит там в данный момент, и это одновременно приводило ее в ярость и безумно пугало.

Дмитрий вскоре закончил и снова поднялся наверх. Зита слышала, как рыдает оставшаяся в комнате девушка, и сердце ее сжималось от жалости. Она боролась с собой. Она полностью находилась во власти Дмитрия, а он явно был беспощадным и жестоким. В то же время отец всегда учил Зиту, что оставаться безучастным к страданиям ближнего — это бесчеловечно. Она вдруг вспомнила Ахалью после того самого первого раза, после Шанкара, и чувство острой жалости пронзило ее словно током.

Зита потихоньку открыла дверь прачечной и взглянула на часы. До того как должна была вернуться Татьяна, оставалось не больше двадцати минут. Она пробралась в конец коридора, неслышно повернула дверную ручку и вошла в комнату.

Девушка лежала на кровати, свернувшись калачиком. На полу валялась одежда и белье, такие же, как только что стирала Зита. Вокруг кровати стояли три видеокамеры на штативах и осветительные приборы. Зита в недоумении уставилась на странную обстановку, но внезапно все прояснилось. Ее чуть не стошнило от отвращения.

Изнасилование было снято на камеру.

Она подошла к кровати, опустилась на колени и дотронулась до плеча девушки. Та застонала и перевернулась на другой бок. Зита зашла с другой стороны и снова опустилась на колени. Она нащупала руку девушки и нежно сжала ее пальцы. Девушка перестала всхлипывать, и взгляд ее стал более осмысленным. Она попыталась сесть.

— Ты говоришь по-английски? — спросила Зита, боясь, что незнакомка не поймет ее. Но девушка кивнула.

— Немного, — с сильным акцентом ответила она. — Кто ты?

— Я Зита, — медленно выговорила девушка. — Я здесь убираю.

Блондинка снова всхлипнула.

— Я Наталья. Откуда ты?

— Из Индии.

— Я Украина.

— Что ты тут делаешь? — спросила Зита.

— Я приезжать на работу. В агентство. Мужчины брать мой паспорт и привозить сюда.

Зита подумала, что пути, которые привели их обеих в этот дом, будучи разными, все же обладали страшным сходством. Над головой, в верхней комнате, что-то скрипнуло, и она испуганно вздрогнула.

— Мне надо идти, — прошептала Зита. — Я буду молиться за тебя.

Наталья слабо улыбнулась.

— *Спасибо большое*, — сказала она по-русски и повторила по-английски: — Спасибо.

Надежда вроде бы исчезнет, но не умрет.

Перси Биши Шелли

Мумбай, Индия.

Прошли недели, но полиция так и не обнаружила следов Зиты или Навина. Портер ответил на сообщение Томаса и пообещал поместить фотографию Зиты в базу данных Интерпола. Но он пояснил, что это может дать результаты только в том случае, если пропавшая девочка засветится в Интернете или попадет в руки правоохранительных органов в одной из стран — участниц Интерпола. Иначе база данных бесполезна. Если девочка будет оставаться вне поля зрения, найти ее вряд ли удастся.

В конце письма Портер сообщал хорошую новость:

«Кстати, полиция Фейетвилла немного продвинулась в деле Эбби Дэвис. Мы знаем, что она все еще в городе, и делаем все возможное, чтобы установить ее местонахождение. К сожалению, твой отец, скорее всего, прав насчет организованной торговли людьми. Я буду держать тебя в курсе».

Томас сидел на балконе Динеша с пивом в руках и думал о матери Эбби. О том, как невыносимо должно быть для нее это ожидание. Поистине, трудно придумать пытку ужаснее. Ее глаза, полные муки, до сих пор преследовали его. Томас часто думал, насколько сильно повлияла та случайная встреча на его жизнь. Если бы не Эбби, разве заинтересовала бы его работа в CASE? Состоялся бы тот разговор с Портером, узнал бы он о вакансии в Бомбее? Отправился бы в Индию, чтобы искать примирения с Прией?

Это время оказалось насыщенным событиями для CASE. Они провели еще два рейда и освободили в общей сложности четырнадцать несовершеннолетних девочек. Второй рейд, в пивном баре на северо-восточной окраине, чуть не оказался под угрозой срыва из-за продажности полиции. Агент CASE, наблюдавший за баром, увидел, как девочек за час до операции вывели из помещения, но Грийеру удалось в самый последний момент добиться выдачи другого ордера на обыск, с указанием нового места.

Томас удивлялся, насколько близко к сердцу он принимает все происходящее. Агенты CASE связались с сутенерами под предлогом того, что хотят организовать частную сексуальную вечеринку для трех мужчин. Сутенерам было предложено дополнительное вознаграждение, если они сумеют найти несовершеннолетних девочек, и те бросились перерывать свои «конюшни». Полиция накрыла преступников в лачуге, расположенной позади бара, и передала в спецприют десять несовершеннолетних девочек. Эта операция стала самой значительной за всю ситорию CASE в Бомбее и вызвала заметный резонанс в штаб-квартире организации в Вашингтоне.

Томас трудился над делами, слушание которых было назначено на весну. Кроме этой текущей работы, он параллельно занимался брифом по делу Джогешвари. Судья снова отложил слушание по просьбе адвокатов обвиняемого, но Томас, хотя и разъярился, решил, что это все же к лучшему. Судья был явно пристрастен и выступал на стороне сутенера, но у Томаса появлялось больше времени, чтобы довести дело до ума. Когда он наконец представил готовый бриф Саманте, она просияла.

— Это лучший бриф из всех, что я видела за пять лет. — Саманта не скупилась на похвалы. — Просто сказка.

— Я знаю, что это непрофессионально, вкладывать в дело личные эмоции, — признался

Томас. — Но мне действительно хотелось вытереть этим поддонком пол.

Глаза Саманты блеснули.

— Ну... кто его знает. Возможно, ваше желание исполнится.

Томас больше не заходил в приют Сестер Милосердия. Официальным предлогом была занятость, но на самом деле он просто не знал, что сказать Ахалье. Анита передавала, что Ахалья спрашивает о нем каждый раз, когда они видятся.

— Кажется, вы ей понравились, — как-то сказала она.

— Она меня совсем не знает, — возразил Томас.

— Она знает достаточно. И кроме того, в ее окружении не так-то много людей, у которых есть друзья в министерстве юстиции.

Томас вздохнул:

— Я так понимаю, вы сказали ей, что я передал фотографию Зиты своему приятелю?

Анита кивнула:

— Сказала.

— Чего же еще она ожидает?

— Я не знаю. Это ведь вы пообещали ей, что постараетесь сделать все возможное.

Два вечера в неделю он проводил с Прией. Обычно они и еще кто-нибудь из CASE встречались в «Шиша», иранском заведении, расположенном на крыше одного из зданий на Линкинг-роуд, или в «Громе среди ясного неба», дорогом ресторане в Пали-Хилл. Прие сразу же понравились его коллеги, и Томаса это совсем не удивило. Эти открытые, живо интересующиеся всем вокруг люди были так не похожи на его циничных, отравленных скукой приятелей из Вашингтона.

Шел февраль; с каждым днем становилось все жарче. Против собственной воли Томас часто думал об Ахалье и о браслете ракхи. Он попросил у Грийера разрешения время от времени справляться о Зите в ЦБР, но новости всегда были неутешительными. Однажды инспектор, работающий над делом, соединил Томаса со старшим полицейским офицером, и тот заверил его, что они сделали практически все, что могли.

Томас повесил трубку и взглянул на запястье. Уже много раз он пожалел о том, что не может вернуть браслет. Ответственность, которую налагал на него ракхи, была ему явно не по силам. Но он дал Ахалье обещание. И Прие тоже.

Он обязан был попытаться.

Перелом произошел неожиданно. В один из февральских дней, когда Томас обедал в офисе CASE вместе с Найджелом Макфи и еще несколькими коллегами, мобильный Найджела зазвонил. Он вытащил телефон из кармана и посмотрел на экран.

— Говори. — Он поднес телефон к уху, послушал, и глаза его загорелись. — Сегодня? Я скажу Грийеру.

— Что такое? — спросил Томас, когда Найджел нажал на отбой.

Не отвечая, Найджел вскочил с места и бросился в кабинет Джеффа. Томас оставил обед и последовал за ним, надеясь, что новости как-то связаны с Зитой.

Грийер читал какой-то отчет. Он поднял голову и посмотрел на вошедших коллег.

— Навин вернулся в Бомбей, — сказал Найджел. — Рохит получил сигнал от информатора.

— Информация проверена? — спросил Грийер. Лицо его посерьезнело.

Найджел покачал головой.

— Но этот сутенер — надежный источник. Сведения поступили непосредственно от

Сумиры.

— Навин — довольно распространенное имя. Откуда он знает, что это тот самый, кто нам нужен?

— Этот Навин интересуется только маленькими девочками.

— Этого недостаточно, — заметил Грийер. — Чтобы двигаться дальше, мы должны быть абсолютно уверены.

Найджел улыбнулся.

— Навин приходит не за сексом. Он увозит девушек.

— Он знает куда? — спросил Грийер. Скептицизма в его голосе явно убавилось.

— Сутенер говорит, в Европу.

Грийер снял трубку.

— Пошли туда остальных ребят. Я свяжусь с ЦБР.

Найджел кивнул и вышел из офиса, но Томас задержался.

— Я хочу участвовать, — твердо сказал он.

Грийер удивился.

— Но мы не знаем, что за персонаж этот Навин. Никто не гарантирует вашу безопасность.

Томас потрогал рахи. Было жарко, кожа в этом месте постоянно чесалась, и раздражение не давало Томасу забыть о своем обещании.

— Это не имеет значения, — сказал он. — Я хочу быть там, когда вы его возьмете.

Грийер задумался.

— Ну хорошо, — наконец решил он. — Вы в деле. Но сделайте мне одолжение — не лезьте на рожон.

Пока в CASE готовились к операции, Томас не отходил от Грийера. По приказу начальника Найджел послал в Каматипуру всех своих агентов, чтобы они выудили из местных как можно больше информации. В то же время сам он связался с ЦБР насчет проведения задержания. Там согласились на операцию, но только после того, как Грийер заверил их, что команда Найджела обязательно подтвердит сведения.

Тем не менее за два часа агенты так и не узнали ничего нового. Они обратились к своим обычным источникам — вешья, сутенерам и мадам, но никто из них ничего не слышал о Навине. Найджел мерил кабинет шагами и то и дело хватался за телефон; каждый раз он разговаривал все более и более отрывисто. Грийер посматривал на часы и невольно сжимал кулаки. Минуты утекали с угрожающей скоростью. Томас никогда не видел, чтобы босс так нервничал.

Еще позже днем Грийеру пришлось позвонить в ЦБР и сообщить, что информация по-прежнему не подтверждена. Разговор со старшим офицером дался ему нелегко; Томас видел, каким напряженным было лицо Джеффа. Он убеждал, уговаривал, успокаивал, а потом уже и просто умолял не отменять операцию. В конце концов тот все же согласился, но сократил число своих людей втрое, крича при этом, что они все равно зря потеряют время.

Агенты CASE были на месте к шести часам. Вместе с Грийером Томас заехал в полицейский участок Нагпады, где они встретились с командой ЦБР и инспектором Кханом. Грийер объяснил, что, хотя полномочия ЦБР распространялись на всю страну, Каматипура находилась в ведении инспектора Кхана. Глава ЦБР решил привлечь его к операции, чтобы впоследствии избежать путаницы с юрисдикцией.

Сотрудники ЦБР отправились на место в трех обычных микроавтобусах. Кхан, вместе с Томасом и Грийером, ехали в отдельной машине. Чтобы привлечь к себе меньше внимания, инспектор был в штатском; Джефф и Томас глубже надвинули бейсболки и чуть затемнили

щетину, выступившую на щеках.

— Если предположить, что все получится, — начал Томас, когда они уселись в автомобиль. — В чьем ведомстве окажется Навин?

— У нас, — ответил Кхан.

— Не в ЦБР? — переспросил Томас.

Инспектор покачал головой.

— ЦБР не умеет заниматься грязной работой. Мы сами выясним, что он сделал с девочкой.

— А если он не захочет говорить?

Кхан мрачно улыбнулся:

— У нас есть свои методы, мистер Кларк.

Инспектор свернул на М.Р.-роуд и припарковал машину неподалеку от борделя Сухира. Был вторник. По улицам слонялись мужчины, желающие по-быстрому получить удовольствие, перед тем как отправиться домой к женам и телевизорам. Неподалеку Томас заметил Рохита и еще двух агентов CASE. Они наблюдали за входом в бордель. Сухир стоял в дверях и курил чиллум^[20].

Вскоре после семи один из агентов не спеша приблизился к Сухиру и попросил у него прикурить. Они поболтали пару минут, и агент отошел. Через несколько секунд зазвонил мобильник Грийера. Он немного послушал и отключился.

— Сухир сказал, что в течение часа ожидает хорошего клиента, — сообщил он Кхану.

Инспектор взял рацию и передал информацию сотрудникам ЦБР.

Время тянулось невероятно медленно. Кондиционер в машине был выключен. Сквозь полуопущенные окна в салон проникал влажный, насыщенный сигаретной вонью и запахом помойки воздух. Мужчины небольшими группами проходили мимо, изредка отвечая сутенерам, расхваливающим свой товар. Владельцы публичных домов вроде Сухира молча стояли у входа, наблюдая за ритуалом торговли, но не участвуя в нем. Томас, стараясь не крутить головой, внимательно оглядывал окрестности, чтобы не пропустить ни одной детали.

В десять минут девятого возле борделя притормозило такси, и Сухир отложил трубку в сторону.

Рация затрещала.

— У нас есть подозреваемый. Тридцать с небольшим, темные волосы, модно одет.

Томас увидел, как из такси вылез мужчина в розовой рубашке и поздоровался с Сухиром. Он передал владельцу борделя спортивную сумку, Сухир взял сумку и открыл ее. Томас почувствовал, как все его тело напряглось. Он был уверен, что это Навин.

Рация снова затрещала.

— Всем подразделениям. Выдвигаемся.

Все агенты устремились к входу в бордель. Сухир подхватил сумку и взлетел по лестнице. В тот же самый момент мужчина в розовой рубашке метнулся в переулок. Рохит выступил ему навстречу и преградил путь, но мужчина выставил вперед плечо и двинулся напролом. Рохит, не ожидавший сопротивления, потерял равновесие и упал. Мужчина оттолкнул его в сторону и бросился вперед, в лабиринт запутанных узких проходов.

В эту секунду в голове у Томаса что-то щелкнуло. Не размышляя, не оценивая опасность, не понимая толком, что делает, он выскочил из машины и устремился следом за сбежавшим. Не обращая внимания на крики Грийера и инспектора Кхана за спиной, он ринулся в переулок. У мужчины — Навина? — было преимущество в десять секунд, но Томас был быстрее. Кроме того, он был уверен, что сумеет поймать преступника.

Обогнув Рохита, который все еще с обалдевшим видом сидел на земле, он рванул вперед. Переулок был забит телегами и людьми; мокрое белье висело на веревках так тесно, что

закрывало небо. Все вокруг пилились на него как на сумасшедшего, но Томасу было все равно. Пока он слышал топот впереди, его единственной целью была скорость.

Время, казалось, остановилось. Каким-то непонятным образом Томас успевал заметить, куда он наступит в следующую секунду, не упуская при этом из вида свою цель. Он услышал грохот впереди, и через мгновение перед ним оказалась перевернутая тележка уличного торговца. Не снижая скорости, он перескочил через нее и тут же нагнул голову, чудом не запутавшись в развешанных для просушки сари. Поворачивая за угол, он увидел человека, за которым гнался. Мужчина бежал быстро, но Томасу показалось, что он припадает на правую ногу. Томас поднажал. Сутенеры и владельцы борделей провожали его яростными взглядами, но он не обращал на них внимания.

Мужчина вдруг свернул в сторону и заскочил в ближайшую дверь. Не раздумывая Томас бросился за ним. Мужчина исчез в дальнем конце коридора; Томас, едва замечая шеренгу девушек, выстроившихся вдоль стены, кинулся вслед. За дверью оказалась лестница, за ней — еще один коридор с девушками. Они хохотали и посылали ему воздушные поцелуи. Томас прорвался сквозь строй, полностью сосредоточившись на погоне.

Второй коридор перешел в третий, третий в четвертый. Вокруг были девушки и комнаты для сексуальных утех. Наконец последний коридор вывел его в достаточно большое помещение, устланное матрасами. «Места» отгораживались друг от друга свисавшими с потолка простынями. Некоторые кровати были заняты. До Томаса донесся женский визг, потом сердитый мужской голос. Девушка и ее клиент судорожно уцепились за простыню, пытаясь прикрыться. Мужчина перепрыгнул через них — в дальней стене была еще одна дверь.

Они выскочили в очередной лабиринт коридоров. Томас слетел вниз по ступенькам и почувствовал слабое дуновение прохлады. Впереди мелькнула дверь. Хозяин борделя выступил вперед, пытаясь загородить выход, но Томас оттолкнул его и выпрыгнул на улицу.

Теперь убегавший был всего в нескольких шагах от него. Он хромал еще сильнее.

— Навин! — крикнул Томас.

Мужчина обернулся.

Собрав последние силы, Томас рванул вперед. В несколько прыжков он нагнал Навина и бросился на него, обхватив обеими руками, как защитник в американском футболе. Они рухнули на землю, катаясь в пыли, и наткнулись прямо на группу сутенеров, раскуривавших сигареты с марихуаной. Навин выворачивался, пытаясь освободиться от Томаса, но тот сжимал его как тисками. От мощного выброса адреналина в висках у него стучала кровь.

— Что ты с ней сделал, ублюдок? Куда ты ее увез?

Навин изловчился и локтем ударил его в лицо. Томас почувствовал, что теряет сознание, но мощным усилием воли прогнал дурноту и стиснул Навина еще крепче. До него донеслись крики и — наконец-то — топот ног. Рохит подбежал к ним первый. Он оторвал Навина от Томаса, встряхнул его и швырнул к стене. В ту же секунду подскочил агент ЦБР, заломил Навину руки за спину и защелкнул на них наручники.

Другой агент ЦБР помог Томасу подняться на ноги.

— Все в порядке? — спросил он.

Томас кивнул. Каждый вдох давался ему с трудом, все тело болело. Он вытер грязь с лица. Сотрудники ЦБР повели Навина в переулок. Рохит подошел к Томасу. У него был одновременно довольный и смущенный вид.

— Хорошая работа, — заметил он.

Томас ухмыльнулся:

— Было приятно сделать это снова.

Рохит нахмурился:

— Снова?

— Я был корнербеком^[21] в школе. Играл за сборную штата.

Рохит, который ничего не понял, взглянул на него с недоумением.

— Не важно, — махнул рукой Томас.

Агенты ЦБР отвели Навина на М.Р.-роуд и запихнули в один из микроавтобусов. После короткого спора с инспектором Кханом старший офицер из ЦБР отдал приказ отвезти задержанного в полицейский участок Нагпады. Грийер, в свою очередь, распустил своих сотрудников и вместе с Кханом и Томасом отправился туда же.

По дороге Томасу все же досталось на орехи.

— Слушайте, я понимаю, почему вы это сделали. Но вы хоть осознаете, насколько это было опасно? Полиция в эти переулки даже не заглядывает.

Томас пожал плечами:

— Как мне кажется, против результата вы все-таки не возражаете.

— Конечно нет. Но если бы с вами что-то случилось, мне бы оставалось только сложить голову на плахе.

Возразить на это было нечего, и Томас решил сменить тему разговора.

— Так что там с Сухиром? — спросил он.

— Ему удалось уйти, — ответил Грийер. — Они все сбежали. Сумира, Прасад, клиенты, девушки. Как выяснилось, в комнате на чердаке была потайная дверь с выходом на крышу. К тому времени, как люди из ЦБР добрались до нее, негодяев уже и след простыл.

— Вы думаете, на этот раз он решит скрыться?

— Это зависит от того, насколько сильно он боится Навина. Возможно, на какое-то время он отойдет от дел. Но вряд ли бросит совсем. Слишком легкие деньги.

— Каковы шансы, что он предстанет перед судом? — спросил Томас. — Я видел его адвоката. Судья практически ест у него с ладони.

Грийер встретился с ним взглядом.

— Ахалья выступит в суде. Мы обязательно добьемся этого.

Они прибыли в участок. Инспектор Кхан приказал отвести Навина в заднюю комнату. Томас и Грийер уселись на стулья в кабинете Кхана и приготовились к долгому ожиданию. Спустя полчаса до них донесся первый крик. Томас невольно сжал руку в кулак. Через секунду последовал второй. Дальше крики уже не прекращались. Томас сморщился, стараясь не думать о том, что происходит сейчас в дальней комнате.

Он взглянул на Грийера:

— Сколько это будет продолжаться?

Джефф покачал головой:

— Пока инспектор не будет удовлетворен.

— И это кажется вам нормальным?

— Мое мнение не имеет значения. Это Бомбей. Полиция делает все, что хочет.

В словах Грийера был смысл. Томас немного подумал.

— Навин заговорит?

Грийер кивнул:

— О, он заговорит. Вопрос в другом. Добьется ли инспектор Кхан правды?

Инспектор Кхан стоял напротив прикованного к металлическому стулу Навина, стараясь перевести дух. Несколько минут он методически избивал задержанного, пока у того не

затрещали ребра. В паузах между ударами он задавал вопросы. Навин тем не менее оказался на удивление крепким орешком. Он назвал свое имя и признал, что купил Зиту, но заявил, что перепродал ее другому сутенеру. Кхан спросил, где живет тот человек, и Навин ответил, что в Калине. Инспектор не поверил.

— Скажи мне, куда ты дел девочку! — крикнул он, разминая правый кулак.

Навин нагло уставился ему прямо в глаза.

— Если хочешь, можешь продолжать в том же духе, — сказал Кхан. Он взял в руки небольшую динамо-машину. — Или можешь сказать мне правду. Что выбираешь?

Получив первый удар током, Навин вскрикнул, но показаний не изменил.

Кхан решил спросить его о Европе.

— Тебе нравится *sambhoga* с европейскими женщинами?

Навин кивнул.

— Почему нет. А тебе нравится *sambhoga* с твоей женой? — с трудом выговорил он.

Эти слова привели инспектора в ярость. Он поднес электроды к гениталиям Навина и пустил ток. Навин взвизгнул; в уголках его рта выступила слюна. По всей видимости, он был на волосок от того, чтобы расколоться.

— Скажи, куда ты дел девочку! — снова крикнул Кхан. — Я знаю, ты вывез ее из Бомбея.

Голова Навина мотнулась назад и вперед. Он закатил глаза и едва заметно кивнул.

— Хорошо, — заметил Кхан. — Она в Индии?

Навин собрался с силами и сплюнул. Кхан еще раз завел динамо, и Навин снова взвизгнул.

— Нет, нет, нет! — закричал он в отчаянии. — Не в Индии.

— Куда ты ее увез? В Британию? В Германию? Куда?

— Во Францию, — чуть слышно прошептал Навин.

Инспектор глубоко вздохнул.

— Почему во Францию?

Навин промолчал. Подождав с минуту, Кхан снова взял динамо.

— У меня дядя в Париже, — не выдержал Навин.

— У твоего дяди публичный дом, как у Сухира?

Навин помотал головой:

— Девчонка там не для секса. Она работает в его ресторане.

Раздался стук в дверь. Инспектор раздраженно обернулся. Он строго-настрого приказал подчиненным не беспокоить его.

— Что?! — рявкнул он.

Дверь отворилась. В комнату вошел помощник комиссара. Он посмотрел на Навина, затем строго взглянул на Кхана.

— Инспектор Кхан, — произнес он. — Этого человека арестовали по ошибке.

Кхан не поверил собственным ушам.

— Задержанный только что признался в том, что он купил несовершеннолетнюю девочку в борделе и переправил ее во Францию. Он нарушил и индийские, и международные законы. Какая тут может быть ошибка?

— Инспектор, я приказываю вам освободить его.

Кхан уставился на босса, дрожа от ярости и унижения. Потом достал из кармана ключ от наручников, сковывавших руки Навина. Выбора у него не было. Если он не выполнит приказа начальства, его вышвырнут с работы и семья останется без средств к существованию.

Освободившись, Навин с трудом поднялся на ноги, подошел к инспектору и плюнул ему в лицо.

— *Muth mar, bhenchod*, — процедил он сквозь зубы. — Вам никогда не найти эту девку.

Кхан вошел в свой кабинет.

— У нас проблемы, — мрачно сказал он, глядя куда-то между Томасом и Грийером. — Помощник комиссара освободил Навина.

— Что значит — освободил? — не понял Грийер.

— То и значит. Навин ушел.

— Как вы могли это допустить? — Томас был ошеломлен.

Кхан нахмурился.

— Вы не понимаете. У меня не было выбора.

— Это просто цирк. — Томас резко встал и направился к двери. — Мы должны что-то сделать.

Инспектор преградил ему путь.

— Хотите оказаться в тюрьме? — тихо спросил он. — Помощник комиссара запросто засадит вас за решетку и выбросит ключ в залив Махим. Вы никогда не выиграете в этой войне с коррупцией. Единственный способ найти девочку — это поговорить с французской полицией.

Томас сделал глубокий вдох и постарался успокоиться.

— Навин увез Зиту во Францию?

— Она работает в ресторане его дяди в Париже.

Томас покачал головой:

— Подумать только. Зита в Париже. Именно в Париже.

— А что такое? — поинтересовался Грийер.

— Да просто я знаю Париж. Я провел целый семестр в Сорбонне.

— Ну и что? — Грийер недоумевающе посмотрел на него. — Вы же не думаете о том, чтобы отправиться туда на поиски? Французская полиция располагает куда большими возможностями, чтобы найти ее.

— Конечно, — согласился Томас. Мысль была действительно абсурдной, но неизвестно почему она не желала покидать его голову.

— Завтра я свяжусь с ЦБР, — сказал Кхан. — Они помогут с французами.

Вместе с Грийером они вышли на улицу. Ночь была жаркой и душной. Грийер подозвал такси и попросил отвезти их на центральный вокзал.

Всю дорогу Томас молчал. Самым легким — и самым разумным выходом — было переложить всю ответственность на полицию и предоставить действовать профессионалам. К тому же Прийя, единственное, что по-настоящему имело для него значение в данный момент, была в Бомбее. Вполне возможно, что она поддержит его намерение отправиться в Париж. Но в данном случае было важно не только ее мнение. Как бы старательно они ни делали вид, что это не главное, но отец имел на Прийю огромное влияние. Без его благословения она никогда не покинет Индию. Если Томас надеялся однажды убедить ее вернуться в Штаты, то для начала ему следовало завоевать расположение профессора.

Томас и Джефф купили билеты до Бандра-стейшн и спустились на платформу. Через десять минут подошел поезд. Они вошли в вагон второго класса. Томас встал у дверей, задумчиво глядя в темноту. Поезд был по-ночному нетороплив; мимо проплывали городские окраины. Огни города напоминали бесконечную сияющую реку. Теплый ветер, пахнувший пааном^[22] и одеколоном, ворошил его волосы.

Его решение наконец созрело. Возможно, дело было в стуке колес в ночи; возможно, в ласкающем кожу соленом бризе или в мелодичной иностранной речи. Или то была эйфория, вызванная арестом Навина после того, как они уже потеряли всякую надежду его найти. Но

решение пришло как-то само собой, словно это не Томас выбрал свой путь, а путь выбрал его. Он поедет в Париж.

Он должен сделать это для Ахальи.

Он должен сделать это для себя.

Глава 18

Где тот светильник, что угас, что ночь в день превращал? Где солнце?

Хафиз

Париж, Франция.

Зита по-прежнему убирала квартиру Василия. По приказу Дмитрия она через день собирала грязное белье в комнатах девушек. В это время они всегда выходили в коридор, всегда в футболках и спортивных шортах. Никаких следов пребывания мужчин в комнатах Зита не замечала — ни презервативов, ни сигарет, ни сумок с вещами. Единственным имуществом девушек было, по всей видимости, кружевное белье и несколько дешевых книжек в мягких обложках.

Однажды утром Татьяна отвела Зиту на третий этаж и велела убрать в комнате, почти полностью заставленной компьютерным оборудованием.

— Василий нет в городе, — объяснила она. — Смотри на грязь. — Она показала на пепельницу, забитую окурками, потом сняла с полки бокал с остатками прокисшего пива и сморщилась. — Гадость. — На лице ее появилось заговорщическое выражение. — Не говорить Василий, что ты здесь. Он не любит. — Татьяна пожала плечами. — Но место надо убирать.

Как обычно, Татьяна вручила Зите тряпку и метелку для пыли и вернулась на второй этаж. Зита немного понимала в компьютерах, но техника Василия была более сложной и продвинутой, чем все, что ей приходилось видеть. На столе, стоящем посреди комнаты, возвышались сразу два огромных плоских монитора; они не были выключены и находились в режиме ожидания. Тут же были клавиатура, мышь и белый планшет с пластмассовым пером.

В кабинете стоял запах застарелого сигаретного дыма и дешевого алкоголя. Зита начала с рамы и подоконника небольшого круглого окна — единственного в комнате. Потом перешла к письменному столу и протерла мониторы. Принялась смахивать пыль с клавиатуры. Она нечаянно задела одну из кнопок, и оба экрана вдруг засветились. Зита взглянула на них и невольно сделала шаг назад. Картинка изображала мужчину в маске и женщину, занимающихся сексом.

Зита быстро отвернулась. Ее щеки горели. Она встала спиной к компьютерам и попыталась переключиться на другое занятие. Схватив тряпку, она стала натирать ручки шкафчика для документов, пока те не засияли, как золотые. Размеренные, ритмичные движения постепенно успокоили ее. Зита снова покосилась на мониторы и с облегчением увидела, что они погасли. Откуда взялись эти отвратительные картинки? И кто этот мужчина в маске?

Добравшись до самого нижнего ящика шкафчика с документами, Зита заметила, что он прикрыт неплотно. Ее первым побуждением было захлопнуть ящик и продолжать работу, но жутковатое любопытство не давало ей покоя. Возможно, здесь она найдет объяснение и картинкам, и запертым девушкам.

Зита потянула ящик на себя, и сердце ее учащенно забилося. Внутри лежали папки с наклейками, надписанными от руки на незнакомом языке. Она вытащила самую верхнюю и

открыла ее. В папке оказалось примерно с дюжину полароидных снимков. На каждом была изображена девушка европейской внешности, в одном белье, стоящая в центре пустой комнаты. Стены комнаты были абсолютно голыми; краска на них облупилась от времени. Девушки смотрели прямо в камеру; взгляд у всех был какой-то стеклянный. Больше в кадре никого не было. Было видно, что все фотографии делались под одним и тем же углом. Еще в папке лежал лист бумаги со странными буквами. Зита подумала, что это должны быть имена.

Она аккуратно вернула папку на место и быстро просмотрела остальные. Содержимое других папок было таким же — полароидные снимки и непонятный список. Зита вытянула ящик до конца и обнаружила на самом дне стопку порнографических журналов. Вздвогнув от отвращения, она закрыла ящик и подняла с пола свою тряпку.

Когда вернулась Татьяна, Зита ощутила такое облегчение, что едва не бросилась ей на шею. Татьяна дала ей очередное задание, и Зита погрузилась в него с головой, стараясь забыть о вещах, которые она только что видела.

В тот же вечер дядюшка сообщил ей, что Варуни заболела и что сегодня столики будет обслуживать она. Зита завернулась в украшенное орнаментом сари, которое выдала ей тетушка, и, пока ресторан не открылся, протерла все столики. Потом быстро просмотрела меню, пытаясь запомнить все блюда. Меню было написано на хинди и переведено на английский и французский.

Тетушка постелила скатерти и разложила столовые приборы, велев Зите зажечь на каждом столике свечу. В спешке она даже забыла раскритиковать, как обычно, каждый шаг Зиты. В первый раз за все время тетушка отнеслась к ней если не с уважением, то хотя бы с терпением.

Первые клиенты начали прибывать в семь. Дядюшка приветствовал их, а Зита провожала за столик. Если посетители были индийцами, она разговаривала с ними на хинди, если европейцами — то переходила на английский. Дядюшка держался поблизости на случай, если понадобится использовать французский. Зита пыталась копировать Варуни, ее манеру обращения, но получалось у нее не очень хорошо — сказывалось отсутствие опыта. Когда сказать было нечего, она просто улыбалась и рекомендовала цыпленка тикка масала^[23].

Клиентов было немного, но все же достаточно, чтобы Зита была постоянно занята. Неопытность она компенсировала сообразительностью. Зита всегда гордилась своей памятью, и теперь она принимала заказы, не записывая их, и ни разу не ошиблась.

— Ваша новая официантка очень милая, — заметил один из постоянных посетителей. — Где вы ее нашли?

— Она дочь одного из моих двоюродных братьев в Бомбее, — ответил дядюшка. — Нам очень повезло, что эта девушка работает у нас.

Зита не знала, была ли похвала дядюшки искренней или фальшивой, но в любом случае она восприняла ее как хороший знак. Может быть, дядюшка позволит ей работать в зале вместе с Варуни, когда станет теплее. Это было бы гораздо приятнее, чем отдраивать ванную комнату зубной щеткой.

Двое последних клиентов — пожилая индийская пара — покинули ресторан за несколько минут до закрытия. Вытерев их стол, Зита достала из шкафа метлу и принялась подметать пол. Еще через несколько минут кто-то позвонил на мобильный дядюшки. Видимо, звонок сильно того взволновал, потому что он принялся нервно мерить шагами зал. Наконец у входа показалась темная фигура. Дядюшка поспешил открыть перед мужчиной дверь и пожал ему руку. Зита мельком взглянула на посетителя, и что-то внутри у нее дрогнуло. Он стоял спиной к ней, но его пиджак и волосы показались ей знакомыми. Она продолжила подметать, краем глаза наблюдая за мужчиной. В конце концов он обернулся, и Зита узнала его.

Это был Навин.

Зита чуть не отшатнулась в испуге. Лицо Навина выглядело ужасно. Его покрывали багровые ссадины и синяки, а один глаз почти полностью заплыл.

Навин взглянул на нее без всякого выражения.

— Похоже, она принесла пользу, — заметил он.

— Да, — согласился дядюшка. Он жестом показал Навину на отдельную кабинку возле окна и посмотрел на Зиту: — Принеси нашему гостю бутылку бренди и стакан.

Зита сбегала на кухню, достала с полки бутылку и стакан и вернулась в зал. Выставляя бренди на стол, она заметила, что руки дядюшки слегка дрожат. Он бросил на нее короткий взгляд, и Зита отошла. Она снова взяла метлу в руки, прислушиваясь к разговору.

Навин говорил тихо, но ей удалось разобрать два слова. «Арестовали» и «полиция».

— Но ты ведь ничего им не сказал, нет? — громко спросил дядюшка.

Навин еще больше понизил голос. Дядюшка, наоборот, заговорил еще громче:

— Что это значит?

Навин не ответил. Вместо этого он смерил Зиту взглядом и чуть заметно кивнул в ее сторону. Она быстро отвернулась и постаралась сосредоточиться на метле. Возникла пауза.

— Подожди на кухне! — вдруг гаркнул дядюшка.

Зита вздрогнула и метнулась в кухню. В голове у нее бурлили сотни вопросов. Ее искала полиция? Навин сказал им, где она? В дверях она немного помедлила, пытаясь услышать еще хоть что-нибудь, но до нее доносилось только невнятное бормотание. Наконец дядюшка снова повысил голос.

— Ты должен помочь нам! — выкрикнул он. — Ты привез ее сюда!

Навин нахмурился. Он снова глянул в сторону Зиты, потом резко поднялся из-за стола и вышел из ресторана. Через окно Зита видела, как он тут же скрылся в темноте.

Она посмотрела на дядюшку. Что теперь будет? Он сидел в кабине спиной к ней и тихо говорил сам с собой. Бутылку они так и не открыли. Дядюшка поднял стакан и тупо уставился в его толстое дно. Потом вдруг обернулся, встал и быстро подошел к Зите. В его глазах плескался неприкрытый страх.

— Пошли со мной, — сказал он и схватил ее за руку.

Через кухню они вошли в квартиру. Тетушка бросила на них удивленный и недовольный взгляд, но дядюшка не обратил на нее внимания. Он подвел Зиту к шкафу в спальне, включил свет и открыл дверцу.

— Залезай, — скомандовал он.

— Но зачем? — испуганно спросила Зита.

— Никаких вопросов, — отрезал дядюшка, впихнул ее внутрь и захлопнул дверцу.

Зита уселась на кучу туфель. На нее вдруг нахлынул приступ клаустрофобии и дикого, какого-то животного ужаса. Даже когда глаза немного привыкли к темноте, она смогла различить только слабую бледно-серую полосу под дверью. Она заставила себя дышать глубоко и размеренно и с силой сжала статуэтку Ханумана, с которой никогда не расставалась.

Она постаралась представить себе их дом на Коромандельском побережье, такой, каким он был до того, как пришла волна. Море сверкало на солнце. Ахалья была там, играя на берегу, возле самой кромки воды. Мама и папа наблюдали за ними, сидя в саду. Джайя развешивала на веревке только что выстиранное белье. Видение исчезло. Зита открыла глаза и заплакала. Кое-как она расчистила для себя немного места, съежилась и примостила голову на что-то мягкое, похожее на шерстяную шапку. Это была ее вторая постель в шкафу за время пребывания в Париже.

Но этот шкаф был хотя бы теплым.

Зита поразились, когда дверь шкафа на следующее утро отворилась, — она уже практически потеряла всякую надежду. Она умирала от голода и от желания сходить в туалет. Моргнув несколько раз от яркого света, она увидела дядюшку. Зита надеялась, что он предложит ей поесть и зайти в ванную, но вместо этого дядюшка просто махнул ей, чтобы она вылезала.

Споткнувшись о туфли, Зита выбралась из шкафа. Они вышли из квартиры. Дмитрий ждал ее во внутреннем дворике. Зита с облегчением перевела дух. Она не будет сидеть целый день в шкафу. Татьяна накормит ее вкусным обедом, а вечером Зита вернется в ресторан и станет снова обслуживать посетителей. Несмотря на появление Навина и страх дядюшки, все будет по-старому.

Натянув пуховик, она вслед за Дмитрием пересекла пассаж Бради и села в его черный «мерседес». Татьяна встретила ее в холле и приказала убрать в комнатах на втором этаже.

В четыре часа Зита еще вытирала пыль с книжных полок в хозяйской спальне. Она взглянула на часы. Татьяна должна была вот-вот появиться, но отчего-то задерживалась. Четыре превратились в четыре тридцать, а потом в пять, но за Зитой так никто и не пришел. Наконец хозяйка все же явилась и проводила ее на кухню. У плиты стояла одна из девушек Дмитрия, теперь одетая в джинсы и фартук. Она помешивала что-то в кастрюле и одновременно приглядывала за сковородой с колбасками.

— Иванна, — сказала Татьяна. — Это Зита. Она помогать тебе сегодня вечером.

Девушка послушно кивнула.

Сердце Зиты сжалось от мрачного предчувствия. Она не боялась Татьяну, но Дмитрий и Василий наводили на нее ужас. В этой квартире было полно зловещих тайн, но днем они как будто скрывались в тени. Зите не хотелось бы оказаться здесь, когда наступает ночь.

Иванна почти не знала английского, но довольно сносно объяснялась с помощью жестов и показывала, что нужно сделать. Зита помогала ей как могла. Еда была совсем не похожа на индийскую кухню. От кастрюли исходил насыщенный аромат; суп был густым, с травами и овощами.

— *Бориц*, — сказала Иванна, указывая на кастрюлю.

Около шести Иванна подала обед в столовую для Василия, Татьяны и Дмитрия и накрыла себе и Зите стол на кухне. Зита с жадностью съела суп, а потом помогла Иванне убрать со стола и привести в порядок кухню.

В семь часов появился Дмитрий. Иванна заметно напряглась. Она положила на стол тряпку, которой стирала со стола, и пошла за ним. Зита услышала шаги в коридоре; тихо хлопнула дверь. Звук был не такой, как от парадной двери. Зита похолодела. Неужели Дмитрий повел Иванну в подвал?

Татьяна вошла через несколько минут. Она отвела Зиту на второй этаж и показала ей на одну из спален, которую девушка убирала днем.

— Останешься здесь, — сказала Татьяна, заглянула в ванную и взбила подушки. — Я приходить утром. *Bonne nuit*^[24]. Спи приятно.

Она ушла. Как обычно, щелкнул замок. В комнате стояла огромная кровать и пара уютных кресел. Большое окно выходило во внутренний дворик. По сравнению с чердачной камерой Сухира и шкафами дядюшки спальня казалась настоящим дворцом.

Зита подошла к окну и выглянула наружу. Белый микроавтобус и серебристая «ауди» были на месте; черный «мерседес» отсутствовал. Она осмотрела полки с книгами и нашла роман на английском, потом уселась в кресло и провела весь вечер за чтением. Время от времени из-за двери доносились голоса, но Зита не смогла разобрать ни слова.

Примерно часов в десять во дворе раздался какой-то шум. Стараясь не высовываться, Зита

посмотрела в окно и увидела, как Дмитрий ведет Наталью, Иванну и других девушек к микроавтобусу. Все они были одеты вызывающе: высокие каблуки, короткие юбки и открытые топы. Несмотря на зимний холод, только Наталья была в пальто. Девушки не разговаривали и не смотрели друг на друга.

Дмитрий открыл задние двери микроавтобуса, и все, кроме Натальи, забрались внутрь. Он жестом велел Наталье сесть в «ауди», сказал водителю микроавтобуса пару слов, и автомобиль скрылся в арке. Дмитрий быстро переговорил с кем-то по мобильному и сел за руль «ауди». Машина развернулась и тоже покинула двор.

Зита отошла от окна и разделась. Она приняла роскошную долгую ванну и скользнула в постель. Подушки были мягчайшими, а простыни самыми нежными из всех, на которых ей приходилось когда-либо спать. Однако Зите так и не удалось прогнать нарастающее чувство страха. Несмотря на богатство и хороший вкус, в Василии и его семье было что-то дьявольское.

Куда Дмитрий повез этих девушек?

На следующее утро Татьяна зашла за Зитой, чтобы отвести ее к завтраку. Перед тем как выйти из комнаты, Зита выглянула в окно и заметила, что и «ауди», и микроавтобус, как обычно, стоят на своих местах. Она озадачилась еще больше, когда увидела в кухне Иванну. Девушка как ни в чем не бывало готовила завтрак. Выглядела Иванна абсолютно так же, как и накануне. Зита помогла ей собрать на стол, исподтишка наблюдая за ее поведением. Глаза у Иванны были совершенно пустыми, но свои обязанности она выполняла по-прежнему быстро и ловко.

Точно так же прошло еще несколько дней. Зита убирала в доме, стирала грязные простыни и белье девушек и помогала Иванне на кухне. Каждый вечер, в десять часов, белый микроавтобус выезжал со двора и возвращался перед рассветом. На вторую ночь — это было воскресенье — в «ауди» Дмитрия сели Иванна и другая девушка. В понедельник и вторник с ним поехала только Наталья. Зита смотрела на эти ежевечерние сборы и старалась не думать о том, куда отвозят девушек и чем их заставляют заниматься.

В среду после завтрака ее позвали в гостиную, где уже сидел Василий. Через некоторое время появились дядюшка и тетюшка; их сопровождал Дмитрий. Не глядя на Зиту, они сели на диван. Зита удивилась и слегка испугалась. Ей ничего не сказали о цели встречи.

— Вот документы. — Василий открыл лежащую на кофейном столике папку.

Зита увидела паспорта и авиабилеты. Сердце сильно стукнуло. Дядюшка и тетюшка решили уехать из Франции? Что они собираются делать с ней?

— Во сколько это нам обойдется? — тихо спросил дядюшка.

Василий покачал головой:

— Я уже говорил. Ни во сколько. Мы помогаем вам, а вы помогаете нам. Взаимовыгодное сотрудничество.

— А когда мы будем там?

Василий пожал плечами:

— Как захотите. Зависит от вас.

— *Merci beaucoup*^[25], — сказал дядюшка. — Мы очень вам обязаны.

Он посмотрел на Зиту. Глаза у него были виноватыми, и Зита на мгновение задержала дыхание. Она вдруг поняла, что эта встреча имеет к ней самое непосредственное отношение.

Василии передал дядюшке папку с документами, и они пожали друг другу руки.

— Спасибо скажете завтра, — заметил Василий. — А до этого будьте настороже.

Сердце имеет доводы, которых не знает разум.

Блез Паскаль

Мумбай, Индия.

Томас сидел в лаунж-зоне компании «Эйр Франс» в аэропорту Чхатрапати Шиваджи и не спеша потягивал красное вино. Была среда; прошла неделя с того дня, как помощник комиссара освободил Навина. Часы показывали полночь. До объявления посадки оставалось не меньше полутора часов. Томас хотел полистать газеты, но понял, что не может сосредоточиться ни на одной статье. От нервного напряжения в желудке словно застыл холодный ком. Он закрыл глаза, стараясь дышать как можно ровнее, и стал вспоминать события прошлой недели.

Их было много. На следующий день после операции Томас поговорил с Грийером насчет поездки во Францию. Он ожидал, что босс назовет идею безумной и наотрез откажется отпустить Томаса шататься по Парижу в поисках Зиты, в то время как в CASE работы по горло. Однако Грийер его удивил. Видимо, в глубине души он был неисправимым идеалистом. Он только задал Томасу несколько вопросов, чтобы убедиться, что тот настроен серьезно. Потом он дал разрешение на поездку и попросил Томаса поддерживать связь.

С Прией все вышло по-другому. После встречи с Грийером Томас позвонил ей на мобильный, почти уверенный, что Прия не ответит. Был четверг, а в это время она всегда находилась в больнице в Брич-Кэнди, где лежала ее бабушка. Прия ответила после первого же гудка, и по ее голосу Томас тут же догадался: что-то случилось.

— Томас. Моя бабушка только что умерла.

Он глубоко вздохнул:

— Боже. Мне очень жаль.

Прия замолчала, борясь со слезами.

— Два дня назад она болтала со мной. Медсестры сказали, ей стало хуже ночью. Пока я сюда добралась, она уже не могла говорить. Она так на меня смотрела... словно хотела сказать что-то, но не могла. Я держала ее за руку, и она... умерла.

Прия разрыдалась.

Томас быстро вышел из офиса и подозвал рикшу.

— Твоя семья знает?

— Я как раз собиралась позвонить отцу.

Взревел мотор, и Томас заговорил громче:

— Через час я буду у тебя.

— Приезжай в дом деда. Они отвезут ее туда, чтобы подготовить к похоронам.

Поездка до Малабар-Хилл заняла восемьдесят бесконечных минут. У ворот Томас расплатился с рикшей и вошел в сад, вдыхая прохладный, напоенный ароматом жасмина воздух. Вокруг весело щебетали птицы. Томас на секунду остановился, оглядывая священные владения Вриндавана. На вымощенной камнем подъездной дорожке стояли три машины. Среди них был спортивный автомобиль Прии с открытым верхом.

Он приготовился к очередной неприятной сцене с Сурьей. С того самого дня, дня менди, они ни разу не разговаривали с профессором, и Томас понятия не имел, сообщила ли Прия отцу, что

они с Томасом регулярно видятся. Это было настоящее дежавю. Они с Приией снова встречались украдкой, как когда-то в Феллоуз-Гарден. Только теперь они были женаты.

На веранде никого не было, но Томас заметил какое-то движение за окнами. Он осторожно постучал в дверь, надеясь, что откроет Приия. Однако ему не повезло.

На пороге стоял профессор. При виде Томаса он нахмурился.

— Приия с бабушкой, — сурово произнес он.

— Она попросила меня приехать, — сказал Томас.

Сурья ничего не ответил. Томас уже решил, что сейчас его заставят ждать снаружи, но на его счастье появилась Суреха.

— Томас. — Она бросила на мужа укоряющий взгляд. — Приия сейчас придет. Посидите пока в гостиной.

Сурья сверкнул глазами, но сделал шаг в сторону. Томас присел на диван. Из глубины дома доносились женские голоса, говорившие на хинди.

Приия вошла через несколько минут и кивнула ему, приглашая следовать за ней на террасу.

— Как ты? — спросил Томас.

— Не знаю, — ответила она. Глаза у нее были красные. — Я не ожидала, что это случится так скоро.

— Я могу что-нибудь сделать?

— Ничего. — Она покачала головой.

— Что будет дальше?

— Ее тело украсят и выставят для прощания. Завтра дом будет открыт для всех, кто пожелает принести свои соболезнования, а потом ее перевезут в Прииядаршини-парк и кремируют на берегу моря. После этого мой отец и его братья доставят прах в Варанаси. Мы будем оплакивать ее здесь.

Томас помолчал.

— Мне так жаль. Я знаю, ты любила ее.

— Любила, когда была маленькой. Потом я с ней почти не встречалась.

— В этом виноват большей частью я.

Приия посмотрела на фонтан и клумбу с цветами.

— Мы оба виноваты. Но в любом случае сейчас это не важно. Все, что у нас есть, — это наше будущее.

Томас собрался с силами.

— Я все время спрашиваю себя, как у нас получится. И получится ли.

Приия снова покачала головой:

— Это невозможно просчитать заранее.

— Тогда что я должен делать?

Она бросила на него недоуменный взгляд.

— Почему мужчины всегда задают этот вопрос? Ты не должен ничего *делать*. Ты должен просто быть собой. Мы разберемся во всем вместе.

— Почему женщины всегда говорят загадками?

— Потому что любовь — это загадка, — сказала Приия. — И сама жизнь тоже.

Индийская погребальная церемония была сложной и красивой. Около пятисот человек пришли, чтобы попрощаться с Сонам. Ее украсили цветами и положили на носилки, ногами на юг, к пристанищу мертвых.

Вечером второго дня Сурья и его братья водрузили носилки на катафалк и отвезли тело своей матери в Прииядаршини-парк. На берегу моря разложили погребальный костер, и тело было предано огню под пение браминов и мягкий шелест волн. Последнюю дань уважения

Сонам отдали и знать, и простые жители Бомбея.

После кремации толпа разошлась, и семья вернулась домой. Пока Прийя сидела с дедом, утешая его, Томас размышлял, получится ли у него поговорить с ней о Париже. Он чувствовал себя виноватым оттого, что так много думает о Зите. Но с каждой минутой в нем крепла уверенность, что Зиту можно найти, и он боялся, что время работает против него.

Наконец, через три дня после смерти Сонам, он после ужина взял Прийю под локоть и вышел с ней на веранду. Небо уже начинало темнеть.

— Ты выглядишь как-то странно, — заметила Прийя. — Что-то случилось?

Томас рассказал ей об аресте Навина и его освобождении. Эта новость шокировала Прийю.

— Но комиссар полиции — друг нашей семьи! Он и его жена были на церемонии прощания. Если один из его заместителей берет взятки от преступников, он должен об этом знать!

— Вряд ли это поможет, — сказал Томас. — В любом случае сейчас меня волнует не помощник комиссара.

— Ты беспокоишься о Зите.

Он кивнул.

Прийя задумалась.

— Ты знаешь, почему Навин отвез ее в Париж?

— У его дяди ресторан в Париже. Зита работает на него.

— Французская полиция занимается этим делом?

— В ЦБР нам ничего не сказали. Будут французы участвовать или не будут — большой вопрос.

Она пристально взглянула на него.

— И что дальше? Это ведь не конец предложения? Ты хотел сказать что-то еще?

Томас засмеялся:

— ЦРУ должно взять тебя на работу. Ты лучше, чем детектор лжи.

Прийя улыбнулась:

— Я могу читать только твои мысли.

— Я должен поехать во Францию, — сказал Томас. — Мне кажется, я смогу найти Зиту.

Она внимательно посмотрела на него:

— Ты ведь серьезно.

— Да.

— Мой отец этого не поймет.

— Конечно не поймет.

— Какая жалость. Ты только-только начал ему нравиться.

Томас поразился:

— Что?

— Он сказал: «Умного мужчину ты себе выбрала». Цитирую.

— Ну да. Но уважение не означает симпатии.

— И отвращения тоже не означает.

Томас засмеялся:

— Я думаю, это я выбрал себе умную женщину.

Прийя коснулась его руки:

— Поезжай в Париж. Я улажу все с отцом.

Томас взглянул на часы. До посадки оставалось еще минут тридцать. Он вытащил из кармана Black-Berry и позвонил Эндрю Портеру. Эндрю ответил почти сразу. Между ними было десять с половиной часов разницы, а это означало, что в Вашингтоне сейчас день.

Томас вкратце объяснил Эндрю ситуацию и спросил, нет ли у него знакомых во французских органах, которые могли бы помочь.

— У нас всегда были немного странные отношения с Францией, — заметил Эндрю. — Но одна моя знакомая работает в американском посольстве, занимается юридическими вопросами. Дипломаты, как правило, знают, на какие кнопки нажимать, и пользуются уважением правительства. Если хочешь, я ей позвоню. Ее зовут Джулия.

— Насколько хорошо ты ее знаешь? — спросил Томас. — В конце концов, то, что я делаю, — не совсем привычно.

— Мы вместе учились в Колумбийском университете. Я ее просто обожаю. Никто из ФБР не стал бы тратить на тебя ни минуты, но Джулия будет рада оказать мне услугу. Кроме того, твое дело должно ее увлечь. Ее сестру похитили, когда она была ребенком.

— Хорошо, — сказал Томас. — Позвони ей.

— Отлично. Подожди минут двадцать, а потом позвони по этому номеру.

Портер продиктовал ему восьмизначный номер с кодом Парижа. Томас записал цифры на ладони, засек время и открыл «Таймс оф Индия».

Двадцать минут наконец истекли, и Томас набрал номер. Джулия ответила по-французски. Хотя Томас довольно прилично объяснялся на французском, он решил представиться по-английски.

Джулия легко перешла на другой язык:

— Я сделаю для вас все, что смогу. С чего начнем?

— Я хотел бы знать, вступила ли французская полиция в контакт с бомбейским ЦБР.

— Я узнаю это. Позвоню завтра утром кому нужно. Как хорошо вы знаете Париж?

— Я провел семестр в Сорбонне. А что?

— Полагаю, вы захотите немного поработать сыщиком. Будет лучше для вас, если местность окажется знакомой. — Она сделала паузу. — Когда вы прибываете в Шарль де Голль?

— В семь тридцать завтра утром.

— Идите на станцию RER^[26] и садитесь в поезд до Шатель-ле-Аль. Линия В. Я встречу вас наверху, у церкви Сент-Эсташ в девять часов.

— Как я вас узнаю?

— Я буду в красном пальто.

Самолет поднялся в воздух по расписанию. Большую часть полета Томас проспал. Он быстро прошел таможню в аэропорту и, следуя указателям, добрался до станции, где купил проездной билет на пять дней. В последний раз он приезжал в Париж лет десять назад, но ему казалось, что это было только вчера.

Поездка пробудила в нем целое море воспоминаний. Томас словно наяву почувствовал запах эспresso в маленьком кафе в Пятом округе, где он частенько завтракал. Вспомнил тишину огромного лекционного зала в Сорбонне и читальный зал в стиле боз-ар библиотеки Сент-Женевьев, куда он приходил заниматься, когда на улице становилось слишком холодно и уже нельзя было читать, сидя на скамейке в саду возле Пон-Неф, с видом на Сену.

Поезд быстро добрался до центра. Томас вышел на Шатель-ле-Аль и дальше по знакам пошел к Форум-Ле-Аль, огромному современному торговому центру в Первом округе. Он миновал мультиплекс, спустился по длинной лестнице и наконец выбрался на улицу Рамбюто.

День был холодным и ясным. Зима еще царствовала, но солнце сияло уже совсем по-другому, предвещая скорый приход весны. Церковь Сент-Эсташ, величественный готический храм, один из самых известных в Париже, четко выделялась на фоне ярко-синего неба. Оглядываясь по сторонам, Томас пересек сад. Джулия стояла у входа для туристов, засунув руки

в карманы малинового приталенного пальто. Она оказалась высокой и очень привлекательной; волосы у нее были каштановые, длиной до плеч. Томас назвал себя, и Джулия поприветствовала его традиционным поцелуем сначала в правую щеку, потом в левую.

— *Faire la bise*^[27], — сказал Томас. — Я не делал этого уже сто лет.

— Я здесь всего год, и уже перестала замечать. Действую автоматически.

Он засмеялся.

— Поживете здесь еще немного, и вообще забудете, что на земле есть другие места.

— О, да вы франкофил, — заметила Джулия. Они пошли обратно, тем же путем, каким прибыл Томас.

— Заразился много лет назад. Болезнь неизлечима.

Джулия улыбнулась.

— Эндрю сказал, что вы мне понравитесь.

— Эндрю в этом вопросе доверять нельзя, — возразил Томас. — Ему всегда все нравятся, даже преступники.

— *Touché*. — Она рассмеялась. — Я позвонила своему доверенному лицу в префектуре Парижа. Он ничего не знает ни о Зите, ни о Навине, но собирается проверить, не поступала ли информация. Я переслала ему фотографию из базы данных Интерпола. Он обещал перезвонить сегодня днем.

— А каковы наши планы на утро? — поинтересовался Томас.

— Есть человек, с которым вам надо встретиться, — ответила Джулия. — Жан-Пьер Леон. Он знает все, что только можно знать о торговле людьми в этом городе. И кроме того, он один из самых интересных собеседников, которых я когда-либо встречала. Вы не пожалеете.

Они свернули в один из проходов между домами на улице Мондетур и остановились перед обычной дверью с зеленым навесом над ней. Табличка рядом сообщала: «Le Projet de Justice». Джулия нажала на кнопку, раздалось жужжание, и дверь открылась. Они поднялись вверх на два лестничных марша и оказались в холле без окон. Джулия по-французски поздоровалась с девушкой у стойки, и та кивком разрешила им пройти.

— Похоже, вы тут известная личность, — сказал Томас.

— Не совсем, — усмехнулась Джулия. — Просто я позвонила заранее и договорилась.

Леон ждал их в своем кабинете. В комнате было такое количество книг, что они практически закрывали всю мебель. Томас взглянул на него и почти сразу подумал, что этот человек ему понравится. Леону было около сорока; он был сухощав и имел необыкновенно острый взгляд. Одет он был щеголевато. Из рта торчала трубка.

Леон поднялся, чтобы поприветствовать визитеров, и жестом пригласил присесть. Томас неуверенно взглянул на заваленный толстыми томами стул.

— Садитесь, садитесь, — поддержал Леон. — Сбросьте их на пол. Я потом найду, что мне нужно.

Томас неловко приткнулся на краешек стула, ожидая, когда Джулия начнет разговор. Леон, однако, уже знал, о чем пойдет речь, и взял беседу в свои руки. По-английски он говорил с легким акцентом.

— Джулия сказала мне, что вы приехали в Париж в поисках девушки. Индийской девушки. Томас кивнул.

— В Париже не так-то много индийцев.

— Я помню, в Десятом округе вроде была индийская община.

— Десятый округ — мировая деревня. Там представлены все нации. Но в общем вы правы. В районе Фобур-Сен-Дени действительно есть индийская диаспора.

— Мне нужно искать там?

Леон задумчиво поскреб подбородок.

— Возможно. — Он взглянул на Джулию. — Но Париж — большой город. Она может быть где угодно.

— Или вообще нигде, — заметил Томас. — Ее увезли в начале января.

Леон покачал головой.

— Если девушку привезли, чтобы она работала в ресторане, сомневаюсь, чтобы она просто исчезла. Трудно найти замену хорошему работнику.

— Значит, как мне ее искать?

Леон пожал плечами.

— Джулия сказала, что человек, который ее увез, — Навин, да? — имеет здесь родственников. Дядю. Полиция сможет установить его адрес, если он находится во Франции легально. Но если он купил паспорт на черном рынке, они не смогут сделать ничего. Я уверен, вы в курсе — во Франции существует огромная проблема с нелегальной иммиграцией.

— У нас в США точно такая же проблема, — вежливо заметил Томас. По правде говоря, уклончивый ответ Леона его совсем не удовлетворил. — Джулия говорила, что вы главный эксперт во всем, что имеет отношение к торговле живым товаром здесь, в Париже. Это так?

Леон возвел глаза к потолку.

— Некоторые так считают. Но есть и другие... эксперты.

— Вы меня вполне устраиваете. Так вот. Позвольте мне изложить все четко. Зита находится в Париже уже два месяца, и, как вы сами утверждаете, она может быть все еще здесь. Должен был остаться какой-то след. Скажите мне, куда идти. С кем поговорить. Если она в городе, должен быть способ найти ее.

Леон задумался.

— Вы религиозный человек, мистер Кларк? — наконец спросил он.

Томас поднял бровь:

— Не особенно.

— Жаль. На вашем месте я бы молился.

Томас промолчал. Повисла неловкая пауза.

— Так значит, это ваш совет? — Он вдруг почувствовал, что страшно удручен.

Леон чуть скривился и вздохнул.

— Прошу меня простить. Джулия подтвердит — я органически не выношу давать людям советы. Видимо, какой-то комплекс. Внутренний страх оказаться неправым. У вас есть фотография девушки?

Томас кивнул и достал из кармана снимок.

Леон поджал губы.

— Вполне подойдет. У меня есть только одна идея. Если бы я хотел найти ее, я бы стал показывать фотографию людям на улицах. Начал бы с Десятого округа и двигался дальше, к Восемнадцатому. Я бы спрашивал женщин и детей, особенно южноазиатов. Но все же нужно быть реалистом. Для того чтобы разыскать эту девушку, потребуется чудо.

Томас взглянул на Джулию. Она кивнула:

— Идея Жан-Пьера не так уж плоха.

— Иногда и мы, умники, приносим какую-то пользу, — усмехнулся Леон. Он встал и протянул Томасу свою визитку. — Удачи вам. И дайте мне знать, если найдете ее.

— Обязательно.

Томас и Джулия вышли на улицу и не спеша двинулись обратно к Форум-ле-Аль. Он посмотрел на часы. Было почти одиннадцать.

— Я забыла спросить — где вы остановились? — спросила Джулия.

— В отеле неподалеку от Люксембургского сада.

Она улыбнулась.

— Приятные воспоминания?

— Я решил, что немного ностальгии мне не повредит.

— В таком случае, может быть, вам пойти и заселиться в номер? Я позвоню вам позже, если будут новости. Сможете начать изнашивать башмаки после обеда. Я постараюсь присоединиться к вам завтра.

Они вошли в торговый центр и, миновав лабиринт переходов, очутились в метро. Перед турникетами Джулия остановилась и положила руку Томасу на локоть.

— Хочу вам сказать. Я думаю, то, что вы делаете, — это очень благородно. Эндрю говорил вам о моей сестре?

Томас кивнул.

— Мы до сих пор не знаем, жива ли она, не находится ли в каком-нибудь ужасном месте. — Джулия посмотрела на него почти умоляюще. — Я думаю, шансы у вас небольшие. Но пообещайте мне, что вы сделаете все возможное, чтобы найти эту девушку.

— У Зиты тоже есть сестра, — сказал Томас. Он чуть засучил рукав и показал Джулии браслет ракхи. — Она взяла с меня точно такое же обещание.

Бутик-отель, где Томас забронировал номер, был расположен в конце тупика улицы Гей-Люссак, неподалеку от станции метро «Люксембург». Гостиница славилась тем, что когда-то в ней жил Зигмунд Фрейд. Зарегистрировавшись, Томас поднялся к себе, принял душ, потом снова вышел на улицу и купил в ближайшем книжном магазине карту. Он уселся за столик в кафе напротив восточного входа в Люксембургский сад, заказал эспрессо и разложил карту на коленях. Постепенно припоминая расположение парижских округов, Томас принялся разрабатывать план действий.

Он вернулся в метро, добрался до «Шатель-ле-Аль» и после бесконечных переходов и лестниц пересел на линию, которая вела в Десятый и Восемнадцатый округа. В вагоне, кроме него, были почти исключительно африканцы, азиаты и восточноевропейцы.

Томас вышел на «Шато-д'О» и поднялся наверх, на бульвар Страсбург. Он сверился с картой и направился в сторону вокзала Гар-дю-Нор. Дойдя до автобусной остановки, Томас вытащил из кармана фотографию Зиты и оглядел бульвар. Из зданий здесь были в основном магазины и жилые дома. Воздух немного прогрелся, и пешеходов на улице стало больше.

Он повернул налево и пошел вдоль бульвара Мажанта, к северному углу улицы Фобур-Сен-Дени. Впереди показался магазин; вывеска была написана иероглифами. Владелец магазина стоял на пороге, разговаривая с покупателем. Сжимая в руке фотографию Зиты, Томас терпеливо дождался своей очереди.

Владелец магазина взглянул на него, и Томас кивнул.

— *Bonjour, Monsieur*^[28].

— *Bonjour*, — ответил мужчина, не улыбаясь.

— Одна моя знакомая живет в этом округе, — начал Томас, сомневаясь, однако, что владелец магазина поверит в его историю. — Я хочу сделать ей сюрприз. У меня есть ее старая фотография. Скажите, пожалуйста, вы не встречали ее поблизости?

Он показал снимок.

— *Non*, — сказал мужчина и махнул рукой. — Здесь нет.

Томас вышел из магазина и двинулся дальше, на юг. Навстречу ему шла девушка-африканка с коляской. Она улыбнулась, и Томас улыбнулся в ответ.

— *Excusez-moi*^[29]. Извините за беспокойство, но я ищу свою старую знакомую. Она живет

где-то здесь.

Девушка едва взглянула на фотографию и покачала головой:

— *Non, je suis désolée*^[30].

Она покатила коляску дальше. Томас задал тот же вопрос еще трем женщинам и двоим мужчинам, разных возрастов. Все они утверждали, что не видели Зиту, и не задавали никаких вопросов. Томас решил сменить тактику. Он поискал глазами индийский ресторан. Может быть, здесь найдется такой, который открыт весь день. Примерно через квартал ему попалось заведение-тандури. Красный навес над входом украшали надписи на французском и хинди. Томас подошел к двери и с огорчением отметил, что ресторан работает только по вечерам.

Он пошел вдоль улицы Фобур-Сен-Дени. Было уже три часа дня, и в желудке у него начинало урчать. Томас вдруг вспомнил, что в последний раз он ел в самолете. Он заглянул в первое же кафе, занял столик у окна и заказал сэндвич. Разглядывая прохожих, Томас случайно заметил через улицу узкий проход, который вел к бульвару Страсбург. Внутри крытой галереи виднелся индийский ресторан.

Томас вышел из кафе и свернул в пассаж. К его удивлению, здесь оказался настоящий оазис из заведений, предлагавших индийскую и пакистанскую кухню.

Первый ресторан, тот самый, который попался ему на глаза, был закрыт. Свет в обеденном зале не горел, и стулья были поставлены на столы. Томас уже собирался пойти дальше, когда увидел в глубине помещения слабый огонек. Через секунду в окне появилась огромных размеров индианка с веником в руках, одетая в фиолетовое сари с рисунком в виде голубых цветков лотоса. Она принялась подметать пол, поправляя при этом столы и стулья.

Томас постучал в витрину. Индианка подняла голову и посмотрела на него с нескрываемым раздражением. Она что-то сказала, но Томас, разумеется, не разобрал. Он поднес к стеклу фотографию Зиты, и она, нахмурившись, подошла ближе.

— *Le restaurant est fermé!*^[31] — крикнула женщина, так громко, что Томас услышал ее даже через стекло, и взмахнула веником. — *Fermé!*

Она снова вернулась к своей уборке. Томас отвернулся, подошел к мужчине, поливавшему растения в горшках у входа в следующий ресторан, и показал фотографию Зиты.

Мужчина взглянул на снимок и ослепительно, как умеют только индийцы, улыбнулся. Жители Бомбея улыбались так сплошь и рядом.

— Откуда вы знаете эту девушку? — поинтересовался он.

— Мы учились вместе в университете, — сообразил Томас.

— В университете в Париже? — не успокоился индус. — Вы студент?

— Я учился в Сорбонне, — ответил Томас и еще раз ткнул в фотографию пальцем. — Может быть, вы ее где-то видели? Пожалуйста, вспомните. Это очень важно.

Мужчина покачал головой:

— Я не видел эту девушку. Но у меня есть друг, который может ее знать. Пойдемте со мной, сэр.

Он сделал несколько шагов вперед. Томас пошел следом.

— Куда мы идем?

— Здесь недалеко, сэр.

Они вышли из пассажа и пересекли бульвар Страсбург. Провожатый Томаса остановился на тротуаре и показал на вторую галерею, тоже застекленную.

— Мой друг там. Он все время приходит ко мне в ресторан. Я Аджит. — Он протянул руку.

Томас пожал руку и тоже представился:

— Томас Кларк.

Они вошли во вторую галерею и направились к лавочке, обещавшей «ковры ручной работы»

из Персии и Афганистана». Аджит решительно прошел через магазин и заглянул в заднюю дверь, которая вела, судя по всему, в складские помещения. Он громко крикнул что-то на хинди и повернулся к Томасу:

— Он плохо слышит. Но он сейчас выйдет.

— Как его зовут? — спросил Томас.

— Прабодхан-дада. Он уже давно здесь живет.

Через минуту появился пожилой мужчина с калькулятором в руках. Волосы у него были совсем седые, а на носу сидели очки с толстыми стеклами. Он тепло поздоровался с Аджитом и с любопытством посмотрел на Томаса.

— Прабодхан-дада, — сказал Аджит по-французски. — Мистер Томас ищет одну девушку.

Продавец ковров чуть запрокинул голову, прищурился и ничего не ответил. Томас в который раз вытащил фотографию, которую дала ему Ахалья, и показал Прабодхану-дада.

— Вот так она выглядит, — сказал он. — Но сейчас она немного старше.

Старик, не взглянув на снимок, уставился на Томаса.

— Как вы видите, — медленно начал он, — я продаю ковры. Я торговец. Почему вы думаете, что я могу ее знать?

— Они друзья, учились вместе в Сорбонне, — вмешался Аджит. — Мистер Томас давно ее не видел.

— У вас нет телефона? — спросил Прабодхан-дада. — Или Интернета? Мне кажется, человек, который учился в Сорбонне, должен знать, как связаться со своей подругой.

— Мы потеряли связь, — объяснил Томас. — Мне известно только, что она в Париже.

Продавец ковров снова прищурился, задумался и в конце концов все же решился. Он взял фотографию, поднес ее к глазам и несколько раз моргнул. Потом опять взглянул на Томаса, на сей раз больше с любопытством, чем настороженно.

— Что если она не захочет вас видеть?

— Это означает, что она здесь? — спросил Томас.

Старик помолчал. Пауза показалась Томасу бесконечной.

— Я видел девушку, похожую на эту, — наконец сказал он и кивнул.

В сердце Томаса взметнулась надежда.

— Она здесь? Рядом? — взволнованно выговорил он.

Прабодхан-дада еще раз посмотрел на фотографию и чисто по-индийски покрутил головой. Потом обменялся с Аджитом парой слов на хинди и скрылся в глубине магазина.

— Прабодхан-дада говорит, она работает в ресторане в Восемнадцатом округе, — сказал Аджит. — Он просил вас не упоминать его имени.

— Конечно, — согласился Томас. — Где это находится?

Аджит просиял.

— Я провожу вас, мистер Томас.

Они спустились в метро на «Шато-д'О», купили билеты и вскочили в поезд, направлявшийся на север. На «Барбе-Рошешуар» Аджит вышел из вагона и повел Томаса к выходу. Вокруг бурлила толпа, и заблудиться было бы совсем несложно. Оказавшись наверху, Аджит уверенно направился на бульвар Шапель и свернул налево, в узкий, вымощенный булыжником переулок. Прямо перед ними была витрина индийского ресторана. Он был закрыт, но за одним из столиков сидел темнокожий мужчина.

Аджит взял у Томаса фотографию и постучал в окно. Мужчина встал, подошел к двери и открыл ее. Он был явно рассержен.

— *Bonjour*, — сказал Аджит и тут же протянул ему фото. Они быстро заговорили на хинди.

Наконец мужчина покачал головой и захлопнул дверь.

— Что он сказал? — спросил Томас.

— Почти ничего. Он был не очень дружелюбно настроен.

— Он сказал что-нибудь насчет фотографии?

— Он сказал, что девушка когда-то работала здесь, но теперь ее тут нет.

Томас вздохнул. Он чувствовал, что они подошли совсем близко. Оглядев ресторан еще раз, он зашагал назад к бульвару Шапель. Аджит последовал за ним без единого слова. На углу располагался небольшой магазин сувениров; покупателей в нем не было. Томас вошел внутрь и направился к продавщице — молодой женщине с синим гребнем в волосах и татуировкой в виде паутины на шее. Он показал ей фото Зиты, по-французски объяснил ситуацию и кивнул в сторону ресторана.

Продавщица покачала головой. Вид у нее был скучающий.

— Это не та девушка, — равнодушно сказала она.

— Откуда вы знаете? — расстроился Томас.

— Просто знаю.

— Один человек сказал мне, что видел ее здесь, — не согласился Томас. — Он был в этом уверен.

Продавщица положила ладони на прилавок и подалась вперед.

— Не знаю, кто там вам что наговорил. Это не та девушка. — Она пару секунд помолчала, и брови ее разгладились. — Послушайте, я художница. Понимаете? Я пишу портреты людей в парке. У этой девушки, — она ткнула пальцем в снимок, — кожа светлее, чем у той, что работает в ресторане. А у официантки ямочка на подбородке, более широкий лоб и бородавка возле носа. Я обедала там недавно. Еда была жуткой, но я прекрасно запомнила девушку.

Ее уверенный тон окончательно убедил Томаса.

— Мужчина из ресторана сказал, что она там больше не работает, — сказал он. — Он вообще не хотел о ней говорить. Как вы думаете, почему?

Продавщица хмыкнула:

— Да конечно же она там работает. Я видела ее сегодня утром. Наверное, она здесь нелегально, как половина иммигрантов в этом городе.

Абсолютно подавленный, Томас вышел из магазина. Наводка, которую дал им продавец ковров, казалась такой многообещающей. Ему вдруг вспомнились очки старика с толстыми стеклами. «Да он ее не разглядел, — пронеслось у него в голове. — Он видел просто размытый образ».

Дойдя до угла, он остановился и повернулся к Аджиту:

— Большое вам спасибо за помощь.

Заметив расстроенное лицо Томаса, Аджит попытался приободрить его:

— Вам нравится индийская кухня, мистер Томас?

— Да, — согласился Томас. Ему не хотелось быть невежливым.

— Моя жена делает лучшего цыпленка тандури во всей Франции. Если вы зайдете к нам в ресторан, я спрошу у нее, не встречала ли она вашу подругу.

— Я подумаю об этом. — Томас протянул руку, давая понять, что разговор окончен.

Он не собирался идти в ресторан Аджита.

— Приходите к нам в ресторан, — удрученно повторил Аджит. — Обещаю, вы не пожалеете.

На метро Томас вернулся обратно в Пятый округ и решил немного пройтись по бульвару Сен-Мишель. Когда он подошел к восточному входу в Люксембургский сад, солнце уже начинало опускаться за верхушки деревьев. Он не спеша пересек небольшую площадь перед

Люксембургским дворцом и сел на скамейку возле фонтана. Если только пресловутое доверенное лицо Джулии не даст им какой-нибудь ключ, Томас попросту не знал, куда двигаться дальше. Он мог ходить по улицам неделями и приставать с вопросами к каждому встречному жителю Парижа, в этом районе или в другом, но это почти наверняка не приведет ни к какому результату. По теории вероятности, шансы были действительно мизерные.

Когда солнце совсем закатилось, Томас вышел из сада и направился к своему отелю. В кармане вдруг завибрировал Black-Berry. Он посмотрел на номер, высветившийся на экране.

— Джулия, привет.

— Прошу прощения за задержку, — сказала она. — Мой контакт только что говорил кое с кем из французского посольства в Мумбай. Помощник посла заверил его, что свяжется с ЦБР завтра.

— Медленно мелют жернова правосудия, — заметил Томас.

— Видимо, да. Но мелют. Как ваши сегодняшние приключения? Повезло?

— Пока нет. — Томас коротко рассказал Джулии о знакомстве с Аджитом и о ложном следе, который дал продавец ковров.

Она вздохнула.

— Я все время думаю — какая жалость, что бомбейская полиция отпустила Навина. Если бы мы знали имя его дяди, я бы смогла сотворить чудеса с нашей электронной базой данных.

— Не сомневаюсь, — согласился Томас.

Она помолчала.

— Итак. У вас есть какие-нибудь планы на вечер? Я знаю сказочный марокканский ресторанчик на Иль-Сен-Луи.

Томас уже собрался принять приглашение, но вдруг ему в голову пришла свежая идея. Он вспомнил, что говорил Леон. «Я бы спрашивал женщин и детей, особенно южноазиатов». И слова Аджиты: «Моя жена делает лучшего цыпленка тандури во всей Франции... я спрошу у нее, не встречала ли она вашу подругу». Он понимал, что это не более чем выстрел вслепую, но все же лучше, чем сидеть и ждать сведений от французов, которые к тому же могут оказаться бесполезными.

— Я бы с удовольствием, — сказал он. — Но в данный момент меня что-то страшно потянуло на индийскую кухню.

Джулия сообразила:

— Это значит, что у вас кое-что наклюнулось?

— Даже не знаю. Я бы не возлагал на это большие надежды.

— Ладно, я в игре. Скажите, когда и где мы встречаемся.

Томас улыбнулся:

— В восемь часов в Порт-Сен-Дени. Оттуда легко дойти пешком.

Глава 20

Ты же, беде вопреки, не сдавайся и шествуй смелее.

Вергилий

Париж, Франция.

Когда дядюшка и тетушка, прихватив папку с документами, ушли, в гостиную вернулась Татьяна.

— Пошли, — сказала она Зите. — Есть работа.

Они поднялись в библиотеку, Татьяна дала ей тряпку, и следующие два часа Зита провела, протирая книги. Мысли ее были полностью заняты событиями этого утра. Все было непонятно. Когда Навин продал ее дядюшке, Зита думала, теперь ей придется работать в ресторане очень долго, возможно, годы. Но потом Навин вдруг появился снова, и все изменилось. Дядюшка спрятал ее в шкафу, потом передал Василию и Татьяне, и они с Василием заключили какой-то договор, связанный с путешествием. Какая жалость, что она не догадалась взглянуть на авиабилеты внимательнее!

В полдень Татьяна принесла ей длинный сэндвич — во Франции их делали из багета. Когда Зита поела, хозяйка отвела ее в кабинет Василия на третьем этаже. За прошедшие недели Зита уже убирала там дважды, и каждый раз по спине у нее ползали мурашки от страха и отвращения.

— Убирай быстро, — сказала Татьяна. — Он дома через час.

Оставшись одна, Зита взяла тряпку и подошла к столу. Она с опаской взглянула на мониторы, боясь, что малейшее движение может разбудить компьютер, и повернулась к круглому окну и шкафчику для документов. Она быстро протерла их и посмотрела по сторонам, прикидывая, что еще нуждается в уборке. Дверь кладовки, расположенной в углу кабинета, была закрыта не до конца. Сквозь щель Зита заметила грудку коробок и застыла в нерешительности. Затем любопытство все же победило.

Она приоткрыла дверь и заглянула внутрь. Это были коробки для хранения бумаг — в кладовке их оказалось не меньше дюжины. Зита сняла крышку с верхней. Коробка была набита документами. Она вытащила первую страницу. Выписка с банковского счета. Банк был швейцарский. Имя Василия нигде не упоминалось. Текст был на французском, но цифры в переводе не нуждались. На счете лежало больше пяти миллионов евро. Зита задержала дыхание. Ей вспомнились Наталья, Иванна и другие девушки. Чем бы там ни занимались Василий и Дмитрий, их бизнес явно приносил им огромные доходы.

Она положила счет на место и аккуратно закрыла крышку коробки. Уже собираясь выйти из кладовки, Зита вдруг заметила маленький крючок, приделанный к стене на уровне дверной ручки. На крючке висело кольцо с тремя ключами. Она обвела глазами комнату. Никаких замков, куда могли бы подойти эти ключи, здесь не было. Кроме компьютерного оборудования, рабочего стола и шкафчика с документами, в кабинете ничего не стояло.

Зита мысленно представила себе план дома. Парадная дверь открывалась с помощью кодового замка. Зита успела выучить цифровую комбинацию, потому что дважды в день видела, как ее набирал Дмитрий. Ворота, ведущие на улицу, тоже были снабжены кодовым замком. Там цифры были другие, но она знала и их. Сначала Зита надеялась, что когда-нибудь это поможет ей сбежать, но потом решила, что шансы призрачные. Чтобы выскользнуть из дома незамеченной, нужно невероятное везение. А если побег не удастся и ее поймут, последствия будут самыми ужасными.

Потом она подумала о внутренних дверях. Дверь в подвальную комнату, где она нашла Наталью, запиралась на задвижку с наружной стороны. Дверь в прачечную не запиралась вообще. Замок был на двери в ее спальню, но Зита внезапно осознала, что не особенно обращала на него внимание. Перевод из ресторана в квартиру Василия оказался слишком ошеломительным, а наблюдение за ночными перемещениями Дмитрия и девушек напугали ее сверх всякой меры.

Зита закрыла глаза и попыталась нарисовать себе дверь спальни. Татьяна, пожелав Зите спокойной ночи, всегда запирала ее снаружи. Зита четко помнила звук поворачиваемого в двери ключа. Но если замочная скважина есть только с той стороны, сегодняшняя находка абсолютно бесполезна. Она изо всех сил напрягла память, но ничего не вышло. Дверь представлялась в каком-то размытом виде.

Зита посмотрела на ключи и решилась. Снимая связку с крючка, она услышала шаги на лестнице. Зита еле успела сунуть ключи в складки сари и выскочить из кладовки. Когда вошла Татьяна, она уже снова протирала стол. Ключи холодили кожу, но это ощущение отчего-то успокаивало Зиту. Что бы ни приготовили для нее Василий и дядюшка, это будет завтра. А до завтра у нее есть еще одна ночь.

И надежда.

В тот вечер Зита, как обычно, помогла Иванне накрыть стол к ужину. Когда вся посуда была перемыта, а кухня засверкала, Татьяна отвела ее в спальню и пожелала спокойной ночи. Она закрыла дверь; щелкнул замок. Зита затаила дыхание и посмотрела на дверную ручку.

Там действительно была замочная скважина!

Зита подождала, пока стихнут шаги Татьяны, и вытащила из сари ключи. Она прижала ухо к двери и замерла, прислушиваясь. Прошла минута; снаружи не доносилось ни звука.

Удостоверившись, что поблизости никого нет, Зита вставила в замок ключ. Он не поворачивался. Она попробовала второй. Снова никакого движения. Ее сердце бешено забилося. Зита вставила в замок третий ключ и взмолилась про себя, чтобы он подошел.

И это случилось.

Ключ легко повернулся из вертикальной позиции в горизонтальную. Зита не могла поверить своей удаче. Все оказалось так просто, что было похоже на сон. Она еще раз повернула ключ и снова заперла дверь. Теперь девушка знала, что может выйти из комнаты, а если она может выйти из комнаты, то, значит, и из квартиры тоже — она ведь помнила коды!

Зита села на кровать и принялась обдумывать план действий. Когда каждая деталь была разработана, она приняла ванну, вдоволь належавшись в теплой воде, и снова завернулась в свое сари. Жаль, что нет другой обуви, подумала Зита. На ней были все те же сандалии, которые выдал ей Навин еще в Бомбее. Она порылась в ящиках комода и обнаружила старый свитер и шерстяные носки. Зита натянула носки, а поверх них надела сандалии. Немного тесно, но ничего, она потерпит.

В десять часов Зита подошла к окну. Дмитрий, как всегда, вывел девушек и рассадил по машинам. С ним опять поехала только Наталья — на этот раз в черном «мерседесе». Другие забрались в микроавтобус. Он выехал со двора первым, «мерседес» последовал за ним. Зита не знала, как долго они будут отсутствовать, но предположила, что при любом раскладе Дмитрий вернется не раньше трех. У нее будет достаточно времени, чтобы сбежать.

Она села в кресло возле окна и взяла роман, который читала до этого. Потом опять встала и завернулась в одеяло, чтобы как следует согреться к тому моменту, как нужно будет выходить на холодную улицу. Посидев немного, она подошла к двери и снова прислушалась. Еще полчаса назад в коридоре кто-то ходил, но теперь все было тихо. Зита сочла, что это хороший знак, но все же решила подождать до полуночи. Риск был слишком велик.

Она вернулась в кресло. По мере того как Зита читала, веки ее становились все тяжелее и тяжелее, но она мужественно боролась со сном. Мысли начали путаться. Она вдруг увидела танцующую на берегу моря Ахалью. Зита тряхнула головой и попыталась сфокусировать взгляд на книжной полке напротив.

«Ахальи здесь нет, — сказала она себе. — Не спи!»

Но вскоре видения стали особенно яркими. Зита видела Ахалью — она ждала ее после уроков в школе Святой Марии. Нареш спрашивал Амбини о школьных успехах девочек. Лаяли бродячие собаки. Волны мягко накатывали на песок, снова и снова... Ахалья поплыла вперед и нырнула... Зита нырнула вслед за ней... лазурное море подернулось тенью... стало серым... черным...

Зита в страхе открыла глаза и резко встала. Она взглянула на часы на стене и похолодела. 3.15 утра. Как же так получилось, что она уснула? Она быстро глянула в окно и с облегчением отметила, что двор по-прежнему пуст. Потом подбежала к двери и прижалась к ней ухом. Тишина. Зита вставила ключ в замочную скважину, повернула его, распахнула дверь и вышла в коридор. В квартире было темно; горела только тусклая ночная лампа в холле.

Стараясь ступать на цыпочках, Зита прокралась через коридор и остановилась перед лестницей. Ступеньки были деревянные, и она не помнила точно, не скрипит ли какая-нибудь из них. Держась за перила, она осторожно сделала первый шаг. Ступенька не издала ни звука. Одну за другой Зита преодолела их все и оказалась в холле. Сигнализация была включена, и на нее накатила новая волна страха. Что, если сигнализация пикнет, когда она наберет код? Зита не могла припомнить, раздавался ли сигнал, когда это делал Дмитрий.

Она открыла шкаф с уличной одеждой и выбрала самое теплое пальто, какое там было, — черное, шерстяное, с капюшоном, отороченным мехом. Зита застегнула пальто на все пуговицы и сделала еще два шага к двери. Красный огонек сигнализации показался ей чьим-то злым глазом. Она глубоко вздохнула и ввела шесть цифр, молясь Лакшми о том, чтобы все прошло тихо.

Загорелся зеленый огонек; замок почти беззвучно щелкнул. Зита повернула ручку, открыла дверь и задохнулась, сделав глоток холодного зимнего воздуха. Она вышла на крыльцо. Во дворе было темно. Все городские звуки казались приглушенными. С неба падал легкий снежок. Зита быстро пересекла дворик и набрала второй код, возле ворот под аркой. Потом толкнула одну из створок и выскользнула на ночную улицу.

Оглядевшись, она решила пойти налево. В идеале нужно было найти отель с ночным дежурным, который согласился бы вызвать полицию. Зита понятия не имела, может ли она доверять французским властям, но другого выхода у нее не было.

Она двинулась вперед по тротуару. В ночной тишине шаги звучали особенно гулко. На пересечении улицы с большим бульваром Зита остановилась и вгляделась в темноту, ища глазами светящуюся гостиничную вывеску. По обеим сторонам бульвара располагались магазины; все они были закрыты. Мимо пронеслось такси, потом другое, и все снова стихло.

Зита засунула руки глубже в карманы и пошла вверх по бульвару. Ей встретились два отеля, но в обоих входная дверь была заперта и в холле никого не было. Холод колот ее щеки как иголками; изо рта при дыхании вырывались клубы белого пара, а нос как будто припорошило снегом.

Постепенно Зитой овладело отчаяние. До рассвета оставались долгие часы, а она сильно замерзла. Черный «мерседес» она заметила только тогда, когда было уже поздно. Машина проехала мимо; Зита обернулась и в тот же самый момент услышала визг тормозов. Водитель тоже увидел ее. В крови взорвался адреналин, и Зита бросилась бежать. Тяжелое пальто мешало, сковывало движения, а сандалии сильно скользили.

«Мерседес» резко развернулся и рванул за ней. Догнать Зиту было делом нескольких секунд. Дмитрий проскочил на несколько метров вперед, ударил по тормозам и выпрыгнул из машины.

Хлебный фургон они увидели одновременно. Он неторопливо двигался по направлению к ним. Дмитрий застыл на месте, не сводя с Зиты глаз. Он был не более чем в двадцати футах от нее. Зита кинулась к фургону, бешено размахивая руками.

— Помогите! — закричала она по-английски. — Помогите! Пожалуйста!

Фургон замедлил ход. Водитель вопросительно посмотрел на нее. В тусклом свете фонаря было видно, что у него круглое лицо, курчавые волосы и мощные плечи.

— Помогите! — снова крикнула Зита.

Водитель притормозил. Зита подбежала ближе. Он перегнулся через пассажирское сиденье и

опустил стекло.

— *Je peïx vous aider?*^[32] — осторожно спросил он.

— Я не говорю по-французски, — задыхаясь, выговорила Зита.

Черный «мерседес» стоял там же, она видела его сквозь стекла фургона, но Дмитрий куда-то скрылся.

— Пожалуйста, — взмолилась она. — Пожалуйста, впустите меня.

— *Français! Français!*^[33] — повторил водитель. Он явно начинал терять терпение.

— *No français!* — в отчаянии выкрикнула Зита. — Пожалуйста, позвоните в полицию!

Водитель испугался.

— *La police?* — Он посмотрел по сторонам. — *Non. Je ne veux pas des problèmes*^[34].

Он быстро поднял стекло, нажал на газ и в мгновение ока исчез из вида. Зита в ужасе проводила его глазами, стряхнула оцепенение, развернулась и побежала вниз по бульвару. Ледяной воздух обжигал ее легкие. Дмитрий легко догнал ее и схватил в охапку. Зита выворачивалась, брыкалась и царапалась, метя в лицо, но Дмитрий без видимых усилий подтащил ее к «мерседесу», впихнул на заднее сиденье и захлопнул дверцу. Потом сел за руль и вдавил педаль в пол.

Зита закрыла лицо руками и зарыдала. Ведь ей почти удалось! Если бы только она не заснула! Если бы пошла по другой улице! Если бы вышла из дома до полуночи, сразу же, как все стихло! Она проплакала до тех пор, пока машина не остановилась у ворот дома. Дмитрий выбежал наружу, быстро и сердито набрал код, открыл дверь и въехал во двор.

Автомобиль, взвизгнув шинами, снова остановился. Зита подняла голову и только теперь заметила, что в машине она не одна. Рядом сидела Наталья. Под ее распахнутым черным плащом виднелся сильно декольтированный топ и короткая обтягивающая юбка, не оставлявшая простора воображению. Косметика на ее лице потекла и размазалась, волосы были растрепанными, а голубые глаза покраснели, словно Наталья тоже плакала.

Она протянула руку и погладила Зиту по щеке, утирая слезы. На мгновение их взгляды встретились, и Зита поняла, что Наталья чувствует то же самое. В следующую секунду Дмитрий рывком распахнул дверь и за волосы вытащил Зиту из машины.

Глава 21

Человек создается верой. Как он верит, такой он и есть.

Бхагават-гита

Париж, Франция.

К великолепной арке Порт-Сен-Дени Томас подошел без нескольких минут восемь. Улицы Десятого округа ночью выглядели по-другому. Фонари бросали на здания и деревья мягкий желтый свет, но тени напоминали Томасу о мрачных вещах, невидимых на первый взгляд.

Джулия появилась вовремя и снова расцеловала его в обе щеки. Они прошли немного вверх по Фобур-Сен-Дени, и Томас показал на вход в галерею. Только теперь он заметил табличку, украшавшую кованые ворота: «Пассаж Бради». Днем он ее почему-то не увидел.

— Вы когда-нибудь были здесь? — спросил он.

Джулия покачала головой:

— Мне вообще не часто приходится бывать в Десятом округе.

Несмотря на понедельник, посетителей в ресторанах было достаточно. Все окна сверкали огнями. Единственным исключением был тот самый, первый ресторан, где Томас видел толстую

индианку с венником. Занавески на окнах были задернуты, а на двери висела табличка: «*Fermé jusqu'à nouvel ordre*». Временно не работает.

Аджит стоял у входа в свое заведение. При виде Томаса он просиял, радостно поприветствовал его и засыпал Джулию комплиментами. Потом лично проводил их за столик возле окна, где уже горели свечи, и сообщил, что отсюда открывается самый приятный вид. Потом принес меню и пообещал лучший ужин во всем Париже.

Когда Аджит наконец отошел, чтобы встретить других клиентов, Джулия расхохоталась.

— Вы определенно произвели на него впечатление.

Изучив меню, они сделали заказ молоденькой официантке-индианке. Спустя пару минут она вернулась с двумя бокалами вина.

— Расскажите мне о Ди-Си^[35], — попросила Джулия. — Я выросла в Рестоне, но не была там со времен колледжа. Мои родители сейчас в Бостоне.

Следующие двадцать минут Томас пересказывал статьи о скандалах, разоблачениях и должностных преступлениях из раздела «Метро» газеты «Вашингтон пост». Джулия ненавязчиво поинтересовалась его семьей, но он ответил уклончиво. Ему не хотелось говорить о Прийе, а Джулия проявила достаточно такта и не стала расспрашивать. Она с удовольствием потягивала вино и изредка вставляла реплики в разговор.

Принесли еду. Джулия рассказала о своей учебе в Колумбийском университете, припомнила несколько забавных историй про Эндрю Портера, потом поделилась воспоминаниями о юридической школе в Корнелле. Она была отличной собеседницей, живой и веселой, и обладала прекрасным чувством юмора. Время пролетело незаметно.

Они просидели за вином до половины одиннадцатого. Почти все посетители к тому времени уже разошлись. Аджит подошел к столику и спросил, как им понравилась еда. Томас не поспешил на похвалы — готовили здесь в самом деле очень вкусно. Порадовав таким образом Аджита, он вытащил из кармана фотографию Зиты.

Владелец ресторана кивнул.

— Я буду через минуту.

Он приблизился к дородной, величественной индианке, разбиравшей счета, показал ей снимок и сказал несколько слов. Она что-то ответила. С разочарованным видом Аджит вернулся к ним.

— Мне очень жаль. — Он отдал Томасу фотографию. — Моя жена не видела вашу подругу.

Как насчет официантки? — спросил Томас. — Может быть, она что-то знает?

— Конечно. — Аджит махнул девушке, чтобы она подошла. Думая, что клиент желает расплатиться, официантка принесла счет.

Томас достал кредитку и передал ее Аджиту.

— Вы не возражаете, если я поговорю с ней наедине?

Аджит бросил на него странный взгляд, но взял кредитку и удалился куда-то в глубь помещения. Сам не зная почему, Томас решил обойтись без своей легенды.

— У меня есть знакомая в Бомбее. — Он посмотрел девушке прямо в глаза. — Она разыскивает свою сестру. Может быть, вы ее где-нибудь видели?

Он положил снимок на стол. На лице девушки появилось обеспокоенное выражение, но она тут же овладела собой и отошла к кассовому аппарату, где стоял Аджит. Они обменялись парой слов, и Аджит вручил ей черную папку с чеком. Официантка положила папку на столик, достала ручку и написала что-то на обратной стороне чека.

— На вашем месте я бы обратилась в справочное бюро, — сказала она.

Томас кивнул и встал. Он поблагодарил хозяина за прекрасный ужин и вслед за Джулией вышел из ресторана. Дойдя до бульвара Страсбург, он достал из кармана чек и взглянул на

неразборчивые каракули. Девушка написала по-французски: «Давайте встретимся здесь завтра утром в девять».

По спине у него пробежали мурашки. Предчувствие не обмануло! Девушка что-то знала. Томас передал записку Джулии. Она прочитала и удивленно охнула.

— Можно мне пойти с вами? — умоляюще спросила она.

Томас улыбнулся.

— Возможно, в вашем присутствии она будет чувствовать себя раскованнее. Я обычно произвожу на людей противоположный эффект.

Джулия засмеялась:

— Это потому, что вы так похожи на адвоката. С Эндрю всегда было то же самое.

На улице здорово похолодало, и к метро они пошли уже быстрее, почти бегом. Пройдя через турникет, Джулия поцеловала Томаса на прощание — на сей раз только в одну щеку.

— Хотите, я вас провожу? — предложил он.

Джулия снова засмеялась.

— Это очень мило с вашей стороны, но разве у вас есть черный пояс по карате?

— На это мне возразить нечего.

— À demain. — Она улыбнулась и ушла. Томас посмотрел ей вслед и подумал, как же так вышло, что эта поразительная женщина до сих пор не замужем.

В четверг утром они снова встретились у арки. Небо было свинцово-серым, воздух пронзительно холодным, а землю покрывал тонкий слой снега. По контрасту со вчерашним вечером Джулия выглядела особенно деловитой. Она мимолетно улыбнулась Томасу и первой двинулась к пассажиру Бради.

Девушка-официантка стояла на тротуаре у входа в пассаж, рядом с коваными воротами. Заметив их, она молча развернулась и пошла вверх по Фобур-Сен-Дени. Томас взглянул на Джулию, и они направились в ту же сторону, стараясь держаться на значительном расстоянии.

Девушка свернула направо, на улицу Шато-д'О, прошла пару кварталов и свернула еще раз, в узкий переулок. Здесь она остановилась и повернулась к ним, придерживая обеими руками воротник пальто.

— Я Варуни, — заговорила она, обращаясь к Джулии. — Девушка, которую вы ищете, — это Зита. Она работала в одном из ресторанов в пассаже Бради несколько дней назад. Хозяева ресторана сказали мне, что это их родственница, но я им не поверила. Кроме этого, Зита еще работала днем на каких-то русских. Они живут тут. — Она показала на ворота. — Мужчину зовут Василий. Имени женщины не знаю.

— Вы не знаете, куда она делась? — мягко спросила Джулия.

— Они мне не сказали, — ответила девушка. — Сегодня она еще была, а завтра вдруг исчезла. И все.

— Вы не знаете, чем именно она занималась у этих русских? — спросил Томас.

Варуни испугалась:

— Я знаю только то, о чем рассказала.

Джулия осторожно коснулась ее руки:

— Все в порядке. Это очень смелый поступок — то, что вы решили помочь нам.

Варуни посмотрела ей в глаза.

— Мне очень нравилась Зита. Надеюсь, с ней не случилось ничего плохого. — Она помолчала. — Пожалуйста, никому не говорите, что я приводила вас сюда. У меня могут быть большие неприятности.

— Конечно. Не беспокойтесь, — заверила Джулия. — Мы сохраним все в секрете.

Варуни кивнула и быстро скрылась за углом.

Томас подошел к воротам и увидел кодовый замок. Ручек на них не было. Он нажал на дверь, но она даже не шелохнулась. Джулия вытащила телефон и позвонила в свой офис. Продиктовала адрес и попросила предоставить ей информацию о жильцах.

Выслушав ответ, она нажала отбой и повернулась к Томасу.

— Василий и Татьяна Петрович, — сообщила Джулия. — Украинцы. Возможна связь с организованными преступными группировками в Восточной Европе, но никаких точных данных. Полиция некоторое время держала их под наблюдением, но почему — точно неизвестно. Это область не в нашем ведении, поэтому они не делятся подробностями, если только этого не требует расследование.

Они отошли от двери и неторопливо пересекли улицу.

— Что будем делать теперь? — спросил Томас.

— Я расскажу историю Варуни в отделе по борьбе с сутенерством и потребую ордер на обыск.

— Они его выпишут?

Джулия пожала плечами:

— Может быть. Но если эта пара находится в серьезной разработке, нам, возможно, придется подождать своей очереди.

Томас хотел что-то ответить, но ворота, ведущие в дом Петровичей, вдруг распахнулись. Через пару секунд со двора выехал черный «мерседес». За рулем был молодой человек со светлыми волосами; рядом с ним сидела средних лет женщина с темной кожей. Она оживленно жестикулировала. Томас не мог разглядеть ее как следует, но отчего-то пассажирка показалась ему смутно знакомой. Блондин бросил на них недобрый взгляд и нажал на газ. Автомобиль рванул вниз по улице. Задние стекла были затонированы, и остальных пассажиров видно не было.

Его осенило только в тот момент, когда автомобиль уже подъезжал к перекрестку с улицей Шато-д'О. Томас бросился бежать. Джулия что-то крикнула вслед — естественно, она удивилась, — но объяснять было некогда. Женщина на пассажирском сиденье была одета не в западную одежду. На ней было индийское сари. На толстухе, убиравшей ресторан в пассаже Бради — тот самый, теперь закрытый, — тоже было сари. Когда «мерседес» проехал мимо, Томас успел заметить фиолетово-голубое пятно. Это была та самая женщина. Это не мог быть никто, кроме нее!

Томас был в пятидесяти футах, когда машина завернула за угол. Он несся так, словно ставкой в этом забеге была его собственная жизнь. Он вылетел на Шато-д'О, но «мерседес» уже скрылся из вида.

Томас посмотрел в небо, пытаясь отдышаться. Джулия подбежала через несколько секунд.

— Боже мой, да что случилось? Куда вы умчались?

— Женщина на переднем сиденье, — выговорил Томас и сделал глубокий вдох. — Я уже видел ее раньше.

— Где?

— Вчера днем я ходил по улицам и показывал всем фотографию Зиты. Она убирала в ресторане в пассаже Бради. Вечером ресторан оказался закрыт.

— Вы разглядели номера?

Он покачал головой:

— Нет. Он ехал слишком быстро.

— Я достану вам ордер, — решительно заявила Джулия и вытащила телефон. — Я просто не позволю отделу по борьбе с сутенерством тянуть с этим делом.

Долог мой путь, и нет ему ни конца, ни краю.

Рабиндранат Тагор

Париж, Франция.

За несколько минут до этого Зита стояла во внутреннем дворике, дрожа от холода и страха. Дмитрий сел за руль и повернул ключ в замке зажигания. Мотор тихо заурчал. Шиам забрался на заднее сиденье, в середину, дядюшка сел с краю, рядом с ним, а тетушка разместилась впереди. Зита залезла в «мерседес» последней. Она глубоко вздохнула и припомнила билеты на самолет. Теперь она была почти уверена, что они предназначались не только дядюшке и тетушке. Один из них был для нее.

Она села по другую сторону от Шиама и уставилась в окно. Рана на голове сильно болела, но Зита старалась не обращать на нее внимания. Она помнила каждый шаг, который прошла по этому двору вчера ночью. Как семенила впереди Наталья, то и дело оглядываясь. Как Дмитрий тащил Зиту за волосы. Как они вошли в холл квартиры, где держали девушек. Как Дмитрий отволоч ее наверх, в комнату Натальи, и швырнул головой о стену. Как Наталья умоляла его пожалеть Зиту. Он придвинулся совсем близко к ней, почти вплотную, так что его лицо оказалось всего в нескольких дюймах от ее лица. Ее щеку обожгло горячее дыхание, запах алкоголя ударил прямо в нос.

— Я знаю, ты была в той комнате в подвале, — прошептал он. Этот шепот оглушил Зиту, словно громкий крик. — Если бы ты осталась здесь, ты бы получила от нее большое удовольствие. Клянусь. Но отец заключил с Дитрихом сделку повыгоднее.

Зита подумала, что не забудет эти слова до самой смерти. Наталья вышла из комнаты вместе с Дмитрием и вернулась через несколько минут, одетая уже в футболку и спортивные шорты. Она взяла салфетку из бумажной коробки, стоявшей на комод, и попыталась остановить кровотечение. Кожа на голове у Зиты была рассечена. Наталья предложила ей свою кровать, но Зита покачала головой и подвинулась, освобождая место и для нее. Наталья легла рядом и крепко обняла ее.

— Мне так жаль, — прошептала она. — Дмитрий ужасный.

Утром Дмитрий вошел в комнату и бросил на постель коричневое шерстяное пальто.

— От матери, — сквозь зубы процедил он. — Будь моя воля, пусть бы ты хоть сдохла от холода.

Потом он вывел ее во двор.

Невидящим взглядом Зита уставилась в затонированное окно. Ворота раскрылись, и Дмитрий выехал на улицу. Она заметила, что на тротуаре стоят мужчина и женщина и смотрят на них. Мужчина был высокий и темноволосый, а на женщине было малиновое пальто. Когда машина отъехала, Зита обернулась и еще раз оглядела пару через заднее окно. Что-то в облике этого человека не давало ей покоя. Зита была уверена, что мужчина не мог видеть ее из-за затонированных стекол, но ей показалось, что он посмотрел ей прямо в глаза.

Внезапно он кинулся вслед за ними. Зита вцепилась в подлокотник. Это было странно и неожиданно. Автомобиль увеличил скорость, и она поняла, что Дмитрий тоже заметил бегущего. Они резко, почти на полном ходу, свернули за угол, Зиту по инерции бросило на дверцу, и она потеряла мужчину из вида.

Когда она снова подняла голову, его уже не было.

В зеркале заднего вида она поймала яростный взгляд Дмитрия. Он быстро набрал номер на мобильном и протараторил несколько слов. Зита вспомнила визит Навина в ресторан дядюшки, и в животе у нее похолодело от радостного предчувствия. Неужели этот человек искал ее? Она порылась в памяти, но его лицо было ей незнакомо. «Он не похож на полицейского, — подумала она. — Но если он не из полиции, то почему тогда бросился вдогонку?»

Тетушка на переднем сиденье возносила хвалу семье Дмитрия, восхищаясь их *élégance*^[36] и *cosmopolitisme*^[37], а дядюшка смотрел прямо перед собой — он даже не заметил погони, которая так внезапно началась и так быстро закончилась. Зита посмотрела на Шиама. «Я тоже это видел», — говорили его глаза.

Зита откинулась на спинку сиденья и закрыла глаза, стараясь не поддаваться пугающим мыслям. Теперь страх не покидал ее ни на минуту. В конце концов стресс и усталость все же сморили ее — сказались ночные приключения, — и Зита заснула.

Ее разбудил голос дядюшки.

— Зита, проснись, — говорил он.

Шиам тербил ее руку. Зита открыла глаза и увидела, что они едут по шоссе где-то на окраине Парижа. Мимо пронесся знак, возвещавший о том, что аэропорт находится в двух километрах. Она с трудом сфокусировала взгляд на дядюшке.

— Мы летим в Нью-Йорк, — нервно сказал он. — Пока мы не доберемся до Америки, ты — наша дочь. Делай все в точности так, как тебе говорят, поняла? Если ослушаешься, будут последствия. Тебе ясно?

Он протянул ей паспорт. Фотография в нем была та же, что и в предыдущем, по которому она въехала во Францию, но теперь ее звали Сундари Раман, и она была французской подданной.

— Мы едем в отпуск, — сообщил дядюшка. — Ты не должна разговаривать с незнакомцами. Обращайся только к нам и говори на хинди. Мы сами скажем все, что нужно.

Зита поникла. Когда ее увозили из Азии в Европу, она верила, что однажды найдет выход и сумеет вернуться в Бомбей, к сестре. Да, это была не более чем мечта, но она не казалась совсем невыполнимой. Теперь ее везли из Европы в Америку. Соединенные Штаты и Индия находились на разных концах света. Она никогда в жизни не сможет преодолеть эти десять тысяч миль.

Горячие слезы обожгли ей веки, и Зита торопливо вытерла их рукой. Она судорожно пыталась придумать, что делать, но выхода не было. Василий и Дмитрий уже доказали не только свою жестокость и беспощадность, но и свое могущество. Они держали в своих руках жизни шести молодых женщин. Всего за пару дней им удалось выправить четыре фальшивых паспорта. Если Зита снова попадется, ей не удастся отделаться одной только раной на голове.

Дмитрий высадил их у входа в терминал 2А в аэропорту Шарля де Голля и вытащил из багажника чемоданы. Потом он подошел к Зите и присел перед ней на корточки.

— Ты доставила нам много проблем, — тихо сказал он. От его тона по спине у Зиты потекла струйка холодного пота. — С этой минуты будешь делать все, что они говорят. Если опять что-нибудь придумаешь, наши люди в Нью-Йорке причинят тебе немножко боли. Все поняла?

Зита кивнула.

— Хорошо. — Он дотронулся до раны на ее голове, чтобы угроза была более действенной. Затем встал, сел в «мерседес» и уехал.

Тетушка дала Зите самый тяжелый из чемоданов; дядюшка пошел впереди. Вслед за ним они вошли в здание терминала, прошли регистрацию и двинулись дальше, к стойке контроля безопасности. Французские полицейские внимательно осмотрели всех четырех, но Зита, разумеется, даже не сделала попытки заговорить с ними.

Они благополучно миновали таможенный и пограничный контроль и сели на скамейки в

зале ожидания. Посадку на рейс объявили в полдень. Дядюшка передал сотруднице их паспорта, а тетушка, для пущего эффекта, погладила Зиту по голове. Сотрудница улыбнулась Шиаму и Зите.

— *Bon voyage*^[38], — сказала она и вернула дядюшке паспорта.

Самолет оказался огромным; их места были где-то в середине. Тетушка принялась ворчать насчет тесноты и неудобных кресел. Дядюшка закатил глаза и завел разговор с Шиамом. Зита отвернулась от них и уставилась в то окно, что было к ней ближе всех. Рядом взмыл в небо другой самолет. Она проводила его взглядом и представила себе лицо Ахальи. Во всех подробностях. Ее большие глаза и густые ресницы. Ямочки на щеках. Полные губы. Кожу миндального оттенка. Блестящие волосы. Каждая черточка Ахальи была бесконечно дорога ей. Каждую она помнила. И по каждой бесконечно скучала.

Когда самолет побежал по взлетной полосе и стал отрываться от земли, Зита дала клятву себе и Богу. Она будет помнить свою сестру. Всегда. Она будет помнить Ахалью, такой, какой она была, — и Индию, ту, которую они знали раньше, до того, как пришло безумие. Мир мог отнять у них свободу, мог лишить их невинности, отобрать родителей, разметать их по разным сторонам земли, закрутить в страшных потоках, выбраться из которых было выше их сил. Но он не мог заставить их забыть друг друга. Только время обладало такой властью, и Зита решила, что не поддастся ему ни за что.

Прошлое было единственным, что у нее осталось.

Рейс из Парижа прибыл в аэропорт Ньюарк Либерти ближе к вечеру. В течение всего полета, за исключением тех трех счастливых часов, что она проспала, тетушка не умолкала ни на минуту. Она жаловалась, брюзжала, без конца ворочалась в кресле, куда никак не могла уместить свои обширные тела, и постоянно толкала дядюшку и Зиту локтями. Пассажиры, сидевшие поблизости, бросали на нее убийственные взгляды, но никто так и не осмелился попросить тетушку заткнуться. Никто, кроме дядюшки, — но и его слова не возымели действия. Тетушка непременно желала поделиться своим недовольством с окружающими. Когда самолет наконец приземлился, десять рядов пассажиров вздохнули с облегчением.

Тетушка продолжала ворчать даже тогда, когда они подошли к американской таможне. Зита посмотрела на строгих сотрудников иммиграционной службы и вспомнила слова Дмитрия. Теперь он находился по другую сторону океана, но у него были «свои люди» в Нью-Йорке. Рискнуть и обратиться за помощью в полицию она не могла.

Им пришлось подождать минут двадцать, прежде чем их попросили пройти к будке, где сидел офицер-латиноамериканец. Он изучил их паспорта, сфотографировал и снял отпечатки пальцев с помощью системы US-VISIT. Потом он принялся подробно расспрашивать дядюшку о целях их визита. Рассказ дядюшки казался вполне правдивым, и держался он вполне уверенно, хотя английский его был ужасающим.

Офицер обратился к тетушке и стал задавать ей вопросы об их доме во Франции, о месте ее рождения и о Шиаме с Зитой, которую он называл Сундари. Тетушка отвечала так подобострастно, что он взглянул на нее с подозрением. Почувствовав неладное, тетушка повернулась к Зите и снова погладила ее по голове.

— Скажи, как сильно ты хочешь увидеть Нью-Йорк, — приказала она.

Как назло, в голову Зите на приходил ни один толковый ответ.

— Все во Франции только и говорят о Нью-Йорке, — наконец сообразила она. — Я всегда мечтала здесь побывать.

Офицер прищурился.

— Откуда вы так хорошо знаете английский?

Зите даже не пришлось ничего придумывать.

— Нам преподают его в школе.

Объяснение, видимо, показалось сотруднику удовлетворительным, потому что он опять вернулся к документам. Дядюшка напряженно застыл на месте, Шиам послушно стоял рядом. У тетушки хватило ума не открывать больше рот. Спустя несколько бесконечных минут офицер шлепнул в паспорта печати и пропустил их дальше.

— Добро пожаловать в Америку, — сказал он и вызвал следующего в очереди.

Они получили багаж и уселись на скамейку напротив телефонных автоматов. Ни тетушка, ни дядюшка ни словом не обмолвились о том, чего именно они ждут. Зита тоже замерла в напряженном ожидании. Один только Шиам чувствовал себя совершенно естественно. Он немного посидел, потом вскочил и изобразил несколько танцевальных движений, имитируя актера из какого-то болливудского фильма. Представление было затеяно явно ради Зиты.

— Ты смотрела *Kabhi Khushi Kabhie Gham*? — спросил он. — Там еще играют Амитабх Баччан и Шарукх Кхан?

— *Supa rahō!* — оборвал его дядюшка. — Веди себя тихо! Это тебе не Индия. Это Америка. Не привлекай к себе внимания.

— Прости, баба, — обиженно сказал Шиам. — Я просто хотел развеселить Зиту.

— Зита не нуждается в веселье. А мы не нуждаемся в твоих танцах. Сядь на место.

Погрустневший Шиам сел рядом с Зитой. Улучив момент, когда дядюшка отвернулся, Зита тихонько коснулась его руки.

— Все хорошо, — произнесла она одними губами. — Мне понравилось.

Он приободрился. Через несколько секунд Шиам даже набрался храбрости и дотронулся до ее руки в ответ.

Через десять минут в дверях терминала появился средних лет мужчина славянской внешности. Он был поразительно похож на Василия. Мужчина огляделся, заметил тетушку и дядюшку и направился к ним. Его взгляд задержался на Зите.

— Идите за мной, — коротко бросил он и двинулся обратно к дверям, даже не предложив им помочь с вещами.

Вслед за двойником Василия они вышли из здания аэропорта, пересекли шоссе и подошли к белому джипу. Все забрались внутрь; двойник Василия сел на переднее сиденье. На водительском месте сидел внушительных размеров мужчина с суровыми глазами и многодневной щетиной на подбородке. Как только все разместились, джип выехал на дорогу и свернул на главную магистраль.

Через некоторое время они въехали в длинный туннель, а когда выбрались на поверхность, оказалось, что их окружают настоящие каменные джунгли. Верхушки зданий терялись в облаках. Зиту поразило количество небоскребов. В Бомбее было больше народу, но Нью-Йорк был буквально построен в небесах.

Водитель совершил ряд сложных маневров, вырулил из многоуровневой развязки и наконец остановился перед грязноватым маленьким отелем под названием «Тадж». Двойник Василия открыл заднюю дверь, тетушка и дядюшка выбрались наружу и достали свои чемоданы. Зита вышла из машины вслед за Шиамом, но мужчина вдруг преградил ей путь.

— Ты поедешь с нами, — сказал он.

Зита заледенела от ужаса и бросила беспомощный взгляд на дядюшку. Он внимательно разглядывал какой-то камешек на тротуаре. Внезапно она все поняла. Значит, совершилась очередная сделка. Ченнаи, Бомбей, Париж, Нью-Йорк. Какой город станет следующим?

Двойник Василия схватил ее за руку и заставил влезть обратно в джип.

— Куда вы меня везете? — спросила она.

— Никаких вопросов, — отрезал он. — Или отдам тебя Игорю.

Водитель — Игорь — зловеще ухмыльнулся.

— Алексей всегда говорить правда, — подтвердил он. Голос у него был таким низким, что звучал почти как рык.

Алексей — так звали двойника Василия — быстро переговорил с дядюшкой, и тот отдал ему паспорт. Шиам смотрел на все происходящее расширенными от страха глазами.

— Почему она не идет с нами? — вдруг спросил он и сжал руку дядюшки. — Пожалуйста, баба, не оставляй ее!

Дядюшка ничего не ответил. Вид у него был пристыженный.

Алексей снова влез на свое место, Игорь завел двигатель и отъехал от тротуара. Зита посмотрела сквозь заднее стекло и встретила взглядом с Шиамом. Он помахал ей рукой и что-то сказал, но она не могла его слышать. Его фигурка становилась все меньше и меньше и наконец совсем потерялась среди гигантских зданий.

Зита вдруг ощутила такое горе, что стало трудно дышать. Она нащупала в складках сари фигурку Ханумана и погладила ее пальцем. Она еще пыталась молиться, пыталась заставить себя поверить, что крохотная статуэтка — это не просто кусочек фарфора, что это символ, что где-то там ее разыскивает настоящий Хануман, но вера постепенно сдавалась под натиском отчаяния и страха.

Зита отвернулась от окна и постаралась дышать размереннее. Игорь лавировал в потоке автомобилей, выезжавших из туннеля. Зимнее солнце изредка выглядывало из-за плотных низких облаков, и его лучи бросали странный зеленоватый отсвет на городской пейзаж.

Они снова проехали мимо аэропорта Ньюарк, и вскоре после этого Игорь свернул с главной магистрали на боковое шоссе. Прodelав еще ряд поворотов, он наконец вырулил на стоянку возле длинного стрип-молла. В его дальнем конце, рядом с мотелем, располагалось расцвеченное неоновыми огнями здание. Главный вход был ярко-розовым; над дверью красовалась табличка с надписью «Платинум VIP».

Игорь припарковал джип у бокового входа, и Алексей вытащил Зиту с заднего сиденья. Запахнув плотнее пальто Татьяны, она пошла за ним. За дверью оказался тускло освещенный коридор. Ободранные стены его были украшены вырезками из порнографических журналов.

Алексей открыл дверь в маленькую комнатку. В ней были кровать, унитаз, раковина и телевизор. Он щелкнул выключателем; загорелась уродливая золотая лампа на ножке в углу. Окон в комнате не было, и выглядела она как-то заброшенно. С потолка свисал пыльный вентилятор; его лопасти не шевелились.

— Останешься здесь, — бросил он, вышел и запер дверь.

Зита просидела на кровати, как ей показалось, несколько часов. Снова и снова обводя взглядом стены, она строила планы побега. Все они предполагали исключительное везение с ее стороны и исключительную глупость со стороны ее тюремщиков. Устав наконец от этих бессмысленных мечтаний, Зита принялась вспоминать известные ей стихи и пословицы. Время от времени в коридоре раздавались шаги и слышались приглушенные разговоры.

Вскоре шаги стали отчетливее. Зита услышала женские голоса, говорившие на незнакомом языке. Он напоминал язык Дмитрия, но был ли это русский, Зита точно не знала. Мужской голос поприветствовал девушек и отдал какую-то резкую команду. Одна из девушек стала о чем-то умолять. Последовала короткая стычка, что-то глухо ударилось о дверь. Девушка взвизгнула. Мужчина вскрикнул. Снова удар о дверь. Зите показалось, что она слышит скрежет ногтей по дереву. Она подтянула колени к подбородку и сжалась в комок. Ее сердце колотилось как бешеное.

Дверь распахнулась, и в комнату вошла молодая женщина с длинными светлыми волосами, в мини-юбке и топе с глубоким треугольным вырезом. Следом за ней ввалился Игорь и бросил мрачный взгляд на Зиту. Она соскочила с кровати и забилась в угол за телевизором. Блондинка посмотрела на нее и обернулась к Игорю. В глазах у нее плескался неприкрытый страх.

Игорь что-то коротко буркнул. Девушка помотала головой. Потеряв терпение, он бросил ее на постель. Когда он расстегнул ремень, блондинка заплакала. Зита отвернулась и закрыла глаза, читая про себя мантру, которой ее научили в детстве. Она просто не могла вынести страданий этой девушки.

Через несколько минут Игорь, тяжело дыша, поднялся с кровати, натянул штаны и без единого слова вышел из комнаты. Девушка осталась лежать на постели. Зита открыла глаза и вгляделась в ее неподвижное тело. Поначалу ей показалось, что Игорь ударил блондинку так сильно, что та потеряла сознание, но через несколько секунд девушка пошевелилась, села на кровати и поправила свою одежду. Лицо у нее было абсолютно безучастным. Игорь вернулся за ней, девушка встала и, не глядя на Зиту, вышла вслед за ним.

В какой-то момент рядом включили музыку. Она не замолкала несколько часов. Навязчивый ритм пробивался сквозь стены и, казалось, пульсировал у Зиты в голове. Она вытянулась на кровати. Волнения и перелет обессилили ее окончательно, но уснуть из-за грохота музыки было невозможно. Зита зажала ладонями уши и уткнулась лицом в грязную простыню.

Незадолго до рассвета музыка наконец стихла. В коридоре снова раздались шаги, дверь открылась во второй раз, и на пороге снова возник Игорь. Теперь с ним была другая девушка. Она не сопротивлялась, когда Игорь прижал ее к стене, и покорно сделала все, что он от нее требовал. Зита попыталась представить себе, что она оглохла и ослепла. Ей хотелось вымыться, отскрести свою душу от грязи этого чудовищного места. Почему она здесь? Чего они от нее хотят? Зачем Игорь насилует девушек у нее на глазах? Хочет преподать ей урок?

Закончив, Игорь вышел, прихватив с собой девушку. Зита зажмурилась и постаралась уснуть. Наверное, ей все же удалось задремать, потому что разбудил ее звук поворачивающейся дверной ручки. В дверях в третий раз показалась массивная фигура Игоря. На этот раз он был один. Он оглянулся, проверил, нет ли кого в коридоре; и захлопнул дверь. Потом повернулся к Зите, и лицо его расплылось в ухмылке. Зита скатилась с кровати и снова забилась в угол.

Игорь неторопливо приблизился, присел перед ней на корточки и стал расстегивать ремень.

— Алексей сказать тебя не трогать. Дитрих приедет. — Он расстегнул ширинку и принялся шарить в трусах. — Но Алексей не знает, если ты трогать меня.

Зита закрыла глаза. Ни за что на свете она не смогла бы посмотреть на то, что показывал ей Игорь. Ее зубы застучали. Игорь обхватил ее голову руками и притянул ближе к себе. От него несло потом и перегаром.

— Открой рот, — прошипел он.

— Пожалуйста, не надо, — заплакала Зита. Ее вдруг сильно затошнило и чуть не вырвало. — Не делайте этого.

— Открой рот, — снова приказал он и сильнее надавил ей на голову.

Внезапно дверь распахнулась. В комнату ворвался Алексей. Его лицо потемнело от ярости. Игорь обернулся, судорожно пытаясь надеть штаны, и Алексей, не давая ему времени опомниться, со всей силы ударил его в челюсть. Зита услышала неприятный хруст, как будто сломалась ветка дерева. Игорь взвыл от боли. Алексей схватил его за шиворот и ударил о стену. Потрясенная Зита смотрела на них во все глаза. Игорь рухнул на пол, сжимая руками лицо. Из рта у него хлынула кровь.

Алексей потер костяшки пальцев, слегка поморщился и повернулся к Зите. На Игоря он даже не взглянул.

— Он дотрагивался до тебя?

Она покачала головой:

— Он ничего мне не сделал.

— Я спрашиваю не об этом.

— Он дотронулся до моей головы. Больше нигде.

Алексей с отвращением посмотрел на Игоря. Заметив взгляд босса, тот встал, ухватился за стену, с трудом удержался на ногах и, шатаясь, вышел из комнаты. Рот у него был странно полуоткрыт.

— Больше он тебя не тронет, — сказал Алексей.

Оставшись одна, Зита прижалась лбом к стене. Обещание Алексея должно было успокоить ее, но в ноздрях у нее по-прежнему стоял кислый запах Игоря. Кроме того, мысль о неведомом Дитрихе наполняла ее леденящим ужасом. Сон постепенно подбирался к ней, Зита уже начала проваливаться в забытие, но вздрогнула и открыла глаза.

Этих страшных звуков и зрелища человеческих страданий ей не забыть никогда.

«Это ад? — подумала она. — А если нет, то где Бог?»

Глава 23

...И не имеете, потому что не просите.

Послание Иакова

Париж, Франция.

После встречи с черным «мередесом» Томас проводил Джулию до площади Согласия и расстался с ней у входа в американское посольство. Она пообещала позвонить сразу же, как только будут новости из отдела по борьбе с сутенерством.

Томас отошел от посольства почти в ярости. Ему удалось сделать то, что Леон считал практически невозможным, — найти зацепку и взять след. Он видел женщину в машине — вероятно, тетю Навина. Он не знал, куда направился «мерседес», но ведь в квартире Петровичей наверняка кто-то остался! Ведь кто-то там живет! Что-то скрывалось за этими тяжелыми воротами, что-то, что могло привести его к Зите. Но его сдерживала процессуальная машина — все должно было быть проверено, подтверждено и согласовано. Эти бюрократические проволочки приводили Томаса в бешенство.

Он пересек широкую площадь Согласия. Нужно было как-то успокоиться, найти выход раздражению. Томас перешел по мосту через Сену и направился на запад вдоль Рив-Гош, левого берега. Облака немного разошлись, и солнечные блики играли на воде.

Быстрым шагом он дошел до Эйфелевой башни, обогнул толпу туристов, сгрудившихся возле самой главной достопримечательности Парижа, и двинулся вдоль Марсова поля, простиравшегося от башни до ансамбля зданий Военной школы. Где-то посередине Томас сел на скамейку и задумчиво уставился на голубей, гонявшихся друг за другом, несмотря на пронизывающий ветер.

Через несколько минут он решил позвонить Прийе и вынул свой Black-Berry. В Бомбее был день. Она взяла трубку после второго гудка. Голос у нее был усталый, но чувствовалось, что она рада его слышать.

— Как там Париж? — спросила Прийя.

— *Magnifique*^[39], — ответил Томас. — А как там Бомбей?

— С каждым днем все жарче. Есть ли новости с поисками?

Он коротко рассказал ей о событиях двух последних дней. Приёму отчет явно впечатлил.

— Ты добился большего, чем я ожидала.

— Как сказать. Два шага вперед, один шаг назад. Как твой отец?

Она вздохнула.

— Он все еще в Варанаси.

— Передавай ему привет, когда увидишь.

— Обязательно. — Прийя помолчала. — Я горжусь тобой, Томас.

От ее похвалы у него вдруг закружилась голова.

— Я серьезно. Я горжусь тобой. Привези Зиту домой.

Томас поднялся со скамейки и медленно пошел к Военной школе. На пересечении площади Жоффре и авеню де Турвиль он свернул налево, к Дому Инвалидов. Прогулявшись по живописным улочкам Шестого и Седьмого округов, он наконец зашел в кафе и заказал сэндвич. Он то и дело посматривал на экран Black-Berry в надежде увидеть сообщение от Джулии, но во входящих было пусто.

После обеда Томас решил пройти через Люксембургский сад и вверх по холму вдоль улицы Суфло до Пантеона. У библиотеки Сент-Женевьев он задержался и в который раз перечитал имена великих ученых и мыслителей, вырезанные на стенах. Да Винчи, Эразм Роттердамский, Ньютон, Бэкон, Кеплер, Лавуазье. Когда Томас был студентом, эти люди бесконечно вдохновляли его. Сейчас же имена вызвали в нем смутное беспокойство. Они умели мечтать и предвидеть будущее, они имели смелость ставить под сомнение принятый порядок вещей, рискуя порой собственной жизнью. Ему вдруг вспомнились слова Прийи, когда он поступил на работу в «Клэйтон». «Они превратят тебя в наемника, готового за деньги продать собственную душу», — сказала она. Томас не согласился с ней тогда и был не согласен теперь. Но философы и ученые, святые и мудрецы имели право судить. Будь они живы, приняли бы они сторону Прийи?

Он отвернулся и через мощеную площадь зашагал к церкви Сен-Этьен-дю-Мон. Проходя мимо, Томас вдруг снова вспомнил слова Леона: «Вы религиозный человек, мистер Кларк?» Почему-то он никак не мог их забыть. Разумеется, ему бы и в голову не пришло просить небеса помочь отыскать Зиту. И тем не менее мысль засела где-то глубоко в мозгу, словно заноза, и не давала ему покоя.

Из церкви вышла пожилая пара, и, прежде чем тяжелая дверь снова закрылась, Томас бросил быстрый взгляд внутрь. Он успел заметить высокие сводчатые потолки, арки с заостренным верхом, узкие и высокие резные колонны и стрельчатые окна. Его вдруг потянуло войти и осмотреть все как следует.

Дверь за ним закрылась, отрезая все шумы и звуки улицы. В церкви стояла абсолютная, полная тишина. Он медленно двинулся вперед по центральному нефу. Солнце пробивалось сквозь многоцветные витражные стекла; перед изображениями святых горели свечи. Язычки пламени слегка подрагивали. Табличка сообщала, что цена свечи — два евро. Томас заколебался, но тут же решил, что все его сомнения — полная ерунда. Кому будет плохо, если он немного помолится?

Он опустил в ящик монету в два евро и взял свечу. Потом зажег ее от другой, уже горевшей, закрепил в подсвечнике и отошел к боковому нефу. Он осенил себя крестным знамением, как раньше, в детстве, опустил на колени и сложил ладони под подбородком.

Сначала Томас хотел помолиться о том, чтобы Бог послал ему удачу, но идея показалась ему какой-то кощунственной. Поэтому он закрыл глаза и попросил милости Господней. Понятие «Божья благодать» Томас почерпнул еще из катехизиса; оно было древним, пыльным и словно выцветшим, как старинный манускрипт из какой-нибудь библиотеки, но Томас почувствовал, как в его душе рождается отклик. Он и сам не мог объяснить, что это было. Но когда он прочел

молитву и открыл глаза, все вокруг как будто немного изменилось. Церковь была той же, и мир был все тем же, но в первый раз после смерти Мохини Томас ощутил, как на сердце его опустился покой.

Он вышел из церкви на площадь Сент-Женевьев и в который раз проверил Black-Berry. Никаких вестей от Джулии не было. Томас немного порылся на полках в букинистической лавке, купил головку сыра в сырном магазине и вернулся в отель. Ему страшно хотелось позвонить Джулии самому, но он знал, что не стоит дергать ее раньше времени.

Долгожданный звонок раздался в шесть часов.

— Томас, — сказала Джулия. — Я прошу прощения за долгое молчание. Весь день были встречи, я никак не могла выбраться. Я достала ордер.

— Как вам это удалось? — поразился Томас.

— Дружеские связи и немного удачи. Мы знали, что отдел по борьбе с сутенерством присматривает за Петровичами, но не знали почему. Оказалось, что они держат службу эскорта и владеют порносайтом, используя услуги девушек из Восточной Европы. Полиция держала их под колпаком уже больше года, но доказательства были косвенные. До сих пор. Но одна из девушек заговорила. Они планировали операцию уже неделю. Мои сведения о Зите только укрепили их уверенность. Рейд будет проведен завтра утром.

Томас был потрясен. Зита оказывалась в самом центре военных действий.

— Каковы шансы, что мне разрешат присутствовать?

Джулия засмеялась:

— Примерно нулевые. Если не меньше. Отдел по борьбе с сутенерством и близко не подпускает нас к своим рейдам. И даже если бы они сделали исключение в данном случае — а они его не сделают, — вам бы ни за что не позволили путаться под ногами. Все, что нам остается, — это ждать в сторонке.

— Они сообщат вам, когда все закончится?

— Мой парень обещал позвонить. Что там будет, никто не знает. Так что вооружитесь терпением.

Ночь показалась Томасу медленной пыткой. Когда забрезжил рассвет, он отказался от попыток уснуть, спустился на улицу, заказал двойной эспрессо в кафе и принялся ждать вестей от Джулии, невнимательно просматривая «Ле Мوند». Она позвонила в семь.

— Рейд прошел по плану, — задыхаясь, как от быстрой ходьбы, проговорила Джулия. — Полиция освободила шесть украинских девушек. Но Петровичей в квартире не оказалось.

— Как это не оказалось? — не поверил Томас. — Куда они делись? Мы ведь только что видели одного из них... — Он осекся. — Мы их спугнули, да? Я их спугнул. Когда побежал за машиной.

— Я не знаю.

— А что с Зитой?

— Ее там не было. Никаких следов. Мне так жаль.

— Как насчет девушек? Если Зита работала в квартире, кто-нибудь из них мог ее видеть, ведь так?

— Скорее всего. — Джулия неуверенно замолчала.

— Что такое?

— Дело в том, что я использовала все свои возможности, чтобы добраться до этой стадии операции. К девушкам у нас доступа нет. Протоколы строго засекречены, учитывая, что Петровичи в бегах. Возможно, девушки уже в каком-нибудь безопасном месте. Я не знаю где, и в

отделе по борьбе с сутенерством мне ничего не скажут. Ну разве что у меня будут очень веские основания. — Она вздохнула. — Устные показания индийской официантки такими основаниями не являются.

— Понимаю, — сказал Томас.

Повисло неловкое молчание.

— Черт возьми, — выругалась Джулия. — Я знала, что так и получится. Томас, я бы очень хотела помочь вам еще чем-нибудь, но правда, мои полномочия здесь заканчиваются. Если я нарушу правила, то скомпрометирую себя везде, где только можно, — в бюро, в посольстве, с французами.

— Мне очень жаль.

Джулия подумала еще немного и снова вздохнула.

— Дайте мне немного времени, — наконец решила она. — Не звоните. Я сама позвоню.

— Спасибо, — сказал Томас.

— Имейте терпение, хорошо?

— Терпение — это мое второе имя.

Джулия устало рассмеялась.

— Что-то я в этом сомневаюсь.

Джулия была абсолютно права. Ожидание всегда было для Томаса настоящим проклятием. Прийя называла это сбоем в его генетической системе. Три следующих дня он запомнил как изощренное истязательство. Он, словно привидение, скитался по Парижу, наугад выбирая поезда, исследовал бульвар Периферик, любовался лодками с моста Пон-Неф, а после полуночи бродил по Плас Пигаль, наблюдая за мужчинами, ищущими приключений, жаждущими воплотить в жизнь свои сексуальные фантазии.

Вечером третьего дня Томас сидел в мягком кресле возле окна, в своем номере, потягивал коньяк из хрустального бокала и смотрел, как постепенно зажигаются парижские огни, когда телефон вдруг зазвонил. Он вздрогнул и замер — на доли секунды его словно парализовало. Потом подскочил к кровати, схватил аппарат и прижал его к уху.

— Джулия?

— Встречаемся завтра на станции Монпарнас в шесть тридцать утра, — сказала она.

— С кем вы говорили?

— Завтра в шесть тридцать. Не опоздайте.

Не сказав больше ни слова, она повесила трубку.

Глава 24

Ты удалил от меня знакомых моих, сделал меня отвратительным для них; я заключен, и не могу выйти.

Псалом 87

Элизабет, Нью-Джерси.

Через некоторое время после инцидента с Игорем — Зита понятия не имела, во сколько это было, — Алексей принес ей миску безвкусного супа и пачку крекеров. Он ничего не сказал, просто поставил еду на пол у изголовья кровати; потом сделал Зите знак подняться и достал из кармана маленький цифровой фотоаппарат. Она неохотно встала. Алексей сделал два снимка и ушел. Зита старалась не думать о том, зачем они могли ему понадобиться.

Остаток дня прошел тихо. В какой-то момент Зита не выдержала и включила телевизор. Экран засветился, но вместо изображения на нем были только помехи. Она открыла тумбочку, на которой стоял телевизор, и обнаружила старый видеомаягнитофон и стопку порнографических видеокассет. Зита захлопнула дверцу и как ужаленная отскочила от тумбочки подальше. Телевизор противно трещал и озарял комнату потусторонним светом, но она не решалась его выключить. Зите казалось, что секс сочитсся из стен комнаты, проникает во все щели, окружает ее, словно мерзкое вонючее облако. К ночи она поймала себя на том, что с нетерпением ждет хоть каких-то живых голосов.

Как и накануне вечером, появились девушки. Они разговаривали на своем непонятном языке. Затаив дыхание, Зита ждала, когда же распахнется дверь и на пороге появится Игорь, но ее никто не беспокоил. Где-то снова врубили музыку. Зита закрыла глаза и попыталась расслабиться, но уснуть было невозможно.

Когда музыка наконец смолкла, она слезла с кровати и притулилась в углу. В коридоре послышались шаги. Дверь открылась, и в комнату вошли Игорь и другой мужчина — раньше она его не видала. Они втащили в комнату девушку. Она сопротивлялась изо всех сил, извивалась и выворачивалась, но Игорь с компаньоном повалили ее на кровать и задрали юбку. Зита закрыла лицо руками и стала молиться. Постепенно отчаянные крики девушки перешли в рыдания. Мужчины вышли. Она, всхлиывая, сползла на пол и оперлась о кровать.

Зита взглянула на нее, и жалость затопила ее с головой. Она знала, что Игорь скоро вернется, но чувствовала странную уверенность, что ее он не тронет. Она подобралась к девушке поближе и устроилась рядом. Их колени почти соприкасались.

— Что тебе нужно? — прошептала та. Щеки ее горели от стыда.

Вместо ответа Зита взяла ее за руку. Девушка застыла, но руку не отдернула. Они просидели так несколько минут. Зита нежно поглаживала ее ладонь, успокаивая, утешая, как ребенка. Ей вспомнилась мать. Сколько раз Амбини сидела у ее постели, держа за руку. Этот заряд доброты, полученный в детстве, Зита хотела передать дальше — даже среди всей окружавшей ее тьмы и отчаяния.

Через некоторое время она осторожно отняла свою руку и вытерла слезу, скатившуюся по щеке девушки.

— Я Зита, — сказала она.

Их глаза встретились.

— Я Ольга, — прошептала девушка и отвела взгляд. — Ты видала, что они делали?

Зита покачала головой:

— Я не смотрела.

Что-то дрогнуло у Ольги внутри, и она снова разразилась слезами.

— Моя семья живет в Новгороде, — всхлинула она. — Я учусь в университете в Санкт-Петербурге, но мне пришлось уйти, когда болеет папа. Ему нужно деньги на лекарства. Я встречаю этого человека. Он говорит, у него есть друг в Нью-Йорке. Что я могу быть хорошая няня. Что я могу заработать деньги для папы, для моей семьи. Обманщик.

— Расскажи мне о своей семье, — мягко попросила Зита и снова взяла ее за руку.

Говоря о семье, Ольга немного успокоилась. Когда Игорь вернулся, она уже пришла в себя и перестала плакать. Он подтолкнул ее вперед. Ольга подчинилась, но, выходя из комнаты, поймала взгляд Зиты и ободряюще кивнула ей.

Думая о рассказе Ольги, Зита не сразу осознала, что замок в двери почему-то не щелкнул, как обычно. Не веря самой себе, она уставилась на дверную ручку и прислушалась. Все звуки в здании понемногу затихали. Зита вытащила фигурку Ханумана из кармана пальто и спрятала ее в сари. Потом подошла к двери и осторожно повернула ручку.

Дверь была не заперта.

Ее сердце забилося чаще, но открывать дверь Зита не спешила. Она вспомнила об угрозах Дмитрия и потрогала подсохшую рану на голове. На этот раз она не может позволить себе неудачный побег. Пред ее внутренним взором все еще стояла картинка: Игорь на коленях заставляет ее открыть рот.

Зита решительно взялась за ручку, повернула ее и толкнула дверь. В коридоре было пусто; света не было. Горела только красная надпись «Выход» в самом конце. Зита посмотрела в другую сторону и увидела дверь, скрытую за занавеской. Она не знала, сколько было времени, но, скорее всего, уже близилось утро. Клуб опустел.

Она дернула дверь в конце коридора, но та не поддавалась. Зита развернулась и направилась к другой двери, той, что была с занавеской. Занавеска, как оказалось, была сделана из разноцветных бусин. Она отодвинула ее в сторону и вошла в комнату. У стен стояли туалетные столики с зеркалами и высокими табуретами, несколько диванов и длинная вешалка с блестящими одежками. Над дверью тускло светился знак «Выход».

Зита пригляделась внимательнее. Кроме той двери, через которую она вошла, в помещении были еще две. Одну закрывала такая же занавеска из бусин, другая ничем особенным не выделялась. Помедлив, Зита выбрала ту, что была с бусинами. Собственно двери за занавеской не оказалось. Проход вел прямо на сцену. По периметру зала располагались столики. Здесь тоже было темно; слабые лампочки горели только над барной стойкой, и немного света добавляла неизменная табличка «Выход». Сцена была в виде подиума с отдельными возвышениями-платформами; в центре каждого из них торчал шест. Самый короткий путь к двери лежал именно через сцену, но Зита отчего-то побоялась выходить на нее.

Она вернулась в гримерку и подергала вторую дверь. Та легко поддалась. Зита миновала лаунж с диванами и очутилась на танцполе. Тут тоже было два выхода. Она попробовала первый, но безуспешно — дверь была заперта. Вторая тоже не открывалась. Зита беспомощно поглядела по сторонам, но деваться было некуда.

Она постояла еще немного, не зная, что делать дальше, но в желудке вдруг сильно заурчало. Только теперь Зита поняла, как сильно она голодна. За последние тридцать часов она съела только чашку супа и полпачки крекеров. Она вернулась в бар и быстро обшарила полки. В шкафу обнаружили две жестяные банки — с орешками и с леденцами. Зита захватила по пригоршне того и другого, сунула в рот и прожевала. Затем вернула банки обратно, постаравшись поставить их на те же места, где взяла.

Рядом был маленький холодильник. Зита открыла дверцу и зажмурилась от яркого света. Внутри стояли бутылки с пивом и пластмассовый кувшин с водой. Она взяла кувшин и выпила не меньше половины. Холодная вода немного освежила ее. На стене висели электронные часы; они показывали девять утра. Зита удивилась. С тех пор как ее привезли в клуб, день и ночь, кажется, поменялись местами.

Она уже собралась возвращаться в свою комнату, как в голову ей вдруг пришла новая мысль. Зита внимательно осмотрела высокий подиум. Его основание было металлическим. Она медленно обошла вокруг подиума и в дальнем конце нашла то, что искала, — незаметную дверцу. За ней была непроглядная темнота.

Зита сделала глубокий вдох и быстро обдумала свои действия. Ей было очень страшно, но другого выхода у нее не было. Алексей купил ее не просто так, а имея на нее определенные виды. И судя по окружающей обстановке, планы в отношении Зиты у него были самые ужасные.

Она сбегала в свою комнату, взяла пальто и вернулась в клуб. Потом открыла дверцу под сценой, опустилась на четвереньки и храбро полезла внутрь. Почти тут же она ударилась обо что-то головой и вскрикнула от боли. Потерев набухающую шишку, Зита продвинулась еще

немного вперед и потянула дверцу на себя. К счастью, на ней не было ни замка, ни защелки, только резиновый ободок по всему периметру, который удерживал ее на месте.

Нагнув голову пониже и вытянув перед собой руку, Зита сделала несколько осторожных шагов вдоль стенки. Через пару метров она наткнулась на первую из круглых платформ. Зита решила спрятаться за ней. Когда Игорь или Алексей обнаружат, что ее комната пуста, они начнут обыскивать клуб. Если они догадаются заглянуть под подиум, то не смогут увидеть ее за платформой.

Она улеглась на пол, свернула пальто и подложила его себе под голову. В первый раз с тех пор, как ступила на землю Америки, Зита провалилась в глубокий сон.

Ее разбудили громкие крики. Зита узнала голос Алексея и неразборчивое бормотание Игоря. Алексей вопил, Игорь забубнил что-то в ответ. Затем она услышала звук пощечины и грохот перевернутого столика. Через несколько секунд раздался глухой удар почти рядом с ней — тяжелое тело врезалось в основание подиума. Драка — или избиение — продолжалась всего пару минут. После этого Алексей принялся звонить по мобильному.

Потом голоса удалились и вернулись только спустя довольно продолжительное время. До Зиты доносился топот, хлопанье дверей, шорохи и какое-то царапанье.

Они искали ее.

Удары сердца слились в сплошной непрерывный гул, как будто в груди у нее кто-то бил в тамтам. Зите показалось, что поиски продолжаются уже много часов. Она услышала, как звякнули стаканы и мягко чмокнула дверца холодильника. Игорь вскрикнул, как будто нашел что-то интересное. Зита вздрогнула. Кувшин с водой наполовину пуст, вспомнила она. Ну и что? Она попыталась вздохнуть глубже, чтобы успокоить сердцебиение. Разве по кувшину можно определить, где она прячется?

Шаги приблизились. Раздался голос Игоря, и Зита невольно дернулась. Должно быть, он стоял совсем рядом, за стенкой. Она сжала ладони и стала молиться Лакшми.

Дверь в ее убежище вдруг отворилась. Зита затаила дыхание. Темноту пронзил острый луч фонарика. Она замерла, считая секунды. Игорь подвигал фонариком назад и вперед, но, как и рассчитала Зита, до того места, где она сидела, луч не доставал. Догадаются ли они залезть под сцену и заглянуть за платформу? Наконец фонарик погас, и дверь снова закрылась. Зита беззвучно выдохнула.

Через некоторое время загремела музыка. Кто-то вышел на сцену — слышались шаги над головой. Зита насчитала четырех танцовщиц. Одна танцевала на платформе прямо над ней. Она двигалась медленно и ритмично; Зите страшно было представить, какое действие разворачивается сейчас на сцене.

Клуб ожил. Музыка гремела, сцена вибрировала, мужчины орали и улюлюкали. Зита подползла ближе к дверце и постаралась представить себе зал. Ближайший выход был примерно в двадцати футах от нее. Вдоль подиума тянулся проход, по которому она могла до него добраться. Главный вопрос состоял в том, охранялась дверь или нет. Если да, то все было напрасно. Единственное, что вселяло некоторую надежду, — выход был аварийным.

Зита дождалась, пока первая группа танцовщиц вернется в гримерку и ее место займет вторая. Она достала фигурку Ханумана, поцеловала его в лоб и сунула в карман пальто. Потом сделала глубокий вдох — самый глубокий в своей жизни — и приоткрыла дверцу.

Сидящие за столиками мужчины не отрывали глаз от сцены; на их профили падал голубоватый розоватый отблеск. Все были поглощены представлением. Вглядываясь в лес ног, Зита попыталась рассмотреть аварийный выход, но не сумела. Приходилось действовать на свой страх и риск.

Она приоткрыла дверцу больше. Никто не обратил на нее внимания. Зита выбралась наружу и бросила взгляд на дверь. Ее сердце подпрыгнуло. Охраны не было. Мужчина, который сидел за ближайшим столиком, удивленно уставился на нее, но Зита отвернулась и почти бегом устремилась к выходу. Путь был свободен. Она толкнула дверь. Тут же заверещала сигнализация, но это уже не имело значения.

Она вылетела на парковку и побежала к мотелю, каждую секунду ожидая услышать за спиной тяжелый топот. Сигнализация ревела, но за ней никто не гнался. Зита рванула на себя входную дверь, вскочила в холл и обвела его полубезумным взглядом. За стойкой никого не было; в дежурке орал телевизор. В глаза ей бросилась табличка: «Звоните».

Зита нажала на кнопку и не убирала палец до тех пор, пока из дежурки не выбежала женщина. У нее было бледное, нездорового цвета лицо и короткая стрижка. При виде Зиты женщина нахмурилась.

— Что вам нужно?

— Пожалуйста, помогите мне, — задыхаясь, выговорила Зита. — Люди из клуба держат меня здесь против моей воли. Пожалуйста, позвоните в полицию.

Женщина странно посмотрела на нее.

— Что? Вас держат взаперти? Вы пленница?

— Пожалуйста, помогите мне. Они будут меня искать.

— Идите в дежурку, — скомандовала женщина и снопа обвела ее загадочным взглядом. — Я позвоню копам.

Она проводила Зиту в комнату и вышла, чтобы позвонить. Зита услышала, как щелкнул замок в двери. По телевизору показывали передачу про инопланетян. По всей комнате были разбросаны конфетные обертки, коробки из-под пиццы и пакетики от чипсов.

Зита стояла посередине, не зная, чем занять руки, и ждала. Она не знала, как отнесутся к ней в полиции, но была готова довериться любому, кто спасет ее от Алексея, Игоря и страшного неизвестного Дитриха.

В конце концов замок снова щелкнул. Дежурная вошла в комнату. Следом за ней вошел Алексей. Увидев своего тюремщика, Зита почувствовала, как волосы у нее на голове буквально зашевелились от ужаса. Женщина обманула ее.

Алексей махнул дежурной рукой, чтобы она уходила, та кивнула и оставила их вдвоем.

Алексей медленно приблизился к Зите и печально покачал головой.

— Ты разочаровала меня, Зита, — протянул он. — Я думал, что ты усвоила урок Дмитрия. Но похоже, ты ничего не поняла. — Он обошел ее, встал сзади и положил руку ей на плечо. — Теперь ты узнаешь, что такое наказание.

Внезапно Зита ощутила резкую, невыносимую боль в шее. Она втянула в себя воздух. Голова вдруг закружилась, в глазах сразу потемнело. Потеряв сознание, она, рухнула на пол.

Очнувшись она в полной темноте. Голова сильно болела, и ее здорово мутило. Зита несколько раз моргнула и увидела звезды. Потом опять моргнула и не увидела ничего. Она вытянула руку. Пальцы коснулись металла. Поверхность была холодной. Откуда-то снаружи доносился ровный шум — ветер или вода, точнее Зита определить не могла. Она прислушалась. Где-то поблизости раздался неясный шорох, но вскоре затих.

Что-то слабо чпокнуло, и плоскость у нее над головой чуть заметно сдвинулась. Внезапно все стало ясно. Она лежала в багажнике автомобиля. Наверное, сейчас кто-нибудь поднимет крышку. Она подождала минуту, потом две, потом три, но ничего не изменилось. Тогда она набралась храбрости, приоткрыла крышку сама и одним глазом выглянула наружу.

Вокруг была черная вода. Где-то далеко впереди простирался огромный, сияющий огнями

город. Огни отражались от воды, затмевая звезды. Нью-Йорк, подумала Зита.

Она открыла крышку еще больше, подняла голову и огляделась. Огнями было расцвечено все вокруг — причал, гавань, доки. Она подняла крышку багажника до конца и села. Машина стояла в самом конце длинного пустого пирса. Волны мягко бились об опоры. Воздух был влажным и прохладным. Зита попыталась осмыслить ситуацию. Почему она здесь? И где Алексей?

Кто-то вдруг кашлянул почти у нее под боком. Зита вздрогнула и обернулась. Из темноты выплыла фигура Алексея. Он стоял всего футах в двух от нее, и было непонятно, как он сумел подойти к автомобилю так бесшумно.

Он посмотрел ей прямо в глаза. Лицо у него было абсолютно бесстрастным.

— Знаешь, в России мы бы сделали все по-другому, — негромко произнес он. — Мы бы скормили тебя рыбам. Но это Америка, и ты стоишь слишком дорого, чтобы пускать тебя в расход.

Алексей поднял руку и показал ей сетку, наполненную большими камнями. К сетке была привязана веревка.

— Если попробуешь сбежать еще раз, я отдам тебя Игорю. А потом брошу в реку.

Он швырнул сетку в багажник рядом с ней и захлопнул крышку. От камней сильно пахло морем и водорослями. Содрогаясь от страха, Зита отодвинула сетку подальше. Загудел мотор — Алексей завел двигатель. Машина дернулась и рванула вперед. Они возвращались в клуб.

Отчаяние обрушилось на нее внезапно и придавило, словно могильная плита. Она рискнула и проиграла — *опять!* Зита почувствовала, что внутри у нее что-то сломалось. Как будто все счастье, которое ей доводилось испытывать в жизни, стерлось. Исчезло, не оставив даже воспоминаний. Она попыталась представить себе лицо Ахальи, но увидела только смутную тень. Ее сестра ушла навсегда. Прошлого больше не существовало. Это была ее карма.

Зита уткнулась лицом в ладони. В ушах у нее стоял гул мотора. Она вдруг подумала, что есть еще один выход из всего этого безумия. В первый раз после того, как их привычный мир распался на части, ей в голову пришла мысль о самоубийстве. Это была всего лишь секундная слабость, и Зита сумела быстро с ней справиться, но тень идеи прочно осела у нее в подсознании.

Она закрыла глаза и постаралась не думать о том, что принесет ей завтрашний день.

Глава 25

Мир — это отражение бесконечной красоты, но ни один человек не видит этого.

Томас Траэرن

Париж, Франция.

Первого марта, в шесть пятнадцать утра, Томас вышел из гостиницы и сел в такси, которое должно было отвезти его на станцию Монпарнас, где они условились встретиться с Джулией. Таксист высадил его у стеклянных дверей. Томас вошел внутрь и сразу же увидел Джулию. Она стояла у автомата по продаже билетов и держала в руках небольшой атташе-кейс. В янтарном свете ламп ее малиновое пальто казалось темно-пурпурным. По лицу Джулии было заметно, как сильно она нервничает. Она поздоровалась с Томасом и протянула ему билет. Он взглянул на место назначения. Кемпер.

— Значит, безопасное место находится в Бретани, — сказал Томас. — Никогда бы не

подумал.

— Это только первый из сюрпризов, — заметила Джулия. — Не знаю, почему я это делаю. Наверное, я сошла с ума.

— Так *почему* вы это делаете? — с нажимом спросил Томас.

— Понятия не имею. — Она вдруг улыбнулась и как-то расслабилась. — Наверное, вы меня вдохновляете. Хотите есть?

— Умираю с голоду.

— Я купила круассаны.

Они зашли в терминал. На параллельных путях стояли шесть блестящих серебристо-синих поездов TGV^[40]. Они уселись на металлическую скамью и принялись за круассаны, наблюдая, как терминал постепенно наполняется людьми.

Без нескольких минут семь Томас и Джулия вошли в вагон и отыскивали свое купе. Вскоре после этого поезд отошел от станции. Постепенно набирая ход, он покинул город и помчался сквозь идиллические сельские пейзажи.

Джулия достала из кейса лэптоп.

— Ах да, я собиралась вам сказать, — вдруг вспомнила она. — Мой осведомитель в отделе по борьбе с сутенерством сообщил, что к ним в конце концов поступил сигнал из посольства в Мумбай. Похоже, ЦБР давно пыталось связаться с французской полицией, но их сдерживала разная бумажная волокита. Люди из посольства говорят, так происходит постоянно. ЦБР передало им информацию, полученную от Навина, и французская полиция взяла в разработку его дядю. Они также расследуют деятельность самого Навина. Они считают, что он живет во Франции под чужим именем.

— Меня все время поражает, что преступники при желании могут оставаться вне поля зрения властей, — сказал Томас. — Это словно два разных мира — мир света и мир теней. И второй столь же обширен, как и первый.

— Да, действительно, — согласилась Джулия. — И один является точным отражением другого. Все то же самое. Различаются только правила игры. — Она открыла лэптоп и ввела пароль. — Вы не возражаете, если я немного поработаю? Я обещала боссу, что к завтрашнему утру отчет о Петровичах будет лежать у него на столе.

— Он в курсе того, что мы делаем?

Джулия заговорщически улыбнулась:

— Я сказала ему, что отдел по борьбе с сутенерством хочет, чтобы мы принимали участие в расследовании, — что на самом деле правда. Петровичи, возможно, уже покинули Францию, а у нас больше возможностей их проследить. В свою очередь, я убедила парня из отдела, что нам необходимо получить доступ к свидетелям. То есть к девушкам.

— Как насчет людей из Бретани?

— Я рассказала им о Зите, и они готовы помочь.

Томас присвистнул:

— Вот это да. Неплохая работенка. Я вам обязан.

— Правда, обязаны, — подтвердила Джулия. — Но теперь я все-таки поработаю.

— Сколько угодно, — сказал Томас и вытащил из рюкзака свой собственный лэптоп.

Прошлой ночью он скачал с сайта Le Projet de Justice несколько статей, посвященных проблеме торговли людьми в Восточной Европе. До разговора с девушками, освобожденными из квартиры Петровичей, он хотел хотя бы минимально представить себе, через что им пришлось пройти. Статистика, приведенная в научных журналах, и истории, опубликованные в прессе, привели Томаса в ужас. Казалось, из стран бывшего социалистического блока на Запад хлынули миллионы молодых женщин. Многие из них попадали в сексуальное рабство. Это явление было

настолько распространенным, что несчастные девушки даже получили особое имя — Наташи. Все они были разных национальностей — молдаванки, украинки, белоруски, румынки, болгарки, русские, литовки. Клиентам, однако, это было совершенно безразлично. Для них все девушки ассоциировались с Россией.

Проведя за чтением почти час, Томас встал и направился в вагон-буфет. Он взял чашку кофе и сэндвич и вернулся в свое купе. Перекусив немного, он вдруг подумал, что неплохо было бы написать пару слов Прийе. Путевые заметки. Это была давняя традиция, появившаяся еще в те дни, когда Томас только ухаживал за своей будущей женой. Они поддерживали ее и после свадьбы. Но эта связывающая их ниточка, как и все прочие, оборвалась в последние два года, затерялась в водовороте дела «Уортон».

Томас на минуту задумался и начал печатать. К его удивлению, слова, которые приходили ему на ум, напоминали скорее белый стих, чем путевые заметки. Но Прийе, которая любила поэзию, это понравилось бы даже больше.

«На TGV. Ощущение полета. Поля за окнами, узкий белый месяц над ними. Гладкая, блестящая, словно стекло, река. Приземистые домишки с полуоткрытыми ставнями. Амбары из тесаного камня, под самую крышу набитые сеном. Полоски огородов — земля только что вскопана и готова принять в себя семена, разродиться новыми всходами. Высокое небо, чистое, ясное, без единого облачка. Весна совсем рядом, уже почти здесь, почти пришла. Почки на деревьях... одна, две, три... Неожиданно полянка в лесу. Верфь в широком устье реки — море близко. Жеребец, несущийся через поля во весь опор. Чайки в небе. Холмы поднимаются — мы приближаемся к Кемперу. И вот мы там».

На станции они взяли в аренду автомобиль. Джулия достала мобильный и набрала номер. Она снова занервничала, но мужской голос на другом конце провода, судя по всему, подействовал на нее успокаивающе. Они немного поговорили на французском, Джулия подтвердила встречу, нажала на отбой и глубоко вздохнула.

— Все в порядке? — спросил Томас.

— Да, — сказала она. — Отец Жерар — очень хороший человек. Очень добрый. Он ждет нас.

— Отец? Место, куда мы направляемся, как-то связано с церковью?

— Скоро вы все увидите.

Через двадцать минут Джулия свернула с шоссе на узкую, посыпанную гравием подъездную дорожку. По обеим сторонам от нее тянулась невысокая каменная ограда и росли старые, покривившиеся деревья. Они обогнули пастбище, за которым начинался лес, и подъехали к кованым воротам, где стоял охранник. Он проверил их документы и пропустил внутрь. Перед ними предстал великолепный ансамбль XII века — центральный корпус и два симметричных полукруглых крыла в окружении ровных ухоженных лужаек и сада.

— Конспиративная квартира? — заметил Томас. — Да это замок!

— Да. Пусть отец Жерар сам расскажет вам эту историю?.

Навстречу им вышел человек в сутане. Он был лысый, в очках и слегка напоминал сову. Священник расцеловал Джулию в обе щеки и пожал руку Томасу. По-английски он говорил превосходно.

— *Bonjour*, добро пожаловать, — сказал он. — Очень рад с вами познакомиться.

— Спасибо, что разрешили нам приехать, — сказала Джулия.

Отец Жерар взглянул на Томаса.

— Это место засекречено. Понимаете, да? У мадемуазель имеется разрешение. У вас нет. Я обязан взять с вас слово. Вы никому не должны о нем рассказывать.

— Даю вам честное слово, — заявил Томас.

Священник кивнул:

— Тогда можете войти.

Он провел их сквозь холл, обставленный мебелью из темного дерева, и через заднюю дверь они вышли в сад. Здесь было теплее, чем в Париже, и в воздухе уже стоял упоительный аромат свежей травы. Садовая дорожка вела к небольшой лужайке с фонтаном посередине. На скамейках рядом с фонтаном сидели три молодые женщины и тихо разговаривали. Одна из них была одета в монашескую рясу.

— Этот замок — дар одного человека, который много мучился при жизни, но обрел покой перед смертью, — пояснил отец Жерар. — Он оставил его в наследство епархии Кемпера, но там не знали, что делать с усадьбой. Прежде чем выставить дом на торги, епископ все же спросил, не сумеет ли кто придумать для него какое-нибудь христианское применение. Это было в 1999 году. В то время я работал в некой общественной организации в Марселе. Правительство нам помогало, но законы не всегда были на нашей стороне. Случалось так, что мы спасали женщин, но их приходилось депортировать из страны, и они снова попадали в сексуальное рабство. У меня появилась идея устроить вот такое убежище, что-то типа конспиративной квартиры, но денег на покупку недвижимости не было. И тут мы узнали об этом замке. Епископ принял нас с распростертыми объятиями. Результат — *Sanctuaire d’Espoir*. По-английски это будет «Приют Надежды».

Они неторопливо прошли к обнесенному изгородью полю. Две лошади паслись неподалеку; дул легкий бриз с запада, со стороны моря.

— Какие девушки сюда попадают? — спросил Томас. — По какому принципу их отбирают?

— Полиция направляет сюда тех, кто подвергается опасности. Обычно это женщины, которые находились в руках организованных преступных группировок. Или те, чьих похитителей еще не поймали. Они живут здесь до тех пор, пока дело не будет заслушано в суде. Или пока не вернутся на родину. Теперь закон более снисходителен. Если пострадавшая соглашается сотрудничать с полицией, она может рассчитывать даже на получение постоянного местожительства.

— Как чувствуют себя девушки? — спросила Джулия.

Отец Жерар помолчал.

— Все они надломлены, конечно. Но некоторые обладают более стойким характером, чем другие. Одна из них особенно сильная. Видимо, это та самая, которая дала официальные показания.

Томас взглянул на священника:

— Когда я смогу с ними побеседовать?

Отец Жерар покачал головой:

— Это непростой вопрос. Наверное, большинство людей не одобрили бы меня. По правде говоря, сейчас еще слишком рано, прошло очень мало времени. Нам с вами трудно себе представить, что им пришлось пережить. Но вы хотите спасти чью-то жизнь, а выше этой цели нет ничего. Я подготовлю их.

Вслед за отцом Жераром они вернулись в дом. Он провел их в просторную гостиную с антикварной мебелью и семейными портретами на стенах и пригласил присесть. Затем вышел и через несколько минут возвратился с одной из самых красивых девушек, каких Томасу доводилось видеть в своей жизни. Она была высокой и стройной, как манекенщица, и двигалась

с изяществом, которое дается только от рождения. Но ее красивое лицо было настолько печальным, что Томасу стало не по себе. Когда девушка посмотрела на него, он невольно отвел взгляд — столько боли и муки было в ее глазах.

Она уселась на обитый парчой диван напротив и взглянула на отца Жерара, ожидая, что он начнет разговор. Томас заметил, что священник держался с ней очень ласково, но не прикасался и не вторгался в ее личное пространство.

— Наталья, — начал отец Жерар. Он говорил медленно и старался произносить слова максимально четко. — Познакомься, пожалуйста. Это Томас Кларк и Джулия Мур.

Девушка кивнула.

— Томас приехал из Соединенных Штатов, а Джулия работает в американском посольстве в Париже.

Девушка удивилась. Судя по всему, она не ожидала, что посетители связаны с Америкой.

— Томас хотел бы задать тебе несколько вопросов. Ты не возражаешь?

Наталья покачала головой.

— Мой английский плохой, — мягко сказала она с сильным акцентом. — Я буду стараться понимать, но не знаю. Вы говорить медленно?

— Конечно, — заверил Томас. Он достал фотографию, которую дала ему Ахалья, и передал Наталье. — Вы когда-нибудь встречали эту девушку? — Он показал на Зиту.

Наталья взяла снимок и внимательно рассмотрела его. На глазах у нее выступили слезы. Одна скатилась по щеке. Она смахнула ее и посмотрела на Томаса.

— Да.

Он замер.

— Можете сказать где?

Наталья опустила взгляд в пол.

— Была... комната, — с трудом выговорила она. — Он приводить туда и насиловал нас. Однажды оставлял и прийти эта девушка. Она сказала... — Наталья помолчала и вдруг расплакалась. — Она сказала, что будет молиться. Про меня. Я подумала, что ангел. Но она Зита. Она работать в доме, убирала. — Она снова замолчала. — Потом я видеть еще раз. Она убежала... но не смогла. Пытаться. На следующий день ее нет.

— Вы не знаете, куда ее увезли? — спросил Томас, с трудом сдерживая волнение.

Наталья покачала головой.

— Как вы думаете, с ней говорил еще кто-нибудь?

Она пожала плечами:

— Может быть. Я буду спрашивать.

Она вышла из комнаты и через несколько минут снова пришла, уже с другой девушкой, тоже со славянскими чертами лица. Отец Жерар встал, и Томас с Джулией встали вслед за ним.

— Это Иванна, — сказала Наталья. — Она не говорить по-английски, но что-то знает.

Наталья сказала Иванне несколько слов на русском. Та кивнула и тихо ответила:

— Она говорит, она готовить. На кухне. Зита помогать.

Они поговорили еще немного.

— Она говорит, прошлая неделя в дом приходила индийская пара, мужчина и женщина. Они разговаривать о путешествии в Америку.

Слова Иванны одновременно обрадовали и расстроили Томаса. Дядя Навина увез Зиту из Франции, и это было каким-то образом связано с Петровичами. Но Соединенные Штаты? Ежедневно из Парижа отправлялось более пятидесяти рейсов в различные города Америки. Единственным препятствием служил пограничный контроль. Миновав иммиграционную службу, человек мог раствориться в Штатах без следа.

— Они не упоминали, куда именно в Соединенных Штатах они собираются? — спросил он. Наталья перевела вопрос, и Иванна покачала головой.

— *Нет*, — сказала она по-русски. Это было первое слово, которое Томас понял самостоятельно.

— Я говорить со всеми девушки, — сказала Наталья. — Только у Иванны информация.

— Спасибо, — сказал Томас, пытаясь скрыть разочарование. — Это уже кое-что.

Наталья вдруг обожгла его взглядом.

— Вы будете найти эту девушку? — настойчиво спросила она.

— Я делаю все возможное, — честно ответил Томас.

Она порывисто схватила его за руку и сжала ее.

— Тогда мы друзья. *До свидания*. — Наталья снова полыхнула глазами и скрылась за дверью.

У Томаса защемило сердце. Рука в том месте, где ее коснулась Наталья, словно горела. Сколько людей требуют от него невозможного. Ахалья. Прийя. Джулия. Теперь еще и Наталья. Они действительно верят в то, что он сумеет это сделать? Или он, Томас, просто единственный глупец, которому пришло в голову попытаться? Как бы там ни было, он был уверен, что теперь уж это задание на самом деле ему не по силам. Если Париж был выстрелом вслепую, то Америка являлась сплошной черной дырой. Чтобы разыскать Зиту там, ему понадобится больше чем неясный след, интуиция и помощь друзей.

Ему понадобится Божье чудо.

Глава 26

От обширности торговли твоей внутреннее твоё исполнилось неправды, и ты согрешил.

Иезекииль

Элизабет, Нью-Джерси.

После неудавшейся попытки побега Алексей стал следить за Зитой особенно тщательно. Каждое утро, после того, как клуб закрывался, он лично заходил в комнату, убеждался, что она на месте, и сам запирал дверь. Позже, днем, он приходил снова и приносил ей немного еды. Он не говорил ни слова, а Зита старалась на него не смотреть.

Вскоре Зита почувствовала, что тьма обступила ее со всех сторон. Она больше не вспоминала стихи или головоломки, не пыталась занять свой мозг, перестала представлять рядом Ахалью и рисовать в памяти счастливые картинки из прошлого. Не пыталась убежать от действительности. Большую часть времени она сидела на кровати, смотрела в стену и думала о своей непостижимой карме.

Однажды Алексей пришел в неурочное время. Это случилось в воскресенье вечером, перед открытием клуба. Он открыл дверь и бросил только одно слово:

— Пошли.

Зита поднялась с кровати. Он провел ее через гримерку — теперь ярко освещенную, но тоже пустую, — и они вошли в лаунж с диванами. На одном из них сидел молодой человек со светлыми волосами в дорогом темном пиджаке и брюках и смотрел по телевизору скачки. Он кивнул Алексею и сделал Зите знак подойти.

— Она красивая, — с легким акцентом заметил он и оглядел Зиту с головы до ног. Глаза у него были голубые и пронзительные. — И очень юная. Должен поздравить твоего брата с

приобретением. И похвалить его вкус.

— Василий знал, что она тебе понравится, — сказал Алексей.

Блондин встал, обошел вокруг Зиты и чуть погладил кончиками пальцев ее шею. Уголки его губ дрогнули в улыбке.

— У нее достаточно темная кожа, это очень экзотично, но в то же время достаточно светлая, чтобы соблазнять и притягивать. Она уйдет по высокой цене.

Зиту вдруг затошнило. Эти люди обсуждали ее, словно животное на рынке.

— Я куплю ее за двадцать тысяч, — сказал блондин.

— Она стоит сорок. Дешевле я не продам, — отрезал Алексей.

Они принялись торговаться. Зита закрыла глаза. Совершалась очередная сделка. Этот незнакомец был еще одним звеном в цепи. Судьба делала свое дело.

Они сговорились на тридцати тысячах. Блондин достал из кармана пухлый конверт с наличными, передал его Алексею и вышел.

Следующие две ночи прошли относительно спокойно. Зита слышала, как Игорь рычал на девушек в коридоре, но в комнату он не заходил. Ее одиночество нарушали только краткие посещения Алексея. Зита начала думать, что, возможно, она неправильно поняла суть сделки, заключенной в лаунже. Вероятно, блондин заплатил Алексею за то, что он купил ее у дядюшки. Но тогда было непонятно, что она делает в клубе и почему Алексей так разъярился, когда Игорь начал к ней приставать. Игорь сказал, что Алексей бережет ее для Дитриха. Господи, кто же такой этот Дитрих?

Загадка частично разрешилась во вторник. Ответ на нее явился в виде чернокожего мужчины в темных очках с толстой золотой цепью на шее.

— Маленькая шлюшка отправляется в Гаррисберг? — спросил он Алексея. Они стояли в дверях ее комнаты.

— В Гаррисберг. Остальные в Филадельфию.

— Ага. На съезд. Мануэль мне говорил. — Он сурово посмотрел на Зиту. — Ты готова, шлюшка?

Она взглянула на Алексея.

— Пойдешь с Дарнеллом, — приказал он.

— Да-да, — кивнул чернокожий — Дарнелл. — И у меня нет времени на сучек с характером. И терпения тоже нет. — Он распахнул куртку. Из-за пояса торчала рукоятка пистолета. — Будешь возникать — кончу. Все поняла?

Зита кивнула. По спине у нее пробежали холодные мурашки. Она надела пальто, Дарнелл взял ее за руку и повел к стоянке, на которой был припаркован белый микроавтобус. Сзади уже сидели три девушки из клуба. Рядом с водительским местом сидел худощавый жилистый латиноамериканец. Он был полностью погружен в какой-то журнал и даже не поднял голову.

Зита села в среднем ряду и уставилась в окно. Время близилось к полудню, и дорога была очень загружена. Никто не обращал внимания на неприметный микроавтобус и на его живой груз. Полицейская машина поравнялась с ними, но проехала дальше.

Дарнелл запрыгнул на водительское сиденье и вырулил со стоянки. Улицы города были забиты машинами, и какое-то время они двигались очень медленно, но, когда автобус выбрался на основную магистраль, стало гораздо свободнее. Они проехали девяносто минут без остановки. Зите очень хотелось пить и в туалет, но она боялась подать голос. Девушки на заднем сиденье всю дорогу молчали, и она не решалась даже взглянуть на них.

Дарнелл пересек мост и выехал на Брод-стрит. Он припарковался на обочине возле отеля «Мариотт» и позвонил по мобильному. Через пару минут из стеклянных дверей вышел белый

мужчина в костюме в тонкую полоску и направился к ним. Он поздоровался с Дарнеллом и одобрительно взглянул на девушек, которые вылезли из автобуса.

Мужчина протянул Дарнеллу конверт.

— Это аванс, — сказал он. — Остальное получите, когда будете забирать их обратно.

Дарнелл хмыкнул.

— Заставь этих тварей поработать.

Мужчина недобро улыбнулся.

— Они поработают нормально, не беспокойся. У нас тридцать два клиента выстроились в очередь, а съезд еще даже не начался.

— Вот это мне нравится.

Мужчина проводил девушек в отель, и латиноамериканец снова сел на пассажирское место. Дарнелл развернулся и снова влился в поток машин. Они заехали на заправку, чтобы Зита могла сходить в туалет, и помчались дальше. Путешествие продолжалось весь день, с короткими остановками на заправке и у «Макдоналдса», где они заказали обед. Зита умирала с голода, однако чуть не подавилась гамбургером, который дал ей Дарнелл. От жирной котлеты и сладко-соленых добавок ее едва не стошнило.

В Гаррисберг они въехали за час до захода солнца. Дарнелл свернул с шоссе на стоянку для грузовиков, заполненную примерно наполовину, и хмыкнул.

— Маленькая шлюшка, типа, не знает, как ей повезло, — пробормотал он. — Если бы я решал, она бы у меня поработала на стоянке. Я бы научил ее *уважать* старших.

Мануэль загоготал:

— Вот поэтому ты всего-навсего водишь автобус!

— Заткнись, мать твою, — огрызнулся Дарнелл.

Он обогнул мотель и припарковался у черного хода. Мануэль вынул из кармана ключ от номера и открыл дверь. Дарнелл выволок Зиту из автобуса, втолкнул в комнату и бросил на кровать. Она свернулась в комок и прижала к груди подушку — ей показалось, что Мануэль и Дарнелл собираются ее изнасиловать. Дарнелл обвел ее плотоядным взглядом и заржал:

— Смотри, Мануэль. Она боится!

Мануэль, не обращая на него внимания, включил телевизор. Все еще смеясь, Дарнелл взял журнал и заперся в туалете.

Наступил вечер. На улице стемнело. Дарнелл принес еды из «Бургер Кинг», и Зита нехотя поела. В десять часов Мануэлю позвонили на мобильный. Он взял трубку, подошел к окну, чуть отодвинул занавеску и заглянул в щель.

— А вот и они, — хмыкнул он и раздернул шторы до конца. Рядом с мусорными контейнерами припарковался автофургон. Зита увидела, как из него одна за другой вышли семь девушек и направились к стоянке, теперь уже забитой грузовиками-фурами. Все они были очень юными, совсем подростками.

— Как думаешь, сколько они соберут сегодня? — спросил Дарнелл.

Мануэль прикинул:

— Тысячи две. Может, побольше. Стоянка забита под завязку.

Дарнелл ухмыльнулся.

— Дальнобойщики сегодня не будут скучать.

Зита уткнула голову в выцветший плед и принялась пересчитывать переплетавшиеся друг с другом нитки. Вид девочек, обходящих фуры, доконал ее окончательно. Разве существо, называющее себя человеком, может шутить над изнасилованием детей? В который раз она

спросила себя, какая же судьба уготована ей. За что можно заплатить тридцать тысяч долларов?

В полночь Мануэлю снова позвонили. Он секунду послушал и взглянул на Дарнелла:

— Они готовы сворачиваться.

Дарнелл выключил телевизор и дернул Зиту за руку:

— Пора идти.

Мануэль открыл дверь. Фургон стоял примерно футах в двадцати; он был последним в длинном ряду машин. Рядом, сложив на груди руки, стояла очень толстая женщина. Дарнелл подвел Зиту к фургону и передал толстухе. Та толкнула ее к мужчине, опиравшемуся на заднее крыло фургона. Он схватил Зиту за пальто, приподнял ее и запихнул в грузовой отсек фургона. Когда ее глаза немного привыкли к темноте, Зита поняла, что в фургоне она не одна. Ее окружали девочки-проститутки.

Мужчина захлопнул дверь грузового отсека и запер ее. Зите не удалось рассмотреть его лицо; она заметила только небритый подбородок и прилипшую к губе сигарету.

В фургоне было темно, как в колодце. Девочки не разговаривали между собой. Одна плакала. Машина рванула вперед, и шум мотора заглушил рыдания невидимой девочки. Зита обхватила себя руками и закрыла глаза. Дышала она коротко и часто; в голове мутилось от страха, ни одной ясной мысли не осталось.

Через двадцать минут фургон замедлил ход и притормозил. Водитель выключил мотор. Зита прислушалась. Стояла тишина; где-то далеко лаяла собака. Мимо проехала машина. Девочки сидели все так же молча, не двигаясь. Мужчина с сигаретой открыл заднюю дверь. Оказалось, что они стоят возле какого-то сооружения, похожего на гараж. Девочки встали и по очереди вылезли из фургона.

Зита выбралась наружу вслед за худенькой чернокожей девочкой в леопардовой юбке. Они прошли через гараж и спустились по лестнице в подвал. Помещение освещала одна тусклая лампочка. Все сгрудилось здесь, глядя не друг на друга, а в пол. За ними приковыляла толстуха. Девочки расступились; она отодвинула в сторону стойку для ружей — за ней оказался потайной вход. Она повернула защелку и распахнула дверь. Зита заметила, что по полу разбросаны одеяла. Девочки вошли внутрь, и толстуха заперла замок.

Тут же разразилась драка, но кто именно дерется и с кем, в темноте было не разобрать. Зита закрыла голову руками, отступила в угол и сползла по стенке вниз. Колени ее уперлись в подбородок.

— Слезь с меня, шлюха! — завопила одна девочка.

— Это мое место, ты, сука! — крикнула другая.

— Кэсси, Латиша, заткнитесь! — громко сказала третья. Голос у нее был сильный и уверенный. — Да прекратите уже, мать вашу!

Девочки затихли.

— Вы что, с ума посходили? — спросила третья. — И так тошно, а тут еще вы орете.

— Она всегда занимает мое место, — пожаловалась вторая.

— А ты всегда на меня наваливаешься, — огрызнулась первая.

— Я так больше не могу, — вступил четвертый голос. Девочка всхлипнула.

— Можешь попробовать сбежать, но ты рискуешь собственной шкурой, — снова вмешалась третья. Судя по всему, она была здесь главной. — Последний раз, когда я попыталась, они жгли меня сигаретами.

Зита закрыла глаза, изо всех сил сдерживая тошноту. В подвале воняло потом и засохшей мочой. Она сжала в кулаке фигурку Ханумана и беззвучно заплакала. Она попыталась вызвать в памяти Коромандельское побережье, его звуки и запахи, но вместо этого перед глазами стояли

лица Сухира, Навина, Дмитрия, Игоря и безвестных водителей грузовиков, плативших за то, чтобы заняться сексом с девочками-подростками.

Она оперлась затылком о стену и потерла себя обеими руками, стараясь немного согреться. Все тело затекло от неудобной позы, и Зита не представляла себе, как можно уснуть в таких условиях. Через некоторое время девочка, лежавшая рядом, заворочалась и освободила край одеяла. Зита осторожно натянула его себе на колени. Стало чуть-чуть теплее. Девочка опять пошевелилась и положила на ее ногу свою руку.

Зита глубоко вздохнула и снова закрыла глаза.

Она переживет эту ночь.

Глава 27

Вся правда редко бывает чистой.

Оскар Уайльд

Париж, Франция.

Томас и Джулия купили билеты на поезд TGV, который возвращался в Париж ранним вечером. Томас нашел в Кемпере интернет-кафе и забронировал билет на завтрашний утренний рейс до Бомбея. Со станции он послал два имейла: первый Эндрю Портеру, где сообщал о том, что Зиту увезли в Соединенные Штаты, а второй в CASE, Джеффу Грийеру, с обещанием прибыть в офис в понедельник. После этого он позвонил Прийе и назвал ей номер рейса и время прилета. Объявили посадку на поезд; Томас зашел в вагон, сел на место и постарался не думать о своем провале.

Джулия пригласила его провести эту последнюю ночь в ее квартире в Пятнадцатом округе. Квартирка была крошечной; Джулия постелила Томасу на диване, но он никак не мог уснуть. Организм так до конца и не привык к смене часовых поясов, и кроме того, ему мешали одни и те же навязчивые мысли. С каждой минутой Зита удалялась от него все больше. Томасу пришла в голову дикая идея поменять билет и отправиться не в Бомбей, а в Вашингтон, чтобы встретиться с Эндрю Портером, но он *знал*, что эта затея абсолютно бессмысленна. У него не было никакой зацепки, и кроме того, в министерстве юстиции его просто не подпустят к информации.

Часы пробили полночь. Устав ворочаться, Томас встал и принялся мерить шагами гостиную. Он не мог даже сидеть на месте. Потом он прошел на кухню, открыл холодильник, посмотрел в него пару минут и понял, что совершенно не голоден. Он вернулся в гостиную и встал у окна. Париж сиял огнями. В другое время это зрелище показалось бы Томасу завораживающе-романтическим, но сейчас он смотрел на городской пейзаж и не видел его.

«Где же ты, Зита Гхаи? — подумал он. — Куда они тебя увезли?»

На его плечо вдруг легла чья-то рука. Томас обернулся. Джулия стояла рядом, одетая только в коротенькую ночную рубашку на тонких бретельках. Он заглянул в ее огромные глаза, загадочные, полные ночной темноты, и увидел симпатию и сочувствие. Она взяла его за руку и крепко сжала. Все это было так неожиданно, что Томас не нашел что сказать. Он затаил дыхание, не сводя с Джулии глаз.

— Ты в порядке? — тихо, почти шепотом спросила она.

Разумеется, в порядке, хотел ответить Томас, но солгать почему-то не смог.

— Бывало и получше, — признался он.

Джулия подалась к нему и положила голову ему на грудь.

— Я знаю, что ты сейчас чувствуешь, — шепнула она и обвила его руками. — Со мной было

то же самое, когда исчезла моя сестра.

Томас застыл. Он не знал, что делать, как реагировать. Он подумал о Прийе в Бомбее, за четыре тысячи миль отсюда. О Кембридже, о Шарлоттсвилле, о Джорджтауне, о тех годах, что они провели вместе. Но его сила воли не могла устоять перед мощной волной тепла, исходявшей от Джулии. Он дрогнул. Только одно имело сейчас значение — разделить это тепло. Он обнял Джулию и уткнулся лицом в ее душистые волосы.

Они стояли прижавшись друг к другу, и минута казалась бесконечной. Потом Джулия подняла голову и посмотрела ему в глаза. Она спрашивала. Томас понял, что сейчас, в эту секунду, он должен принять решение, и пути назад уже не будет. Где-то в подсознании отчаянно зазвенела тревога, предупреждая об опасности, но он не выпустил Джулию из объятий. Когда ее губы коснулись его губ, он не отстранился. Когда она повела его в свою спальню, он не стал сопротивляться. В голове у Томаса мелькнула мысль, что точно так же было и с Терой, но сейчас ему было уже все равно. Он хотел ее. Она была ему нужна.

Они вошли в спальню. Джулия обернулась и сжала его руки в своих. Она притянула его к себе и опять поцеловала. Он чуть повернул голову, и его взгляд упал на туалетный столик. На нем стояла свеча; маленький огонек отражался в тяжелом зеркале. В ту же секунду перед его взором возникло видение. Подсвечник у зеркала. Комната, освещенная дрожащим пламенем свечей. Прийя, раскинувшаяся на кровати, готовая предаться любви. Невероятное, переливающееся через край счастье. Страсть. Радость освобождения. Ночь, когда была зачата Мохини.

Он отпустил руки Джулии и дотронулся до пальца, на котором когда-то было обручальное кольцо. Томас снял его, когда ушла Прийя, а потом, среди поспешных сборов, и вовсе забыл о нем. Кольцо символизировало обет, который они дали друг другу. *Я, Томас, беру тебя, Прийя...* Каким наивным он был тогда. Но ведь до свадьбы все наивны. *Да соединит нас это кольцо.* Томас вдруг осознал, что если он сейчас переспит с Джулией, то не только предаст свой брак как раз в тот момент, когда перед ним забрезжил новый рассвет, но и память о Мохини и обо всем прекрасном, что было в их с Прийей совместной жизни.

— Я не могу, — прошептал он.

Джулия отступила и скрестила руки на груди.

— Почему?

Он сделал глубокий вдох.

— Я женат. Моя жена в Бомбее.

Джулия медленно опустилась на кровать и обхватила колени руками. Томас неподвижно стоял рядом. Это было нечестно по отношению к ней, подумал он. Он позволил ей думать, что между ними все возможно, позволил этой симпатии развиваться. Любой дурак догадался бы, что Джулия к нему равнодушна. А теперь, когда она шагнула вперед, ожидая естественного продолжения, он вдруг вспомнил о долге и оттолкнул ее.

Они долго молчали. Наконец Джулия подала голос.

— Как ее зовут? — спросила она.

— Прийя.

— Она индианка?

— Да. Но почти всю жизнь прожила на Западе.

Она снова замолчала.

— Ты ее любишь?

Он кивнул. Это была правда. Чистая правда.

Джулия отвернулась. Легкий румянец окрасил ее щеки.

— Прости меня, — выговорил Томас. — Я должен был сказать тебе раньше.

Она встала.

— Да, — согласилась она и подошла ближе. — Ты должен был сказать мне раньше. Но вряд ли это что-то изменило бы. — Она легонько поцеловала его в щеку. — А могло бы быть так хорошо... — вдруг шепнула она.

Он закрыл глаза и стиснул зубы, борясь с желанием забыть обо всем и снова сжать ее в объятиях.

— Спокойной ночи, Джулия.

Собрав остатки решимости, Томас вышел из спальни и вернулся на свой диван. Он попытался уснуть. Слабо тикали часы. Джулия была совсем рядом, и ощущение ее горячих рук на его спине преследовало его, не давало расслабиться. Минуты утекали, превращаясь в часы; ночь постепенно переходила в утро. Когда наконец рассвело, Томас почувствовал ни с чем не сравнимое облегчение.

Он быстро принял душ и упаковал свои вещи. Джулия сварила кофе и поставила на стол свежие круассаны и масло. За завтраком они старательно поддерживали беседу на отвлеченные темы. После Джулия проводила Томаса до станции метро. Они прошли три квартала, вошли внутрь и остановились у турникетов, не зная, что сказать друг другу на прощание. В конце концов Джулия стряхнула с себя оцепенение и обняла его.

— Мне очень жаль, что все так вышло с Зитой, — сказала она.

— Мы сделали все, что могли. Никто на нашем месте не сумел бы добиться большего.

Она набралась смелости и посмотрела ему в глаза.

— Может быть, Эндрю Портер сможет помочь.

— Может быть. Кто его знает. — Томас помолчал. — Береги себя, Джулия. Пусть у тебя все будет хорошо.

Она улыбнулась ему — своей обычной мимолетной улыбкой.

— Возвращайся домой, Томас.

Он кивнул и медленно прошел через турникет. Последние слова Джулии, неизвестно почему, поразили его до глубины души.

Он добрался до аэропорта имени Шарля де Голля и сел в самолет «Эйр Франс» до Бомбея. Измученный бессонной ночью, Томас опустил жалюзи и постарался уснуть. Но сон не шел к нему.

Устав от бесплодных усилий, он вытащил фотографию Ахальи и в сотый раз уставился на лицо Зиты, улыбающейся сзади него. Прелестное дитя; девочка, которая вот-вот превратится в женщину. Когда-то он надеялся, что Мохини вырастет такой же красавицей. Эта мысль вдруг пронзила его как стрела. Неужели это и была истинная причина, по которой он отправился во Францию? Неужели тень его умершей дочери взывала к нему, умоляя спасти другую жизнь?

Самолет приземлился в Бомбее за полчаса до полуночи. Небо над городом было черным; звезд не было видно из-за смога. Было очень жарко и влажно, ночная температура была ниже дневной всего на несколько градусов. Прийя ждала Томаса возле багажной ленты. Она сделала шаг ему навстречу и неожиданно заключила его в объятия.

— С возвращением, — сказала она, и глаза ее заблестели. — Я скучала по тебе.

— Правда? — Томас удивился тому, как легко ему дышится рядом с ней.

Прийя кивнула и сжала его ладонь.

— У меня кое-что есть для тебя. — Она полезла в сумочку и достала два билета «Джет Эйрвэйз».

— Гоа, — с радостью отметил он.

— Завтра мы уезжаем в отпуск. Мне нужно выбраться из этого города.

Она взглянула на него с такой надеждой, что Томас не мог не улыбнуться.

— Это прекрасная идея. — Его вдруг затопила волна любви и нежности. — Ты такая красивая, — ни с того ни с сего заявил он.

Прийя просияла.

— Давай выберемся отсюда, — сказала она и потянула Томаса к выходу.

Они переночевали в квартире Динеша в Бандре. Молодой банкир был в отъезде, и Томас занял его спальню. После всплеска эмоций в аэропорту он надеялся, что Прийя захочет разделить с ним постель, но его ожидания не оправдались. Лукаво улыбнувшись, она обняла Томаса, пожелала ему спокойной ночи и скрылась в спальне для гостей.

Вторая ночь подряд стала для него пыткой. В три часа Томас проснулся от кошмара — ему показалось, что Мохини умирает от удушья в соседней комнате. Он вскочил с постели, готовый мчаться неведомо куда, обвел спальню диким взглядом и только тогда вспомнил, где он. После этого он уже не заснул. Томас лежал в кровати, прислушивался к звукам ночного города и размышлял над парадоксами, которые подкидывала ему жизнь. Почему, добиваясь славы и чести, он потерял их, а потеряв любовь, как будто бы приобрел снова? Как так вышло, что боль и страдания, почти разрушившие его жизнь, начали приносить в нее радость? Дело Джогешвари. Спасение Ахальи. Поиски Зиты. Прийя, спящая в соседней комнате. Обещание счастья в Гоа. Как получилось, что он прожил на свете тридцать лет, заработал две ученые степени, но все равно у него больше вопросов, чем ответов?

Утром он вышел на террасу и увидел, что Прийя уже там. Она была в ночной рубашке и держала в руках чашку горячего чая с молоком и специями. Несмотря на ранний час, солнце палило вовсю, но легкий бриз с океана немного смягчал жару.

— У тебя усталый вид, — заметила она и села в плетеное кресло.

Томас потер глаза.

— Я плохо спал, — признался он.

— Из-за Зиты?

Он кивнул. Это объяснение было проще.

— У Динеша прекрасная квартира, — сказала Прийя.

— Да, он неплохо здесь устроился.

— Кажется, в Бомбее он чувствует себя как дома. — В ее голосе Томасу почудилась грусть.

— А ты нет?

— День на день не приходится. Зависит от моего настроения.

— Ты бы осталась здесь навсегда? — спросил он, пытаясь обиняком выяснить свои собственные перспективы.

— Не знаю. Не уверена. А ты?

Он пожал плечами. Лгать не хотелось.

— Не знаю.

Прийя зевнула, встала и кончиками пальцев коснулась его руки.

— Пойдем. Нам нужно собираться.

— До отъезда мне нужно сделать еще кое-что, — сказал Томас.

Она взглянула на него с любопытством.

— Самолет в двенадцать.

— Это по дороге в аэропорт. Только нужно сначала позвонить.

Ахалья сидела за партой и смотрела в никуда. Было восемь тридцать утра, и в школе при ашраме шел урок математики. Учительница — сестра Элизабет — объясняла функции синуса и

косинуса. Девочки в страхе таращились на доску, но Ахалья уже знала этот материал. Она проходила основы тригонометрии в школе Святой Марии год назад. Репетитор, которого наняли в CASE, давал ей более сложные задания, но он приходил по понедельникам и средам, и в любом случае сестры настаивали на том, чтобы Ахалья посещала занятия в школе вместе с другими девочками.

Как обычно, она унеслась мыслями в прошлое. Вспоминала каждую черточку дорогих ей лиц, все детали, все малейшие подробности, манеру разговаривать и держаться, интонации — все. Любимые люди оживали в ее памяти. Она даже научилась переносить их в будущее — то, которое уже никогда не могло наступить, — и представляла себе лицо матери в старости, ее морщины, отца в день ее собственной свадьбы, повзрослевшую Зиту. Рисуя себе эти картины, Ахалья словно перемещалась в другое измерение. В последнее время сестры уже начали делать ей замечания за то, что она отвлекается на уроках.

— Ахалья, — вдруг позвала сестра Элизабет и прищурилась. — Назови синус прямого угла.

— Единица, — без запинки ответила она.

— А косинус угла сто восемьдесят градусов?

— Минус один. — Ахалья мысленно нарисовала график функции.

Сестра Элизабет вздохнула и снова повернулась к доске.

В восемь сорок пять в дверях появилась сестра Руфь. Девочки нестройно поприветствовали ее. Интересно, что привело директрису в класс во время урока?

— Ахалья, — сказала сестра Руфь. — Идем со мной.

Ее тон показался Ахалье немного странным. Слегка удивившись, она встала и пошла за сестрой Руфью. Не говоря ни слова, директриса повела ее по дорожке по направлению к выходу. С каждым шагом любопытство Ахальи усиливалось. Сестра Руфь молчала, а это было совсем не похоже на нее. Она вообще была на редкость разговорчивой.

Они подошли к пруду, где Ахалья посадила свой лотос. Сестра Руфь остановилась и показала на скамейку.

— Подожди здесь, — велела она. — Скоро к тебе придет посетитель.

— Кто? — спросила Ахалья с бьющимся сердцем. Она чувствовала ужас и радостное волнение одновременно. Анита из CASE приходила по вторникам. Сегодня был четверг. Значит, это не Анита. Тогда кто?

Вместо ответа, сестра Руфь повернулась и направилась к воротам. Ахалья села на скамейку. Тошнота опять накатила на нее, как обычно в последнее время, но она постаралась не обращать на нее внимания. Она взглянула на лотос. Горшок был хорошо замечен под водой. Над ним уже сформировались два круглых листа, как у кувшинки, но до цветов было еще далеко. Ахалья протянула руку и коснулась поверхности воды. В горшке зарождалась новая жизнь. Лотос расцветет. Непременно. Он просто обязан расцвести, потому что в нем находится дух Зиты.

«Расти! — мысленно приказала она. — Только из-за тебя я просыпаюсь по утрам».

Сестра Руфь встретила Томаса у ворот. Лицо у нее было серьезное и немного напряженное.

— Мистер Джефф позвонил и предупредил, что вы приедете. — Она взглянула на Прийю, которая ждала возле такси. — У вас есть новости для Ахальи?

Томас кивнул.

— Это насчет Зиты? — спросила сестра Руфь.

— Да, — сказал он.

— Если это плохие новости, ей лучше их не знать. Она сейчас в очень хрупком состоянии.

— Это хорошие новости, смешанные с плохими. — Томас потрогал рахки. — Я должен сказать ей правду. Думаю, она хотела бы знать.

Монахиня немного подумала и кивнула.

— Она сильная девочка. И говорит только о своей сестре. Если вообще говорит, конечно.

— У меня есть только пять минут, — сказал Томас.

Сестра Руфь открыла ворота и пропустила его вперед.

— Она у пруда.

Ахалья смотрела на воду. Услышав шаги, она подняла голову, и глаза ее удивленно расширились. Она вскочила и почти побежала ему навстречу.

— Вы вернулись, — сказала она. — Значит, у вас есть новости о Зите.

Томас заглянул в ее глаза и прочел там страх и надежду.

— Наверное, нам лучше сесть, — неловко заметил он.

Ахалья обхватила себя руками.

— Она не с вами.

— Нет, — признался Томас.

Он сел на скамейку и посмотрел на рощу. Где-то над головой, в ветвях, пела птица.

— Человек, который купил Зиту у Сухира, вывез ее во Францию, — начал он. — Последние два месяца она работала в ресторане в Париже. Бомбейская полиция задержала его, но все же мы не успели. Несколько дней назад Зиту увезли в Соединенные Штаты. Никто не знает, куда именно и зачем.

Ахалья заплакала. Ее плечи тряслись, все тело дрожало, словно молодое деревце на сильном ветру. Томас глубоко вздохнул. Возможно, сестра Руфь была права. Вероятно, ему не следовало сообщать Ахалье эти печальные новости. Он взглянул на лотос, не зная, что сказать, как утешить ее.

— Я послал фотографию Зиты своему другу, который работает в министерстве юстиции, — наконец выговорил он. — Я сказал ему, что теперь она в Соединенных Штатах. Я уверен, он оповестит об этом ФБР. Ее будут искать.

Ахалья постепенно затихла. Она еще несколько раз всхлипнула, повернулась к Томасу и посмотрела прямо на него. Глаза ее были красными, а щеки мокрыми от слез.

— Я хочу, чтобы вы кое-что передали вашему другу, — прошептала она.

— Обязательно передам, — пообещал Томас.

Она положила руку на живот.

— Скажите ему, что теперь Зиту ждут уже двое.

Она встала и медленно пошла по дорожке к зданию школы.

Томас в замешательстве посмотрел на сестру Руфь.

— Она очень храбрая, — заметила монахиня. — Другая на ее месте ничего бы вам не сказала.

— Не сказала что?

— Она беременна.

Он едва не охнул.

— После... того, что было в борделе?

Сестра Руфь кивнула:

— Это бывает довольно часто. Только мы надеялись, что с Ахальей все обойдется — она ведь пробыла там так недолго.

У Томаса закружилась голова.

— И она собирается оставить ребенка?

Сестра Руфь сверкнула глазами.

— Это жизнь, — резко сказала она, но тут же смягчила тон. — На данный момент ребенок — это вся ее семья.

Фигура Ахальи еще виднелась между деревьями. Томас проводил ее взглядом. В своем бледно-зеленом чуридаре и сандалиях Ахалья выглядела точно так же, как любая индийская девочка-подросток. Она была хороша собой, умна, образованна и прекрасно говорила по-английски. Ее ожидала замечательная жизнь, университет, медицина — или, может быть, юриспруденция; самое меньшее — удачное замужество. Но это было до того, как пришло цунами. Теперь она носила в себе семя человека, за деньги купившего ее невинность. После цунами ее будущее оказалось под вопросом. Теперь Ахалья лишилась его совсем.

— Как вы думаете, Зиту найдут? — спросила монахиня.

— Может быть, — ответил Томас. — Но возможно, и нет.

Сестра Руфь перекрестилась.

— Иногда я не понимаю, в чем смысл того, что посылает нам Господь, — сказала она.

— Значит, нас двое.

Полет до Гоа, к счастью, оказался совсем недолгим. Прийя заказала номер в одном из отелей Агонды, подальше от набитого туристами Северного Гоа. Томас почти ничего не рассказал ей о разговоре с Ахальей, и она, как ни странно, не проявила своего обычного любопытства, чему он был только рад. Он давно не видел Прийю такой счастливой и совсем не хотел огорчать ее печальными новостями.

В такси Томас опустил окно. Пролетавшие мимо пейзажи слегка отвлекали его от тягостных мыслей. Глядя на живописные бунгало и эвкалиптовые рощи, было проще не думать о Ахалье, ее ребенке, Зите и браслете на руке. Или о Тере, «Клэйтон» и той лжи, которую он сказал своей жене. Единственным, что немного примиряло Томаса с самим собой, была проявленная им твердость. Он сумел устоять перед красивой женщиной, которая желала его, устоять перед искушением. Хотя бы тут он поступил правильно.

Вскоре после четырех такси свернуло на узкую грунтовую дорогу, на которой располагались маленькие магазинчики и пляжные бунгало. Водитель высадил их у ворот «Гетэвей Резорт», в самом конце улицы. Отель точно соответствовал описанию в рекламных буклетах; он был аккуратным, простым, достаточно скромным и находился совсем рядом с морем.

Владелец, приятный седовласый мужчина в яркой гавайской рубашке, поприветствовал их на английском.

— Медовый месяц? — поинтересовался он.

— Да, — ответила Прийя, удивив Томаса. — Второй медовый месяц.

— Поздравляю. С новым началом, — улыбнулся владелец и вручил им ключи.

Взявшись за руки, они нашли свое бунгало и быстро разобрали вещи. Прийя вышла в ванную, чтобы переодеться, и появилась в белой льняной рубашке и цветастом саронге. Она с интересом оглядела Томаса, его пляжные шорты, сандалии и футболку, подошла поближе и обвила его руками. Ее дыхание щекотало его шею; Томас обнял ее и почувствовал, как же сильно он скучал по ней все это время.

Прийя сделала шаг назад.

— Пойдем прогуляемся, — предложила она.

— Где?

— По пляжу.

Изрезанная колеями тропинка вдоль пальмовой рощи вела к обрыву и дальше, через дюны, к пляжу. Они сбросили сандалии и босиком подошли к воде. Песок под ногами был невообразимо мягким и теплым. Тропическое солнце повисло над горизонтом, осыпая океан миллионами золотых блесков.

Прийя взяла его за руку, и они подошли к цепочке плоских валунов, лежавших у самой

кромки воды. Она залезла на самый высокий; Томас забрался следом. Они сели рядом, Томас обнял Прийю за плечи и притянул к себе. Она прижалась к нему. Закат был великолепен.

— Почему в жизни все так непросто? — спросила Прийя.

— Жизнь такая, какая есть, — ответил Томас. — Но то, что мы попытались сделать, было действительно непросто.

— Я о многом жалею, — тихо сказала она. — Мне нужно попросить у тебя прощения.

— Ш-ш-ш. — Он прижал палец к ее губам.

— Нет, я должна это сказать. — Прийя судорожно вздохнула. — Я причинила тебе боль. Я обидела тебя. Со мной было невозможно жить. Я думала, что, если вернусь домой, в Индию, будет полегче. Но легче не стало. Каждое утро я слышу ее голос. Я вижу ее маленькое личико, чувствую ее мягкие волосы. Я помню, как рожала ее.

Томас почувствовал, что его сердце словно раскололось на части. «Я все еще люблю ее», — вдруг осознал он. Он в самом деле любил Прийю. Никогда не переставал любить ее. Даже когда умерла их дочь. Даже когда ее глаза стали чужими и холодными, а с языка срывались жестокие, горькие, несправедливые слова. Он бы женился на ней снова и снова, тысячу раз, несмотря ни на что. Лучше и дороже Прийи в его жизни не было ничего.

— Наверное, это чувство никогда не исчезнет, — сказал он. — Она — часть нас.

Прийя задумалась.

— Тебе тоже снятся кошмары?

Он кивнул.

— Я просыпаюсь в холодном поту — мне кажется, что она кричит. Дома было хуже. Как будто живешь с призраками.

Они смотрели, как солнце опускается в море, раскрашивая небо в розовый.

— Говорят, можно все начать сначала. — Прийя взяла его ладонь и провела по ней пальцами. — Не знаю, верю ли я в это.

— Мы не узнаем, пока не попробуем.

Они сидели на камне до тех пор, пока на небе не выступили первые звезды.

— Ты хочешь есть? — спросила Прийя.

— Я хочу того, чего хочешь ты, — прошептал Томас, вдыхая аромат ее духов. Такой знакомый запах. Жасмин и сирень. Он пробуждал в нем сотни воспоминаний, и все они были прекрасны.

Она повернулась к нему. Ее губы были слегка приоткрыты. Томас поцеловал ее, сначала неуверенно, потом смелее и жарче, прижимая к себе, наслаждаясь ее вкусом.

— Может, пропустим ужин? — шепнула Прийя.

Он обхватил ее лицо ладонями.

— Это самое лучшее предложение в моей жизни.

На свете не было места восхитительнее, чем Гоа. Никогда еще океан не был таким синим, песок таким мягким, а солнце таким ласковым, как в эти три дня. Они проводили на берегу почти столько же времени, сколько в бунгало. Казалось, что Прийя никак не может насытиться его объятиями, и Томас с радостью шел ей навстречу. Каждый раз, когда он привлекал ее к себе, ему представлялось, что они распутывают еще один узел в спутанном клубке потерянного времени.

Утром второго дня они решили взять в аренду мопед в одном из магазинчиков Агонды. Прийя уверенно села сзади и обхватила Томаса за талию. Ее старший брат обожал мотоциклы, и Прийя провела все детство, раскатывая по улицам Бомбея. По неровной прибрежной дороге они помчались к северу, в сторону форта Кабо-де-Рама. Воздух был влажным и насыщенным солью, а небо над головой казалось высоким зелено-голубым куполом.

Следуя указателю, они свернули на Маргао и стали пробираться вглубь через рисовые поля и пальмовые рощи. В конце концов они поднялись на плоское сухое плато, возвышавшееся над зарослями деревьев. На западе расстилалась бесконечная голубая гладь океана. Форт находился в четырнадцати километрах от Агонды, но двухтактный двигатель позволил покрыть это расстояние в два счета. В конце дороги лежали развалины древней крепости, в разное время служившей индусам, Великим Моголам и португальским завоевателям.

Они оставили мопед у ворот, перелезли через остатки стен и выбрались на площадку, где раньше, должно быть, стояли пушки. Здесь земля круто обрывалась; море было в сотнях футов под ними. Волны разбивались о черные базальтовые скалы, рассыпаясь в воздухе фонтанами брызг. Они долго стояли там, любуясь невероятным зрелищем.

— В таких местах, как это, трудно поверить, что в мире может существовать уродство, — наконец сказал Томас.

— Так и было задумано, — возразила Прийя. — Уродство — дело наших собственных рук.

Около пяти они въехали в Палолем, небольшое поселение на берегу в четырех километрах к югу от Агонды. Здесь магазинов было больше; повсюду расхаживали уличные торговцы, предлагая свой товар. Они бросили мопед и пешком пошли к пляжу, где сохли вытащенные на берег рыбацкие лодки.

Пляж в Палолеме был шире, чем в Агонде, и гораздо оживленнее. Местные жители, одетые в рубашки с длинными рукавами и в сари, чинно прогуливались по берегу с детьми, в то время как отпускники в купальниках и плавках отрывались под громкую музыку, лившуюся из каждого кафе или бара. Контраст был более чем резким, но никто не придавал этому значения.

Томас и Прийя уселись на террасе одного из баров и заказали по пинаколаде. Солнце, тяжелый шар из расплавленного золота, постепенно катилось к полуострову, обнимавшему залив.

На пляже были установлены самодельные калитки для крикета. Мальчик с битой в руках прокричал что-то в сторону берега; половину его слов заглушил шум прибоя. Через пару минут у калитки собралась пестрая компания из четырех человек. Мальчишки быстро переговорили между собой и мгновенно разделились на две команды — бьющих и подающих.

Импровизированный матч настолько впечатлил Томаса, что он полез в рюкзак, достал блокнот, записал эту сцену и прочитал Прийе.

— Тебе нужно быть писателем, — заметила она. — Бросай юриспруденцию. В мире и без тебя полно адвокатов.

Томас засмеялся и взял ее за руку.

— Я могу принять твои слова всерьез.

На улице начали постепенно загораться огни.

— Мне хорошо с тобой, Томас, — просто сказала Прийя.

Он взглянул на нее.

— Это означает, что я на правильном пути?

Ее глаза озорно блеснули.

— А ты как думаешь?

В воскресенье утром Томас проснулся от пения птиц. Морской бриз шелестел ветками пальм в роще. Он перевернулся на другой бок и увидел, что Прийи рядом нет. Томас не удивился. Она часто вставала рано, чтобы поприветствовать новый день. Он потер лоб и поморщился. Вчера они допоздна веселились на Палолем-Бич, и он немного перебрал с напитками. Голова болела, и в висках пульсировало.

Он прислушался. В бунгало было тихо, вода в душе не шумела. Должно быть, Прийя пошла прогуляться. Томас прошел в ванную и взглянул на себя в зеркало. Он не брился четыре дня, и щетина уже начинала переходить в бороду. Он достал бритву и привел себя в порядок. Сегодня днем они должны были вернуться в Бомбей. Томасу не хотелось уезжать, но вечные каникулы существовали только в воображаемом мире. В реальном люди должны были ходить на работу.

Он порылся в рюкзаке и натянул шорты и футболку. Впереди было целое утро. Торопиться в аэропорт необходимости не было. Он развернулся и уже собрался выйти из бунгало, чтобы присоединиться к Прийе на пляже, но тут заметил на столе свой Black-Berry. Под ним белела записка. Томас взял листок бумаги в руки и вытаращил глаза.

«Как ты мог?»

Почерк был Прийи.

Black-Berry был поставлен на режим ожидания. Томас нажал кнопку, и экран засветился. Он пробежал глазами имейл на экране, и все тут же встало на свои места.

Сообщение было от Теры.

«Томас, я знаю, почему ты уехал. Я догадывалась, но у меня не было доказательств. Они поставили перед тобой ультиматум, ведь так? Им нужен был козел отпущения. Господи, я поверить не могу, что они так поступили. Но это все объясняет. Ты спросишь, откуда я узнала. Несколько дней назад уборщики застукали Марка Блейка в кабинете с помощником. Фирма попросила его отказаться от должности. Я поспрашивала народ и нашла человека, который рассказал мне о случившемся. Больше нет смысла скрываться, Томас. Скоро скандал уляжется, и все о нем забудут. С тех пор как ты исчез, я очень скучаю по тебе. Я поняла, как сильно хочу быть с тобой. Пожалуйста, не молчи. Мы понимаем друг друга».

Томас швырнул телефон на кровать. Как *смеет* Прийя читать его почту? Как *смеет* Тера вмешиваться в его личные дела? Как *смеет* жизнь ставить ему такие подножки? Он действительно любил Прийю. Да, он приехал в Индию по разным причинам и был с ней не вполне откровенен, но ведь он искренне хотел вернуть ее обратно! Господи, они же говорили о *будущем*. Он совершил огромную ошибку с Терой, это правда, но в тех обстоятельствах это было простительно. И он постарался оборвать с ней все связи.

Он снова схватил телефон, выскочил из бунгало и зашагал к пляжу. На берегу почти никого не было. С моря дул влажный ветер, покрывающий волны белыми барашками. Прийя сидела у кромки воды. Он направился к ней, не в силах придумать ни одного нормального объяснения. Все слова казались неправильными и лживыми. Что бы он ни сказал, будет выглядеть или придурком, или скотиной.

Прийя заметила его издалека и бросилась бежать, но Томас был быстрее. Он нагнал ее неподалеку от тех камней, где они впервые поцеловались несколько дней назад.

— Уйди от меня! — крикнула Прийя и отдернула руку. — Как ты мог, Томас? Ну как ты мог? Я тебе *доверяла*!

Она снова пустилась бежать. Томас обогнал ее и преградил путь.

— Да остановись ты, ради бога. Давай поговорим.

— Нам не о чем говорить! Ты соврал мне про Теру, и ты соврал мне про «Клэйтон». Этого вполне достаточно.

— Но эти дни не были ложью.

— Эти дни — самая большая ложь из всех. Я занималась с тобой любовью. Я снова начала верить в будущее. И что теперь? — Она помотала головой. — Все эти годы отец был прав.

Томас не поверил собственным ушам.

— Как ты можешь так говорить? В Феллоуз-Гарден не было лжи. В нашей свадьбе не было лжи. Мохини...

— Не смей произносить ее имя! — яростно крикнула Прийя. На глазах ее выступили слезы. — Не смей произносить ее имя, ты, ублюдок! Я родила ее. Я заботилась о ней, пока ты зарабатывал свои пятьсот долларов в час в этом цирке уродов, который вы называете юридической фирмой. Я смотрела, как она растет, пока ты наслаждался лучшим сексом в своей жизни в спальне Теры.

Томас сжал кулаки.

— Я не спал с ней, Прийя. Я не врал тебе. Мне было не с кем поговорить. Ты впала в ступор. А Тера была рядом, когда мне нужно было, чтобы меня кто-нибудь выслушал.

Она сделала шаг вперед и уперла указательный палец ему в грудь.

— Посмотри мне в глаза и скажи, что ты никогда не спал с Терой Атвуд.

Его виноватый взгляд сказал Прийе больше, чем любые слова.

— Я знала! — в бешенстве крикнула она. — Я знала это все время! Вот почему я прочитала твою почту. Я знала, что ты мне врешь!

— Ты прочитала мою почту потому, что у тебя паранойя! — завопил Томас, поддаваясь своему собственному гневу. — Я не спал с ней, пока ты не бросила меня и не укатила домой к папочке!

Она бросилась на него и толкнула ладонями в грудь.

— Убирайся от меня! Оставь меня в покое!

Тяжело дыша, они отскочили друг от друга. Томас овладел собой первым.

— Знаешь, — выговорил он, — мне очень жаль. Мне правда жаль, потому что я действительно люблю тебя, Прийя. Я наделал много ошибок, но я приехал сюда с надеждой. Я хотел, чтобы все продолжалось. Тера написала мне потому, что не захотела смириться с отказом. Я твердо сказал ей, что между нами все кончено. Я не могу развеять то, что она себе напридумывала, и не могу заставить ее исчезнуть из моей жизни. Но она на другом конце света, а я здесь, в Гоа, с тобой. В эти дни я был счастлив так, как не был уже много лет. Я хочу того будущего, о котором мы говорили. Но, видимо, этого недостаточно.

Прийя упорно смотрела в океан. Ее черные волосы развевались на ветру. Томас видел, что его признание в любви подействовало на нее, но, как обычно, сдаваться она не собиралась.

— Ты так заполнен сам собой, Томас Кларк, — сказала Прийя. — Для тебя попросить прощения — это просто признать собственное несовершенство. Ты мне противен.

— Значит, ты хочешь, чтобы я уехал? — спросил он.

Она покачала головой:

— Мне все равно. Я просто не хочу тебя больше видеть. Никогда.

Он постоял еще немного. Прийя имела в виду именно то, что сказала.

— Ты выиграла, — бросил он, развернулся и пошел обратно к бунгалу. Боль в сердце была невыносимой, невозможной. — Ты всегда выигрываешь, — прошептал он.

Глава 28

*Их память на земле невоскресима; от них и суд, и милость отошли.
Они не стоят слов: взгляни — и мимо!*

Гаррисберг, Пенсильвания.

Зите удалось немного подремать, но она просыпалась всякий раз, когда девочка, лежавшая рядом, двигала ногой или рукой. Она не знала, сколько прошло часов, прежде чем толстуха снова открыла дверь склепа. Она сунула ближайшей девочке кувшин с водой и несколько пакетов яблок и щелкнула замком. Опять разразилась ссора с дракой; девочки сражались за еду, как раньше за спальные места. Зита чувствовала сосущую пустоту в желудке, но ей не хотелось участвовать в дразгах. Она надеялась, что кто-нибудь захочет поделиться с ней из сочувствия, однако здесь каждый был за себя.

Часы потянулись дальше. Девочки открывали рот только затем, чтобы поскандальить или пожаловаться. Зита хотела спросить, не знают ли они, где находятся, но побоялась. Когда толстуха появилась в следующий раз, она разрешила им воспользоваться грязным туалетом под лестницей. Слив в унитазе не работал, и он был наполнен почти до краев. Зита заткнула нос и сделала свои дела, надеясь, что мерзкая жижа не польется на пол.

Здесь был свет, хотя и тусклый, и она смогла получше рассмотреть своих подруг по несчастью. Четверо были черными, трое белыми. Некоторые были даже симпатичными, но абсолютно все выглядели нездоровыми. Самой младшей, худенькой, хилой девочке с бледным лицом и грязными рыжими волосами, было лет тринадцать; самой старшей — той самой, с сильным, уверенным голосом — около восемнадцати.

После того как рыжая вышла из туалета, в подвал спустился толстый мужчина, взял ее за руку и потащил вверх. Она втянула голову в плечи и, не сопротивляясь, пошла за ним. Толстуха проводила их злобным взглядом. Одна из девочек чуть пошевелилась, женщина развернулась и со всего размаха влепила ей пощечину.

— Я ничего не сказала! — вскрикнула девочка и схватилась за щеку.

— Не оговаривайся, сука! — завизжала толстуха и принялась наносить удары куда попало.

Отведя душу, она уселась на ступеньку, перевела дух и стала ждать возвращения рыжей. Это случилось довольно скоро. Опустив голову, девочка вошла в склеп, забилась в самый дальний угол и закрыла лицо руками.

— Ну, пошли! — заорала толстуха, запихивая остальных внутрь.

Зита проскользнула мимо, так, чтобы толстухе не удалось до нее дотронуться, и села рядом с рыжей. Загнав всех, толстуха заперла дверь, и они остались в темноте. Зита обняла девочку и притянула ее к себе. Та еще долго плакала, но в конце концов затихла.

Потом она сама нашла в темноте руку Зиты и сжала ее ладонь.

Через некоторое время дверь снова распахнулась, и толстуха повела их вверх. Толстяк стоял в начале лестницы, а мужчина с сигаретой поджидал их возле грузового отсека фургона. Девочки забрались в машину и расселись на полу. Зита не знала, который был час, но на улице уже стемнело. Толстяк пробормотал что-то мужчине с сигаретой — Зита уловила слова «ехать» и «всю ночь». Она посмотрела на девочек — интересно, знают ли они, куда их везут?

— Ну вот, опять, — сказала старшая.

Водитель — курильщик — завел двигатель и захлопнул дверь. Рыжая подвинулась ближе к Зите и взяла ее за руку. Обрадовавшись проявлению симпатии, Зита немного осмелела и начала задавать ей вопросы. Они говорили тихо; шум мотора почти перекрывал звук голосов.

Девочку звали Элси, ей было пятнадцать лет — а не тринадцать, как показалось Зите, — и родилась она в маленьком городишке в горах к западу от Питтсбурга. Ее история была простой и ужасной. Отчим насиловал Элси с самого детства, с ведома матери. Когда он начал приставать к

ее младшей сестре, Элси пригрозила пойти в полицию. Тогда он достал нож, поднес к ее лицу и сказал, что порежет ее, если она посмеет что-нибудь сболтнуть. На следующий день Элси сбежала из дома.

— Куда же ты пошла? — спросила Зита.

— Купила билет на автобус до Нью-Йорка, — ответила Элси. — Знаешь это шоу, «Топ-модель по-американски»?

Зита покачала головой.

— Ну, не важно. Короче, они проводили кастинг, и я подумала, что, типа, можно попробовать. Ну, может, не в этот сезон, но я, типа, заведу новые знакомства, и мне кто-нибудь поможет. — Элси замолчала и крепче сжала руку Зиты. — И я связалась с Руди...

Руди подошел к ней возле ночного магазина и завязал разговор. Он пообещал, что подыщет для нее работу в модельном бизнесе. Элси пошла с ним на какой-то склад, он изнасиловал ее и снял весь процесс на камеру. Потом он сказал, что, если она не будет делать то, что он скажет, он пошлет запись ее родителям. Руди отвел Элси в свою квартиру и насиловал до тех пор, пока она ему не надоела. Потом он перепродал ее какому-то человеку, который увез Элси подальше и запер ее в подвале какого-то дома. Там были еще три девочки. Мужчины приходили в дом поздно ночью и занимались с ними сексом.

Через несколько недель девочек перевезли в другой бордель. Они меняли место жительства каждые две недели. Время от времени к ним добавлялись новые девочки, а кто-нибудь исчезал. Иногда их заставляли позировать в обнаженном виде или снимали секс на камеру.

Зита вспомнила кабинет Василия и вздрогнула.

— Что они делают с фотографиями?

— Наверное, выкладывают в Интернет, — предположила Элси. — Мой папочка все время разглядывал эти картинки, когда я была маленькой. И мне давал смотреть.

В прошлом году сутенерская сеть накрыла всю восточную часть страны. Элси работала без перерыва, даже когда была больна. Ей просто не давали ни минуты отдыха. Несмотря на то что клиенты платили за ее услуги от сорока до ста двадцати долларов, ей из этих денег не перепало ни цента. Клиенты шли непрерывным потоком. Элси пользовалась успехом, потому что была очень юной и у нее были красивые глаза — так они говорили, во всяком случае. Ей уже приходилось один раз обслуживать дальнобойщиков на стоянке в Гаррисберге, но она точно не помнила, когда это было.

Зита спросила, куда их везут сейчас.

Элси пожала плечами:

— Кто его знает. Куда угодно.

Они ехали несколько часов, останавливаясь только на заправках или где-нибудь на дороге, чтобы девочки могли сходить в туалет. Элси спросила Зиту, как она сама попала сюда, и Зита рассказала ей о цунами и о своем долгом путешествии из Индии.

— Ты классно говоришь по-английски для индианки, — заметила Элси.

— Мы учили английский в школе, — сказала Зита. — И дома тоже разговаривали по-английски.

— А почему не на своем родном языке?

— Потому что сейчас весь мир говорит на английском, — ответила Зита.

Элси кивнула:

— Это потому, что Америка — лучшая страна на земле.

Через некоторое время фургон затормозил. Мужчина с неизменной сигаретой в зубах поднял заднюю дверь. Наступал рассвет; небо было серым и тусклым. Они находились в каком-то

запущенном городском районе, с жалкими домишками и потрескавшимися тротуарами. Многие дома были заколочены. На здании напротив красовалась вывеска: «Винный супермаркет — все лучшее в Атланте».

Курильщик сделал девочкам знак выходить. Зита полезла следом за всеми, но мужчина придержал ее и покачал головой.

Элси бросила на нее быстрый взгляд.

— Еще увидимся, — шепнула она и выбралась наружу.

Они проехали еще примерно час, и затем фургон снова остановился. Зита услышала приглушенный диалог, потом водитель открыл дверь. Машина стояла на подъездной аллее, обсаженной высокими соснами. Рядом с курильщиком был странного вида мужчина азиатской наружности, с темными глазами, одетый во все черное. Он небрежно кивнул Зите.

— Вылезай, — сказал курильщик. — Теперь тобой займется Ли.

Он взял ее за руку, вытащил из фургона и передал азиатку. Ли повел Зиту по аллее к просторной элегантной усадьбе. Дом был окружен ухоженными газонами и роскошными клумбами. Где-то поблизости слышался шум проезжавших мимо автомобилей, но участок со всех сторон обступали сосны, и за ними ничего не было видно.

Вслед за Ли Зита вошла в холл, где их уже поджидала худощавая светловолосая женщина средних лет. Она смерила Зиту оценивающим взглядом.

— Ну-ну, — протянула она. — Дитрих говорил, что передаст мне маленькую смугляночку. Мы всегда рады разнообразию. Скажи-ка мне, милочка, как тебя зовут?

— Зита Гхай, — ответила Зита. Руки у нее дрожали, и она сжала их в кулаки. От упоминания о Дитрихе ее снова бросило в холодный пот. Тот блондин в клубе говорил что-то о цвете ее кожи. «Она красивая, — сказал он. — Она уйдет по высокой цене». Может быть, это и был Дитрих?

Женщина подошла к ней поближе и стряхнула невидимую пылинку с ее плеча.

— Зита Гхай, — повторила она. — Как мило. — Ее глаза вдруг стали жесткими. — Прежде всего давай-ка проясним одну вещь. Ты меня хорошо слушаешь?

Зита кивнула.

— Отлично. — Она уставилась Зите прямо в глаза. — Ты больше не Зита Гхай. В этом доме нет места девочкам с прошлым. — Она взглянула на Ли. — Уведи ее.

Зита застыла. Ли сделал ей знак следовать за ним, но она не могла сдвинуться с места. Он выругался на каком-то незнакомом языке, грубо схватил ее за руку и потащил вперед. Они миновали гостиную с антикварной мебелью, коридор, увешанный картинами, и спустились по лестнице в винный погреб. Здесь были сотни бутылок; все они были аккуратно расставлены по шкафчикам, каждый из которых сам по себе являлся произведением искусства.

Ли подвел ее к дальнему углу погреба, открыл один из шкафчиков и повернул стоявшую в первом ряду бутылку бургундского. Что-то щелкнуло, тихо загудело, и шкафчик отъехал от стены. За ним оказался еще один коридор с несколькими дверями, каждая из которых запиралась на кодовый замок. Ли подошел к одной из них, в самом конце коридора, и набрал пятизначный шифр. Потом распахнул дверь и втолкнул Зиту в комнату, похожую на фотостудию. Он поставил ее посередине, отступил на несколько шагов, оглядел ее и задумался. Он постоял так с минуту, бормоча что-то себе под нос, потом, видимо, принял решение и открыл огромный, от пола до потолка, шкаф с одеждой. Ли немного порывлся среди вешалок и достал блестящее белое трико, усыпанное пайетками. Он бросил его под ноги Зите.

— Надень, — коротко приказал он, вышел и запер за собой дверь.

Зита с отвращением посмотрела на трико. Ей казалось, что если она прикоснется к нему, то заразится какой-нибудь болезнью. Она не смогла заставить себя даже поднять его с пола. Когда

Ли вернулся, она по-прежнему стояла посреди комнаты, не в силах оторвать от него взгляда. Он выругался, потом вдруг вытащил нож и покрутил им возле ее лица.

— Надень, или я буду резать твою одежду, — сказал он с сильным акцентом. — Даю пять минут.

Зита развязала сари, которое купила ей тетушка, и положила его на пол. Она носила его две недели, не снимая, и ткань пропиталась запахами пота и сигаретного дыма. Потом она подняла трико и натянула его, стараясь не обращать внимания на его неприятную скользкость.

Ли вернулся вместе с тем самым блондином из клуба. Как и в прошлый раз, на нем был дизайнерский пиджак и брюки. Как и в прошлый раз, он холодно улыбнулся ей одними кончиками губ. Глаза у него были светло-голубые, льдистого оттенка. Теперь Зита знала, как его зовут. Ей вспомнились слова Дмитрия и Игоря: «...отец заключил с Дитрихом сделку повыгоднее», «Алексей сказать тебя не трогать. Дитрих приедет».

Дитрих подошел к дивану и сел. Глядя на него, Зита почувствовала, что терзавший ее все это время страх уступает место тупому отчаянию. В ушах у нее прозвучал голос Сумиры: «Подчинитесь воле бога, и, может быть, в следующей раз вы родитесь в лучшем месте».

Ли щелкнул пальцами у нее перед носом. Зита вздрогнула и очнулась.

— Хорошо, — заметил Ли и взял ее за плечо. — Сюда.

Он подвел ее к кровати, покрытой фиолетовым шелковым покрывалом, и велел сесть. Потом нажал на кнопку, и ее ослепил яркий белый свет. Ли выглянул из-за прожектора. В руках у него была цифровая камера.

— Не улыбаться, — сказал он, направляя объектив на нее. — Смотри сюда.

Ли приближался и отходил, фотографируя ее с разных углов. Он заставлял ее принимать то одну позу, то другую, то сесть, опираясь на подушки, и согнуть ноги в коленях, то лечь на живот. Он дал ей плюшевого мишку и сделал пару снимков с ним, потом поменял мишку на леденец. Фотосессия продолжалась не меньше получаса.

Удовлетворившись, Ли выключил прожектор и положил на кровать хлопковую футболку и спортивные штаны.

— Надень, — сказал он.

Он сел на диван, взял журнал и сделал вид, что ему нет до нее никакого дела. Дитрих, наоборот, поднялся и подошел к кровати.

— Переодевайся, Зита, — сказал он. — Стесняться тут нечего.

Зита посидела еще несколько секунд и стала снимать трико. Ли листал журнал, но Дитрих следил за каждым ее движением. Никогда в жизни Зита не чувствовала такого стыда. Ей хотелось провалиться сквозь землю и исчезнуть навсегда.

Когда она снова оделась, Дитрих протянул руку и взял ее за подбородок.

— Все будет как надо, — загадочно сказал он, переглянулся с Ли и вышел из студии. Зита осталась сидеть в той же позе. У нее было такое ощущение, что ее изнасиловали взглядом.

Ли бросил журнал на столик и махнул рукой. Вслед за ним она прошла к одной из дверей, Ли открыл ее и включил свет. Обстановка в маленькой комнате была более чем лаконичной. Там стояла кровать, телевизор с видеомagneитофоном на подставке и лежала стопка журналов. Окон не было.

— Ванная в коридоре, — сказал Ли. — Пользоваться когда еда. Смотри кино и «Сайнфелд».

Почему-то последняя реплика показалась ему особенно смешной. Ли расхохотался над собственной шуткой и вышел.

Зита опустилась на кровать и застыла, снова и снова мысленно проигрывая в голове каждый момент фото-сессии. Она помнила каждый кадр, сделанный Ли, каждую позу, которую принимало ее послушное тело, тени на стене, гладкость простыней, бархат подушек, слепящий

глаза свет прожектора, шелковистую шерсть мишки, вкус леденца. В том, что ее заставляли делать Дитрих и Ли, не было ничего непристойного, но Зита знала, что фотографии были сделаны не просто так. Дитрих не зря заплатил за нее тридцать тысяч долларов. Все в этом забытом богом месте делалось не просто так.

Она откинулась на подушки, закрыла глаза и подумала о фигурке Ханумана в кармане пальто. Пальто осталось лежать на полу в студии. Как и все прочее в ее жизни, Хануман ушел. Его больше не было. Постепенно она стала дышать все глубже и ровнее, погружаясь в дремоту. Почти бессонная ночь, проведенная на полу в склепе у толстухи, и долгое путешествие в автофургоне совсем лишили ее сил.

Ни мучительные воспоминания, ни страх перед будущим не могли заставить ее веки подняться.

Меч правосудия не имеет ножен.

Антуан де Ривароль

Гоа, Индия.

Томас быстро покидал в сумку свои вещи и помчался прочь из Агонда-Бич. С Прией он больше не увиделся — но после того, что она сказала, он этого и не ожидал. Владелец отеля вызвал ему такси, и Томас пообещал водителю хорошие чаевые, если они доберутся до аэропорта как можно скорее. Таксист решил, что чаевые некоторым образом освобождают его от соблюдения правил дорожного движения, и постарался нарушить их все, но Томасу было все равно. Теперь ему было безразлично абсолютно все на свете.

Он прибыл в аэропорт за сорок минут до того, как самолет до Бомбея должен был подняться в воздух, купил билет и сел на скамейку в зале ожидания. Он еще раз перечитал послание Теры и снова разозлился. Он бы с удовольствием сказал ей пару ласковых слов, но это уже ничего не меняло. Все было уже разрушено.

Он перелистал входящие и обнаружил одно непрочитанное письмо — от отца. Судья редко пользовался Интернетом, и, если уж он посылал кому-нибудь личное сообщение, это означало, что речь идет о чем-то действительно серьезном.

«Сын, вчера я разговаривал с Максом Юнгером. Судя по всему, проблема с Марком Блейком разрешилась сама собой. Не буду вдаваться в подробности, но Макс замолвил за тебя слово перед партнерами. Ты можешь вернуться в „Клэйтон“ в любое время. Макс восхищается тобой, сын. Он сказал, что ты один из лучших молодых адвокатов, с которыми ему приходилось иметь дело. Такая похвала дорогого стоит — учитывая, что она исходит от человека, которого мы в свое время прозвали Циркулярной Пилой. Не стану задерживать тебя надолго, я просто хотел сказать, что ты снова пользуешься благосклонностью партнеров в „Клэйтон“. Если ты и дальше будешь поддерживать дружбу с Максом Юнгером, то обнаружишь, что дорога до Федерального суда гораздо короче, чем тебе представлялось».

Томас откинулся на спинку скамьи. Он понимал, что должен бы обрадоваться, но письмо отца только привело его в еще большее замешательство. Значит, до партнеров дошло, кто на самом деле тот человек, из-за которого «Клэйтон» чуть не обвинили в недобросовестном исполнении услуг по договору. Но Судья не упомянул об извинениях. «Клэйтон» выставила его взашей, выгнала едва ли не пинком и не предложила никакой компенсации морального ущерба. Только предложение снова впрячься в ярмо.

Он посмотрел в окно, на расстилавшуюся вдали взлетную полосу. Действительно ли он хочет стать партнером в «Клэйтон-Свифт»? Пост федерального судьи — это, конечно, настоящая цель, но она была далеко впереди. До этого его ожидал двенадцатичасовой рабочий день, занятые выходные, бесконечные коктейльные вечеринки, политиканство и постоянные беспочвенные обвинения от клиентов вроде «Уортон Коул», которые швыряются миллионами так, словно бы это мелочь на автобус, и за это требуют от юристов, чтобы они ходили по воде и вообще творили чудеса. Томас знал это наверняка, потому что всю жизнь у него перед глазами был пример отца.

Отец бы сказал, что оно того стоило. Но вряд ли мать согласилась бы с ним. И Томас был уверен, что его младший брат был с этим точно не согласен. Сколько важных моментов в жизни упустил отец в погоне за целью?

Он услышал, как объявили посадку на рейс, и присоединился к длинной очереди пассажиров. Достал Black-Berry, чтобы выключить его, но телефон вдруг зажужжал прямо у него в руке. Пришло сообщение от Портера.

«Томас — ты что, совсем бросил проверять почту? Мы нашли Зиту. Она в аду. Мы постараемся ее вытащить. Если хочешь участвовать, садись в самолет и прилетай в Атланту. Прямо сейчас. Звони мне в любое время, днем и ночью».

Не веря своим глазам, Томас уставился на экран. Сердце бешено застучало. Зита нашлась? После чуда, которое произошло в Париже, и сокрушительной неудачи в Бретани, это уже не представлялось ему возможным. Почему Атланта? Что значит — она в аду?

Он торопливо настукал два сообщения. Первое — Эндрю Портеру:

«Буду завтра утром. Вечером сообщу тебе время прибытия и номер рейса».

Второе — Джеффу Грийеру:

«В деле прорыв. Нужна еще неделя. Буду на связи».

Послав второе сообщение, Томас взошел на борт самолета и от души пожалел, что тот не сверхзвуковой.

Тем же вечером он сел в самолет до Дубай, а потом сделал пересадку на рейс «Дельта Эйр Лайнз» до Атланты. Огромное воздушное судно приземлилось в международном аэропорту Хартсфилд-Джексон на рассвете. День только-только занимался, и небо было еще серым. Томас быстро прошел таможенный и пограничный контроль и снял с ленты свою единственную сумку. Эндрю Портер ждал его у выхода из аэропорта в служебной машине.

Томас забросил сумку в багажник и прыгнул на переднее сиденье. Портер завел мотор и выехал на шоссе.

— Все, что я тебе рассказываю, — это строго конфиденциально, — начал Портер. — Мне пришлось нажать на все возможные кнопки, чтобы включить тебя в дело. По цепочке все дошло до помощника генерального прокурора. Оказалось, что он и заместитель главы ФСБ — давние приятели. И он очень уважает твоего отца.

— Я когда-нибудь говорил тебе, что люблю тебя больше всех на свете? — ухмыльнулся Томас.

Портер закатил глаза.

— Тебе знакомо понятие mIRC?

— Смутно.

— Это программа, позволяющая принимать участие в чатах.

— В виде аббревиатуры звучит более устрашающе.

— Ты собираешься шутить свои шутки или слушать меня?

— Извини.

— mIRC — это не обычный чат. Он организован в виде каналов, в общем, таких же, как простые чаты, но в них гораздо труднее попасть. Некоторые каналы вообще недоступны — тебя туда могут только пригласить. С тех пор как изобрели mIRC, парни из компьютерного отдела ФБР мониторят его на предмет детской порнографии. Это новый Дикий Запад — никаких

законов, полная секретность и Интернет под рукой. Сеть соединила всех подонков общества. Педофилы, любители детского порно были одиночками — до Интернета. Теперь они объединяются.

— Звучит превосходно, — заметил Томас. — Всемирная ассамблея извращенцев.

— Точное определение. Так вот. В вашингтонском отделении ФБР есть один парень, по фамилии Дефо. Страшно умный — работал в «Зеленых беретах» и знает абсолютно все о компьютерах. Отслеживает детское порно в Сети уже много лет. Никто не знает, как ему это удастся, но психологи не в состоянии его вычислить. Он — гуру mIRC. Этот парень никогда не спит. Он давно пытался проникнуть в канал под названием Ксанаду-фак.

— Его пользователи, без сомнения, почтенные, законопослушные граждане, — вставил Томас.

— Просто бойскауты, — подтвердил Портер. — Итак. Ребята, с которыми беседовал Дефо, упоминали о нем, но никто не сказал, как туда попасть. Похоже на какое-то тайное общество. Ты не подаешь заявку на вступление в члены. Тебя просто приглашают — или не приглашают. Ну и — чудо из чудес — месяц назад Дефо получил приглашение от модератора. Малый выступает в Сети под ником Спартак.

— Какое оригинальное имя, — сказал Томас.

— Ты сейчас поймешь, что творческий потенциал этого парня реализуется совсем в другом. Дефо начал круглые сутки зависать на Ксанаду-фак. Он быстро понял, что другие посетители — секс-туристы, потому что они говорили о странах типа Таиланда, Камбоджи или Молдовы. Но о детях речи не было вообще. Ни слова. Они обсуждали дорогое вино. Дефо трезвенник, поэтому он пошел и специально купил книгу о вине. Он тоже вступил в дискуссии о вине, и перед ним открылся целый новый мир. Удивительно, какие вещи люди могут поведать друг другу, когда думают, что это анонимно.

— А разве это не анонимно в самом деле?

— И да и нет. — Портер перестроился в другой ряд и объехал медленно тащившуюся фуру. — Имей терпение. Я перехожу к хорошим новостям. Примерно через неделю Дефо присоединился к разговору о некоем эксклюзивном сорте итальянского вина, которое можно достать в Соединенных Штатах, и в конце концов спросил Спартак, где можно приобрести бутылку. Вот тут все и понеслось. Парень пригласил Дефо в приватный чат. Поболтать с глазу на глаз. И задал Дефо вопрос, который должен был все расставить по местам. Отделить овец от козлиц, так сказать. Он спросил, как ему нравится вкус молодой п...ы.

— Господи боже мой, — сказал Томас.

— Вот-вот. Дефо тем не менее профессионал, и он ответил именно так, как нужно. Спартаку это так понравилось, что он сделал Дефо подарок. Послал ему ссылку на сайт. Дефо перешел по ссылке и открыл сайт, который специализируется на девочках из Восточной Европы. Сайт платный; там было окно для ввода пароля. Дефо вбил пароль, который дал ему Спартак, и провалился в кроличью нору. Место, которое он обнаружил, называется Кэндиленд.

— Что это такое?

— Место, где красивых девочек продают педофилам.

Томас закрыл глаза. За окнами машины свистел ветер.

— Ты имеешь в виду — насовсем?

— Нет, я неправильно выразился. Правильнее будет сказать — сдают в аренду.

Томас снова открыл глаза.

— Как это связано с Зитой?

— Сейчас объясню. Но вот тебе другая сторона этой истории. Министерство юстиции пыталось найти Кэндиленд в течение двух лет. Мы рыли землю носом. Каждый сутенер слышал

о Кэндиленде, но никто не знал, где он находится. Последние двенадцать месяцев мы собирали доказательства по делу о самой большой на всем Восточном побережье сети, занимающейся торговлей живым товаром. Эти ребята поставляют девушек буквально повсюду — в стрип-бары, службы эскорта, на стоянки грузовиков и в подпольные публичные дома от штата Мэн до Майами.

Портер замолчал, лавируя между несколькими грузовиками.

— Шесть месяцев назад мы получили наводку, что в деле фигурирует человек по имени Дитрих Кляйн. Наш компьютерщик совершил небольшое чудо, и мы вычислили его. Уроженец Восточной Германии, возможно бывший офицер Штази. После падения Берлинской стены эмигрировал в США и женился на бывшей королеве выпускного бала, переквалифицировавшейся в «экзотические танцовщицы». То есть в стриптизерши. Они живут в дорогом пригороде к северу отсюда. Очень модный район. Дитрих в свое время удачно вложился в недвижимость, занимался инвестициями, а теперь позиционирует себя как «консультант по успеху». Что бы это ни означало. Он много путешествует. Его уважают в обществе. Он платит налоги. Его заявленный доход несколько ниже, чем можно было бы ожидать, но все же не слишком низкий.

— Ну как тут не любить современную экономическую политику.

Портер засмеялся.

— Теперь все, в кого ни ткни, — консультанты. В любом случае Кляйн как-то не вписывался. Мы подумали, что наш источник все выдумывает, но он настаивал. ФБР решило мониторить мобильные звонки Кляйна. Для этого потребовались кое-какие усилия, потому что парень на этом деле собаку съел, но мы сложили вместе все кусочки головоломки и — вуаля. Кляйн регулярно звонил на обычные стационарные телефоны в пять крупнейших городов Восточного побережья — Ньюарк, Гаррисберг, Балтимор, Мемфис и Атланту. Мы проследили номера и вычислили владельцев телефонов. Все они имели отношение к торговле людьми.

— Как сюда вписывается Кэндиленд?

— Я как раз к этому веду. Агент Дефо в первый раз зашел на сайт примерно месяц назад. Скупердяи, которые платили всего по сотне долларов в месяц, получали только фотографии. На них девочки на вид семи — тринадцати лет проделывали такое, о чем тебе лучше не знать. Извращенцы, желающие потратить более крупную сумму, получали доступ к другой части сайта. Им предлагалось принять личное участие в веселье. За тысячу долларов в час они могли поиметь фотосессию с девочкой. Заплатив от двенадцати до сорока тысяч, они получали девочку в свое распоряжение. О некоторых девочках сообщалось, что они девственницы. Эти шли по самой высокой цене.

— Какая дикость.

— Ты это мне говоришь?

— Кстати, куда мы едем? — поинтересовался Томас. Они только что свернули на Девятнадцатое шоссе к Росвеллу и Альфаретте.

— Скоро увидишь. Дай мне закончить историю.

— Пожалуйста. Я так понимаю, ты наконец переходишь к сути.

— Дефо послал пару снимков в Центр по розыску пропавших детей и попросил другого агента пробить их по базе данных Интерпола. Несколько девочек совпали. В это время Дефо сделал то, что под силу только Дефо. За двадцать четыре часа он проследил сайт Кэндиленда вплоть до компьютера где-то в Чехии.

— Связь с Восточной Германией.

— Возможно. Компьютер принадлежит одному пражскому университету; в него запустили вирус под названием «троянец». «Троянец» позволяет хакеру превратить зараженный компьютер

в «раба», который будет сливать ему всю информацию; можно даже загружать свои собственные программы. Компьютер — «раб» сам же и прикрывает хакера, так что его невозможно обнаружить. Что-то вроде антиопределителя номера.

— Понятно.

— Ну вот, Дефо послал наверх запрос, чтобы ему выделили помощь, и ФБР связалось с чешской полицией. Чехи получили у университета разрешение на доступ к компьютеру, и ФБР послали в Прагу команду наших компьютерщиков. Ребята порылись там и передали данные Дефо. Дефо стал копать дальше и вычислил интернет-провайдера в Северной Каролине. К этому времени Дефо уже стал героем дня, и все подчинялись его приказам. Он вылетел в Северную Каролину, надеясь, что оттуда уже сможет найти IP-адрес сайта Кэндиленда. Но выяснилось, что именно этот интернет-провайдер предоставляет своим клиентам анонимный доступ в Интернет. Никаких следов.

— А это законно?

— Это Дикий Запад, помнишь? Технологии развиваются с немыслимой скоростью; закон отстает от них на несколько световых лет. Прокурору пришлось нажать посильней, и интернет-провайдер выдал Дефо кое-какую информацию. Через две недели он выделил целую сеть компьютеров, посылающих данные в Прагу. А также сотни компьютеров, *получающих* данные из Праги.

— Ты имеешь в виду этих извращенцев?

Портер кивнул:

— Именно. Прокурор дал ордер на обыск, и тут-то обнаружилась основная жила. Все посылающие компьютеры были зарегистрированы на аккаунт, принадлежащий одой из фиктивных корпораций Дитриха Кляйна. Дефо узнал это не сразу. Новости спустились к нему сверху. Когда мы увидели информацию, то поняли, что часть тайны Кэндиленда разгадана.

Томас немного подумал. В рассказе Портера была дырка.

— Но участие в деле Кляйна не сообщает нам, где держат девочек.

— Действительно, — согласился Портер. — Это просто доказывает, что он стоит во главе одной из самых разветвленных сетей по торговле живым товаром в истории США. — Он сделал паузу. — Теперь окончание. Зита. Дефо прилетел обратно в Вашингтон в среду ночью. Утром в четверг он зашел на сайт Кэндиленда и заметил, что в разделе «премиум» выложена новая фотогалерея. Девочка была похожа на индианку. Он снова заслал пару фотографий в Центр по розыску пропавших детей, и они сразу же связались с ним и сообщили об уведомлении, которое разослала моя контора после того, как я получил твое письмо. Мне пришлось выбивать разрешение, но... у нас есть система оповещения, что-то вроде электронной версии старых добрых листовок с описанием внешности. Все организации, имеющие отношение к борьбе с сексуальной эксплуатацией детей в Соединенных Штатах, получили указание искать Зиту.

Томас поразился.

— Я понятия не имел, что ты можешь устроить такое.

Портер отмахнулся.

— Итак, Центр по розыску пропавших детей сообщил моей конторе об открытии Дефо. Я связался с ним лично и рассказал твою историю. Ну, скажем так, он был тронут. Оказалось, что он тоже сирота. Он придумал план, как вытащить Зиту. Мы представили его наверх. Сначала там колебались — не хотели брать Кляйна до тех пор, пока мы не готовы будем накрыть всю сеть сразу. Словом, мы целых три дня согласовывали и координировали, но все же сделали это. Операция начнется сегодня вечером. ФБР работает с местными копами сразу в восьми городах. Подразделение SWAT^[41] ждет сигнала к штурму в Атланте.

— Что за план? — спросил Томас.

— План простой. Дефо представился извращенцем-педофилом и снял Зиту на ночь. Он перевел большие деньги на офшорный банковский счет и получил от модератора сайта Кэндиленда указание явиться на стоянку грузовиков, которая находится к северу от Атланты. Предполагается, что он будет там в одиннадцать, и один. В письме было сказано, что оттуда его проводят до места назначения.

Томас в который раз удивился странному и удачному стечению обстоятельств.

— После всего, через что мы прошли, чтобы найти ее, все свелось к фотографии и телефонному звонку.

Портер свернул к торговому центру «Норт-Пойнт-Молл» и заехал на гигантскую, почти пустую стоянку. В дальнем ее конце стоял огромный серый автобус с надписью «Мобильный командный центр ФБР».

Дверь автобуса распахнулась в тот самый момент, когда они вылезли из машины. Навстречу им вышел высокий черный мужчина с деловой улыбкой.

— Специальный агент Притчетт, — представился он и протянул руку. — Я отвечаю за проведение операции в Атланте.

— Рад познакомиться, — сказал Томас.

Притчетт пригласил их внутрь. Томас забрался в автобус и огляделся. Тут было прохладно — работал кондиционер. Автобус был напичкан всевозможными приборами и сложной электроникой; около шести агентов согнувшись сидели над компьютерами или за широкими плоскими мониторами. Все явно были очень заняты, но все же на секунду оторвались от работы, чтобы поприветствовать вошедших.

— Совсем как дома, только не дома, — улыбнулся Притчетт и кивнул в сторону человека, сидевшего ближе всех к двери. — Познакомьтесь. Специальный агент Дефо, мозг операции.

Чисто выбритый, широкоплечий и привлекательный, Дефо гораздо больше походил на бывшего «коммандо», чем на нынешнего компьютерного гения. Он встал и тряхнул руку Томаса.

— Эндрю рассказал мне о работе, которую вы проделали в Индии и во Франции. Я впечатлен.

— Взаимно, — ответил Томас.

Притчетт предложил им кофе и показал на свободные стулья.

— Садитесь, пожалуйста, — сказал он. — В нашем деле надо либо торопиться и нестись со всех ног, либо сидеть и ждать.

Они сели.

— Вы собираетесь отправиться туда один? — спросил Томас агента Дефо.

— По-другому не получится, — улыбнулся он. — Теперь мне не часто выпадает шанс поучаствовать в захвате лично.

— Каковы шансы на успех?

— Естественно, нет никаких гарантий, но я думаю, нам удастся вытащить всех живыми, — уверенно сказал Дефо. — Включая подозреваемых. Парни из SWAT — самые лучшие.

Томас взглянул на Притчетта.

— Вы полагаете, что знаете, где держат девочек?

— Мы уверены на девяносто процентов. Кляйн и его жена живут недалеко отсюда. В поместье имеется основной дом и дом для гостей. Мы отслеживали его посетителей с тех самых пор, как взяли Кляйна под наблюдение, и заметили, что возле гостевого домика крутится гораздо больше автомобилей поздно ночью или рано утром. Когда мы связали Кляйна с Кэндилендом, все встало на свои места.

— Неужели этот парень настолько наглый? — изумился Томас. — Если бы я стоял во главе

сети, предлагающей секс-услуги несовершеннолетних, я бы постарался держаться как можно дальше от нее.

— На самом деле имеет смысл делать как раз наоборот. Он поступает логично. Когда у тебя такой тонкий бизнес, вряд ли стоит доверять его наемным сотрудникам.

— Ну хорошо. Расскажите мне о нем. Как человек может стать работником?

— Вряд ли он смотрит на дело с этой точки зрения. Для него это просто бизнес. Способ зарабатывать деньги.

— Ну ясно. Но я хочу сказать — если бы я собрался торговать людьми, я бы не знал, с чего начать.

— Если объяснить проще — этот бизнес ему практически преподнесли на тарелочке. Нужно принимать во внимание геополитическую структуру мира после холодной войны. Когда распался Советский Союз, это означало не просто смену правительства. Рухнула вся коммунистическая система. Люди лишились работы, надежды на будущее и не знали, чем себя занять. Все заделались предпринимателями. Те, кто имел доступ к природным ресурсам России, использовали это с выгодой для себя и стали олигархами нового мира. Люди, возглавлявшие КГБ и разведки стран восточного блока, успешно применили в деле свои связи и мастерство и создали новую мафию, куда более мощную, обширную и влиятельную, чем сицилийская. Судя по всему, Кляйн занимал высокий пост в разведке ГДР. Уже перед самым концом он слился оттуда и эмигрировал в США. Но контакты и деловые навыки остались при нем.

— Но из того, что рассказал мне Эндрю, ясно, что он возглавляет американскую группировку, а не восточноевропейскую. Это ведь не Гамбург и не Милан.

— Вы мыслите в правильном направлении, но не совсем верно. Около половины проституток, которыми управляют сутенеры, прибывает сюда из стран Восточной Европы. Связи Кляйна пригодились ему в странах — поставщиках «материала» и в странах-транзитах. А шпионские навыки универсальны, как и деньги. В принципе он может работать в любой стране. Его людям плевать на его акцент или цвет кожи. Они работают на него потому, что он им платит.

— Скажите мне еще вот что. Как он перевозит сюда девушек? Как я понимаю, после 11 сентября контроль над тем, кто въезжает в страну, усилился во много раз?

— Это так, но преступники постоянно находят новые пути, чтобы обойти систему. Пока мы выдаем визы, в страну будут въезжать люди, а торговцы живым товаром будут ввозить их по поддельным документам. Наши границы открыты, а значит, сюда будут проникать нелегалы из Мексики и Канады. В Соединенных Штатах крайне высокий спрос на дешевый коммерческий секс. Рыночные силы торжествуют, и преступники удовлетворяют и будут удовлетворять этот спрос дальше.

— В ваших устах это звучит так, словно нам никогда не выиграть эту войну.

— Я стараюсь не быть пессимистом. Войну выиграть можно. Но не переловив всех преступников и засадив их в тюрьмы. Торговля живым товаром прекратится тогда, когда мужчины перестанут покупать женщин. До этого мы можем только пытаться выиграть каждую отдельную битву.

Притчетт оказался прекрасным гидом. Он показал Томасу и Эндрю спутниковые снимки резиденции Кляйнов и ознакомил их с компьютерной репродукцией гостевого домика, которую воссоздали программисты, используя архитектурные чертежи и немного фантазии. Кроме того, он рассказал Томасу, какими видами вооружения будут пользоваться бойцы SWAT.

Хотя никаких сведений насчет имеющегося в доме Кляйна вооружения у ФБР не было, операция планировалась в расчете на худшее — как освобождение заложников, с учетом возможной вооруженной контратаки с использованием автоматического оружия и детей в

качестве живого щита. Первый взвод бойцов SWAT предполагалось забросить в усадьбу с вертолета MD-530 Little Bird. Второй взвод должен был прорваться через ворота на бронемашинах Bison. Притчетт признался, что такие технические средства — это, возможно, и перебор, но, поскольку дело касалось детей, рисковать он был не намерен.

В шесть часов Дефо вышел из командного центра, чтобы обсудить последние детали с командиром подразделения SWAT. Томас пожал ему руку и пожелал удачи.

— Хотел бы я пойти с вами, — сказал он.

Дефо улыбнулся.

— Вы знаете, все же не стоит. Эти люди способны на все, а я буду без оружия.

Притчетт кашлянул. Портер и Томас посмотрели на него.

— Учитывая особые обстоятельства расследования, я разрешаю вам и мистеру Кларку войти в дом после завершения операции. Полагаю, что после всего, что вы сделали, вы заслуживаете того, чтобы поздороваться с этой девочкой лично.

— Вы серьезно?

Притчетт кивнул.

— Раньше я работал в Вашингтоне и знаю вашего отца, мистер Кларк. Он справедливый судья и настоящий патриот. Надеюсь, это останется между нами.

Томас кивнул. Он был ошеломлен.

— Я так и думал, — подытожил специальный агент Притчетт.

Глава 30

Князь тьмы — недаром князь.

Уильям Шекспир

Атланта, Джорджия.

На дом Кляйнов опустилась ночь. В большом доме и в гостевом домике зажглись огни. Территория усадьбы тем не менее освещена не была. Зита сидела на своей кровати и смотрела в стену. По телевизору шел «Сайнфелд». Прошло четыре дня с тех пор, как ее привезли сюда, и все четыре дня, после фотосессии, она провела одна в этой комнате. Исключением были только выходы в туалет. Дитрих больше не появлялся; за Зитой присматривал Ли.

На вторую ночь она проснулась в холодном поту, задыхаясь от ужаса. На следующее утро, услышав шаги в коридоре, она почувствовала, что сердце вот-вот вырвется из груди. Вскоре ее начали преследовать галлюцинации. Она вздрагивала от каждого звука, реального или воображаемого, и снова начала думать о самоубийстве, но мысль о смерти пугала ее еще больше.

К вечеру понедельника, когда за ней пришел Ли, Зита уже была готова принять любой ад, который приготовили для нее Дитрих и светловолосая женщина, — только бы не оставаться больше в этой одиночной камере. Ли провел ее через винный погреб, они поднялись наверх, на первый этаж, а потом еще выше, и вышли в новый коридор. Здесь тоже было много дверей. Ли открыл первую и пихнул Зиту внутрь.

Комнату освещали неяркие, приятные для глаза лампы. Мебель здесь была из темного дерева; в центре возвышалась пышная кровать под балдахином. Немного в стороне стоял диванчик и мягкое кресло. Тут же был бар, набитый всевозможными напитками, и — напротив окна — огромное, от пола до потолка, зеркало. Женщина со светлыми волосами уже ждала ее. Она подошла к Зите.

— Сегодня ты встретишься с мужчиной, — негромко, вполголоса сказала она. — Он захочет,

чтобы ты кое-что для него сделала. Ты не будешь задавать вопросов и не будешь сопротивляться. Ты забудешь о своем прошлом и станешь куртизанкой. Иди сюда. Я кое-что тебе покажу.

Она взяла Зиту за руку и подвела ее к стеклянным дверям. За ними оказалась просторная гардеробная. Женщина включила свет.

— Это твой гардероб, — сказала женщина. — Мужчина может попросить тебя надеть что-нибудь отсюда. Ты его слушаешься. Ты не будешь сопротивляться.

Затем она показала Зите ванную комнату с большими зеркалами и сверкающими кранами.

— Мужчина может попросить тебя принять вместе с ним ванну. Ты сделаешь так, как он скажет. Ты не будешь сопротивляться.

Они вернулись в комнату.

— Это твоя новая жизнь, — сказала женщина на прощание. — Дитрих заплатил за тебя большие деньги. Ты будешь доставлять удовольствие мужчинам, которых мы будем приводить к тебе, или тебе будет очень больно. Последняя девочка, которая сопротивлялась, похоронена вон там, в саду. Ты все поняла?

Зита кивнула.

— Очень хорошо. Теперь Ли проследит за тем, чтобы ты вымылась и оделась как следует.

Женщина вышла. В комнату вошел Ли; в руках у него было самое элегантное сари из всех, какие приходилось видеть Зите. Он положил сари и пару золотых сверкающих сандалий на низкий кофейный столик напротив дивана и потянул Зиту в ванную.

— Мыло для волос здесь. — Он ткнул пальцем в бутылочку с шампунем. — Мыло для тела здесь. Вымой все. Я обратно через десять минут.

Ли был точен как часы. Зита едва успела принять душ и завернуться в полотенце, как он снова возник на пороге ванной. На сей раз в руках у него был профессиональный косметический набор. Он причесал ей волосы и уверенно, словно настоящий визажист, нанес на лицо макияж. Закончив, он велел Зите надеть сари и сандалии и снова вышел. То же самое было и на фотосессии. Она завернулась в роскошную, бело-зеленую ткань и вспомнила сари, которое принесла Ахалье Сумира, в ту самую ночь, когда ее купил Шанкар. Бомбей был на другом конце света, но ритуал оставался неизменным.

Ли вернулся через несколько минут и принес шкатулку с украшениями. Он украсил ее ноги и руки браслетами и застегнул на шее тяжелое золотое ожерелье с изумрудной подвеской. В качестве завершающего штриха он воткнул в ее волосы алый цветок гибискуса. Потом отошел и оглядел ее с головы до ног.

— Ты готова, — удовлетворенно заметил он. — Я обратно скоро.

Он развернулся и исчез в коридоре, закрыв за собой дверь.

Зита присела на край кровати. Все. Ее путь подошел к концу. Ей удалось продержаться до сих пор, но карму обмануть невозможно. Сегодня она потеряет невинность. В далекой стране, за десять тысяч миль от того места, где она родилась, она пройдет через *dhakna*, символическое покрытие головы, как это делают все вешья. «Значит, вот как это бывает, Ахалья, — подумала Зита. — Ты тоже чувствовала это отчаяние? Это его я видела в твоих глазах?» Горячие слезы обожгли ей щеки.

«Как бы я хотела снова услышать твой голос».

В десять тридцать агент Дефо вышел из здания склада, где сидели в ожидании бойцы SWAT, и сел за руль неприметного арендованного «форда». На нем были шерстяные брюки-слаксы, рубашка и кожаные туфли-лоуферы с кисточками. Ему не доставало знакомого ощущения девятимиллиметрового «глока» за поясом, но рисковать было нельзя — он знал, что при входе его обязательно обыщут. Единственным оружием Дефо были его собственное природное чутье и

миниатюрное звукозаписывающее устройство вместе с GPS-передатчиком, умещавшееся в его наручных часах.

Он прибыл в «Лерой-Пит-стоп» в десять сорок пять. Стоянка находилась всего в нескольких метрах от съезда на шоссе I-85, и в кафе было полно народу. Дефо нажал кнопку на часах, чтобы активировать записывающее устройство и GPS, вошел внутрь и спросил официантку, можно ли воспользоваться туалетом. Она махнула в сторону угла.

Дефо оглядел прокуренное насквозь кафе и заметил, что в отдельной кабинке у стены сидит худощавый мужчина с усами. Мужчина потягивал пиво и посматривал на вход. Их глаза на мгновение встретились, он тут же отвел взгляд и уставился в газету. Наблюдатель, понял Дефо. Проверяет, действительно ли клиент придет один.

Дефо воспользовался туалетом и вымыл руки. Наблюдатель вошел вслед за ним и направился к писсуарам. Без одной минуты десять Дефо вышел из кафе, и его мобильный тут же зазвонил. Голос был женский. Дефо отошел к переполненным мусорным бакам и плотнее прижал трубку к уху.

— Мистер Симеон? — спросила женщина. Это было имя, под которым его знали в Кэндиленде. — Лимузин подберет вас через две минуты. Здесь недалеко, так что доедете вы быстро. Наша общая знакомая ждет встречи с вами.

— А я жду встречи с ней, — ответил Дефо. — Как мы поступим с деньгами?

— Вы посмотрите на товар, и если вас все удовлетворит, то вы сможете воспользоваться нашим компьютером и перевести деньги на тот же счет, куда вы перечислили задаток.

— Отлично.

Женщина повесила трубку. Лимузин появился точно через две минуты. Дефо забрался на заднее сиденье и откинулся на мягкие кожаные подушки. Поездка заняла не более пятнадцати минут.

Когда лимузин остановился и дверь распахнулась, Дефо увидел, что автомобиль стоит у крыльца элегантного загородного дома. Он узнал гостевой домик семейства Кляйн — видел его на снимках, сделанных агентами, наблюдавшими за Кляйном. Его встретил со вкусом одетый мужчина азиатской наружности.

— Я Ли, — сказал он. Азиат быстро обыскал Дефо и кивнул в сторону двери: — Сюда.

Ли провел Дефо в холл и попросил его подождать. Через пару секунд появилась стройная, средних лет женщина со светлыми волосами, одетая в шелковый брючный костюм. На шее у нее поблескивало жемчужное ожерелье, волосы были собраны в высокий хвост. Она так и излучала уверенность в себе и деловитость.

— Мистер Симеон, очень приятно с вами познакомиться. — Она протянула руку. Дефо удивился тому, какой приятный у нее голос.

— Мне тоже, — ответил он.

— Я почти уверена, что ваша поездка была приятной. Мы стремимся предоставить нашим гостям все самое лучшее.

— Да-да, спасибо.

— Пожалуйста, — она сделала приглашающий жест, — чувствуйте себя как дома.

Дефо прошел в гостиную и встал возле старинного кресла-качалки. Женщина поднялась вверх по ступенькам и скрылась из вида. Через минуту она вернулась с сияющей улыбкой на лице, встала рядом с ним и выжидающе уставилась на лестницу.

Через пару секунд на верхней площадке показалась девушка. Она на мгновение замерла и стала грациозно спускаться вниз. Девушка была наряжена, как сказочная индийская принцесса. На ней было затканное лотосами сари и сверкающие, украшенные стразами сандалии. Она была почти не накрашена — косметика только чуть подчеркивала глаза и губы. Ее ожерелье и

браслеты загадочно поблескивали, а ткань сари переливалась при каждом движении.

Дефо был поражен. Эта девушка была совсем не похожа на девочку-подростка, чьи фотографии были выставлены на сайте Кэндиленда. Если бы не тонкие черты лица, он бы не узнал ее вообще.

Зита встретила с ним взглядом, и Дефо увидел, как кровь бросилась ей в лицо. Она устояла в пол. Играя свою роль, он неторопливо приблизился к ней и коснулся ее щеки. Потом кончиками пальцев дотронулся до ключицы, наклонился и вдохнул аромат ее волос.

— Она само совершенство, — сказал он женщине. — Редкий бриллиант.

— Я рада, что вы довольны. Теперь можем перейти к вопросу об оплате.

Ли принес лэптоп и поставил его на кофейный столик. Дефо сел на диван, зашел на сайт банка, набрал пароль и вошел на свой счет, который он открыл несколько дней назад, используя государственные средства. Он ввел нужную сумму, подтвердил перевод денег и завершил операцию.

— Прекрасно, — сказала женщина. — Ли проводит вас в вашу спальню. Он придет за вами, когда ваше время истечет. Вы должны уйти не позднее пяти часов утра.

— Я понял, — ответил Дефо и как можно более плотоядно посмотрел на Зиту.

Глядя на то, как незнакомец набирает что-то на клавиатуре компьютера, Зита почувствовала, как она перерождается. Индийская девочка, которой она когда-то была, девочка, дружившая с морем и солнцем, ушла в тень, и ее место заняла другая девушка, без прошлого и без будущего. Эта другая девушка немного боялась, но была готова принять свою карму. Не обращая внимания на сильное сердцебиение, Зита попыталась представить себе, что за человек сидит сейчас перед ней. «Интересно, женат ли он, — подумала она. — Есть ли у него дети? Издалека ли он ехал? Почему он выбрал именно меня?»

Мужчина закончил свои манипуляции с компьютером, и Ли повел их вперед по коридору к одной из дверей. Он пропустил их внутрь и тут же удалился. Зита прошла в середину комнаты, остановилась и повернулась к незнакомцу лицом, вспоминая инструкции светловолосой женщины. Ее нижняя губа чуть задрожала, но Зита изо всех сил старалась не показать свой страх. Что бы ни хотел сделать с ней этот мужчина, он это сделает. Отсюда выхода уже не было. Единственный выбор, который стоял сейчас перед ней, — это подчиниться или умереть.

Незнакомец взял ее за руку, подвел к кровати и попросил сесть. Потом начал расстегивать рубашку. Она откинулась на подушки и застыла, разглядывая его. Добравшись до средней пуговицы, мужчина зачем-то нажал на нее. Для чего он это сделал, Зита не поняла. Она начала дрожать уже всем телом, несмотря на свое намерение быть смелее.

Он снял рубашку и сел на кровать рядом с ней. Потом нежно коснулся ее волос и губ.

— Где ты родилась? — спросил он.

Этот вопрос был не про нее. Он никак не мог относиться к новой Зите. Она опустила ресницы. «Это не важно, — подумала она. — Ничего этого больше нет».

Не дождавшись ответа, мужчина наклонился к ней совсем близко и сделал вид, что целует ее шею.

— Моя фамилия Дефо, — прошептал он. — Я здесь, чтобы освободить тебя. Скоро полиция пойдет на штурм. Продолжай играть свою роль. Опасность велика, но скоро все кончится.

До Зиты не сразу дошел смысл его слов. Когда она наконец поняла, что сказал незнакомец, то подумала, что ослышалась. Издалека вдруг донесся шум вертолета, но она все равно не поверила. Отчаяние крепко держало ее в своих тисках. С тех пор как пришла волна, в ее мире существовали только несчастья и скорбь. Он смирилась с тем, что должна стать вещью. Разве судьба может измениться вот так, в один момент?

Шум вертолета стал громче.

Она взглянула на незнакомца — Дефо, — и образ куртизанки, который она надела на себя по приказу женщины со светлыми волосами, вдруг словно потрескался и развалился на куски. В его глазах Зита увидела правду. Он пришел сюда не для того, чтобы изнасиловать ее. Он пришел, чтобы ее спасти.

В ту же секунду она поверила, что все возможно.

Спустя пару секунд в коридоре раздались крики. Дверь в комнату распахнулась, и на пороге возник Ли. В руке у него был пистолет.

— Какого черта? Что здесь происходит? — грубо спросил Дефо и подвинулся ближе, заслоняя Зиту своим телом.

— Сейчас идите, — приказал Ли.

— Что это значит? А как же девочка? Я заплатил за нее целое состояние!

— Нет времени разговаривать! — крикнул Ли, размахивая пистолетом.

Дефо встал.

— Лучше вам будет вернуть мне деньги! — прорычал он.

— Никакие деньги! — завопил Ли и наставил пистолет прямо на него. — Полиция!

Дефо громко выругался и, как будто в страхе, шарахнулся к двери. Оказавшись на расстоянии фута от Ли, он выбил у него из руки пистолет и нанес ему сокрушительный удар в пах. Ли рухнул на колени. Дефо подхватил пистолет и обрушил рукоятку ему на голову. Потеряв сознание, Ли свалился на пол. Дефо сжал пистолет и метнулся к двери.

Вдруг словно из ниоткуда перед ним возникла рука. В ней был зажат револьвер. Дефо услышал выстрел и почувствовал, как что-то ударило его в грудь. Он споткнулся. Боль внутри нарастала, как будто там разгорался пожар. Револьвер выстрелил во второй раз, Дефо покачнулся и упал на пол.

В комнату шагнул Дитрих Кляйн. Его лоб блестел от пота, но лицо было решительным и невозмутимым. Дефо почувствовал, как спальня расплывается у него перед глазами. Он взглянул на Зиту и попытался вспомнить, куда делся пистолет. Кляйн закрыл дверь и повернул задвижку. Потом направил револьвер на Зиту. Дефо хотел что-то сказать, но язык уже не слушался его.

— Оставайся на месте, — услышал он. — И не издавай ни звука.

Последним, что успел увидеть Дефо, был Дитрих Кляйн, достающий из кармана мобильный телефон.

Глава 31

Заостренная заклинаньем, лети, стрела, врагов пронзая.

Ригведа

Атланта, Джорджия.

Томас сидел рядом с Портером и Притчеттом в командном центре и прислушивался к звукам, доносящимся из рации. Подразделение SWAT выдвинулось вперед. Слов почти не было, только короткие команды. Бойцы знали свое дело и делали его безупречно.

Спустя три минуты после начала штурма командир взвода, специальный агент Джон Трудо, вышел на связь.

— Обнаружили девочек? — спросил Притчетт.

— Пока нет, сэр. — Голос Трудо слегка искажали помехи, но даже сквозь них было слышно,

что он удивлен. — Мы продолжаем поиски.

Притчетт чертыхнулся.

— А Кляйнов?

— Нет, сэр, — доложил Трудо. — В доме так тихо, что даже жутко.

— А где Дефо?

— Секунду, сэр, — сказал Трудо и замолчал. Через мгновение он заговорил снова. — Страйкер говорит, что дверь была заперта. Они постучали, но Дефо не ответил.

Притчетт отбросил рацию и наклонился вперед.

— Быстрее! — крикнул он водителю. — Быстрее туда, жми на всю!

Автобус взревел и рванул с места. Томаса занесло, и он ухватился за стену. На огромной скорости они вырулили со стоянки. Притчетт снова схватил рацию.

— Пусть Страйкер и Эванс ломают дверь, если нужно. Дефо там вместе с девочкой, GPS подтверждает.

— Что, если Кляйны тоже там? — спросил Трудо.

Глаза Притчетта потемнели.

— Погоди.

Его мобильный вдруг зазвонил. Он раздраженно поднес телефон к уху, послушал, и лицо его тут же изменилось.

— Да, сэр, — нервно сказал он. Он еще немного послушал и буквально раскрыл рот. — Матерь Божья. Хорошо. Соедините его.

Он нажал на кнопку и включил громкую связь. Уверенный мужской голос с легким немецким акцентом заполнил автобус.

— Это Дитрих Кляйн, — сказал мужчина. — Вы отвечаете за проведение операции?

Притчетт резко выдохнул.

— Да. Агент Притчетт. Слушаю вас.

— Очень хорошо. Итак, Притчетт. Слушайте меня очень внимательно. Ваш агент под прикрытием лежит сейчас на полу передо мной с двумя дырками в груди. Со мной заложница — девочка. Моя жена держит остальных. Они умрут, если вы не сделаете все в точности, как я скажу. Вы готовы?

Притчетт сверкнул глазами и сжал телефон. Костяшки его пальцев побелели.

— Я готов.

— В Картерсвилле есть небольшой аэродром. Я хочу, чтобы через сорок пять минут на взлетной полосе стоял полностью заправленный «Гольфстрим». Пилот должен быть гражданским. Если у него будет оружие, девочки умрут. В гараже стоит автомобиль, на котором мы доедем до аэродрома. Ваши люди расчистят дорогу. Если я замечу кого-нибудь неподходящего, девочки умрут. Разговоры с вами или с кем-либо еще меня не интересуют — до тех пор, пока самолет не окажется в нужном мне месте. Условия простые. Я дам пилоту инструкции после взлета. Когда мы приземлимся, я оставлю девочек в самолете. Вам все ясно?

— Мне все ясно, — гаркнул Притчетт. — Еще условия?

Но в трубке было уже тихо.

Дитрих Кляйн выключил телефон. Зита смотрела на него и тряслась от ужаса. Она взглянула на человека без рубашки, лежавшего на полу возле двери. На человека, который обещал спасти ее. С тех пор как упал, он ни разу не пошевелился. Зита была уверена, что он мертв.

Кляйн сунул телефон обратно в карман, сел в кресло напротив и наставил на нее револьвер.

— Ты у меня в гостях, — сказал он. — А я всегда обращаюсь со своими гостями хорошо. Если будешь делать то, что я скажу, останешься цела.

Зита стиснула зубы, чтобы они не стучали.

Кляйн улыбнулся:

— Да, да. Я знаю, что ты боишься. Но ты должна меня понять. Я просто бизнесмен. Я не люблю оружие. — Он положил револьвер на кофейный столик. — Думаешь, я монстр, да? Что у меня нет души?

Зита не ответила, но Кляйна это не смутило.

— Ты знаешь, почему ты здесь? — снова спросил он.

Она посмотрела на него в упор. Ей вдруг захотелось ответить. В груди ее, с той самой минуты, как Канан свернул с дороги и повез ее в квартиру Чако, продавать в рабство, нарастал крик — дикий, бешеный крик протеста. Но крикнуть она не могла. Голоса не было.

Кляйн ответил на свой вопрос сам.

— Ты здесь не потому, что мне нравится торговать женщинами. Ты здесь потому, что мужчинам нравится их покупать. Я просто посредник. Некоторые бизнесмены продают предметы. Другие продают знания. Я продаю фантазии. Это все одно и то же.

Он взглянул на часы.

— У них осталось тридцать минут.

Он чуть склонил голову и прислушался. В доме было тихо, как в гробу. Он опять повернулся к Зите.

— Ты когда-нибудь была в Венесуэле? — спросил Кляйн. — Жуткая дыра, но и там можно жить. Ты скоро увидишь.

Автобус мобильного командного центра прибыл в усадьбу Кляйнов через десять минут после звонка Дитриха. Притчетт был похож на медведя — он не говорил, а как будто рычал в свою рацию. Плохой знак, подумал Томас. Волнение Притчетта означало только одно — Дитрих Кляйн владел ситуацией.

— Майкле! — крикнул Притчетт лаборантке в другом конце автобуса. — Что там у нас с самолетом?

— В «Хартсфилд-Джексон» есть один «Гольфстрим IV», — ответила она. — Это корпоративный самолет. Принадлежит компании, занимающейся биотехнологиями. Мы пытаемся связаться с главой. Пилот стоит рядом, наготове.

— Кто пилот? Мы можем ему доверять?

— Ей на самом деле, — поправила Майкле. — Раньше она служила в ВВС, теперь водит чартерные рейсы. Она как раз была в ангаре, когда я позвонила.

Притчетт кивнул.

— Пошли туда полицию. Если не удастся связаться с владельцем через две минуты, соедини меня с шефом. Будем действовать без них, я возьму удар на себя.

Он снова поднес ко рту рацию.

— Трудо, где Ковальски?

— Выдвигается на позицию, сэр, — отрапортовал Трудо.

— Скажи ему, чтобы выдвигался быстрее. У нас кончается время.

В противоположном конце усадьбы Кляйнов специальный агент Ковальски выслушал приказ Трудо.

— Еще пару футов, — шепнул он в рацию. — Я вижу окно, но угол неподходящий.

Он прополз немного вперед по дубовой ветке. Продвигаться приходилось буквально по дюйму. Земля была в двадцати пяти футах под ним, и падать было бы долго и неудобно, особенно учитывая пристегнутую к спине винтовку. Это дерево было самым высоким на участке, и с него

открывался хороший вид на окна второго этажа гостевого домика, но до дома было не меньше двух сотен футов.

Еще четыре долгих минуты он подбирался к намеченной снизу небольшой развилке в ветвях. Где-то посередине между стволом и концом ветки, на которой он приткнулся, все другие ветки расходились, оставляя кусочек пространства открытым. Если у него будет шанс сделать этот выстрел, ничто не должно мешать обзору.

Он выпрямился, чуть согнул ноги в коленях и убедился, что стоит твердо и не соскользнет. Потом достал винтовку и расположил ее перед собой. Затем присоединил к винтовке штатив и как следует укрепил его на ветке. Потом взглянул в оптический прицел и чуть повернул винтовку, чтобы поймать окна гостевого домика.

Он увидел их сразу же.

Четыре тепловых изображения.

Одно было совсем небольшим и словно парило в воздухе. «Скорее всего, девочка на кровати», — решил Ковальски. Вторая и третья фигуры распростерлись на полу, но изображения отличались. Одно было нормальным, второе очень слабым. Ковальски выругался. Дефо был мертв — Кляйн сказал правду. «Кто же этот другой?» — подумал он. Четвертая фигура, судя по всему, сидела на стуле.

— Вижу тебя, ублюдок, — громко сказал он и договорил про себя: «Теперь нам только нужно найти способ заставить тебя подойти к окну».

Рация затрещала.

— Ковальски на позиции, — доложил Трудю. — Он видит их. Но Кляйн далеко от окна.

Притчетт взглянул на часы.

— У нас есть еще двадцать пять минут. Самолет заправляется. Владелец извещен. Мы пытаемся расчистить воздушное пространство, но между аэродромами десять минут полета.

— Когда самолет будет стоять на взлетной полосе? — спросил Трудю.

— Пилот говорит, нужно еще десять минут, чтобы залить баки до конца. Потом еще пять минут на разгон.

— Выходит, у нас не слишком много времени.

— Скажи мне что-нибудь новое. Кто ближе всех к окну?

— Страйкер, — ответил Трудю через несколько секунд.

— Скажи ему, пусть найдет камень и выдвигает свою задницу к окну.

Минуты текли невероятно медленно. Зита сидела на кровати, смотрела на простыни с цветочным рисунком и старалась не плакать. Прилив адреналина, который она чувствовала несколько минут назад, схлынул. Она подумала обо всех смертях, которые ей пришлось увидеть за последнее время. Мать и отец на берегу, захлебнувшиеся в волнах. Бабушка в гостиной. Джайя на кухне, не сумевшая убежать. Павший герой с грудью, пробитой пулей, на полу перед ней. Все в мире было бессмысленно.

— Пятнадцать минут, — сказал Кляйн, посмотрев на часы, и погладил револьвер. — Как ты думаешь, они успеют?

Зита пожала плечами и обхватила себя руками. Цветок гибискуса выпал из ее волос. Глядя на яркое алое пятно на простыне, Зита вдруг разрыдалась. Слезы никак не хотели останавливаться, и она просто вытирала их рукой. Она вспомнила день, когда Амбини сорвала в саду цветок гибискуса и украсила им волосы Ахальи. Это символизировало ее цветение, пробуждающуюся женственность. Ахалье исполнилось шестнадцать лет. «Ты будешь нравиться многим мальчикам, — сказала Амбини. — Но муж у тебя будет только один. Дождись его. И

наступит день, когда ты наденешь красное сари и совершишь саптапади». Ахалья поверила матери. И Зита тоже. Теперь Ахалья была вещь в Бомбее, а она, Зита, сидела на кровати в чужом доме, на другом конце света, напротив мужчины, в руках у которого был револьвер.

Притчетт снова взглянул на часы и выругался.

— Десять минут до назначенного времени, — бросил он. — Самолет все еще не в воздухе.

Что за черт? Почему так долго?

— Он на взлетной полосе, — ответила Майкле. — Пилоту пришлось использовать запасную полосу, потому что все основные заняты.

— Черт возьми!! — Притчетт поднес к губам рацию. — Трудно, Страйкер на месте?

— На месте. Он подобрал пару камней на дорожке за домом.

— Ковальски наготове?

— Ковальски ждет сигнала.

— Переходим к плану В. Пусть Страйкер немного пошумит, чтобы Кляйн заинтересовался. Приказ Ковальски — открывать огонь. У него есть один выстрел. И пусть он попадет в цель.

Зита вздрогнула, услышав шум в первый раз. Она насторожилась. Немного погодя шум раздался снова. Станный шорох снаружи, на улице. Дитрих Кляйн повернулся к окну и взял револьвер. Через пару секунд шорох снова повторился. Кляйн медленно встал.

Он посмотрел на Зиту. Она посмотрела на него. Кажется, Кляйн был немного озадачен, но не напуган. Он осторожно двинулся к окну, держа револьвер наготове. Снова странный звук — на сей раз скорее легкий стук, чем шорох. Кляйн замер, прислушиваясь. Потом сделал еще два осторожных шага к окну.

Сквозь оптический прицел Ковальски видел, как Кляйн встал и медленно направился к окну. Траектория движения от стула до окна не была прямой, и он не мог сделать выстрел, пока Кляйн не окажется напротив. Он оценил силу ветра и передвинул винтовку на пару миллиметров в сторону. Права на ошибку у него не было.

Кляйн вдруг остановился.

— Ну давай же, — взмолился Ковальски. — *Давай!*

Кляйн сделал шаг.

Ковальски затаил дыхание.

— Еще два фута...

Он напрягся. Кляйн был на месте. Он стоял прямо напротив окна, на линии огня, вытянув перед собой руки, как будто держал оружие. Выстрела в грудь не получится. Единственная цель — голова. Ковальски поместил в перекрестье прицела самую яркую — самую горячую часть головы Кляйна.

И нажал на спуск.

Звук выстрела заставил ее подпрыгнуть. В полной тишине негромкий хлопок показался Зите оглушительным громом. Она испугалась еще больше, когда Дитрих Кляйн вдруг рухнул на пол. Вокруг его головы тут же образовалась целая лужа крови. Зита застыла на месте, не в силах двинуть ни рукой, ни ногой, как будто ее парализовало. Снизу донеслись громкие голоса и тяжелый топот. Когда шаги загрохотали по лестнице, она обняла себя руками и стала раскачиваться взад и вперед. От шока Зита почти обезумела.

Через несколько секунд дверь отлетела в сторону. В комнату ворвались люди в черном и хаки, в масках и с автоматами наперевес. Один из них бросился к телу Дитриха Кляйна и

пощупал пульс. Другой защелкнул наручники на Ли, который все еще был без сознания. Третий опустился на колени перед Дефо и закрыл его глаза.

— Мертв, — сказал первый.

— Мертв, — отозвался второй.

Первый подошел к кровати и стащил с головы маску.

— Ты, должно быть, Зита, — сказал он.

Она смотрела на него, словно в трансе. В этом черном шлеме на голове и странной форме он был похож скорее на монстра-мутанта, чем на живого человека. Но голос тем не менее был вполне человеческий.

Зита выдохнула. Разум понемногу возвращался к ней.

— Да, — выговорила она.

— Ты в порядке?

Она кивнула.

— Я Эванс, — сказал мужчина. — А это Гарсиа. Ты можешь идти?

Зита опустила ноги на пол и встала.

— Со мной все нормально.

Она вышла из комнаты в коридор. Гостевой домик был заполнен людьми в черном с оружием в руках. Эванс шел впереди, Гарсиа за ней. По лестнице они спустились в гостиную. Эванс сделал Зите знак сесть на диван и повернулся к остальным.

— Где другие девочки? — услышала Зита.

Эванс пожал плечами:

— Она была одна.

Она встала, подошла к Эвансу и осторожно коснулась его плеча:

— Извините.

Мужчины посмотрели на нее.

— Вы не нашли других девочек потому, что они спрятаны.

— Где? — мягко спросил Эванс.

— В подвале.

— Я агент Трудо, — представился один из мужчин. — Я здесь главный. Расскажите нам, что вам известно, и мы будем действовать.

Зита покачала головой. От ощущения свободы ее тело, казалось, потеряло вес.

— Это трудно объяснить. Я лучше покажу вам.

— Вы уверены? — переспросил Трудо.

Она кивнула.

— Хорошо. Мы в вашем распоряжении.

Зита вошла в темный винный погреб, как кинозвезда, окруженная телохранителями. Трудо был впереди, с оружием наготове, Эванс и Гарсиа сзади. Трудо нашел выключатель. Вспыхнул свет. Тускло поблескивали бутылки; кроме них, в погребе ничего не было. Они немного постояли, прислушиваясь, но вокруг была полная тишина.

Зита прошла в дальний угол помещения и открыла дверь шкафчика, который, как она помнила, выбрал Ли. Потом внимательно оглядела бутылки и в который раз поблагодарила судьбу за свою прекрасную память. На бутылке, которую трогал Ли, была черная с золотым этикетка. Она быстро нашла ее, протянула руку и повернула. Как и тогда, зажужжал мотор, и шкафчик отъехал в сторону. Показался потайной проход.

Агент Трудо сделал Зите знак отойти. Он и Эванс вошли в коридор, наставили оружие на двери и замерли. Вокруг было все так же тихо. Трудо и Эванс двинулись по коридору, стуча во

все двери и повторяя: «ФБР! Откройте!» Ни одна из дверей не открылась.

Гарсиа стоял рядом с Зитой, прикрывая ее своим телом. Она постучала его по плечу.

— Я видела, как он набирал код на той двери, что в конце.

— Какой код?

Зита закрыла глаза и напрягла память.

— Я не помню номер. Только расположение кнопок.

Гарсиа махнул Трудю и передал ему информацию.

Трудю посмотрел на Зиту:

— Вы можете набрать этот код?

— Да, — прошептала она.

Они прошли в конец коридора и остановились перед дверью студии.

Зита закрыла глаза и представила себе пальцы Ли, быстро нажимающие пять кнопок. Она повторила комбинацию. Замок щелкнул, и Эванс тут же подхватил ее на руки и вынес обратно в винный погреб. Через секунду раздались выстрелы. Потом все стихло.

Гарсиа просунул голову в дверь:

— Идите посмотрите. Вы, ребята, это заслужили.

Зита схватилась за руку Эванса и вместе с ним вошла в студию. Женщина со светлыми волосами лежала на полу напротив кровати. В руке у нее был все еще зажат пистолет. Возле нее, сжавшись в комок, сидела девочка с темно-каштановыми волосами. Она тряслась от страха.

— Она держала девочку в заложницах. — Гарсиа покачал головой.

Еще пять девочек, в возрасте от двенадцати до шестнадцати лет, лежали связанные на кровати. Их ноги и руки были замотаны клейкой лентой; рты заклеены. Одна за другой, они медленно сели на кровати и круглыми от ужаса глазами уставились на Зиту. Несколько бесконечных секунд она не могла сдвинуться с места. Ли щелкал камерой, Дитрих не сводил взгляда с ее обнаженного тела. Зита тряхнула головой. Все кончилось. Все прошло. Кляйн мертв.

Она подошла к кровати и осторожно отклеила липкую ленту от губ самой младшей из девочек. Девочка поморщилась от боли, но Зита успокаивающе улыбнулась.

— Все хорошо, — сказала она. — Теперь вы в безопасности.

Когда девочек развязали и они смогли встать на ноги, Трудю и Гарсиа отвели их наверх. Зита попросила Эванса задержаться еще на минутку и нашла в углу студии свое пальто. Она надела его поверх сари и сунула руку в карман. Фигурка Ханумана была там. Зита сжала ее в кулаке, глубоко вздохнула и пообещала себе, что никогда, что бы ни случилось, не забудет Шиама. Затем вслед за Эвансом она тоже поднялась наверх.

Эванс сел на диван в столовой и принялся давать показания какому-то мужчине с планшетом в руках. Зита уселась рядом, но никак не могла сосредоточиться на том, что он говорит. Ее мысли разбегались. Она вдруг увидела отца, стоящего на пляже возле бунгало. Он махал ей рукой и звал полюбоваться закатом. Зита вспомнила, как вышла на пляж и подошла к родителям. Ахалья была уже там, она искала красивые раковины у самой кромки воды. Это был обычный день, такой же, как и все остальные, — хороший день.

Она подняла голову и увидела двоих мужчин в гражданской одежде. Один был высокий, другой чуть ниже и более мускулистый. У высокого были темные волосы и добрые глаза. Она уставилась на него. Этого человека она уже встречала раньше... но где? Зита напрягла память. Конечно. На улице возле квартиры Дмитрия в Париже. Это он побежал тогда за машиной.

Все встало на свои места. Он действительно искал ее! Но как он узнал? И почему он это сделал? Зита была уверена, что до Парижа они никогда не виделись. Она смотрела на него и думала, удастся ли им поговорить.

Томас стоял в дверях и оглядывал холл. Вокруг было полно народа.

— Как ты думаешь, где она может быть? — спросил он у Портера.

— Наверное, все девочки сейчас вместе, — ответил Эндрю и двинулся в гостиную. — Я попробую найти агента Трудю.

Томас направился за ним, но вдруг случайно повернул голову налево. За отполированным столом красного дерева сидел здоровенный, как гора, боец SWAT, еще один агент в штатском и тоненькая девушка-индианка, наряженная, словно принцесса. Девушка смотрела прямо на него; глаза у нее были огромные и очень темные. Она выглядела старше, чем девочка на фотографии, но все же это была она. Томас узнал ее сразу.

Он на секунду замер. Потом потрогал браслет и медленно подошел к ней.

— Вы Зита Гхай? — спросил он.

— Да, — ответила Зита.

Томас развязал браслет, нагнулся и положил его на стол перед ней.

— Я Томас Кларк. Ваша сестра просила меня передать это вам.

Ее глаза налились слезами.

— Вы знаете Ахалью?

Томас кивнул. Грудь у него почему-то сдавило так, что стало трудно дышать.

— Мы освободили ее из борделя Сухира. Она сейчас в ашраме в Бомбее и ждет вас.

По лицу Зиты как будто разлилось солнце. Томас поразился произошедшей с ней перемене. Она сжала браслет в кулаке и всхлипнула. Потом разрыдалась. Казалось, что все ужасы, сомнения, отчаяние и рухнувшие надежды последних двух с половиной месяцев растворяются в этом потоке слез и уходят навсегда.

Томас почувствовал, как на плечо ему легла чья-то рука. Это был Портер.

— Похоже, ты все-таки нашел ее, — сказал он.

Томас выдохнул и нашел в себе силы улыбнуться.

— Хорошая работа, — похвалил Портер.

Зита понемногу утихла. Она надела браслет на руку и завязала его.

— Я сделала его Ахалье в подарок, на ее прошлый день рождения, — тихо сказала она. — Она сказала, что будет носить его всегда.

— Значит, вам придется вернуть его ей.

Зита секунду подумала, сунула руку в карман пальто и достала фигурку Ханумана. Она благоговейно поцеловала ее и поставила на стол.

— Вы знаете историю Рамаяны? — спросила она Томаса.

Он кивнул.

— Хануман был другом Рамы. Он нашел Ситу. Он должен быть вашим.

Томас взял фигурку в руки. Ему вспомнились слова Сурехи. *«Когда Прийя начала подрастать, он как-то сказал мне, что мужчина, за которого она выйдет замуж, должен обладать качествами Рамы. В индуизме Рама считается безгрешным»*. Он знал, что никогда не сможет стать таким, как Рама. Но настоящим героем в этой истории был не Рама, а Хануман. Он перебрался через океан и спас принцессу из Митхилы.

— Спасибо, — сказал он. Не зная того, Зита сделала ему самый важный подарок, какой только могла.

Зита посмотрела на агентов ФБР.

— А можно мне домой? — робко спросила она.

Агент Эванс помедлил.

— Все не так просто. Но мы постараемся сделать так, чтобы вы вернулись домой как можно

скорее.

Томас взглянул на Портера:

— Холи^[42] в этом году будет двадцать шестого. Это второй по значению праздник в Индии.

Может быть, ты нажмешь на нужные кнопки и сумеешь отправить нас в Бомбей к этому дню?

Портер засмеялся:

— В последнее время мне пришлось нажать на столько кнопок, что я уже думаю сменить профессию и стать баянистом. Я спрошу, конечно, — посмотрим, что скажут наверху. Многое будет зависеть от индийского правительства. Они должны взять ее под опеку.

— А что будет теперь? — спросила Зита.

— Мы поместим вас в безопасное место и зададим много-много вопросов, — ответил Эванс. — Нам нужна ваша помощь. Требуется засадить за решетку пару-тройку преступников.

— Вы побудете со мной? — Зита с надеждой посмотрела на Томаса.

Он кивнул и сжал статуэтку Ханумана. От сладкого ощущения победы кружилась голова.

— Я буду рядом до тех пор, пока вы не окажетесь дома.

Глава 32

Мудрость есть способность постичь истину во всем, что слышит человек, кто бы ни произносил эту истину.

Тируваллувар

Атланта, Джорджия.

Томас сидел за столом в скучном, серо-коричневом конференц-зале в атлантском отделении ФБР. Напротив него сидели двое агентов в штатском и Эндрю Портер, присутствующий здесь в качестве представителя министерства юстиции. Вопросы Томасу задавали уже три дня. Разговор записывался; в центре стола стояло особое цифровое устройство.

— Я понимаю, что мы с вами беседуем уже давно, — заметил специальный агент Альфонсо Ромеро, итало-американец родом из Бруклина. — Думаю, что мы почти закончили.

Ромеро уставился в свои бумаги. Томас постарался сдержать раздражение. Время от времени ему казалось, что его по-настоящему допрашивают. Терпение у него давно уже кончилось, но он был обязан Портеру. Такова была плата за то, что ему позволили участвовать в операции.

— Пожалуйста, расскажите еще раз, почему вы отправились в Париж, — попросил Ромеро. — Ваша жена была в Мумбай. Ваша работа — тоже в Мумбай. Что сподвигло вас оставить Мумбай и броситься на поиски девушки, которая на тот момент могла быть где угодно?

— Разве я уже не отвечал на этот вопрос?

— Может быть, и отвечали. Но эта тема меня все еще беспокоит.

— Все, что я могу сказать, — я чувствовал, что должен так поступить. Я дал Ахалье обещание. Это был выстрел в темноте, да, но каким-то чудом он попал в яблочко.

Ромеро покачал головой и опять уткнулся в бумаги. Потом переглянулся со специальным агентом Синтией Дуглас, хищного вида брюнеткой, которая все время задавала Томасу личные вопросы, на которые ему совсем не хотелось отвечать. Дуглас покачала головой.

— Хорошо. Я думаю, на сегодня мы закончили, — сказал Ромеро. — Но я уверен, у нас появится больше вопросов по ходу расследования. Пожалуйста, держите нас в курсе своих передвижений и уведомите в случае, если изменится ваша контактная информация.

— Не беспокойтесь, — сказал Томас с едва заметным налетом сарказма. — Уведомлю.

— У нас все. А у вас? — спросил Ромеро у Портера.

Портер кивнул:

— Есть кое-что. Но я бы предпочел поговорить наедине.

— Нет проблем, — кивнул Ромеро.

Они с Дуглас вышли из конференц-зала.

Томас закрыл глаза и потер виски.

— Я уже думал, что он никогда не замолчит.

Портер усмехнулся.

— Его настойчивость достойна восхищения. Хотя, конечно, парень слегка переусердствовал. — Он наклонился вперед: — У меня две хорошие новости и одна плохая. С чего начать?

Томас открыл глаза и внимательно посмотрел на Эндрю. Портер был максимально серьезен.

— Давай с плохой, — решил Томас.

Портер откинулся на спинку стула.

— Мы получили новости от детектива Моргана из полиции Фейетвилла. Вчера он и его люди провели операцию по захвату, на стоянке для кемперов возле Форт-Брэгг. Они предполагали найти там восемь девочек, но трех не было. Одна из них — Эбби. — Он помолчал. — Ее обнаружили сегодня утром.

Томас уже знал, что услышит дальше.

— Ее тело было закопано в роще неподалеку от кемпинга, — сказал Портер. — Она пролежала в земле не больше недели.

Томас на мгновение задержал дыхание.

— Но почему? Зачем они ее убили?

— Я не знаю. Ее история наделала шуму в прессе и на телевидении. Может быть, они поняли, что мы подобрались совсем близко, и запаниковали. Может быть, она попыталась сбежать, и они не стали с ней долго разговаривать. Люди вроде этих способны на все.

Томас подумал о матери Эбби и почувствовал странную пустоту внутри. Ее самые ужасные кошмары стали правдой. Она осталась одна на этом свете.

— А другие девочки, которых не нашли? — спросил он.

Портер покачал головой.

— Они были из Мексики. Думаю, их кому-то перепродали.

— Значит, все продолжается, — сказал Томас. — Этому никогда не будет конца, да?

Портер пожал плечами:

— Если и будет, то не на нашем веку.

— В чем же хорошие новости?

Лицо Портера немного прояснилось.

— Если не считать гибели Дефо, операция по раскрытию преступной сети, организованной Кляйном, прошла блестяще. Мы освободили шестьдесят одну девушку в восьми городах. Тридцать пять из них — несовершеннолетние. Сорок преступников оказались за решеткой. Мы прикрыли Кэндиленд и получили доступ к его компьютерам. Извращенцы со всего мира теперь находятся под нашим наблюдением. Двадцать миллионов долларов на офшорных счетах ждут перевода в казну. Кроме того, это потрясающий пиар-ход. Все в Вашингтоне просто счастливы.

— Я рад за них, — немного хмуро заметил Томас. Ему не хотелось быть таким мрачным, но известие о смерти Эбби выбило его из колеи. В сотый раз он упрекнул себя, что не успел засечь черный джип, увозивший девочку в могилу. Если бы тогда он бежал быстрее...

— А какая вторая хорошая новость? — спросил он.

Портер уловил перемену в его настроении и постарался развеять тягостное впечатление.

— Я думаю, нам удастся отправить Зиту домой до праздника Холи. Заместитель главы ФБР

и индийский посол в США приняли ее дело близко к сердцу. Нам приходится буквально сдвигать горы с этими бюрократическими проволочками, но я смею надеяться, что все сработает.

Томас кивнул.

— Как она?

Портер усмехнулся:

— О, она держится превосходно. Настоящий нестигаемый боец. За последние три дня ей не дали и минуты посидеть спокойно — из квартиры наверх в конференц-зал, из конференц-зала в ювенальный суд графства Фултон, из суда снова в квартиру, но никто не услышал от нее ни единой жалобы. ФБР приставило к ней психолога, агента Додд. Она хорошая женщина, имеет степень по детской психологии и очень добрая. Насколько я слышал, они подружились. Должен сказать, Зита — настоящий клад информации. Ее показаний хватит на то, чтобы засадить людей, связанных с Кэндилендом, за решетку на пару сотен лет.

— Когда я смогу с ней увидеться? — спросил Томас.

В ночь операции, после того как все было закончено, Зиту увезли из дома Кляйнов в патрульной машине, и из соображений безопасности агент Притчетт отвечал на все просьбы Томаса о встрече отказом.

— Возможно, только в самолете, — с сожалением сказал Портер. — Извини. Ничего не поделаешь.

— В таком случае я бы хотел уладить кое-какие личные дела. Как ты думаешь, если я уеду из города на пару дней, Ромеро откусит мне голову?

Портер засмеялся:

— Я буду держать его на поводке. Только вернись до двадцать третьего. Если все сложится удачно, на следующий день ты и Зита будете уже лететь в Мумбай.

Томас поднял бровь.

— За счет высших федеральных органов государственной власти США?

Портер кивнул:

— Наши налоги работают на нас.

— Прекрасно. Теперь, если мы закончили, могу я сделать телефонный звонок?

Портер встал.

— Свобода слова гарантируется тебе конституцией. Как ты собираешься ее использовать за пределами этого помещения — твое личное дело. — Он сделал многозначительную паузу. — А теперь окажи себе услугу. Убирайся отсюда поскорее, пока Ромеро не вспомнил еще миллион вопросов, которые он забыл тебе задать.

В девять вечера Томас набрал на своем Black-Berry международный номер. В Бомбее было семь тридцать утра. Джефф Грийер ответил после второго гудка. Томас вкратце описал ему события последней недели, окончив освобождением Зиты, а потом попросил о кое-каком одолжении и заодно найти для него один телефонный номер. Грийер оправился от шока и зашуршал бумагами.

— Вот, пожалуйста. — Он продиктовал Томасу телефонный номер и пообещал организовать то, о чем он просил. — Не могу поверить, что вам все-таки удалось сделать это, — добавил он. — Должен признаться, я считал это невозможным.

Поговорив с Грийером, Томас набрал номер в Андхери. Гудки шли очень долго, и Томас уже собирался повесить трубку, как вдруг услышал приглушенное «Алло». Связь была очень плохая, но Томас был уверен, что это голос сестры Руфи. Стараясь говорить как можно более медленно и отчетливо, он рассказал ей о новостях. Монахиня молчала так долго, что Томас уже подумал, что их разъединили. Затем он услышал невнятное бормотанье — кажется, сестра Руфь читала

молитву.

— Сестра Руфь? — позвал Томас. — Вы передадите Ахалье, что я звонил?

— Да, — ответила она. Раздался скрежет и шипение. Голос сестры Руфи прорвался сквозь помехи. — Я не знаю... мне... благодарить вас, — услышал Томас.

— Скажите ей, пусть наберется терпения, — сказал он. — Это может занять много времени. Он повесил трубку и заторопился в аэропорт.

Ближе к рассвету Ахалья проснулась. Ее лоб был влажным и горячим, а ночная рубашка промокла от пота. Сон еще не отпустил ее до конца. Она подняла голову и оглядела маленькую спальню, где, кроме нее, спали еще три девушки. Ни одна из них не пошевелилась. В доме стояла полная тишина. Она посмотрела в окно. Небо было серо-голубым, как обычно бывает перед рассветом. Ахалья глубоко вздохнула и попыталась унять сердцебиение. Сон был таким ярким, так походил на реальность, что ей с трудом верилось, что это было не на самом деле.

Она вылезла из постели и тихонько прокралась в общую комнату. Была суббота, и все еще спали. Сестра Руфь не спала, Ахалья была в этом уверена, но ее спальня находилась в другом здании, и она редко приходила в дом к девочкам до половины восьмого. Стараясь не наступать на скрипящие половицы, она прошла к двери. Вообще-то девочкам запрещалось покидать дом без позволения сестер, но обычно на этом правиле настаивали, только если воспитанница проявляла склонность к побегу.

Ахалья спустилась по ступенькам в сад. В деревьях пели цикады, а время от времени раздавалась звонкая птичья трель. На тропинке было еще почти темно. Она оглянулась по сторонам, боясь, что кто-нибудь из сестер застанет ее здесь и будет ругаться, но в саду было пусто.

Подходя к пруду, Ахалья замедлила шаги и снова проиграла в голове свой сон. Во сне на берегу пруда была Зита. Она сидела на скамейке и смотрела на воду. Когда Ахалья подошла ближе, Зита подняла голову. Лицо у нее было невероятно счастливым. Она встала и помахала Ахалье рукой, подзывая ее. Ахалья подбежала, взяла сестру за руку и проследила за ее взглядом. Между круглыми листьями лотоса покачивался бутон. Он вот-вот должен был распуститься.

Ахалья неуверенно приблизилась к пруду. В это безветренное утро его поверхность казалась гладкой, как стекло. Она опустилась на колени возле самой воды. Внутри начала нарастать боль. Ничего не было видно. Она наклонилась ниже. Может быть, он не такой большой, как был во сне. Может, совсем еще маленький.

Может быть...

На нее вдруг накатила дурнота. Ахалья оперлась о камень, лежащий возле пруда, и перевела дух. Думать о беременности ей сейчас не хотелось. Ее желание было простым и четким — найти бутон. Ничего больше.

Она еще раз осмотрела листья, но никаких следов бутона не было. Это был просто сон. Обманчивый сон, мираж, иллюзия. Зиты в саду не было, и лотосу еще только предстояло зацвести. Возможно, он не зацветет вообще. Вставало солнце. Начинался новый день, которого Ахалья не ждала и в общем-то не хотела. Лакшми забыла о ней. Рама покинул ее. Она превратилась в камень, как Ахалья из Рамаяны.

Ахалья разрыдалась. Птицы пели все громче, ашрам понемногу просыпался, улица за оградой тоже ожила. Она не замечала ничего. Наплакавшись вволю, Ахалья вытерла слезы и поднялась на ноги. Ей предстояло пережить еще одни выходные без Зиты, и нужно было как-то на это настроиться. Она сделала несколько шагов по тропинке и вдруг замерла. Зрелище, которое открылось перед ней, было поистине необыкновенным. Ахалья потеряла глаза, думая, что странный сон повлиял на ее сознание, но ничего не изменилось.

Сестра Руфь со всех ног неслась к ней по дорожке.

Ее сари развевалось на ветру позади нее, словно плащ, а глаза подозрительно блеснули. Подбежав поближе, сестра Руфь остановилась и уставилась на Ахалью, не в силах вымолвить ни слова. Грудь ее тяжело вздымалась.

— Простите, — пробормотала Ахалья. Ей было стыдно, что она вызвала столько переживаний. — Мне нужно было пройтись на свежем воздухе.

Сестра Руфь покачала головой. Все ее большое тело сотрясилось от каждого вдоха.

— Нет, нет, — выговорила она и махнула рукой. — Зита...

Ахалья вздрогнула. Дикая, невозможная надежда вдруг взметнулась в ней и тут же сменилась столь же диким, животным ужасом.

Сестра Руфь наконец отдышалась и передала ей новости.

Во второй раз за утро Ахалья упала на колени — но уже не заплакала. Вместо этого она посмотрела на восток, на восходящее солнце. Она вскинула голову и подставила лицо солнечным лучам. Они проникли глубоко внутрь, до самого сердца, согрели ее и напитали, словно влага землю. Ахалья почувствовала, как солнце щекочет ее кожу, и засмеялась. И вспомнила, как это хорошо — смеяться. Ее смех эхом пронесся по лесу, отражаясь от деревьев и заставив замолчать птиц.

Сон оказался правдой. Зита была жива.

И она возвращалась домой.

Два дня спустя Томас стоял у подъезда шикарного дома в Вашингтоне и собирался с силами. Шел унылый холодный дождь. Он был здесь, на Капитолийском холме, всего два раза, и оба раза ночью. Оба визита помнились ему более чем ярко. Томас сжал ручку зонта и сквозь пелену дождя осмотрел роскошный холл. Внутри никого не было. Было восемь утра воскресенья — только в это время ее наверняка можно было застать дома.

Он поднялся на лифте на шестой этаж. Ее квартира была в конце коридора справа. Номер 603. Он простоял перед дверью не меньше минуты. Потом набрался храбрости и решительно постучал.

Он прислушался.

Довольно долго все было тихо, и Томас подумал с надеждой, что, может быть, она уехала на выходные на Каймановы острова — отдохнуть от суеты. Или, еще лучше, завела себе нового бойфренда и осталась у него ночевать. Но тут послышались шаги. Он выпрямился и посмотрел прямо в глазок. Злость, которую он чувствовал в Гоа, давно прошла — остались только волнения и угрызения совести.

Несколько секунд — и дверь распахнулась. Тера стояла на пороге, завернутая в белый махровый халат; ее влажные волосы были стянуты в хвост. В ее глазах было безграничное удивление, она даже слегка приоткрыла губы. Она молча смотрела на него. Сердце Томаса сильно забилось, но он не двинулся с места.

— Томас, — наконец выговорила Тера. Прошло еще несколько секунд. Она вдруг опомнилась, открыла дверь шире и сделала шаг в сторону. — Я думала, что больше никогда тебя не увижу.

Это было приглашение войти, и он вошел. Квартира была очень модной и современной, в стиле авангард — все черно-белое и блестящее, углы, твердые поверхности, точечные светильники, посылавшие узкие острые лучи света, абстрактные картины на стенах и броские сувениры из разных стран. Она проходила курс истории искусств в Колумбийском университете, прежде чем решила посвятить себя юриспруденции. В этом отношении — как и во многих, кстати, — она была похожа на Приюю.

Он прошел в гостиную и остановился у высокого окна. Дождь немного утих, и из серого тумана выступали неясные очертания Капитолийского холма.

— Где ты был? — спросила Тера. Она стояла у него за спиной, чуть поодаль. Руки она засунула в карманы халата. — Прошло почти три месяца.

Он повернулся к ней.

— Я был в Индии.

— В Индии? — повторила она. Ее лицо заметно напряглось.

— Ты была права насчет того, что случилось в фирме, — сказал Томас. — Они поставили мне ультиматум, и я вынужден был взять «творческий отпуск». Год в сточных канавах Бомбея.

— Значит, ты поехал туда не из-за Прийи? — спросила она, уже чуть свободнее.

— Я поехал работать в CASE. Но еще я хотел разыскать свою жену.

Тера немного подумала.

— И тебе это удалось? — помедлив, спросила она.

— Не знаю, — сказал Томас. — Не уверен. Но я бы этого хотел.

Тера склонила голову.

— Тогда почему ты здесь?

— Потому что тогда я все сделал неправильно. Я должен перед тобой извиниться.

Она присела на край дивана.

— Я ни о чем не жалею.

— Выслушай меня, — попросил Томас. — Просто выслушай. А скажешь все потом.

Она замолчала, выжидательно глядя на него.

— Ты появилась в моей жизни в самый темный ее период, — начал он. — Ты была рядом. Мне нужна была помощь, и ты предложила ее. Этого я никогда не забуду. Но я был дураком. Я не должен был заходить так далеко. Не важно, что Прийя ушла, — мне надо было хранить верность. Помнить о супружеских обетах. То, что я пришел сюда в ту самую первую ночь, было огромной ошибкой. Я не владел собой. Я ни в коем случае не виню тебя. Это была моя вина, и только моя, и я причинил боль всем — себе, тебе, Прийе. Ты заслуживаешь гораздо большего. Пожалуйста, прости меня.

Тера встала и тоже подошла к окну. Она посмотрела на мокрый, залитый дождем город и заправила прядь волос за ухо. Томас подумал, что, возможно, сейчас ему следовало бы уйти, но он не сдвинулся с места. Он не мог оставить все непоясненным во второй раз.

Тера наконец взглянула на него.

— Мне не нужны твои извинения, — сказала она. — Я взрослая девочка. И я прекрасно знала, на что иду. — Она помолчала. — Прийя просто дура, что ушла. Надеюсь, теперь она это поняла.

Томас смотрел на нее и не знал, что ответить. В неярком утреннем свете Тера была красива, как никогда. На мгновение ему захотелось утешить ее, как когда-то она утешила его. Но он знал, что это искушение, знал, к чему оно может привести, и сдержался.

— До свидания, Тера, — сказал он.

Она не ответила. Томас пожал плечами и вышел в прихожую. Он уже взялся за дверную ручку, но Тера вдруг позвала его:

— Томас.

Он остановился. Она тоже вышла в прихожую.

— Окажи мне услугу, хорошо?

— Что такое?

— Не знаю, с кем ты сейчас, — но уже определись, хорошо?

Он кивнул и выдавил из себя улыбку. Это был слишком мягкий укор — гораздо мягче, чем

он заслужил. Он тихо открыл дверь и вышел. Тера навсегда запомнится ему такой — красивый портрет в рамке окна, на фоне безрадостного серого дождя.

Уже через двадцать минут он подъехал к дому своих родителей. Кроме тех семейств, что направлялись на воскресную службу в церковь, все были дома, и дороги были практически пусты. Он припарковал свою «ауди» на подъездной дорожке и вышел наружу. Дождь прекратился, превратившись в мокрый туман, и Томас решил оставить зонт в машине.

Он постучал в дверь и услышал тяжелые шаги. Сердце снова забилося чаще — Томас в который раз подумал, как объяснит все отцу. Судья открыл дверь и уставился на сына. На нем был костюм в тонкую полоску и галстук с «восточными огурцами». Месса должна была начаться через полчаса.

Глаза его ожили.

— Томас! Входи, сынок.

В прихожую вышла Елена, в элегантном фиолетовом платье и черном кардигане, и бросилась ему на шею.

— Ты промок, — сказала она, оторвавшись от него, и погладила его по мокрым волосам. — Пойдем, я сделаю тебе чаю.

Они прошли на кухню. Томас подвинул к себе табурет и сел, облокотившись на выложенный плиткой кухонный «остров». Судья сел за стол. Мать суежилась у плиты, отец был рядом, готовый дать Томасу совет на любой случай жизни... картина была уютной и привычной, как старые домашние туфли. Сколько раз они вот так сидели на кухне в его детстве и юности.

— Как Прийя? — спросила Елена через плечо. Томас послал ей неопределенно-оптимистичное послание из Парижа, но это было еще до Гоа.

— Вообще-то... не очень хорошо.

Мать явно расстроилась, но расспрашивать подробнее не стала.

— Очень жаль.

Томас пожал плечами и взглянул на отца:

— Я не уверен, что вернусь обратно в «Клэйтон».

Судья нахмурился:

— Ты получил мое сообщение?

Томас кивнул.

— Макс собирается развернуть перед тобой красную ковровую дорожку. Он даже поговаривает о том, чтобы через год принять тебя в партнеры.

— Я не уверен, что хочу этого.

Судья замолчал. Отец, потерявший дар речи, — это было редкостное событие. Вместо него заговорила мать:

— Тогда чего ты хочешь, дорогой?

Томас ухватился за край стола.

— Я как раз стараюсь в этом разобраться.

Судья встал.

— Я просто не верю своим ушам. Когда тебе было пятнадцать лет, ты сказал мне, что мечтаешь стать федеральным судьей. Я сделал все, что было в моих силах, чтобы осуществить твою мечту. Я помог тебе с Йелем и Виргинской юридической школой. Я помог тебе с работой. Я смазал нужные шестеренки в «Клэйтон». И после всего этого ты собираешься взять и все бросить? Вот так запросто?

— Рэнд, — вмешалась Елена.

Судья бросил на нее яростный взгляд.

— Мне нужен прямой ответ, — сказал он. — Я его заслужил.

Томас глубоко вздохнул и посмотрел отцу прямо в глаза.

— Я знаю, о чем я мечтал, папа. И мне известно, как много ты для меня сделал. Но люди меняются. Жизнь меняется. Если ты хочешь прямого ответа, я дам тебе его. Я хочу доработать этот год в CASE, и я хочу найти способ убедить свою жену, что со мной ей будет лучше, чем без меня.

Судья воздел руки к небу. Он был вне себя.

— Ты говоришь об одном годе. А как насчет *будущего*, Томас? Что будет через десять лет? Через двадцать? Каким ты себя видишь? Где?

Томас почувствовал, что тоже начинает раздражаться.

— Я понятия не имею. Но знаю одно: я больше не желаю участвовать в этих крысиных бегах.

— Прекрасно! Замечательно! Теперь ты сравниваешь мою жизнь с жизнью грызуна.

Томас сверкнул глазами:

— Это не о тебе, папа. Я говорю не о твоей жизни, а о моей. Знаешь, почему я сейчас в Соединенных Штатах? Потому что сюда попала девочка из Индии. Ее перепродали в Америку. Мы спасли ее сестру из борделя в Бомбее. А теперь освободили и ее. Зита едет домой через несколько дней, и я еду с ней. Я не пытаюсь обесценить твои жизненные достижения. Я просто хочу сказать — возможно, я не хочу того же самого.

Он сделал глоток чая — Елена успела поставить перед ним кружку. Томас видел, что отец задумался, и знал, что будет дальше. Сейчас Судья быстро свернет обсуждение и удалится для принятия решения. А потом выступит с длинной речью, объясняя его, — как всегда в суде.

Так оно, разумеется, и вышло. Судья взглянул на часы.

— Месса начнется через пятнадцать минут, — сказал он, уже более спокойно. — Мы вернемся к этому разговору позже.

Элена с сожалением посмотрела на Томаса.

— Ты к нам надолго? — спросила она.

— Достаточно, — сказал Томас. — Я оделся специально для церкви.

Мать распахнула глаза. Томас не ходил с ними на службу с тех пор, как поступил в колледж.

— Я сегодня полон сюрпризов, правда? — сказал он и взял ее под руку.

После обеда Томас вернулся в Вашингтон. До конца дня он должен был сделать еще одно дело. Он на минутку остановился возле цветочного магазина, купил букет маргариток — в честь наступающей весны — и снова сел за руль. Через некоторое время он оставил машину у ворот кладбища Гленвуд и пошел вперед по извилистой тропинке. Он взял с собой ключи, но запирать автомобиль не стал — здесь было недалеко.

Томас вдохнул свежий, холодный воздух. Мир и спокойствие царили вокруг. Утренний дождь прекратился, и из-за облаков выглянуло солнце, но посетителей на кладбище не было. Могила была на вершине холма, откуда открывался вид на сад ангелов. Он посмотрел на надгробие, и печаль наполнила сердце — так, будто она никогда не уходила оттуда. Милая, дорогая Мохини. Маленькая девочка — слишком маленькая для того, чтобы умереть.

Похороны Мохини вызвали в семье ожесточенные споры. Родители Томаса, благочестивые католики, возражали против кремации, но Прийя была резко против погребения. «Выбирайте свою реку, мне все равно, — сказала она, — но дайте мне похоронить свое дитя достойно». Дела между ними уже тогда шли плохо, и эти переговоры и поиски компромисса разрушили то немногое, что еще оставалось. Они кремировали тело Мохини и развеяли ее прах в устье Гудзона. Но урна была захоронена в семейной могиле Кларков на кладбище Гленвуд.

Томас наклонился и положил маргаритки на могильную плиту. Тогда он думал, что из-за надписи на надгробном камне тоже разгорятся споры, но Прийя заслонила от обсуждения, и в результате слова выбрала мать Томаса. «В надежде и ожидании воскресения». Он опустил на колени и мельком подумал — каким будет воскресение ребенка? Будет ли Мохини там, в раю, сразу взрослой, такой, какой должна была бы стать, или пройдет через детство и юность так, будто смерти не было вообще? Так или иначе, живым не дано было приподнять этот покров тайны.

— Как давно мы не виделись, моя девочка, — сказал Томас и почувствовал, что глаза обожгло слезами. Он проглотил ком в горле, и прошло несколько секунд, прежде чем смог заговорить снова. — Знаешь, я встретил одну девочку, с которой очень хотел бы тебя познакомить. Ее зовут Зита, и она родом из Индии, как мама. — Он говорил первое, что придет на ум, — о Бомбее, о семье Прийи, об Ахалье и Зите.

Выговорившись до конца, Томас нежно поцеловал надгробие.

— Мне нужно идти, моя девочка, — сказал он и закрыл глаза. Боль снова кольнула сердце. — Я люблю тебя, Мохини.

Он вернулся в машину и долго сидел неподвижно. Потом полез в рюкзак, достал лист бумаги и ручку и начал писать. Письмо чужой, незнакомой женщине, которой он не мог не написать, женщине, с которой его не связывало ничего — кроме одного.

«Дорогая Эллисон.»

Меня зовут Томас Кларк, и я был рядом в тот день, когда пропала Эбби. Один друг рассказал мне о том, что произошло, и я почувствовал, что должен написать вам. Не могу придумать никаких слов утешения, да их и не может быть — в таком горе, как ваше. Невозможно найти объяснение тому, что произошло. Жизнь оказалась несправедлива к вам и несправедлива к Эбби. Зло восстало и победило, и добро проиграло эту битву. И от этого мне больно и горько.

Однако надежда есть, и я знаю об этом точно, потому что прошел через это сам. Сегодня это кажется невозможным, но завтра все же наступит. Может быть, очень нескоро, но по другую сторону тьмы и отчаяния забрезжит новый рассвет. Я сам не так давно потерял дочь. Сегодня я был у нее на могиле. Каждый раз, когда я вижу ее имя на надгробии, мое сердце разбивается на части. Я не смог защитить ее — так же, как и вы не смогли защитить Эбби. Но у Мохини и Эбби есть то, чего нет у нас с вами. Смерть больше не властна над ними.

Где бы они ни были сейчас, они обрели покой».

Поставив свою подпись, Томас сложил листок и опустил его в конверт, адресованный Эндрю Портеру в Министерство юстиции. В который раз нарушив правила, Эндрю дал ему полное имя матери Эбби и договорился с детективом Морганом, что полиция Фейетвилла передаст ей письмо из рук в руки.

Томас бросил последний взгляд на кладбище. Каменные ангелы трубили в безмолвные трубы, возвещая о пришествии дня, когда все обретут покой, когда высохнут все слезы и забудутся все несчастья. Он дотронулся до письма, лежащего у него на коленях, и развернул автомобиль. Как бы он хотел, чтобы этот день когда-нибудь наступил.

Неделю спустя Томас сидел в зале ожидания в аэропорту Вашингтон Даллес и ждал посадки

на свой рейс. Был ранний вечер. Последние шесть дней он улаживал оставшиеся дела и разбирался с неожиданно возникшей проблемой в доме. Зимой потекла одна из труб, на полу в столовой образовалось целое озеро, и вода просочилась в подвал. Ремонт превратился в настоящий кошмар, и Томас вздохнул с облегчением только тогда, когда последний рабочий покинул дом с деньгами в кармане.

Он взял Black-Berry и проверил почту. В папке с входящими было полно спама и несколько писем от приятелей, интересующихся, где он сейчас. От Прийи ничего не было. За последние две недели она не сделала ни одной попытки связаться с ним. Разумеется, у нее были причины злиться. Но тот уик-энд в Гоа доказал, что их любовь жива, что она существует, — разве этого было недостаточно?

Ветер за окнами гнал по небу облака, и Томас вдруг вспомнил о стихотворении, которое прочитала ему Прийя в Гоа из того самого сборника, который подарила ей Елена. Она взялась за книгу сразу после того, как они закончили заниматься любовью, и предложила почитать вслух. Томас закатил глаза, но завораживающий ритм и мелодичность вскоре очаровали и его. А может быть, свою роль сыграл вид обнаженной Прийи на кровати, читающей стихи. Томас невольно улыбнулся.

Ему в голову пришла неожиданная идея. А что, если написать ей стихи? Не любовный сонет в духе Байрона, а просто несколько строчек, выражающих его чувства, как Найду или один из тех мистиков-суфиев, которых вечно цитировала Прийя? Томас покачал головой. Какая ерунда. С какой стати ее должны тронуть какие-то там дилетантские вирши. Она просто посмеется над ними — если вообще прочитает.

Он перевел взгляд на телевизионный экран над головой. Смотреть новости было скучно, и Томас снова принялся пялиться в окно. Самолет рядом был готов оторваться от земли. Еще секунда — и он взмыл вверх и устремился в небо, прямо к заходящему солнцу. В голове у Томаса вдруг возникла строчка: «Путь к солнцу долог». Почему-то слова застряли в сознании. *Путь к солнцу*. Что это может означать?

Он опять достал Black-Berry, открыл папку «заметки» и напряг воображение. Образы возникали в голове как будто сами собой. Слова превращались в строчки, а строчки укладывались в строфу. Не веря своим глазам, Томас уставился на готовое стихотворение.

Путь к солнцу долог, мы идем вперед,
И наши тени — стрелки
На циферблате; наши имена
Напишет свет, дарящий жизнь.

Он сохранил файл и встал, чтобы размять ноги. Посадка должна была начаться через двадцать минут. Он зашел в туалет и вернулся на свое место, но смутное беспокойство не уходило. Томас подумал еще немного и вытащил из бумажника фотографию Прийи. Потом сунул ее обратно. Перечитал стихотворение. Конечно, ему было далеко до Тагора, но все же это было неплохо. Он вздохнул и отбросил все сомнения прочь.

«Дорогая Прийя.

Я хотел бы сказать все это, глядя тебе в глаза, но придется удовлетвориться письмом. Я уехал из Гоа совершенно раздавленным. Я не хотел причинять тебе боль. Я

идиот, просто первоклассный идиот. Не знаю, как выразить это лучше. Прости, что я обманывал тебя. Прости за Теру. Я должен был сказать тебе правду, но мне было слишком стыдно.

Я в Соединенных Штатах. Мы нашли Зиту. Если ты захочешь, когда-нибудь я расскажу тебе эту историю — если тебе интересно. Что делать дальше, я не знаю. Привезти Зиту в Индию и доработать год с CASE, как и предполагалось, — вот и все. Других планов на будущее у меня нет. Я только надеюсь — пожалуйста, поверь мне, я говорю искренне, — что ты все же будешь частью этого будущего.

Несколько минут назад я написал стихотворение. Я не знаю, о чем оно, знаю только, что оно передает смысл моей жизни как ничто другое. Я прилагаю его к этому письму. Может быть, ты ответишь мне, может быть, нет, но помни — я люблю тебя».

Поставив точку, Томас еще раз прочитал сообщение и нажал на кнопку «отправить». Объявили начало посадки. Он взглянул в окно, на высокие облака, освещенные последними оранжевыми лучами, подхватил сумку с ноутбуком и встал в очередь, думая, что совсем скоро ему предстоит обогнать их.

Глава 33

Пусть твое сердце не тревожат печали прошлого.

Рамаяна

Атланта, Джорджия.

Утром 24 марта ювенальный суд графства Фултон выдал разрешение на возвращение Зиты в Индию. Представители обоих правительств, индийского и американского, постановили, что агент Додд, специалист по реабилитации жертв насилия, выступит в качестве ее опекуна в этой поездке, а Томас Кларк был назначен официальным сопровождающим.

Заместитель главы индийской миссии отдал необходимые распоряжения, чтобы в аэропорту в Бомбее их встретили сотрудники ЦБР. После того как Международная организация по миграции закончила рассмотрение дела, он пообещал, что Зиту поместят в приют Сестер Милосердия вместе с ее сестрой Ахальей. Агент Притчетт обратился к заместителю с личной просьбой устроить все до праздника Холи, и тот охотно пошел ему навстречу.

Когда все было согласовано и улажено, агент Притчетт сам отвез их в аэропорт. Агент Додд, полноватая, с добрым лицом женщина лет сорока с небольшим, села на переднее сиденье, а Томас и Зита устроились сзади. Проведя последние шестнадцать дней в бюрократическом «заклучении», Зита горела от нетерпения. Она засыпала Томаса вопросами об Ахалье, и он постарался ответить на все и как можно более подробно. Единственным, о чем он умолчал, была беременность ее старшей сестры; Томас чувствовал, что об этом Зита должна узнать от самой Ахальи.

В аэропорту Притчетт провел их через таможенный и пограничный контроль и проводил практически до трапа самолета. Он пожал Томасу руку и, слегка извиняясь, напомнил о том, что он обещал не разглашать конфиденциальную информацию. Потом он наклонился к Зите и вручил ей маленький эмалированный значок — флаг Соединенных Штатов.

— Знаете, — сказал он, — у меня есть дочь вашего возраста. Она — свет моей жизни. С ней иногда бывает трудно, конечно, но от этого уж никуда не денешься. От имени всех наших агентов хочу сказать — я горжусь тем, что знаю вас.

Зита застенчиво обняла его и вслед за Томасом и агентом Додд прошла на посадку.

Вечером на следующий день они приземлились в сияющем огнями Бомбее. Два офицера ЦБР встретили их у пограничного контроля, помогли быстро пройти досмотр и проводили к ожидавшему у обочины «лендроверу». Один из офицеров получил их багаж, и они сели в машину.

Всю дорогу Зита смотрела в окно, на ночной город. Возвращение к матери-Индии пробудило в ней целое море противоречивых эмоций. Боль за Ахалью, подвергшуюся насилию, печаль о погибшей семье, беспокойство о будущем и страх оттого, что Сухир где-то рядом. Но ни тревоги, ни волнения не могли затмить одного, самого главного ощущения — чувства облегчения. Зита вдыхала влажный, какой-то тягучий воздух Бомбея и понимала, что любит свою страну больше всего на свете. Это были ее люди. Это была ее земля.

Эта земля причинила ей боль, но именно ей она была обязана своим рождением.

Офицеры ЦБР — они представились по фамилиям, Бхута и Сингх — сопровождали их в «Тадж-Лэндс-Энд-Отель» в Бандре. В лобби их встретил Динеш с огромным букетом цветов.

— Ничего себе берлога, — сказал он и пожал Томасу руку. — Я так понимаю, это была твоя идея.

Томас кивнул. Он был счастлив снова увидеться с другом, хотя и не ожидал встретить его здесь.

— Чиновники хотели поселить ее в какой-то третьесортной дыре чуть ли не на выезде из аэропорта, — сказал он. — Я просто не мог этого допустить. Это же ее первая ночь дома. — Он сделал красноречивую паузу. — А вот что здесь делаешь ты? Мы же договорились, что встретимся у тебя.

Динеш ухмыльнулся.

— Я здесь не ради тебя. Я хотел познакомиться с Зитой.

Томас повернулся к Зите:

— Зита, познакомься. Это Динеш. Динеш, это Зита.

— *Ghara tem svagata hai, chotti bahana*, — сказал Динеш. Он был рад приветствовать «сестренку» на родной земле. — Вам здесь очень понравится. — Он протянул ей букет. — Это вам — украсите свою комнату.

Зита покраснела. Динеш понравился ей сразу. Они принялись оживленно болтать на хинди, пока Бхута заполнял анкеты.

Через несколько минут появился управляющий и лично проводил их в двухкомнатные апартаменты на верхнем этаже. После недолгих переговоров агенты ЦБР разрешили Динешу подняться в номер вместе со всеми. Управляющий показал им просторные комнаты и выдал агентам ключи. Агент Додд, которая почти не спала во время перелета, устроила себе постель в гостиной. Зита подошла к огромному, во всю стену окну с видом на Аравийское море и вздохнула. Панорама ночного города была прекрасна.

— Где сейчас Ахалья? — в сотый раз спросила она Томаса. — Мы точно увидимся с ней завтра?

— Ахалья сейчас в ашраме в Андхери, — терпеливо повторил он. — И вы точно увидите с ней завтра.

Зита снова вздохнула и зевнула.

— Здесь очень красиво.

Спальня в твоём распоряжении, — сказал Томас. — Наши друзья из ЦБР найдут себе другое место для ночлега.

- А вы? — спросила она.
- Я переночую у Динеша. Его квартира совсем рядом. Я вернусь утром.
- Тогда спокойной ночи, — пожелала Зита и слегка помахала всем рукой.

Утром Динеш приготовил настоящий завтрак для гурманов — жаренные в масле индийские лепешки с нутом и махим-халва, что-то вроде рассыпчатого сладкого пудинга. Они с Томасом решили отнести все это в отель, чтобы позавтракать вместе с Зитой. Агент Додд, свежая и отдохнувшая, почти с жадностью набросилась на махим-халва, запивая ее индийским чаем с молоком и пряностями.

— В Штатах я питаюсь в основном китайской лапшой на вынос, — пояснила она, заметив взгляд Зиты. — А это так вкусно.

Динеш засмеялся.

— Вы просто должны переехать в Индию, — сказал он.

— Может быть, когда-нибудь я так и сделаю, — засмеялась она.

После завтрака офицеры ЦБР подошли к входу в отель «лендровер», и все забрались внутрь. Томас напомнил констеблю Сингху, что они договорились быть в ашраме в девять часов. Агенты обменялись непонятными взглядами с Динешем, но ничего не сказали. Томас не замечал ничего до тех пор, пока Сингх не выехал на Западное шоссе и не помчался к югу, вдоль залива Махим.

— Но ашрам в другой стороне! — удивленно вскрикнул он и постучал констебля по плечу. Тот не отреагировал.

Томас беспомощно посмотрел на Динеша и Зиту. На губах Динеша играла загадочная улыбка.

— Что-то здесь не так, — догадался Томас. — Ты что-то задумал. Немедленно рассказывай.

— Это была не моя идея, — отказался Динеш. — Скоро сам все увидишь.

Субботние дороги представляли собой сплошную кашу. Несмотря на изощренные маневры Сингха и головокружительные трюки, которые он проделывал в потоке других автомобилей, дорога до Малабар-Хилл заняла почти полтора часа. Когда они въехали в Брич-Кэнди на Уорден-роуд, Томас повернулся к Динешу.

— Мы ведь едем во Вриндавану, да? — спросил он.

— Вриндавана? — переспросила Зита. — Лес, где играл Кришна?

Динеш пожал плечами. Томас откинулся на спинку сиденья. Сотни вопросов роились у него в голове.

— Не совсем, — сказал он. — Но эти места чем-то похожи.

Когда «лендровер» въехал на знакомую территорию, Томас не поверил своим глазам. Здесь были десятки людей. Они выстроились по обеим сторонам подъездной дорожки, приветствуя их появление. Томас успел заметить родственников Прийи, с которыми он познакомился раньше, Джеффа Грийера, Найджела, Саманту и всю команду CASE — они собрались под огромным баньяном. Рядом с Анитой стояла сестра Руфь в коричневом монашеском одеянии.

Сурья и Суреха Пател ждали их у крыльца. Отец Прийи выглядел потрясюще в белом льняном костюме. На матери было изумрудно-зеленое сари, которое ей очень шло. Констебль Сингх выключил мотор, а Бхута распахнул заднюю дверь. Динеш выбрался наружу; Томас посмотрел на Зиту. Ее глаза расширились от изумления.

— Кто все эти люди? — спросила она.

— Некоторые — родственники моей жены, — ответил Томас. — Некоторые — люди, которые помогли освободить твою сестру.

— Зачем они здесь?

Он покачал головой. Действительно. Как же вышло, что его невинное намерение отметить Холи вылилось в такое масштабное празднование? И почему в качестве места была выбрана именно Вриндавана?

— Они пришли, чтобы встретиться с тобой, — сказал он. По крайней мере в этом он был уверен.

Он протянул ей руку, но Зита вдруг заколебалась.

— Если не хочешь, можешь этого не делать, — заметил Томас. Он внимательно наблюдал за ее лицом. — Водитель может развернуться и отвезти нас в какое-нибудь более уединенное место. Там ты сможешь без помех поговорить с Ахальей.

Зита обвела толпу глазами.

— Нет, — решила она. — Это Холи. Все правильно, так и должно быть.

Томас улыбнулся.

— Добро пожаловать, — сказал он и вылез из машины первым.

Когда появилась Зита, все заплодировали. Она сжала его руку, и Томас сжал ее ладонь в ответ. Он искал одно-единственное лицо. Прийя. «Она должна быть тут, — подумал он. — Она ни за что не пропустила бы Холи».

Вдруг от толпы отделилась фигурка и бросилась к ним. Это была Ахалья, в солнечно-желтом чуридаре и с бинди в форме маленькой розочки на лбу. По щекам ее бежали слезы. Зита отпустила руку Томаса и кинулась навстречу сестре. Они упали в объятия друг друга; зрелище было настолько трогательным, что Томасу было почти неловко смотреть на них. И тем не менее он не мог заставить себя отвести взгляд.

Зита и Ахалья не могли оторваться друг от друга целую вечность. Они не замечали никого вокруг. Когда они наконец смогли разжать объятия, Ахалья медленно подошла к Томасу, опустилась перед ним на колени и с глубочайшим почтением коснулась его ног. Потом она выпрямилась и ослепила его улыбкой.

— Спасибо, — тихо проговорила она. — Я обязана вам жизнью.

— В этом принимали участие многие люди, — возразил Томас. Глаза его подозрительно заблестели.

— Может быть. Но на вас был мой браслет. Я никогда этого не забуду.

С веранды вдруг раздалась музыка. К ним подошел Сурья Пател. В руках у него была большая золотая чаша. Томас посмотрел профессору в глаза, ожидая увидеть там, как обычно, вражду и неприязнь, но лицо Сурьи было радостным и оживленным. Он поднял руку, призывая к вниманию. Шум в толпе тут же утих.

— Как вы все знаете, Холи символизирует многие вещи, — начал профессор по-английски. Голос у него был звучный и внушительный. — Это день веселья, когда мы вспоминаем Кришну и его детские забавы в лесу Вриндаваны. В этот день мы также празднуем смену времен года, конец зимы и наступление весны. — Он поднял блестящую чашу вверх. — В нашей семье существует традиция. Каждый Холи мы выбираем девочку или мальчика, чтобы они нанесли на лоб старшего тилаку^[43]. После этого мы начинаем Фестиваль красок, и каждый, кто оказался в этот день в нашем доме, волей-неволей должен принять в нем участие. Даже если он предпочел бы остаться чистым. Так вот, мне кажется, что в нынешнем году этой девочкой должна стать Зита Гхай.

Сурья повернулся к Зите и наклонил чашу. Внутри была сухая алая краска.

— Веселого Холи, — сказал он. — В этом доме всегда будут рады тебе и твоей сестре.

Сияя глазами и улыбкой, Зита окунула большой палец в краску, встала на цыпочки и поставила у него на лбу алую точку.

— Для меня вы всегда будете дада, моим старшим братом, — сказала она. — Веселого Холи.

Все радостно закричали. Вдруг, совершенно неожиданно, в руках у всех появились мешочки с красками, и воздух взорвался цветами — красным, желтым, синим, фиолетовым, зеленым, золотым. Это были краски Индии, ослепительно-яркие, царственно-роскошные и наивные одновременно.

Но профессору, видимо, показалось, что алого знака на лбу Томаса явно недостаточно. Он окунул в порошок руку, зачерпнул целую горсть и высыпал краску ему на голову. Томас засмеялся и отчаянно заморгал — крошечные крупички попали ему в глаза.

— Веселого Холи, — сказал Сурья. — Мне кажется, вас кое-кто ждет.

Он шагнул в сторону и принялся щедро осыпать краской всю свою семью. Суреха протянула Зите и Ахалье плетеную корзинку, наполненную мешочками с краской, и они хорошенько вооружились. Зита обсыпала сестру сиреневым; Ахалья засмеялась и в ответ измазала ее лицо оранжевым.

Томас поискал глазами Приью и наконец увидел ее. Она стояла на веранде и смотрела прямо на него. Сердце сильно стукнуло. Он пробрался сквозь толпу, медленно поднялся по ступенькам и остановился, не зная, что сказать.

— Кажется, мой отец наконец принял тебя, — заговорила она.

Томас потрогал свое испачканное лицо.

— Кажется, да. Но почему?

Приья отвела взгляд.

— Ты произвел на него большое впечатление. И напомнил ему Рамаяну. — Она чуть запнулась и продолжила: — Я рассказала ему новости о Зите после того, как получила твое письмо. Отец был очень тронут — я никогда в жизни не видела его таким. Потом я краем уха слышала, как он говорил маме, что недооценивал тебя. Он сказал, что твой поступок заслуживает самых высоких почестей.

Томас глубоко вздохнул и вспомнил о фигурке Ханумана, которую подарила ему Зита. В голове вдруг само собой всплыло слово «провидение» — одно из самых любимых слов Приьи. «Да, — подумал он. — Там что-то есть. Непременно есть».

— Значит, все это придумал твой отец? — спросил он.

Приья кивнула.

— Как интересно складывается судьба, ты не находишь? Ты вывел Зиту из испытания огнем, и отец решил устроить ей королевский прием.

Она отошла в дальний конец веранды, и Томас последовал за ней. Они спустились по ступенькам вниз, с другой стороны, и вышли в рощу с цветущими деревьями. Приья остановилась у фонтана.

— Хорошее стихотворение, — сказала она. Вокруг никого не было, они были одни.

— Да так, ничего особенного.

— Оно легло мне на сердце, — возразила она. — Я поняла, что ты искренне говоришь и обо всем остальном тоже. — Она отвернулась и посмотрела на весело журчащую воду. — Ты должен понять одну вещь. Я больше не смогу покинуть свою семью.

Он кивнул:

— Теперь я это понимаю.

— И я не стану терпеть, если ты снова будешь оставлять меня ради своей работы. Чем бы ты ни занимался, я должна знать — я для тебя на первом месте.

Томас попробовал улыбнуться.

— Это означает, что ты меня простила?

Она прикрыла глаза.

— Я начала прощать тебя еще тогда, на пляже, когда ты сказал, что любишь меня, — сказала

она. — Но мне нужно было убедиться, что ты говорил правду.

Он протянул руку и осторожно коснулся ее щеки. Она повернулась к нему, и он заметил, что в глазах ее стоят слезы. Прийя сделала к нему шаг, потом другой и оказалась совсем близко, так близко, что он не мог не привлечь ее к себе.

— Я так рада, что ты приехал, — прошептала она. — Я думала, что потеряла тебя навсегда.

Он нагнул голову и сдул упавшую ей на глаза прядь волос.

— Как ты думаешь, ты могла бы поцеловать мужчину, обсыпанного красной краской? — спросил он.

Улыбка тронула уголки ее губ, потом стала чуть шире, потом засияло все лицо.

— Я думаю, наши цвета прекрасно сочетаются друг с другом, — прошептала она.

И это была чистая правда.

Мумбай, Индия.

Им позвонили в шесть тридцать утра седьмого октября. Black-Berry Томаса лежал на ночном столике рядом с кроватью. Он проснулся после второго звонка, схватил телефон и прижал его к уху.

— Мы будем там через сорок минут, — сказал он и нажал отбой.

— Уже? — спросила Прийя, широко распахнув глаза. Она перекатилась на живот и с тревогой уставилась на него. Ее лицо казалось голубоватым в бледном утреннем свете — рассвет только занимался.

Он кивнул.

— Она сказала, максимум через час.

Они торопливо оделись, он в брюки чинос и льняную рубашку, она — в красно-черный сальвар камиз, и выскочили из квартиры. Лифт доставил их прямо в подземный гараж, где стоял их джип «тойота». Прийя забралась на переднее сиденье, Томас сел за руль, завел двигатель, и автомобиль рванул к воротам. Томас едва успел махнуть ночному сторожу, который сидел у входа и покуривал чарас^[44].

Он поехал на север вдоль Бандстэнд; вскоре дорога повернула на восток. Десять минут от Хилл-роуд до S.V.-роуд. Пятнадцать минут по Западному шоссе до Андхери, еще пять минут до ашрама. Несмотря на утро пятницы, машин было относительно немного. В основном на дороге были рикши, и Томас объезжал их с легкостью.

Прийя сняла его руку с рычага переключения скоростей и положила себе на живот.

— Как мы ее назовем? — поинтересовалась она. На прошлой неделе они делали ультразвук — шла уже двадцатая неделя, — и доктор в Брич-Кэнди объявил, что у них совершенно точно будет девочка.

Томас посмотрел на жену:

— Я не знаю.

Она улыбнулась:

— Знаешь... мне нравится имя Пуджа.

— Ни за что, — отрезал Томас. — Всех девочек в Бомбее зовут Пуджа! Ей нужно оригинальное имя.

Прийя засмеялась:

— Ты такой предсказуемый. Я всегда знаю, на какие кнопки нажать. Нет, на самом деле у меня есть более хорошая идея.

— Скажи мне, — попросил он.

— Скажу, когда придет время.

Они замолчали. Томас вспомнил события вчерашнего дня. После девяти месяцев бюрократических проволочек — слушание дела несколько раз откладывалось из-за взяток — Ахалью наконец-то вызвали в сессионный суд для дачи показаний. Она должна была свидетельствовать против Сухира, Прасада и Сумиры. Владелец борделя и его сын тоже присутствовали на суде, хотя это и было не совсем обычно. Но вскоре замысел защиты оказался ясен. Когда Ахалья, с большим животом, выпирающим из-под чуридара, поднялась на свидетельское место, Сухир и Прасад тоже встали и принялись сверлить ее глазами. Между ними и Ахальей было всего пятнадцать футов, и исходящую от них угрозу, казалось, можно было пощупать руками. Государственный обвинитель выразил протест, но адвокат обвиняемых понес какую-то чушь насчет того, что его подзащитным трудно долго находиться в сидячем положении.

Раздраженный судья махнул рукой и разрешил Сухиру и Прасаду стоять, если уж им так этого хочется.

Томас сидел на последней скамейке, в самом заднем ряду. Он видел страх в глазах Ахальи, но держалась она твердо как скала. Ее голос был громким и уверенным, как звон колокола в безветренный день. Она изложила всю свою историю — о цунами, о похищении, о том, как они оказались в Ченнаи и как их перевезли в Бомбей, сначала на английском, потом, так же четко и ясно, на хинди. Она рассказала о первом изнасиловании, о Шанкаре, и о втором — о юноше, у которого был день рождения. До этого Сухир и Прасад стояли рядом, плечом к плечу, но, когда Ахалья рассказала о первом визите в ее комнату Прасада и о последующих встречах с ним, каждая из которых оканчивалась насильственным половым актом, Сухир чуть повернул голову и сквозь зубы пробормотал сыну несколько слов. Прасад побледнел.

Затем последовал перекрестный допрос. Адвокат обвиняемых подверг сомнению надежность Ахальи как свидетеля. Он попытался представить ее распущенной школьницей, которая и раньше имела много половых связей с мужчинами, хотя никаких доказательств у него, разумеется, быть не могло. Ахалья отвергла это обвинение. Тогда адвокат повысил голос и стал упирать на тот факт, что ребенок, которого она должна была вот-вот родить, являлся плодом секса по взаимному согласию, который произошел еще до борделя. Ахалья спокойно отвергла и это. Она терпеливо объяснила, что была девственницей до того, как Сухир купил ее, и единственные два мужчины, от которых она могла забеременеть, были Шанкар, который заплатил королевскую сумму за секс без презерватива, и Прасад, который был так возбужден и так торопился, что вопрос о контрацепции не занимал его в принципе. Адвокат взывал к суду, жестикулировал и даже закричал на нее в какой-то момент, но Ахалья держалась превосходно. Она была невозмутима и уверена в своей правоте, и это подействовало даже на судью. Утомленный и безразличный в начале слушания, к концу он уже посматривал на Сухира и Прасада с нескрываемым неодобрением.

«Удачно, что все случилось именно сегодня», — подумал Томас, обходя очередного рикшу. Они миновали здание аэропорта и свернули на Сахар-роуд к Андхери. Когда они наконец добрались до ашрама, сестра Руфь уже ожидала их.

— Заезжайте! — Она широко распахнула ворота, чтобы они могли оставить машину внутри. Томас и Прийя вышли. — Идемте, — поторопила сестра Руфь. — Уже совсем скоро.

Восходящее солнце раскрасило изумрудную траву золотыми пятнами. Начинался еще один ослепительный, жаркий бомбейский день. Сезон дождей в этом году был короче, чем обычно; он продолжался с конца мая до конца августа, а в сентябре жара и влажность вернулись с удвоенной силой. Было всего семь тридцать утра, но Томас, шагая по тропинке за сестрой Руфью, почувствовал, как его лоб уже покрывается капельками пота.

— Как она? — спросила Прийя.

— Ей пришлось нелегко, но уже почти все, — ответила сестра Руфь.

Они так торопились, что пронесли мимо пруда Ахальи, не обратив на него внимания. Томас краем глаза заметил, что что-то изменилось, и резко остановился.

— Погодите! — воскликнул он.

Сестра Руфь тоже остановилась, и Прийя почти налетела на нее. Монахиня проследила за взглядом Томаса и улыбнулась. На гладкой, поблескивающей поверхности воды покачивался звездообразный цветок лотоса. Его лепестки были того же голубого оттенка, что и небо, и казалось, отражали косые лучи восходящего солнца.

— Его еще не было на прошлой неделе, когда я приезжал, — заметил Томас.

— Он распустился вчера, — сказала сестра Руфь.

— Она видела его? До суда?

— Да, — подтвердила монахиня. — Мы вместе его видели.

Томас покачал головой. Вот почему Ахалья была такой твердой и уверенной. Она сочла, что распустившийся лотос — это знак божественной благодати, и решила, что ее победа предрешена. И, поверив в это, действительно победила.

Они прибыли в больницу как раз в тот момент, когда из родильного отделения донесся крик новорожденного ребенка. Прийя стиснула руку Томаса. Сестра Руфь провела их в маленький кабинет рядом.

— Подождите здесь, — сказала она. — Я вернусь, когда ребенка приготовят и его можно будет вам показать.

Через минуту в дверях показалась знакомая фигура. Зита вскочила в комнату и бросилась Томасу на шею.

— Томас!

За последние шесть месяцев она сильно выросла. Когда Томас увидел ее впервые, она была симпатичной девочкой-подростком, худенькой, с длинными руками и ногами. Теперь же перед ним стояла уже настоящая девушка. Ее фигура округлилась во всех нужных местах, голос стал более звучным, а огромные глаза заблестели совсем по-новому. «Монахиням нужно будет приглядывать за ней, — подумал Томас. — У такой красавицы наверняка будут сотни поклонников». Впрочем, захочет ли Зита вообще выйти замуж — после всего, что ей пришлось пережить?

Он выпустил ее из объятий и отступил на шаг назад.

— Как Ахалья? — спросил он.

Прийя снова нашла его руку.

Зита просияла:

— Она все выдержала. Она сильная, и ребеночек тоже здоровый. Пойдем, вы сами увидите.

Пришла сестра Руфь и проводила их в родильную палату. В просторном помещении стояли несколько кроватей, огромная раковина и тележка с медицинскими инструментами. Ахалья сидела на кровати, опираясь о подушки. Ребенка она прижимала к груди. Две медсестры суетились рядом. Зита подошла к сестре и коснулась ее руки.

Ахалья подняла голову и посмотрела на Томаса и Прийю.

— Спасибо, что пришли, — сказала она.

— Мы бы ни за что не пропустили такое событие, — ответил Томас. — Ты уже решила, как ее назовешь?

Ахалья улыбнулась, и ее усталое лицо как будто осветилось.

— Камалини. Мой маленький лотос.

Он тоже улыбнулся.

— Мы видели твой цветок, когда шли сюда.

— Это новое рождение, — неожиданно серьезно сказала Ахалья. — Начало новой жизни.

Ее тон немного озадачил Томаса. Все эти месяцы Ахалья, казалось, мало думала о своем будущем ребенке. Она относилась к беременности, как к ноше, которую приходится нести, и Томас прекрасно ее понимал. Дитя в ее чреве было живым напоминанием о том, через что ей пришлось пройти. Ахалья начала чуть-чуть меняться по мере того, как крошечный зародыш принимал форму маленькой девочки, но Томас все же не думал, что она сможет когда-нибудь полюбить этого ребенка по-настоящему. Теперь он, кажется, понимал, что произошло. Жизнь поставила Ахалью перед выбором — горечь и обида или любовь, и она выбрала любовь. И маленькая Камалини из семени зла и плода насилия превратилась в нового члена семьи Гхаи.

— Хотите ее поддержать? — предложила Ахалья Прийе.

— А можно? — Голос Прийи чуть дрогнул, но только Томас заметил это. Последний раз

Прийя держала на руках ребенка в ту ночь, когда умерла Мохини.

Одна из медсестер перепеленала девочку и передала ее Прийе. Она нежно прижала малышку к груди, и слезы побежали у нее по щекам. Покачивая на руках дочь Ахальи, Прийя принялась напевать колыбельную, которой научила ее мать. Эту колыбельную она пела и Мохини в день ее рождения.

Кто ты, моя малышка?
Серебряный месяц?
Нежный бутон лотоса?
Сладкий нектар на цветке?
Лунный свет?

Она вздохнула и отдала девочку матери.

— Она настоящая красавица. И очень похожа на тебя.

Ахалья улыбнулась.

— А вы уже придумали, как назовете свою?

— Мы как раз обсуждали это в машине, — вмешался Томас.

Прийя положила руку ему на плечо и посмотрела на сестер.

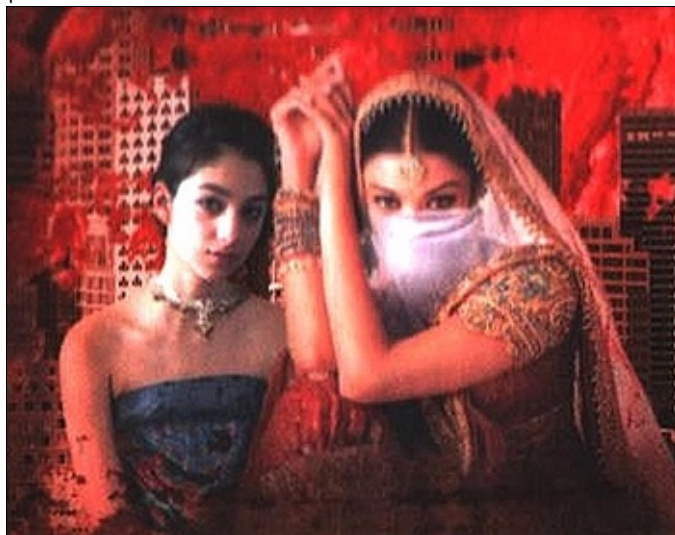
— Кажется, мы придумали. С вашего разрешения, мы бы хотели назвать ее Зита.

Томас задержал дыхание. Конечно. Почему-то он не думал об этом раньше, но более подходящего имени быть не могло.

— Это хорошее имя, — сказала Ахалья. Глаза ее блестели. — Как ты думаешь? — обратилась она к сестре.

Зита засмеялась. Ее смех напоминал звон колокольчиков. Через секунду Томас тоже засмеялся, за ним Прийя и Ахалья, затем к ним присоединились медсестры — хотя никто не понимал, почему именно они смеются.

— Я всегда хотела иметь младшую сестренку, — сказала Зита и взяла Прийю за руку. — Теперь у меня будут целых две.

Примечания

Сальвар камиз, или *шальвар камиз* — распространенная национальная одежда в Индии, костюм, состоящий из свободных брюк и туники или рубашки до колен или длиннее. (Здесь и далее примеч. пер.).

Чуридар, или чуридар камиз — женский костюм, состоящий из туники и узких, собирающихся у щиколоток брюк.

Баба, то есть отец, — уважительное обращение к старшим.

Лунги — кусок разноцветной (часто полосатой или клетчатой) ткани, обматываемый вокруг бедер и носимый мужчинами в Индии и многих других странах Азии.

Курта — свободная рубашка, доходящая до колен, которую носят как мужчины, так и женщины.

Хамса — защитный амулет в форме ладони, которым пользуются и иудеи, и мусульмане. Другое название — «рука бога».

Форт-Брэгг — одна из основных военных баз армии США.

Идли — пирожки круглой и плоской формы из чечевичной или рисовой муки, приготовленные на пару. Как правило, подаются к столу на завтрак.

Каматипура — самый старый в Мумбай и самый крупный в Азии квартал красных фонарей.

CEOC–Child Exploitation and Obscenety Section (англ.).

CASE — Coalition Against Sexual Exploitation (англ.) — Коалиция по борьбе с сексуальной эксплуатацией.

Современное (официально с 1995 г.) название города — Мумбай. Далее по тексту будут встречаться оба названия, так как прежнее — Бомбей — все еще используется жителями города, известными институтами, а также популярно на Западе.

Вешья — танцовщицы и гетеры, индийская каста.

Дхор — кожевники, индийская каста.

Майя — в индуизме и буддизме — философская категория, постулирующая, что мир вещей, феноменов и людей есть лишь иллюзия.

Лакх — число, широко используемое в индийской системе исчисления. Равняется сотне тысяч.

Ашрам — обитель мудрецов и отшельников в Древней Индии. В контексте современного индуизма термин «ашрам» часто используется для обозначения духовной или религиозной общины.

Услуга за услугу (лат.).

Иди (фр.).

Чиллум — приспособление для курения конопли. Представляет собой небольшую прямую трубку, изготовленную из глины или других материалов (стекло, дерево и т. д.).

Корнербек — в американском футболе игрок, атакующий игрока с мячом.

Паан — листья бетеля, которые жуют с кокосовой пудрой, сахаром, камфорой, гулкандом (сладкой пастой), орешками и т. д.

Тикка масала — блюдо из карри и кусков жареной курицы (тикка), которое подается в сочном соусе красного или оранжевого цвета.

Спокойной ночи (*фр.*).

Большое спасибо (фр.).

RER, Réseau Express Régional d'Île-de-France, «Сеть экспрессов региона Иль-де-Франс» — система скоростного общественного транспорта, обслуживающего Париж и пригороды.

Целоваться (фр.).

Здравствуйте, месье (фр.).

Прошу прощения (*фр.*).

Нет, мне очень жаль (*фр.*).

Ресторан закрыт! (фр.).

Могу я вам помочь? (фр.).

Французский! (фр.).

Полиция? Нет. Я не хочу проблем (фр.).

Ди-Си, *англ.* DC — District of Columbia, округ Колумбия.

Изящество, элегантность (*фр.*).

Космополитизм (фр.).

Счастливого пути (фр.).

Великолепно (фр.).

TGV (*фр.* Train à Grande Vitesse — скоростной поезд) — французская сеть скоростных электропоездов.

SWAT, Special Weapons And Tactics (*англ.*) — особое оружие и тактика — элитные полувоенные боевые подразделения американских полицейских департаментов, предназначенные для выполнения опасных операций, аналог российского СОБРа.

Холи — ежегодный популярный индуистский фестиваль весны, иначе называемый Фестиваль красок.

Тилака — священный знак, который последователи индуизма наносят глиной, пеплом, сандаловой пастой или другим веществом на лоб и другие части тела.

Чарас — смолка, собранная со свежих растений конопли индийской.